

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина»

УДК 94(495).02, 94(495).03, 94(495).04

№ госрегистрации 01201001316

Инв. № 6

УТВЕРЖДАЮ

Зам. проректора по науке, д.ф.-м.н., проф.

_____ А. О. Иванов

«__» октября 2012 г.

ОТЧЕТ

О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

В рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры
инновационной России» на 2009–2013 годы по теме:

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПЕРИОДЫ РАСЦВЕТА И УПАДКА:
ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

(итоговый, этап № 6)

Шифр заявки «2010-1.1-301-017-028», ГК № 02.740.11.0578 от «22»марта 2010 г.

НАИМЕНОВАНИЕ ЭТАПА:

«ОБОБЩЕНИЕ И ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Руководитель НИР, д.и.н., проф.

_____ М. А. Поляковская

(подпись)

«__» октября 2012 г.

Екатеринбург 2012

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Руководитель темы, д.и.н.	_____	М. А. Поляковская, д.и.н., проф. (введение, раздел 6.1, заключение)
Исполнители темы:	_____	А. С. Мохов, к.и.н., доц. (разделы 6.1, 6.2, 6.3, 6.5., приложения)
	_____	Т. В. Куш, к.и.н., доц. (введение, разделы 6.1, 6.2, 6.3, 6.4, 6.6, заключение)
	_____	В. П. Степаненко, д.и.н., проф. (раздел 6.5)
	_____	А. И. Романчук, д.и.н., проф. (раздел 6.3)
	_____	Н. Г. Пашкин, к.и.н., доц. (раздел 6.4)
	_____	О. В. Семенов, к.и.н., доц. (раздел 6.5)
	_____	И. С. Охлупина, к.и.н., ассистент (разделы 6.1, 6.3)
	_____	Е. В. Бородина, к.и.н., доц. (раздел 6.3)
	_____	Ю. Е. Комлева, к.и.н., доц. (раздел 6.4)
	_____	П. С. Боровков, к.и.н., ассистент (раздел 6.3)
	_____	Т. Н. Бардашова, аспирант (раздел 6.6)
	_____	С. Ю. Белоруссова, магистрант (раздел 6.4)
	_____	А. М. Кадочникова, лаборант-исследователь НОЦ «Византиноведение» (разделы 6.3, 6.4)
	_____	Д. С. Боровков, аспирант (раздел 6.1)
	_____	С. Ю. Колбин, аспирант (раздел 6.6)
	_____	Я. А. Лазарев, аспирант (раздел 6.5)
	_____	Е. А. Гырдасова, магистрант (раздел 6.5)
	_____	К. Р. Капсалыкова, магистрант (раздел 6.3)

Н. Э. Жигалова, магистрант (раздел 6.1).

А. А. Васев, магистрант (раздел 6.4)

Нормоконтролер

_____ Т. В. Куш, к.и.н., доц.

РЕФЕРАТ

Отчет 370 с., 694 источника, 2 приложения.

Ключевые слова: Византийская империя, политическое измерение, социокультурное измерение, структуры власти, административное устройство, армия, бюрократия, политическая идеология, церемониал, интеллектуальная жизнь, тренды культурного развития.

Основными объектами исследования на шестом этапе НИР являлись: Византийская империя в периоды расцвета (эпоха Македонской династии, середина IX – первая половина XI в.), Византийская империя в период кризиса (эпоха Палеологов, XIV – первая половина XV в.).

Целью заключительного этапа реализации проекта являлось обобщение полученных в ходе проведения исследований результатов НИР и определение перспективных направлений для дальнейшей разработки проблем, связанных с изучением византийской цивилизации.

В процессе работы были завершены исследования по запланированным направлениям НИР.

На шестом этапе НИР были *реализованы следующие задачи:*

1. Обобщение результатов комплексного исследования «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение».
2. Обобщение результатов исследований в публикациях статей. Подготовка диссертаций по тематике проекта и предоставление их для обсуждения.
3. Подготовка макетов статей для сборника материалов XIV Международных научных Сюзюмовских чтений.
4. Обобщение итогов исследования по темам: «Образ Византии в восприятии Запада» и «Проблема «византийского наследства» в политике и идеологии Священной Римской империи германской нации XV–XVII вв.».
5. Обобщение итогов исследований по проблеме организации системы провинциального управления в отдаленных пограничных регионах империи.

6. Разработка программы внедрения результатов НИР в образовательный процесс.

Новизна приемов, использованных в работе на данном этапе, заключается в применении междисциплинарного подхода при проведении исследований отдельных аспектов общей темы, что давало основание для комплексного привлечения разнохарактерных ис-

точников, в использовании компаративных методик, позволяющих включать проблему в более широких историографический контекст, а также актуализации малоизученных проблем отечественного и мирового византиноведения. Новизна приемов заключается и в самой постановке проблемы, которая носит оригинальный характер и не имеет аналогов в зарубежных исследованиях, что позволяет осуществлять разработку данной проблематики на мировом уровне.

Особенностью проведения исследования на шестом этапе стало обобщение достигнутых результатов и их концептуальное осмысление, выявление проблемных лакун для дальнейшей разработки различных аспектов византийской истории, а также анализ полученных выводов с точки зрения состояния отечественной и зарубежной историографии по решаемым вопросам. На данном этапе работы осуществлялось комплексное привлечение разнохарактерных источников (письменные и художественно-изобразительные источники, сфрагистический материал и археологические находки), что требовало учета специфики источникового материала. Систематизация, классификация и обобщение данных при разработке отдельных тем проводились на основе применения современных подходов и методов исторического исследования (сравнительно-исторический, просопографический, эвристический, методы ретроспективного и перспективного анализа и др.).

Результатами работ на шестом этапе явились исследование проблемы военных и административных реформ в Византийской империи периода правления Македонской династии, IX–XI вв.; характеристика особенностей формирования византийской армии и функционирования провинциальной администрации в середине X–XI вв.; разработка проблемы взаимодействия византийских интеллектуалов, власти и общества в условиях упадка империи в XIV–XV вв.; анализ динамики и значения культурного взаимодействия Византии, Запада и Руси.

Результаты шестого этапа НИР получили освещение в 7 научных публикациях, в том числе 3 статьи опубликованы в рецензируемых российских изданиях. Также результаты исследований нашли отражение в 5 докладах, представленных отдельными участниками НИР на 3 международных научных конференциях.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	11
6.1. Обобщение результатов комплексного исследования «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение»	14
6.2. Обобщение результатов исследований в публикациях статей. Подготовка диссертаций по тематике проекта и предоставление их для обсуждения	200
6.3. Подготовка макетов статей для сборника материалов XIV Международных научных Сюзюмовских чтений	215
6.4. Обобщение итогов исследования по темам: «Образ Византии в восприятии Запада» и «Проблема «византийского наследства» в политике и идеологии Священной Римской империи германской нации XV–XVII вв.»	258
6.5. Обобщение итогов исследований по проблеме организации системы провинциального управления в отдаленных пограничных регионах империи	284
6.6. Разработка программы внедрения результатов НИР в образовательный процесс	313
Заключение	328
Список использованных источников	330
Приложения	369
Приложение А. Список опубликованных материалов исследований в рамках НИР	369
Приложение Б. Список конференций, на которых представлены результаты НИР	370

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящем отчете о НИР применяются следующие термины с соответствующими определениями:

Македонская династия – династия, правившая в Византии с 867 г. до 1056 г. Основателем династии был император Василий I Македонянин. Время правления этой династии считается эпохой стабилизации империи, выразившейся в укреплении основ императорской власти, создании стройной административной системы, упорядочении системы центрального и местного управления, экономическом подъеме и культурном расцвете («Македонский ренессанс»).

Династия Палеологов – династия, занимавшая византийский престол с 1261 г. по 1453 г., т. е. с момента восстановления империи после латинского завоевания до захвата Константинополя турками. Во время правления этой династии империя переживала глубокий кризис, затронувший все сферы общественного развития.

Политическое измерение – определение характера политических процессов и состояния политических структур, а также выявление динамики протекающих в политической жизни изменений в заданных темпоральных и пространственных рамках.

Социокультурное измерение – анализ общественных, религиозных и культурных процессов, зафиксированных в определенные временные отрезки, и определение тенденций их дальнейшего развития.

Континуитет – непрерывность развития политических, социальных и правовых институтов, преемственность в духовной и культурной сфере.

Источники исторические – комплекс письменных текстов и предметов материальной культуры, содержащий определенную информацию о прошлом. Исторические источники делятся на типы (основные: письменные, вещественные, этнографические). Их специальным изучением занимается вспомогательная историческая дисциплина источниковедение.

Историография – а) совокупность исследований в области истории, посвященных определенной теме или исторической эпохе; б) совокупность исторических работ, объединенных по языковому, временному, территориальному или идеологическому принципу (например, русская дореволюционная историография по истории Византии). Историография также является вспомогательной исторической дисциплиной, изучающей историю исторической науки.

Политическая идеология – определенная целостная доктрина, оправдывающая притязания той или иной группы лиц на власть и добивающаяся в соответствии с этой целью подчинения общественного мнения собственным идеям. Политическая идеология как важнейший элемент политической системы определяет характер властных структур, идейные установки и нормы морали в обществе, а также отражает на идейно-политическом уровне интересы определенных классов и социальных групп, являясь разновидностью корпоративного сознания.

Политическая культура – система исторически сложившихся устойчивых ценностей, установок, убеждений, представлений, моделей поведения, проявляющихся в непосредственности субъектов политического процесса и обеспечивающих воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности. Политическая культура включает исторический опыт, память о социальных и политических событиях, политические ценности, ориентации и навыки, непосредственно влияющие на политическое поведение.

Социальные структуры – совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом классов, социальных слоев и групп, между которыми существует устойчивая связь. Основными элементами социальной структуры общества являются индивиды, занимающие определенные позиции (статус) и выполняющие определенные социальные функции (роли), объединение которых происходит на основе их статусных признаков в группы: социально-территориальные, этнические и иные общности и т.д. Каждый из элементов социальной структуры, в свою очередь, является сложной социальной системой со своими подсистемами и связями.

Макроструктуры административные и общественные – крупные административные единицы системы государственного управления или большие социальные группы (сословие, корпорация), имеющие сложную внутреннюю структуру.

Военная политика – составная часть общей политики государства, непосредственно связанная с созданием военной организации, подготовкой и применением средств вооруженного насилия для достижения политических целей.

Реформа военная – существенное преобразование военной системы государства. Необходимость военных реформ может быть обусловлена новыми политическими задачами государства, появлением новых видов вооружения и военной техники, экономическими соображениями (приведение военной системы в соответствие с реальными экономическими возможностями страны). Военные реформы проводятся государственными структурами управления и закрепляются в законодательстве и военных уставах.

Организация вооруженных сил – структура воинских формирований, обеспечивающая их наиболее выгодный состав, наиболее целесообразное сочетание родов войск и

видов оружия, высокую боевую готовность и способность успешного ведения военных действий. Организация войск должна соответствовать характеру предстоящих военных действий и задачам, возлагаемым на вооруженные силы. При организации войск являются принципиально важными обеспечение максимальной самостоятельности частей при выполнении боевых задач, эффективное использование войсками имеющегося в наличии вооружения и военной техники.

Комплектование вооруженных сил – принятая в государстве система обеспечения потребности войск в личном составе, а в более широком смысле также в оружии, военной технике и материальных средствах. Задачи комплектования: в мирное время – пополнение войск личным составом и ресурсами, накопление военно-обученного резерва; в военное время – восполнение потерь и формирование новых воинских формирований. Варианты комплектования – добровольное, наемное, милиционное (различные формы ополчения), рекрутская повинность, военная обязанность.

Регулярная армия – постоянная армия, имеющая установленную организацию, типовое вооружение, способ комплектования, порядок прохождения службы, а также централизованную систему управления и снабжения.

Восток и Запад – принятое в Византии X–XI вв. разделение империи. Под термином «Восток» в исторических источниках данного времени подразумевались территории, расположенные к востоку от Константинополя («по ту сторону» пролива Босфор): Малая Азия, Каппадокия, Северная Сирия, Месопотамия, Закавказье. Термином «Запад» обозначались районы «по сию сторону» Босфора: Балканский полуостров и Южная Италия. Кроме того, западными считались византийские владения в Таврике, островах Эгейского моря и Крит.

Фема – военно-административный округ (провинция) в Византии VIII–XII вв. Правителем фемы являлся стратиг, совмещавший военные и гражданские функции.

Дукат (катепанат) – крупный военно-административный округ в Византийской империи второй половины X – XI в., который включал в себя территории нескольких фем. Правители этих округов, дуки или катепаны, являлись высшими должностными лицами в системе провинциального управления Византии, и подчинялись только императору.

Логофесия – термин, обозначавший орган (ведомство) в центральном государственном управлении Византии VII–XII вв., построенном по отраслевому принципу; каждая логофесия ведала определенной сферой управления (налоговой, судебной, финансовой, таможенной и пр.).

Поствизантийская история – период после захвата Константинополя турками-османами (май 1453 г.). Гибель Византии стала отправной точкой многих разнонаправ-

ленных процессов в политической, социальной, духовной и интеллектуальной жизни стран Европы и Восточного Средиземноморья. Наиболее важными из них являются трансляция, интерпретация или консервация византийских политико-культурных традиций.

Translatio imperii («переход империи») – позднеантичная и средневековая европейская концепция об идейном и материальном переносе христианского «мирового центра» из одной державы в другую. Примером может служить доктрина «Москва – Третий Рим» (XVI в.).

Церемониал – система сложившихся и ставших традиционными ритуалов презентации власти, официально установленный распорядок, предполагающий строгое соблюдение определенных формальностей. Церемониал как форма презентации власти многофункционален и имеет идейное, политическое, социальное, этическое и эстетическое назначение.

ВВЕДЕНИЕ

Византия занимала особое место в средневековом европейском мире. В силу этого можно говорить о византийской цивилизации внутри европейской средневековой цивилизации. Ей присущи те же структурообразующие элементы, что и европейской цивилизации - христианство как цивилизационный стержень и феодальные отношения как основа социальных отношений. Но, в отличие от Запада, Византия не знала насильственной ломки всех сфер общественной жизни, поэтому ее развитие шло на основе континуитета (преемственности) политических, экономических и социальных структур. Истоками византийской цивилизации были римская правовая и государственная культура, греческая книжность и христианство. Основой политической структуры была императорская власть. Василевс был олицетворением идеи божественной власти, к чему Западная Европа приходит лишь к периоду абсолютной монархии. Наличие изначально сильного централизованного государства со сложившимся правом, бюрократией, армией создавало в Византии не знать земельную, но знать бюрократическую. Это определяло и специфику политического развития, и характер социальных отношений, а также задавало вектор социокультурных процессов.

Византия долгое время служила для остальной Европы примером цивилизованности и образцом сильного централизованного государства. Многие страны и народы попадали под обаяние византийской модели, дав при этом свои ответы на тот вызов, который посылала соседним народам прямая наследница Римской империи. Будучи лидером в европейском мире вплоть до начала XI в., Византия была включена в общеевропейские процессы, при этом сохраняя те типологические особенности, которые позволяют говорить об особой византийской цивилизации. Уникальность византийской государственности, специфика социальных и политических институтов, богатство культурного наследия, своеобразие ментальных представлений и особый тип личности, который А. П. Каждан определил как *homo byzantinus* [396; 161, С. 187-196] определили особую историческую роль, которую сыграла византийская цивилизация во всемирной истории. Византия, которая выступила также в роли хранителя и транслятора античного наследия, оказала колоссальное влияние на формировавшийся в Средневековье социокультурный, политический и правовой ландшафт современной Европы.

Концептуальную основу научно-исследовательской работы составляла идея континуитетных основ генезиса византийской цивилизации, впитавшей фундаментальные ценности греко-римского мира, в отличие от средневековой европейской цивилизации, в зна-

чительной степени, выросшей из варварского мира. Впоследствии, в период начавшейся гуманизации средневековой культуры, Византия передала Западной Европе не архивную или археологическую, а «живую античность». Эта идея, положенная в основу научных изысканий основателя уральской школы византиноведения проф. М. Я. Сюзюмова и его учеников, определяет характер подхода к решению поставленных в проекте проблем: при анализе отдельных феноменов и явлений византийской истории исходить из изучения их генетических корней и преемственности базовых компонентов [229, С. 34-63; 102, Р. 429-478]. С другой стороны, византийская цивилизация не была статичным образованием, и на разных этапах ее истории происходили значительные перемены в социальных и политических структурах, духовной и экономической жизни при сохранении внешней незыблемости основополагающих цивилизационных ценностей. Таким образом, центральную точку проекта составляла проблема преемственности и новаций в контексте византийской истории.

В данной научно-исследовательской работе основное внимание было обращено на изучение ключевых периодов византийской истории, а именно: времени наивысшего расцвета Византии в период правления Македонской династии (вторая половина IX – первая половина XI в) и период кризиса и упадка империи в эпоху Палеологов (XIV – середина XV в.). В эти наиболее значимые, судьбоносные, для «империи ромеев» периоды истории наиболее ярко проявилась сущность византийского государства, особенности общественного развития, византийский социокультурный феномен.

Целью заключительного этапа реализации проекта являлось обобщение полученных в ходе проведения исследований результатов НИР и определение перспективных направлений для дальнейшей разработки проблем, связанных с изучением византийской цивилизации.

Задачами шестого этапа НИР являлись:

Обобщение результатов комплексного исследования «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение».

Обобщение результатов исследований в публикациях статей. Подготовка диссертаций по тематике проекта и предоставление их для обсуждения.

Подготовка макетов статей для сборника материалов XIV Международных научных Сюзюмовских чтений.

Обобщение итогов исследования по темам: «Образ Византии в восприятии Запада» и «Проблема «византийского наследства» в политике и идеологии Священной Римской империи германской нации XV–XVII вв.».

Обобщение итогов исследований по проблеме организации системы провинциального управления в отдаленных пограничных регионах империи.

Разработка программы внедрения результатов НИР в образовательный процесс.

В соответствии с целью и задачами заключительного этапа НИР определена структура отчета.

6.1. Обобщение результатов комплексного исследования «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение»

6.1.1. Обобщение результатов исследования по теме «Византийская империя в периоды расцвета (на примере эпохи Македонской династии, середина IX – первая половина XI в.)»

В историографии вторую половину IX – первую четверть XI в. традиционно оценивают как время наивысшего расцвета Византии, которого она никогда уже не знала в своей дальнейшей истории. Это был период экономического роста, оживления ремесла и торговли, подъема городов, что благотворно сказалось на международном положении империи. Наивысший расцвет Нового Рима следует отнести ко времени правления императора Василия II (976–1025), когда территория Византии достигла 1100-1300 тыс. км², а население 20-24 млн. человек [1, С. 160-162]. За несколько десятилетий были завоеваны и присоединены обширные области в Малой Азии, Закавказье, Месопотамии и Северной Сирии, а в 1018 г., после длительной и кровопролитной войны, Византия установила свое господство над Болгарией и другими славянскими государствами Балканского полуострова. К 1025 г., по своему экономическому и военному потенциалу, Византия являлась самым могущественным государством Средиземноморья и Передней Азии.

Стремительное возвышение Византии во второй половине X – первой четверти XI в. было подготовлено императорами Македонской династии – Василием I, Львом VI, и, в особенности, Константином VII Багрянородным. Проводя последовательную внутреннюю и внешнюю политику, они сумели сформировать достаточно эффективную систему гражданского управления, начали реформировать вооруженные силы, поставили под государственный контроль церковные структуры. Основным итогом деятельности императоров Македонской династии стало формирование в Византии к середине X в. автократической монархии.

В ходе выполнения работ по теме «Византийская империя в периоды расцвета (на примере эпохи Македонской династии, середина IX – первая половина XI в.)» были разработаны теоретические подходы и методы анализа источникового материала, сформулирована концепция комплексного изучения данной исторической эпохи. Основными направлениями исследования являлись:

А) Изучение военно-административной системы Византийской империи в период наивысшего расцвета (середина X – начало XI в.);

Б) Исследование проблемы военных и административных реформ и организации системы провинциального управления;

В) Изучение процессов, происходивших в органах гражданского управления Византии в IX–XI вв.; исследование особенностей функционирования и попыток реформирования столичных и провинциальных бюрократических структур;

Г) Анализ особенностей политической борьбы в Византии X–XI столетий; рассмотрение основных причин и социально-политических механизмов, которые привели к кризису в Византийской империи во второй половине XI в.

На шестом этапе НИР полученные результаты по данным направлениям исследований были обобщены.

Несомненным преимуществом для изучения истории Византии в период правления Македонской династии является весьма обширная источниковая база. В первую очередь, это византийские исторические сочинения второй половины IX – XII в. [2, гл. 4-6]: «Хроника Продолжателя Феофана» [3; 4], «История» Льва Диакона [5; 6], «История Михаила Атталиата» [7], «Хронография» Михаила Пселла [8; 9], «Советы и рассказы» Кекавмена [10], «Синописис историй» Иоанна Скилицы [11], «Хроника Продолжателя Скилицы» [12], «Исторические записки» Никифора Вриенния [13; 14], «Алексиада» Анны Комниной [15; 16] и «История» Иоанна Зонары [17]. Отдельно следует также упомянуть сочинения, авторство которых приписывается Константину VII Багрянородному [18, С. 6-38]: «Об управлении империей» [19; 20] и «О фемах» [21]. Кроме того, в ближайшем окружении этого императора была создана «Книга церемоний византийского императорского двора» [22].

Вторую группу образуют иностранные исторические хроники. Это сочинения армянских авторов Степаноса Таронаци [23], Аристакэса Ластивертци [24] и Маттэоса Урхаеци (Матфея Эдесского) [25]. Из сирийских источников следует упомянуть хроники Яхьи Антиохийского [26] и Михаила Сирийца [27]. Число западноевропейских (латинских) текстов также весьма велико. Наибольший интерес для изучения политической и социальной истории Византии X–XI вв. представляют: сочинения Лиутпранда Кремонского [28; 29], «Гесты» Роберта Гюискара [30] и «Хроника» Лупа Протоспафария [31].

Третья группа состоит из документальных источников. Их, в свою очередь, необходимо разделить на тексты, происходящие из императорской канцелярии или других органов государственной власти и документы церковного происхождения. К официальным государственным документам следует отнести: императорские хрисовулы и другие законодательные акты [32; 33], императорские регесты (ропись в хронологическом порядке документов с указанием времени, места происхождения и краткого содержания) [34; 35], импе-

раторские Тактики [36]. К церковным актам относятся регесты патриархов [37], типики монастырей [38], списки епархий [39; 40]. Кроме того, опубликованы многие документы из монастырских архивов: Афона [41], Хиоса [42], Вазелона [43] и др.

Особые группы источников составляют агиографические сочинения [44; 45; 46] и военные трактаты и наставления X – начала XI в.: «Тактика» императора Льва VI [47], «Стратегика императора Никифора» [48], «De velitatione bellica» [49], «De castrametatione» [50], «Тактика Никифора Урана» [51]. Исследование социальной, политической и церковной истории Византии невозможно без привлечения эпистолографических источников. От IX–XI вв. сохранилось значительное количество писем. В том числе, это корреспонденция таких известных деятелей эпохи Македонской династии как Михаил Пселл [52], Никифор Уран [53], епископ Синады Лев [54] и др.

Наиболее массовой группой византийских источников IX–XI вв. являются свинцовые печати (моливдовулы). Они использовались для опечатывания официальной и частной корреспонденции. На настоящее время известно более 100000 печатей, причем половина из них относятся к X–XII вв. Уникальность печатей как исторического источника состоит в том, что в легендах моливдовулов содержится абсолютно достоверная информация. Чиновник, военный или священнослужитель, отправляя кому-либо письмо, скреплял его печатью, на которой были помещены его преном и патроним, титул, должность и место службы [55, Р. 150-156]. В последние десятилетия в научный оборот были введены тысячи новых моливдовулов из крупных музейных собраний и частных коллекций [56].

А) Изучение военно-административной системы Византийской империи в период наивысшего расцвета (середина X – начало XI в.).

В исследовательской литературе, посвященной военной и административной истории Византии, VIII – первая половина X в. обозначается обычно как период «фемного строя». В это время вооруженные силы империи состояли из двух основных частей – фемных ополчений и «столичного войска». Между ними существовали серьезные различия в организации и комплектовании. Поэтому, представляется возможным, рассмотреть каждую по отдельности.

В VIII–IX вв. большая часть византийской армии состояла из иррегулярных ополчений провинций (фем). Обязанность военной службы была возложена на стратиотов, многочисленную группу свободного земледельческого населения. Из них формировались провинциальные военные отряды (фемы). Для того чтобы быть причисленным к сословию стратиотов, необходимо было владеть земельным участком или иным имуществом определенной стоимости. Стратиотские наделы, как и сами их владельцы, регистрировались спе-

циальными чиновниками и заносились в стратиотские каталоги, которые велись в каждой феме и государстве в целом.

Наделы стратиотов не были освобождены от обязательного налогообложения, как и прочие земельные владения в Византии. Однако, по сравнению с другими категориями крестьянства, стратиоты имели ряд льгот и привилегий. В мирное время стратиоты занимались ведением собственного хозяйства. Во время войны они обязаны были по приказу фемного стратига явиться в указанное для сбора войск место. Все вооружение, амуницию, лошадей стратиоты приобретали за свой счет. По окончании военных действий фемные контингенты распускались и стратиоты возвращались к своему хозяйству [57, С. 18-31; 58, Р. 48-70; 59, 5-24; 60, Р. 41-81].

Фема, выступившая в поход, представляла собой тактическую единицу, способную самостоятельно вести боевые действия. Однако, чаще всего, несколько фем объединялись и составляли внушительную силу. Одна фема в VIII–IX вв. насчитывала до 4000 воинов, а всего византийские провинции могли выставить войско в 120000 человек [1, С. 140; 61, Р. 91-92].

Помимо воинской единицы, термином «фема» в VIII–IX вв. обозначался также военно-административный территориальный округ. Вся Византия была разделена на такие округа, во главе которых стояли стратиги. Следовательно, стратиг одновременно являлся командиром фемы (военного отряда) и гражданским правителем фемы (административного округа). Он назначался непосредственно императором, подчинялся только ему или специально уполномоченному должностному лицу. Как глава гражданской администрации, стратиг ведал судебными, финансовыми, налоговыми делами провинции, отвечал за порядок на вверенной ему территории [59, Р. 35-38; 62, С. 160-161; 63, Р. 43-47].

Фема делилась на более мелкие административные единицы – турмы. Их могло быть от двух до четырех, в зависимости от величины провинции и численности ее населения. Как правило, одна из турм располагалась в административном центре фемы, а остальные – в наиболее крупных городах или крепостях. Турма, в свою очередь, делилась на банды, мелкие территориальные округа (до пяти в каждой турме). Турмой командовал турмарх, бандой – друнгарий. В случае получения приказа о сборе фемного ополчения, друнгарий со стратиотами своей банды являлся к турмарху, который вел ополчение турмы в ставку стратига. Подобная система позволяла быстро мобилизовать военный потенциал фемы и сосредоточить его в одном месте.

Собравшись в единое целое, стратиотское ополчение фемы вновь разделялось, но уже не по территориальному принципу, а по родам войск. Отдельно формировались отряды кавалерии, тяжелой пехоты, пеших стрелков, обозная команда. Каждый такой отряд,

составленный из одинаково вооруженных воинов, назывался мера, командовал им мерарх. Мера делилась на миры, а те на более мелкие подразделения (сотни, полусотни, десятки). Постоянных командиров, в обязанности которых входило бы руководство мерами или мирами, в феме не было. Поэтому, на время похода командование мерами поручалось турмархам, а мирами – друнгариям (комиты, друнгарокомиты). Небольшие отряды, входившие в состав мир, возглавляли кентархи, декархи, пентархи [59, С. 21-23]. После окончания военных действий все командиры, за исключением стратига, лишались полномочий. Турмархи возвращались к исполнению своих обязанностей, а все остальные, как и рядовые стратиоты, к собственному хозяйству [57, С. 104-105].

По данным источников IX–X вв., число командиров (архонтов) достигало в феме одной трети личного состава. Архонты делились на «высших» (стратиг, турмархи-мерархи), «средних» (друнгарий-комит, кентарх) и «низших» (декарх, пентарх). Большая часть командиров фемных ополчений занимала свои посты временно, лишь на период военных экспедиций. На постоянной основе служили лишь «высшие» архонты, стратиги и турмархи (офицерский состав фемных контингентов) [57, С. 105; 58, Р. 134-136].

Таким образом, в VIII – первой половине IX в. византийская фема представляла собой хорошо организованный военный отряд, укомплектованный значительным числом архонтов и рядовых стратиотов. Территориальная структура фемы позволяла в короткий срок мобилизовать ее военные ресурсы и приступить к выполнению боевой задачи. В данный период подобная военная и административная структура была распространена на всю территорию государства, в том числе и на регионы, в которых стратиоты служили не в сухопутной армии, а в военном флоте [64, Р. 31-34]. Исключение составляли пограничные провинции, где система военной организации была сложнее. Из-за постоянной угрозы вражеского нападения и необходимости наблюдать за противником, в пограничных фемах формировались воинские формирования, несущие службу на постоянной основе. Эти подразделения комплектовались, как правило, из добровольцев, а их содержание лежало на государственной казне. Регулярные отряды концентрировались в стратегически важных крепостях, защищавших мосты, перекрестки дорог, горные перевалы (клисурь). Командовали ими клисурархи или дуки, которые принадлежали к группе «высших» фемных архонтов [65, С. 74-85; 59, Р. 53-54, 81-82]. Они, вместе со своими воинами, находились в подчинении у стратига, но в поход вместе с контингентами фемы не выступали, продолжая оборонять вверенный им участок границы. Регулярные части были немногочисленны, заметной роли в фемном войске не играли и представляли собой лишь передовой пост, в задачу которого входила защита клисуры до подхода основных сил фемы.

Со второй половины IX в. стройная система организации фемных войск начинает постепенно приходить в упадок. Расслоение в стратиотской среде, обнищание части рядовых воинов, уклонение многих архонтов от воинской повинности приводят к снижению боеспособности фемных контингентов. В них начинают преобладать пехотные подразделения, так как у стратиотов не хватало средств на покупку боевого коня и вооружения кавалериста. В ответ, государство предпринимает ряд мероприятий, которые несколько замедлили упадок провинциальных ополчений. Однако полностью остановить этот процесс административными мерами не удалось. Обнищание стратиотов не прекращалось, и уже к началу X в. стратиотское сословие утратило однородность, разделившись на две, неравные по численности, части: стратиотскую верхушку («средние» и «низшие» архонты) и разоряющуюся массу рядовых воинов [66, С. 154-158].

Расслоение стратиотского сословия было лишь одним из проявлений общего для Византии процесса расслоения свободной земледельческой общины и формирования слоя провинциальной знати, что уже неоднократно становилось предметом исследования византинистов. Многие авторы обращали внимание на ведущую роль, которую сыграла в этом процессе верхушка фемных ополчений [67, С. 11-17; 68, С. 25-26; 69, Р. 3-7]. По мнению В.В. Кучмы, архонты «... проявляют тенденцию монополизировать военную службу и с этой целью либо свести рядовую массу до положения исключительно вспомогательного, подсобного контингента, не имеющего никакого самостоятельного значения, либо вообще вытеснить ее за рамки стратиотского сословия, лишить ее функции «защитницы отечества», изъять у нее права и привилегии, сопряженные с этим званием, слить с массой трудящегося бесправного населения» [70, С. 95]. Соглашаясь, в целом, с данной точкой зрения, нам хотелось бы обратить внимание на то, что и в самой стратиотской верхушке происходит определенное расслоение. Из многочисленного слоя провинциальной знати постепенно выделяется несколько наиболее влиятельных семейств (Фоки, Дуки, Склиры, Куркуасы, Аргиры), которые монополизируют высшие военные должности не только в фемных контингентах, но и во всех вооруженных силах страны. С начала X в., используя свое влияние в армии и провинциях, они начинают высказывать притязания на императорский престол.

В Константинополе или в стационарных военных лагерях по обоим берегам Босфора размещались элитные подразделения византийских вооруженных сил. Они представляли собой совокупность различных воинских формирований, отличных друг от друга как по способам организации и комплектования, так и по поставленным перед ними задачам. Наиболее известными среди них являются «четыре царских отряда» – регулярные кавалерийские тагмы схол, эскувитов, арифмов и иканатов. Организационная структура этих соединений начала складываться уже в поздней античности, и первоначально они являлись

не боевыми подразделениями, а парадным эскортом императора. Помимо участия в торжественных мероприятиях, на них была возложена охрана самодержца, его семьи и дворца. В состав полевой армии они вошли только в VIII в. [62, С. 101 сл.; 59, Р. 25-31; 60, Р. 426 sq.; 71, Р. 119-128, 142-164].

Как боевое подразделение тагма схол Константинополя упоминается в источниках с 765 г. По времени создания она являлась самой ранней из других константинопольских тагм, и все они были организованы по ее подобию.

Организационная структура тагмы схол была гораздо проще, чем у фем. Она делилась на две равных части, одной из них командовал топотирит схол, а другой – хартуларий схол. Топотирит являлся заместителем командира тагмы, доместика схол, и выполнял исключительно военные функции. Хартуларий, также постоянный командир, помимо руководства своей частью тагмы, отвечал за ее снабжение. Более мелкими подразделениями, бандами, командовали комиты схол. О младших офицерах тагмы схол, как и об офицерах штаба доместика, источники практически не упоминают. Общая численность солдат и офицеров тагмы в разные периоды колебалась от 4000 до 1500 человек [63, Р. 49-55; 72, S. 83-84, 86-87, 91-92].

Тагма эскувитов известна с 767 г. Многие исследователи считают, что она была создана по образцу корпуса эскувиторов императора Льва I (457–474) и некоторое время являлась подразделением, несшим охрану дворца. В конце VIII в. эскувиты были выведены из столицы и никогда больше в ней не размещались, располагаясь в Малой Азии. По своим боевым качествам тагма эскувитов превосходила все остальные регулярные формирования. Она состояла из 18 банд тяжелой кавалерии, которые были разделены на две равные части. Бандой командовал не комит, а протомандатор, но существенных различий в их функциях не наблюдается. Особенностью эскувитов было то, что в этом подразделении служили легатарии – младшие офицеры, которые, вместе со своими подчиненными, иногда передавались во временное распоряжение других военных соединений или гражданских ведомств. Командовал тагмой доместик эскувитов [59, Р. 29-30; 72, S. 93-95, 101].

Третья кавалерийская тагма Константинополя, арифмы, упоминается с 791 г., хотя термин «арифм», как обозначение конного воина, встречается в источниках гораздо раньше. В военных походах арифмы участвовали крайне редко, а со второй половины IX в. вообще перестали быть боевым подразделением. В этот период тагма перешла под контроль гражданской администрации, ее главой становится друнгарий вила [73, Р. 341-342; 36, Р. 331; 74, С. 150]. Арифмы следили за порядком в центральном районе Константинополя, во время торжеств на ипподроме, охраняли императорский трибунал в Манганах. Тагма была разделена на множество небольших отрядов, хотя ее формальное деление на две части

(топотирита арифмов и хартулария арифмов) сохраняется. Помимо этих архонтов, известны офицеры более низкого ранга: комит, протомандатор, кентарх, курсор. По всей видимости, с X в. в тагме арифмов могли служить и иностранцы, которыми командовал аколуж [63, Р. 60-62; 36, Р. 331].

Тагма иканатов была создана императором Никифором I (802–811) как отряд охраны его сына Ставракия. Однако в 811 г. она была полностью уничтожена болгарами хана Крума [72, S. 116, 119]. Впоследствии отряд сформировали заново, но в источниках он упоминается редко. Иканаты размещались вне столицы, во Фракии, их организационная структура совпадает с тагмой схол. Командовал тагмой domestik иканатов [63, Р. 64].

В число «гвардейских императорских отрядов» входила также пехотная тагма нумера. Она являлась основной частью гарнизона византийской столицы и существовала уже в середине VIII в. В задачу нумера входила охрана городских ворот, башен и тюрем. Нумер никогда не покидал пределов столицы, даже если император лично возглавлял военную экспедицию. Тагмой командовал domestik нумера, но в мирное время часть своих солдат он передавал в распоряжение епарха Константинополя. Из подчиненных domestik офицеров известен только комит стен [75, Р. 17-25].

К числу наиболее боеспособных подразделений византийской армии относилась императорская этерия. Она была организована при Льве V (813–820) и состояла из нескольких отрядов, каждый из которых также назывался этерия. К середине X в. существовало три таких отряда: великая этерия (из македонцев), средняя этерия (иностранцы наемники) и малая (тюрки и арабы-христиане). Главной задачей этерий была охрана дворца и императорской особы, хотя великая этерия иногда принимала участие в военных экспедициях [59, Р. 27; 36, Р. 327-328]. Во главе этого подразделения стоял великий этериарх, рядовой воин этерии назывался манглавитом [76, Р. 101-107; 77, Vol. I, Р. 305-309].

В состав «столичного войска» входили также элитные кавалерийские подразделения фем Оптиматов и Вукеллариев (известны с VI–VII вв.) [63, Р. 66-67; 78, Р. 287-290] и тагма сатрапов (сформирована в VIII в.) [79, С. 69; 36, Р. 333]. Эти соединения были регулярными, их организационная структура мало отличалась от тагмы схол. В походах они участвовали редко и только тогда, когда армию возглавлял император. К элитным подразделениям относились также этнические формирования, составленные из представителей племенных групп, по различным причинам эмигрировавшие в Византию. Подчинялись они непосредственно императору. Они компактно проживали на территории какой-либо фемы, но от ее стратига не зависели. Наиболее часто в источниках упоминаются отряды мардаитов и вардариотов. Мардаиты – племя ливанских горцев-христиан. В конце VII в. они были вынуждены под натиском арабов переселиться в Малую Азию. Император Юс-

тиниан II (685–695, 705–711) расселил их в феме Кивирреотов (средиземноморское побережье Малой Азии, близ Атталии). Командовал ими катепан, численность военного отряда мардаитов достигала 5000 человек [80, Р. 130-136; 20, С. 228-230]. Вардариоты являлись племенной группой тюркского происхождения, в правление императора Феофила (829–842) они поселились на р. Вардар, юго-восточнее Скопле [81, С. 140; 62, С. 432].

В Константинополе базировалась основная часть византийского военного флота, а по берегам Босфора и Мраморного моря находились главные базы снабжения, ремонта и строительства боевых кораблей. После исследований Е. Арвейлер и Е. Антониадис-Бибику, посвященных военно-морским силам Византии, нет необходимости специально останавливаться на их организационной структуре [64; 82; 83]. Упомянем лишь, что флот империи делился на столичный (императорский) и фемный. Столичной эскадрой командовал друнгарий флота, а фемными флотилиями – стратеги морских фем [64, Р. 69-71, 73-76; 77, Р. 535 *suiv.*]. В подчинении друнгария флота находились топотириты, хартуларий и несколько комитов, каждый из которых при необходимости мог возглавить группу кораблей, выполнявших отдельную боевую задачу. Одним кораблем командовал наварх, а размещенным на нем военным отрядом – кентарх. Императорская эскадра, в отличие от фемных, комплектовалась на регулярной основе.

Со второй половины IX в. в Византии начинают проявляться тенденции к милитаризации ряда гражданских ведомств. В подчинении у логофета стратиотиков, логофета стад, препозита вестиаритов появляются, сначала временные, а позже постоянные вооруженные отряды [84, Р. 25-26, 30-32, 71-75; 36, Р. 316, 340]. Офицерский и рядовой состав для них заимствовался из столичных тагм или подразделений этерии. Преимущественно, эти отряды занимались охраной или конвоированием, сохраняя при этом организационную структуру регулярных войск. Особое место среди гражданских ведомств, имевших вооруженные отряды, занимал секрет логофета дрома [63, Р. 90-93]. Он располагал более внушительной военной силой, представленной как регулярными подразделениями, так и стратиотами (экскуссаты дрома) [66, С. 130-131; 59, Р. 19]. Помимо ведомств, воинские формирования находились в персональном подчинении у некоторых чиновников столичной администрации: папия, комискорта [36, Р. 306-307, 341].

Привлечение личного состава регулярных отрядов во временное или постоянное подчинение гражданской администрации распяляло силы «столичного войска» и снижало его боеспособность. К началу X в. до половины офицерского состава константинопольских тагм подчинялась одновременно двум начальникам, военному и гражданскому. Поэтому, говорить о них, как о значительной силе, не приходится. Дробление подразделений, отсутствие четкой системы подчинения и постоянное привлечение военных для решения

несвойственных им задач привели к тому, что значительная часть «столичного войска» не могла принимать участия в боевых действиях.

Можно констатировать, что в конце IX – начале X в. вооруженные силы Византии представляли собой разветвленную и громоздкую структуру, составленную из множества подразделений. Данная система создавалась более 200 лет, и на первом этапе существования действовала достаточно эффективно. Ее появление было вызвано арабскими вторжениями VII в., которые поставили под угрозу само существование Византии. Фемная система выполнила свою задачу – уже к середине VIII в. положение в Малой Азии стабилизировалось и императорская армия перешла в наступление. Фемные контингенты, объединенные с отрядами «столичного войска», под личным императорским командованием, составили мощную полевую армию. Арабское нашествие было остановлено, а часть захваченных врагом византийских территорий возвращена под контроль империи [101, Р. 79-116; 86, IX, Р. 3-32].

В дальнейшем система стала обрастать новыми элементами, постоянно увеличиваясь в размерах. Однако, несмотря на явные достоинства, она имела и серьезные недостатки. Главным из них было то, что все военные командования, территориальные и столичные, замыкались на особе императора. По сути, организационная структура византийских вооруженных сил являлась одноступенчатой. Командиры всех крупных военных формирований назначались, подчинялись и могли действовать исключительно по императорскому приказу. Со временем, в связи с непомерным разрастанием военной структуры, осуществлять эффективное управление войсками становилось все труднее. С другой стороны, сами императоры начинают уклоняться от непосредственного командования армией. Василий I (867–886) еще руководил походами, но его преемники Лев VI (886–912) и Константин VII (913–959) личного участия в военных действиях не принимали.

Со второй половины IX в. в Византии широкое распространение получил институт военных заместителей самодержца (стратиг-автократор, моностратиг). Военачальники, назначенные на эти экстраординарные должности, получали на время кампании полномочия, сходные с императорскими, но по окончании похода их лишались. Каждая из экстраординарных должностей имела свою специфику. Чаще всего царя замещал доместик схол, при этом самой тагме схол было совершенно не обязательно участвовать в походе. Доместик схол получал под командование определенное число фем (всегда разное) и подразделений «столичного войска», а после окончания войны возвращался к руководству своей тагмой. С 20–30-х гг. X в. должность доместика схол, как командира большой армии, из экстраординарной становится постоянной, а другие чрезвычайные временные командования в источниках почти не упоминаются. Выделение одного командования из числа про-

чих, ранее равных ему по рангу, не привело к кардинальному изменению организационной структуры вооруженных сил. По-прежнему, только император мог отдать распоряжение о сборе войск и о том, какие подразделения должны войти в состав полевой армии. Доместик схол лишь командовал предоставленными ему силами [87, Р. 58-66; 88, Р. 5-11; 36, Р. 329-330].

До настоящего времени мы специально не останавливались на том, какое влияние на эволюцию византийских вооруженных сил оказывал внешнеполитический фактор. Между тем, он сыграл значительную роль в обновлении данной структуры. Несколько катастрофических поражений конца IX – начала X в. показали, что старая система не соответствует сложившимся вокруг империи внешнеполитическим реалиям. В условиях войны на три фронта (Малая Азия, Балканы, Южная Италия) она оказалась бессильна защитить территорию страны от внешних врагов [89, Т. 2, С. 188 сл.].

Со второй половины IX в. арабы, главный противник Византии на Востоке, коренным образом изменили тактику ведения военных действий. Этому объективно способствовал распад Халифата и образование на византийских границах нескольких небольших мусульманских государств-эмиратов. В предыдущий период огромные арабские армии вторгались на земли империи с целью захватить Константинополь или какую-либо пограничную провинцию. Теперь на месте одного противника появилось сразу несколько. Отдельный эмират значительно уступал Византии в военном и хозяйственном отношении. Рассчитывать на победу в длительной войне такие государства не могли, но разгромить контингенты одной или нескольких пограничных фем войскам эмирата было по силам. Вторгаясь на византийскую территорию, противник наносил, прежде всего, экономический ущерб. Арабы грабили и сжигали города, разрушали укрепления, угоняли в плен мирное население. При встрече с императорскими войсками небольшие, но очень подвижные, отряды мусульман отступали на свою территорию, уклоняясь от боя [90; 91].

Со временем Византия отреагировала на изменение стратегии и тактики противника. Между противоборствующими сторонами возникает своеобразная «нейтральная зона», расположенная восточнее рек Галис и Ламус. Формально она считалась византийской, но реально греки контролировали здесь лишь немногочисленные укрепленные пункты, размещая в них регулярные гарнизоны. Далее шел пояс пограничных фем с выдвинутыми вплотную к границе передовыми постами (клисур), о структуре и задачах которых упоминалось выше. Подобная система оказалась эффективной при ведении оборонительных войн. Необходимо отметить, что и арабская пограничная область была организована аналогичным образом – у мусульман имелись передовые укрепления, а ополчения племен и гвардия эмира составляли войско [92, С. 71-78; 93, Р. 209-230].

Если оборонительная стратегия империи претерпела определенные изменения, то наступательные действия велись по-старому [94, С. 102-113]. Византийцы не отказались от практики крупных военных экспедиций и достаточно часто их предпринимали. Большие, но плохо организованные и управляемые армии, составленные из фемных контингентов и подразделений «столичного войска», медленно двигались к границе, предоставляя противнику возможность подготовиться к обороне. На кампанию тратились огромные средства, опустошавшие государственную казну, а результаты чаще всего были незначительны. Поход, как правило, завершался захватом нескольких арабских крепостей, пленных и добычи. После ухода императорской армии мусульмане зачастую возвращали утраченные населенные пункты и компенсировали экономический ущерб за счет набега на византийскую территорию.

Тенденция к реорганизации вооруженных сил Византии начинает проявляться уже в конце IX – начале X в., когда старая военная система, основанная на принципах «фемного строя», вступила в полосу кризиса. Византийская армия нуждалась в структурной перестройке, которая привела бы ее в соответствие с хозяйственными и социальными возможностями страны. Однако реальные перемены начались только с середины X в.

В исследовательской литературе радикальные изменения, которые произошли в византийской армии, обычно связывают с именем императора Никифора II Фоки (963–969). Когда он пришел к власти, Византия находилась в тяжелой внешнеполитической ситуации. Временные достижения на Востоке чередовались с чувствительными поражениями, на Балканах и в Южной Италии византийцев также преследовали неудачи [66, С. 388-390; 89, Т. 2, С. 206-210]. Упадок стратиотских ополчений и дезорганизация «столичного войска» усиливались.

По мнению ряда исследователей, Никифор II, «ставленник динатского сословия», отказался от бесплодных попыток реанимировать стратиотское землевладение и предпринял решительные шаги, позволившие повысить боеспособность фемных контингентов. Суть военных преобразований Фоки, обычно, сводится к тому, что он законодательно оформил факт расслоения в стратиотской среде. В одной из своих новелл император увеличил стоимость стратиотского участка с 4 до 12 литр [95, Р. 93-103]. Отныне «... стратиотами могли быть только мелкие вотчинники и, следовательно, стратиоты были резко отделены от крестьянской массы, к которой они принадлежали до сих пор» [96, С. 86]. Никифор II «... легализовал уже фактически сложившийся на практике водораздел между военно-служилым сословием, которое отныне было представлено феодально-рыцарскими контингентами и крестьянской массой, вытесненной за рамки стратиотского сословия, утратившей право и способность нести военную службу» [70, С. 97].

В. В. Кучма считал, что после реформы Фоки в рядах стратиотского войска осталось не более трети его бывшего личного состава, что соответствует числу архонтов различных рангов в контингентах византийских фем [70, С. 94-97]. Из архонтов формировались новые тактические единицы – подразделения тяжелой кавалерии катафрактов, т. е. воинов панцирной кавалерии. Известно, что в византийском войске катафракты присутствовали всегда, что зафиксировано в военных трактатах («Стратегикон Маврикия», «Тактика Льва»). Таким образом, принципиально нового рода войск Никифор II не создавал, он лишь выделил катафрактов в особые тактические подразделения [97, С. 41-42; 98, С. 22-26, 54-55]. Появление в составе византийской армии больших масс тяжелой кавалерии являлось, как полагают, вторым основным моментом «военной реформы». Отряды катафрактов обладали высокой боеспособностью, и перевес в войнах с соседними народами стал склоняться на сторону Византии.

До недавнего времени данная точка зрения преобладала в исследовательской литературе. Именно в таком виде основные положения «военной реформы» Никифора II представлены и в обобщающих трудах по истории Византии [99, С. 241; 100, С. 85; 89, Т. 2, С. 166-167; 101, С. 120-121]. В этих работах указывается, что византийская армия второй половины X – XI в. относится к армиям т. н. переходного типа. В ней, наряду с новыми феодальными элементами продолжают сохраняться старые элементы времен «фемного стоя». Однако окончательный переход к войску феодального типа произошел только в XII в., так как государство долгое время стремилось к сохранению провинциальных контингентов и всячески препятствовало росту могущества «фемных архонтов» [89, Т. 2, С. 167; 1, С. 250-252]. В связи с этим возникает вопрос, чем же можно объяснить столь возросшую военную мощь Византии в конце X – начале XI в., если армия продолжала оставаться, по сути, иррегулярным ополчением провинций, пусть и составленным теперь из катафрактов. Следовательно, ей были присущи все недостатки этих войск, характерные для более раннего периода. Обычно, победы византийцев объясняются целым рядом факторов: ослаблением соседних государств, тактическим превосходством греков, деятельностью талантливых полководцев (Никифор Фока, Иоанн Цимисхий, Никифор Уран), удачным сочетанием военных и дипломатических усилий и, наконец, полной мобилизацией всех внутренних ресурсов государства [89, Т. 2, С. 167; 102, Р. 45-47; 103, Р. 89-90]. При этом, вопросы, связанные с организационной структурой вооруженных сил чаще вообще не рассматриваются, хотя именно в этой сфере происходят наиболее радикальные изменения.

Фемным контингентам, фемной системе, стратиотскому землевладению в VIII–X вв. посвящено большое число исследований, тогда как другая часть византийских вооруженных сил, регулярные тагмы, мало привлекали внимание византинистов [80, С. 317-319,

322-329; 62, С. 168-185; 59, Р. 6-7, 20-27]. Подразделения, укомплектованные на регулярной основе, стали предметом изучения только в последнее время, когда появилось сразу несколько работ, касающихся организации, принципов формирования и роли тагм в византийской армии X–XI вв. [105, Р. 129-135; 106, Р. 27-39; 107, Р. 375-381]. Из этих исследований нам хотелось бы выделить монографии Х.-И. Кюна и Т. Г. Колиаса. Они посвящены военным преобразованиям второй половины X в. и направлены на корректировку старой устоявшейся точки зрения на организационную структуру византийской армии [72; 98].

Исследование Х.-И. Кюна специально посвящено развитию тагм и до настоящего времени является единственной работой, касающейся проблем эволюции регулярных формирований. Австрийский византинист полагает, что «военная реформа» второй половины X в. являлась не единовременным актом, а серией мероприятий, направленных на улучшение организации византийской армии и фемной системы, упорядочение структуры военных командований. Никифора II исследователь считает одним из инициаторов реформы, указывая при этом, что изменения начались до правления Фоки и продолжились после его гибели. Х.-И. Кюн датирует реформу 944-975 гг. [72, S. 123-135; 108, С. 197-200].

Т. Г. Колиас склонен вообще отрицать заметную роль Никифора II в реорганизации византийских вооруженных сил. Фока представляется удачливым полководцем, прославленным своими победами, но никак не реформатором [98, S. 32-34]. Более того, греческий византинист поставил под сомнение принадлежность знаменитой новеллы о катафрактах Никифору II, доказывая, что она относится к более позднему времени [98, S. 89-101; 109, Р. 339-347]. По его утверждению, военные победы Фоки, Иона I Цимисхия (969–975) и Василия II (976–1025) стали следствием длительного реформационного процесса, шедшего не только в военной, но и в иных сферах жизни византийского общества [110, Р. 289 *suiv.*].

Отметим, что оба исследователя, совершенно расходясь между собой во взглядах на личность Никифора II, не противоречат друг другу в том, что «военная реформа», как длительный и многоплановый процесс, все же имела место. Кюн и Колиас видят в ней не только «юридическое оформление процесса расслоения стратиотского сословия», но и ряд организационных нововведений, позволивших коренным образом изменить структуру вооруженных сил Византии. Реформа не ограничивалась увеличением стоимости стратиотского надела до 12 литр и созданием отрядов катафрактов. Она была более глобальна. Основным ее моментом оба византиниста считают выдвижение на передний план регулярных тагм, вокруг которых происходило создание мощной боеспособной армии, сделавшей Византию сильнейшим государством Средиземноморья.

В «военной реформе» второй половины X в. можно выделить пять основных моментов [72, S. 23-124]: 1) Создание в 962 г. двух независимых постоянных командований

Востока и Запада (командование ими было поручено доместикам схол Востока и Запада) [111, Р. 198-202]; 2) Переподчинение доместику схол Востока и доместику схол Запада всех вооруженных сил, размещенных в соответствующей части империи; 3) Размещение подразделений регулярных столичных тагм в пограничных провинциях Византии на постоянной основе и численное их увеличение за счет наиболее боеспособных фемных контингентов; 4) Создание новых военно-территориальных округов, дукатов и катепанатов, переподчинение дукам (катепанам) всех воинских формирований, размещенных на территории этих округов; 5) Создание регулярных пехотных тагм – таксиархий [36, Р. 335-336].

Как следствие, организационная структура византийской армии коренным образом изменилась. Главой вооруженных сил продолжал оставаться император. Однако его личное участие в походах становилось необязательным, как и назначение военачальников на экстраординарные командные должности. Институт «военных заместителей» императора на долгое время исчезает. Отныне основная часть византийских войск была выведена из непосредственного подчинения самодержцу и переведена под командование доместика схол Востока, доместика схол Запада и друнгария флота. В личном распоряжении императора продолжали оставаться некоторые подразделения, укомплектованные, в основном, из иностранцев (наемники или союзники), в задачу которых входила охрана царской особы и дворца. Кроме того, только ему подчинялся сформированный в 70-80-х гг. X в. варяго-русский союзный корпус, насчитывавший до 6000 воинов. Подразделения корпуса иногда передавались в подчинение военачальников высшего ранга, но лишь на время проведения одной военной операции [112, С. 319 сл.; 113, Р. 62-65].

Главной ударной силой византийской армии со второй половины X в. становятся регулярные армии Востока и Запада (полевые армии). Они формировались по двум основным направлениям: создание новых подразделений, по своей организационной структуре аналогичных тагме схол (тагмы стратилатов, атанатов, сатрапов) [36, Р. 332-333; 72, S. 243-249] и организация регулярных отрядов в большинстве внутренних провинций Византии. В провинциях тагмы создавались путем принудительного включения в их состав наиболее боеспособных подразделений фемных контингентов и за счет приема добровольцев [93, Р. 210-211; 114, Р. 41-44]. К концу X в. численность регулярных войск увеличилась в несколько раз, но в одном месте все тагмы Востока или Запада собирались крайне редко. Некоторая их часть располагалась в стационарных военных лагерях близ столицы, а другая была сосредоточена в пограничных провинциях, выполняя определенные боевые задачи.

Еще одним элементом новой военной структуры стали большие приграничные территориальные командования – дукаты (катепанаты). Они создавались только в тех районах, где существовала угроза частых нападений врага и военные действия велись непре-

рывно. Можно отметить, что каждый дукат создавался для противодействия строго определенному противнику (Италия – против сицилийских и североафриканских арабов, Антиохия и Месопотамия – против Хамданидов и Мирдасидов Халеба, Адрианополь – против Болгарии и т. д.). Военные силы дуката состояли из регулярных тагм, сформированных на месте или передислоцированных из других регионов империи и стратиотских ополчений входивших в его состав фем [115, Р. 9-23; 103, Р. 83-84; 116, С. 191 сл.; 117, С. 155 сл.].

В результате преобразований второй половины X в. стратиги пограничных фем превратились в командиров небольших военных отрядов, игравших роль количественного увеличения войска регулярных тагм и выполнявших вспомогательные задачи. В мирное время стратиг продолжал оставаться гражданским правителем небольшого административного округа, но подчинялся он теперь не императору, а дуке. В составе дуката могло быть несколько фем, причем, в случае необходимости, «малая» фема могла быть переведена в состав соседнего командования. В XI в. такие ситуации возникали постоянно. Стратиги внутренних фем также лишились большей части своих былых полномочий. Лучшие подразделения ранее подчиненных им фемных контингентов были переданы в состав регулярных тагм, а в сферу гражданских полномочий стратига активно вторгались фемные судьи и чиновники налогового ведомства. Показательно, что с конца X в. правители внутренних фем все реже упоминаются в источниках и, особенно, в связи с участием в военных действиях. Можно предположить, что эти посты нередко оставались вакантными.

В отличие от стратигов, положение дук (катепанов) заметно упрочилось. До середины X в. они командовали небольшими регулярными отрядами и занимали в фемных контингентах второстепенное положение. В результате «военной реформы» регулярные тагмы занимают ведущее место, вместе с этим возрастает роль их командиров. Дуки (катепаны) становятся теперь главами больших территориальных командований и выполняют исключительно военные функции. Однако со времени правления Василия II они получают также обширные полномочия в судебной, финансовой и налоговой сфере, превращаясь в военных и гражданских правителей больших по территории и численности населения военно-административных округов. По всей видимости, дуки получили право распоряжаться частью налогов, собранных на вверенной им территории. Из этих сумм они выплачивали жалование солдатам и офицерам регулярных тагм, снабжали войска, оплачивали работы по ремонту или реконструкции оборонительных сооружений. Кроме того, дуки получили право вести переговоры с правителями соседних государств. Однако, несмотря на все последующие изменения в статусе дук (катепанов) и увеличение объема их полномочий, они продолжали оставаться, прежде всего, офицерами высшего ранга [59, Р. 64-67; 118, Р. 181-182; 119, Р. 233-239].

Помимо структурной реорганизации, одним из следствий «военной реформы» стало изменение стратегии и тактики византийских войск. Можно констатировать, что во второй половине X в. в Византии была создана принципиально новая система обороны границ. В отличие от предыдущего периода, она была более гибкой и могла реагировать на вражеские вторжения немедленно, не дожидаясь приказа из Константинополя. Новая оборонительная система была трехступенчатой и состояла из следующих элементов: пояс небольших по территории и населению пограничных стратигий («малых» фем), пограничных дукатов (катепанатов) и полевых армий Востока и Запада.

В случае нападения противника, стратиг малой фемы, с подчиненными ему контингентами, должен был либо отразить врага, либо оборонять административный центр и другие укрепленные пункты фемы, если вражеские силы намного превосходили его собственные. Главная задача стратига, в данном случае, состояла в том, чтобы не допустить прорыва пограничной линии и дать дуке (катепану) возможность собрать все наличные силы и прибыть в район боевых действий. Далее дука должен был вынудить врага покинуть территорию империи. При этом его действия строго не регламентировались; он мог решить исход кампании в одном генеральном сражении, изматывать неприятеля внезапными нападениями или вторгнуться на территорию вражеского государства [72, S. 129-131].

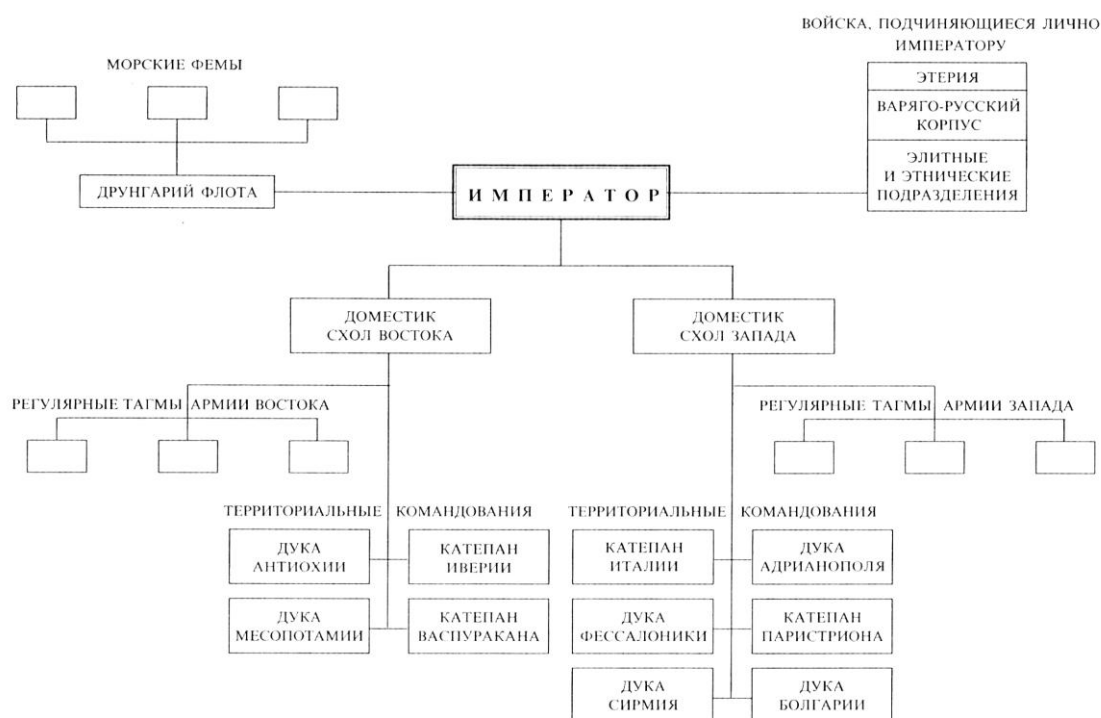

Рисунок 1 – Организационная структура вооруженных сил Византии в конце X в. [по 127, С. 27]

Как правило, сил пограничного командования было достаточно для отражения агрессии. Поэтому, в конце X – первой половине XI в. полевые армии редко использовались для обороны византийской территории. Если же необходимость в присутствии полевой армии все же возникала, то ее подразделения быстро выдвигались к границе. Для перевозки войск постоянно использовался флот, доставлявший регулярные части в один из портов, максимально приближенных к району военного конфликта.

Во время наступательных операций система действовала аналогичным образом. Вести боевые действия на территории противника могли как стратеги «малых» фем, так и дукаты пограничных провинций. Они не были ограничены приказом из Константинополя и чаще действовали по собственной инициативе, но в случае поражения несли личную ответственность перед императором. Целью подобных операций, как правило, был захват какого-либо города или стратегически важной крепости. При удачном исходе стратег мог рассчитывать на продвижение по службе и прочие награды от самодержца.

Так как большинство вражеских нападений были в состоянии отразить силы пограничных дукатов, полевые армии Востока и Запада в конце X – начале XI в. использовались, прежде всего, для ведения завоевательных войн. Полевая армия, совершая поход на неприятельскую территорию, численно увеличивалась за счет контингентов ближайшего дуката. Во все захваченные города и крепости вводились византийские гарнизоны, зачастую в них создавались «малые» фемы. После ухода полевой армии вновь подчиненные области передавались в управление правителю ближайшего дуката, в них устанавливалась византийская система военного и гражданского управления. Таким образом, территориальные военные структуры постоянно воссоздавались, но уже на новом месте [36, Р. 262 *suiv.*]. Отметим также, что новая стратегия и тактика ведения боевых действий нашла отражение в византийских военных трактатах второй половины X в. («Стратегика императора Никифора», «*De Velitatione bellica*», «*De castrametatione*») [48; 49; 50].

Реорганизация вооруженных сил позволила Византии навязать своим противникам непрерывную войну, которую ни одно соседнее с империей государство не сумело выдержать. Отказавшись от практики больших военных экспедиций, византийцы медленно «выдавливали» врага из его пограничных областей. Основное внимание было перенесено теперь на захват стратегически важных крепостей, а не на победу в сражениях. При Никифоре II и Иоанне I императорская армия подчинила Киликию, Кипр, Северную Сирию с Антиохией, Северную Палестину, были захвачены области в верховьях Евфрата и часть Закавказья. В войне с мусульманскими эмиратами наступил окончательный перелом. Поэтому, с конца X в. многие эмиры, как и правители христианских княжеств Закавказья и

Месопотамии, предпочитали признать себя вассалами империи, чем подвергать свои страны опасности византийского вторжения [120, Р. 59 suiv.; 116, С. 117-129; 121, S. 131-136].

На Западе военные достижения византийцев были менее значительны. Это объясняется тем, что реформы в этой части империи шли медленнее. Кроме того, Болгарское царство было в военном отношении гораздо сильнее, чем соседи Византии на Востоке [122, С. 52-60, 183-201]. Только при Василии II в войне с Болгарией была одержана победа, но для этого империи пришлось мобилизовать весь свой военный потенциал. Против войск царя Самуила сражалась не только западная, но и восточная полевая армия, стратиготские ополчения западных фем. В ходе военных действий император применил совершенно нетипичный для своей эпохи прием. Сразу несколько византийских армий одновременно начали наступление на Болгарию с разных направлений. Перед каждой из них были поставлены определенные задачи, их действия координировал сам Василий II, покинувший Константинополь и годами не возвращавшийся в столицу. После разгрома болгар при Беласице в 1014 г., греки приступили к подчинению страны, которое завершили в 1018 г. [123, С. 633 сл.; 81, С. 59 сл.].

В связи с тяжелой и кровопролитной войной на Западе, Византия на некоторое время ослабила военное давление на своих восточных соседей. Только в последние годы жизни Василий II предпринял несколько военных экспедиций на Восток, подчинив некоторые области в Закавказье и Месопотамии. В то же время, царь Васпуракана Сенекерим Арцруни, понимая, что оказывать длительное сопротивление натиску Византии не удастся, передал свою страну Василию II в обмен на земельные владения в Малой Азии [116, С. 150-156]. Император начал подготовку сирийского и сицилийского походов, которые, однако, не состоялись в связи со смертью Болгаробойцы в 1025 г.

Можно констатировать, что кардинальная реорганизация византийской армии, предпринятая во второй половине X – начале XI в., принесла ощутимые плоды. Она позволила создать новую, более надежную, систему обороны границ, а небольшая по численности, но хорошо укомплектованная, вооруженная и обученная, полевая армия была способна вести длительные завоевательные войны. «Военная реформа» привела к профессионализации командного состава византийской армии. Большинство командных должностей становятся постоянными, а число временных и экстраординарных командований резко сократилось. По существу, в данное время происходит формирование многочисленного офицерского корпуса, ставшего на несколько десятилетий основой византийской военной системы [124, С. 152-168; 125, С. 47-60; 126, Р. 199-213]. Конец X – начало XI в. можно охарактеризовать как время подлинного триумфа византийского оружия и византийской

военной организации, которая оказалась значительно более эффективной и жизнеспособной, чем аналогичные структуры соседних стран и народов [127, С. 14-33].

Рисунок 2 – Византийская империя около 1025 г.

[по 2, С. 13]

Б) Исследование проблемы военных и административных реформ и организации системы провинциального управления.

Длительное время в историографии господствовала точка зрения, согласно которой император Василий II являлся продолжателем внутри- и внешнеполитического курса своих предшественников – Никифора II и Иоанна I. Считалось, что он завершил «военную реформу», сформировав в начале XI в. несколько регулярных тагм во внутренних фемах Византии (Фракисий, Писидия-Ликаония, Армениак). В отличие от аналогичных подразделений, созданных в правление Фоки и Цимисхия, они не вошли в состав полевых армий и продолжали оставаться в тех провинциях, где были сформированы. Кроме того, новые провинциальные тагмы были неоднородны по составу, в них были как кавалерийские, так и пехотные отряды. В дальнейшем они выступали в качестве стратегического резерва, принимали участие в подавлении мятежей [72, S. 251-257]. Кроме того, при Василии II на некоторое время вновь возросло значение стратиотских ополчений. Испытывая недостаток военных сил, император предпринял очередную попытку остановить разорение рядовых стратиотов, надеясь использовать их для обороны границ. В своих указах он требовал немедленно и без какой-либо компенсации вернуть отнятые у стратиотов земельные участки, угрожая архонтам, присвоившим надель, суровым наказанием [95, P. 185 suiv.].

Проведенное в рамках НИР исследование военной политики Василия II позволяет внести существенные коррективы в оценку роли этого императора в военно-административных преобразованиях в Византии. Оценка его военной политики как продолжение курса предшественников (исходя из сложившейся на тот момент внешнеполитической обстановки и обострения противоречий внутри государства), по нашему мнению, является ошибочной. Данные выводы можно сделать после изучения микро- и макроструктур византийской военно-административной системы. В X–XI вв. к макроструктурам византийской военно-административной системы необходимо отнести территориальные военные командования Востока и Запада, катепанаты, дукаты, большие «ромейские» фемы [158, С. 164–184]. К микроструктурам (низшим административным единицам) следует отнести «малые» фемы на Западе и «армянские» фемы на Востоке империи, куратории, клисуры и пр. В административном отношении, как правило, макроструктурные элементы состояли из некоторого количества небольших административных образований. Отметим, что для второй половины X – XI в. характерна крайняя неустойчивость крупных провинциальных управленческих единиц, их постоянное переформирование по внутри- или внешнеполитическим причинам [159, С. 71–73].

Массовая публикация сфрагистического материала, введение в научный оборот только в 2000–2010 гг. более 3500 новых свинцовых печатей [129, Р. VII–VIII; 130, Р. 167–171], позволяет проводить исследование отдельных элементов византийской административной системы. В первую очередь, это касается микроструктурных компонентов провинциальной системы управления. В наибольшей степени это касается двух коротких временных отрезков: правления императора Василия II Болгаробойцы (976–1025) и царствования Константина IX Мономаха (1042–1054). Эти периоды времени хорошо освещены как в нарративных и документальных, так и в сфрагистических источниках, что позволяет воссоздать целостную картину функционирования провинциальной системы управления Византии, изучить ее отдельные микро- и макроструктурные элементы.

Во второй половине X в. на Балканах по линии византийско-болгарской границы были созданы многочисленные «малые» фемы. Некоторые из них (Веррия, Стримон, Другубица, Иоаннополь, Эдесса) появились в правление императоров Никифора II Фоки (963–969 гг.) или Иоанна I Цимисхия (969–975 гг.) и упоминаются в «Эскуриальском тактиконе» [36, Р. 267–268, 355 *suiv.*]. Позднее, при Василии II (976–1025 гг.), процесс создания «малых» фем продолжился. В период с 976 по 1018 гг. в источниках упоминаются фемы Сервия, Ларисса, Аркадиополь, Филиппополь, Дристра и др. Известно также, что эти небольшие военно-административные единицы входили в состав дукатов Фессалоника или Адрианополь [72, S. 206–207, 209–210].

В письменных источниках упоминаний о «малых» фемах достаточно много (сочинения Льва Диакона, Иоанна Скилицы, Яхьи Антиохийского, Степаноса Таронаци, Кекавмена). Большинство из них относятся к периоду византийско-болгарских войн (986–1018 гг.). Однако после разгрома Болгарского царства и переноса северной границы Византии на Дунай эти военно-административные единицы в исторических хрониках упоминаются крайне редко. Кроме того, значительный фактический материал по истории «малых» фем на Балканах дает сфрагистика. Издано несколько десятков печатей стратигов и гражданских чиновников этих фем, причем большинство моливдовулов были введены в научный оборот в последние годы болгарским византинистом И. Йордановым [131; 132].

Структура «малых» фем была достаточно простой. Административный центр фемы, как правило, располагался в мощной крепости (κάστρον). Это укрепление защищало стратегически важные горные перевалы, дороги, переправы через реки. Несколько малых военно-административных единиц создавали передовую линию обороны перед крупнейшими центрами империи на Балканах – Фессалоникой и Адрианополем. Военные контингенты «малых» фем состояли из гарнизона крепости (регулярные войска) и отрядов местных стратиотов, которые выполняли вспомогательные функции [133, Р. 142-144; 127, С. 29-30].

«Малые» фемы играли значительную роль в период борьбы Василия II с Болгарией. На начальном этапе войны, когда инициатива находилась в руках болгарского царя Самуила (976–1014 гг.), некоторые фемы были захвачены болгарами (Ларисса, Веррия, Сервия). Однако главную свою функцию они выполнили. Армиям Самуила так и не удалось захватить Фессалонику, потратив силы и время для осады хорошо укрепленных административных центров «малых» фем. После перехода Василия II в контрнаступление, «малые» фемы стали опорными пунктами для византийских войск. Здесь накапливались силы, располагались запасы продовольствия и материальных ресурсов, содержались пленные. Примечательно, что по мере отвоевания византийских территорий, захваченных Самуилом в 80–90-е гг. X в., в освобожденных районах «малые» военно-административные единицы воссоздавались. Аналогичные процессы происходили и на оккупированных болгарских территориях (создание фем Преслав, Дристра, Триадица и др.).

Наиболее полно, на настоящий момент, из «малых» византийских фем на Балканах исследована история фемы Сервия [134, Σ. 405-407, 415-424; 135, Р. 185-195; 136, С. 209-218]. О ней несколько раз упоминается в сочинении Иоанна Скилицы, дважды о Сервии подробно пишет Кекавмен. По сфрагистическим данным известны двое стратигов Сервии. Однако некоторые вопросы, связанные с историей данной фемы, ее внутренней структурой и, особенно, временем существования остаются дискуссионными.

Сервия (греч. *τά Σέρβια, τά Σέρβλα*, серб. Срѣбчище) – город в Северной Греции, в исторической области Южная Македония. Он расположен в долине р. Альякмон (греч. *Αλιάκμονας*, серб. Вистрица). В настоящее время расстояние от города до реки – 5 км, до Веррии – 70 км на север, до Фессалоники – 110 км на северо-восток. Сервия находится в префектуре Козани (провинция Западная Македония), через город проходит дорога из Лариссы в Козани.

Об истории основания Сервии в VII в. славянскими переселенцами (сербам) сообщается в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» [20, С. 140-141]. Однако в исследовательских работах неоднократно высказывались сомнения по поводу достоверности этого рассказа. Например, упоминание в нем фем Фессалоника и Белград (Белеград) никакими другими источниками не подтверждается; данные военно-административные округа появились не при императоре Ираклии (610–641 гг.), а значительно позднее [20, С. 379, прим. 7; 137, С. 76-77, 83].

Об истории Сервии в XII–XIV вв. известно немного. С 1204 по 1216 гг. она входила в состав Латинской империи. Позже город принадлежал деспотам Эпира. В 1257 г., при Феодоре II Ласкарисе (1254–1258 гг.), Сервия вошла в состав Никейской империи и до 1340 г. принадлежала Византии. В середине XIV в. за нее развернулась борьба между королем Сербии Стефаном Урошем IV Душаном (1331–1355 гг.) и императором Иоанном VI Кантакузином (1347–1354 гг.). В 1350 г. войско Кантакузина неудачно осаждало Сервию, но по условиям мирного договора с сербами крепость вернулась под контроль Византии. В 1394 г. Сервию захватили войска турецкого султана Баязита I (1389–1402 гг.) [138, Р. 91-93, 233, 274; 139, Р. 1882].

Турецкое название Сервии – Сефлидже (Seflije), до 1912 г. здесь был центр одноименного административного округа. Во время Первой Балканской войны (1912–1913) греческая армия принца Константина Глюксбургского разбила турок в ущелье Сарандапонт и 10 октября 1912 г. захватила Сефлидже, а 22 октября освободила Фессалонику. Греки немедленно изменили все турецкие названия на греческие, и город снова стал называться Сервия. Отметим также, что почти весь период турецкого владычества в Сефлидже находилась резиденция православного епископа, только в 1745 г. она была перенесена в расположенный на северном берегу р. Альякмон город Козани [39, Р. 278].

В декабре 1936 г. Сервия и ее сельская округа пострадали от сильнейшего наводнения. Через несколько лет, осенью 1940 г., в районе Сервии шли ожесточенные бои между англо-греческими и итальянскими войсками. Природные катастрофы и войны привели к экономическому упадку города и сокращению численности населения. После 1945 г. орга-

ны управления префектурой были из Сервии переведены в Козани, даже «Византийский и этнографический музей Сервии» был перенесен в этот соседний, более крупный, город.

В 50–70-е гг. XX в. в долине р. Альякмон был построен каскад гидроэлектростанций, крупнейший в Греции. В 10 км к северо-западу от Сервии, в районе деревни Ая Варвара, была возведена плотина, перекрывшая долину р. Альякмон. После масштабных гидротехнических работ в окрестностях Сервии появилось большое водохранилище, затопившее значительную часть сельской округи города [140, Р. 217-220]. Таким образом, за последние десятилетия топография местности в районе Сервии коренным образом изменилась. Именно поэтому она не соответствует описаниям данного района, которые сохранились в сочинениях византийских авторов X–XI вв.

Археологические работы в районе Сервии проводились со второй половины XIX в. Однако исследователей интересовали, прежде всего, древности эллинистического времени (раскопки К. А. Ромейоса в 1938–1939 гг.). Из сохранившихся до наших дней средневековых памятников следует отметить оборонительные сооружения Сервии (датируются XIII–XIV вв.; башни византийской постройки, стены – сербской) и остатки большого храма, возведенного в первой четверти XI в. (с фрагментами фресок конца XII – начала XIII в.). Кроме того, в 3 км к западу от города находится сильно разрушенный пещерный монастырь [134, Σ. 455-463, 493].

Переходя к анализу письменных источников, отметим, что единственным византийским автором, который пишет о Сервии подробно, является Кекавмен. Он упоминает о городе дважды, и оба эпизода заслуживают пристального внимания. Первый из них – это рассказ об осаде Сервии болгарскими войсками царя Самуила под командованием Димитрия Полемарха [141, С. 34-36; 10, С. 174-176], а второй – повествование о восстании болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. [141, С. 82-102; 10, С. 252-268].

Судя по описанию Кекавмена, крепость Сервия в конце X в. была неприступна. «Эта крепость расположена на высоких скалах и окружена дикими и глубокими обрывами» [10, С. 260.25-26], «стремнины и страшнейшие обрывы были ей защитой» [10, С. 174.26–27]. У подножия горы, на которой располагалась крепость, местность была равнинной вплоть до р. Альякмон [10, С. 174.32; 260.29-30].

Крепость Сервия представляла из себя типичный для балканского региона кастрон. Особенностью этого типа укрепленных пунктов было наличие т. н. верхнего города и двух линий обороны. В Сервии первая линия стен защищала сам город (на равнине у реки), а вторая – крепость на скалах, «твердыню». Термином кастрон (τὸ κάστρον) в византийских текстах X–XII вв. обозначали, прежде всего, мощное упорядоченное укрепление, обычно на возвышенности, которое господствует над более открытым, расположенным в

низине, городом или группой сельских поселений. В ряде случаев этот термин мог относиться и к большому, хорошо укрепленному, городу (Аморий, Эфес, Диррахий, Ларисса). Гарнизон крепости состоял из регулярных пехотных отрядов, командовал им кастрафилакс (парафилакс кастра) [142, Р. 413-417; 36, Р. 343].

Стратегическое значение Сервии в период борьбы Василия II с Самуилом состояло в том, что мимо города, вдоль р. Альякмон шла важная дорога из Лариссы в Веррию. Эта дорога упоминается в источниках с античного времени, называлась она *Stena Portas* [143, Σ. 114-116; 144, S. 91-94]. В 986 г. военачальники Самуила начали действовать в Фессалии и захватили Лариссу, а потом и Веррию (990 г.). Однако византийский гарнизон в Сервии мог в любой момент перекрыть дорогу между этими пунктами и не допустить перемещения по ней сил противника. Поэтому овладение Сервией стало для болгар первоочередной задачей. После ее захвата власти Самуила над Фессалией ничего бы не угрожало. Кроме того, создавались предпосылки для наступления на Фессалонику, так как крупных византийских сил к юго-западу от нее больше не оставалось.

По Кекавмену, византийский гарнизон Сервии состоял из двух таксиархий по тысяче воинов каждая. Командовал ими «ромейский стратиг по имени Магирин и два таксиарха» [10, С. 174.18-20]. Судя по тексту источника, таксиархи находились в подчинении у Магирина.

Во второй половине X – первой половине XI в. таксиархи (ταξιάρχης) являлись командирами среднего ранга. Возвышение этой должности из разряда малозначительных связывают с увеличением роли пехоты в византийских вооруженных силах [145, С. 134-137; 146, Р. 233-235]. Таксиарху была подчинена боевая единица из 1000 воинов (ταξιαρχία), она состояла из 500 тяжеловооруженных пехотинцев, 300 стрелков и 200 легких пехотинцев [50, Р. 246.11-14; 72, S. 278-280].

Следовательно «стратиг» Магирин командовал двухтысячным отрядом регулярной пехоты. Две таксиархии для конца X в. – это очень значительная сила. В военном трактате «*De Castrametatione*» говорится, что для большой экспедиции на территорию противника под руководством императора необходимы, как минимум, двенадцать таксиархий [50, Р. 268.3-4]. Уже из этого можно заключить, что Магирин не мог быть ни стратигом, ни кастрафилаксом Сервии. Иначе любой из таксиархов был бы выше него по рангу. Кекавмен употребляет по отношению к Магирину термин «стратиг» не в смысле его должностной принадлежности. Стратиг, в данном случае, это просто военачальник, его настоящей должности Кекавмен, скорее всего, не знал. Более того, несколько раньше византийский автор называет стратигом болгарского полководца [10, С. 172.30-31, 174.15-17].

О том, какую должность занимал Магирин, можно только предполагать. Возможно, он был стратигом Эллады или дукой Фессалоники. Менее вероятно, что архегетом Запада (командиром пехоты западной полевой армии). У этих должностных лиц таксиархи могли находиться в подчинении, но не у стратига Сервии («малой» фемы в составе дуката Фессалоника).

Необходимо отметить, что правдоподобность рассказа Кекавмена о захвате Сервии войсками Димитрия Полемарха вызывает сомнения. Болгарский военачальник приходился Кекавмену «дедом по матери» и желание прославить своего предка, представить его действия в выгодном свете у этого автора выражено достаточно сильно [10, С. 52-57]. Он пишет, что сначала Димитрий год осаждал неприступную Сервию, проводил бессонные ночи в размышлениях о том, как же ее захватить. Потом он применил «военную хитрость», которая позволила захватить в плен Магирина и обоих таксиархов. «У подножия крепости ... была баня, стратиг и таксиархи ходили туда и мылись, когда хотели» [10, С. 174.27-30]. Охраны у них не было, и болгары легко схватили византийских командиров. После этого Полемарх «без кровопролития взял и крепость» [10, С. 176.8-9].

Подробности захвата Сервии вызывают ряд вопросов. Главный из них: почему за год осады император Василий II не помог осажденному гарнизону? Тем не менее, главную свою задачу болгары выполнили. Сервия была захвачена, и там немедленно разместился болгарский гарнизон. Что произошло с пленными византийскими солдатами, Кекавмен не сообщает. Однако если бы Димитрий Полемарх приказал перебить византийских воинов, то позже Василий II вряд ли пожаловал бы ему титул патрикия [10, С. 174.23-24].

В научной литературе вопрос о времени захвата Сервии Димитрием Полемархом остается дискуссионным. Большинство исследователей относят это событие ко второй половине 989 г. Аргументация исследователей следующая. Так как точной даты взятия Сервии не называет ни один источник, то ее можно установить по косвенным признакам. Это, в первую очередь, упоминание о комете, которая была видна в июле – августе 989 г. Далее, это захват болгарами крепости Веррия вскоре после появления кометы [5, Р. 175.6-11; 26, С. 29, 214-215; 81, С. 28-29, 33 и уп. 8; 6, С. 90-91].

В сочинении Льва Диакона говорится, что появление кометы было воспринято как знак больших бед и потрясений, причем как уже свершившихся, так и предстоящих. Потом автор, бывший очевидцем событий, перечисляет постигшие Византию беды: землетрясение в Константинополе и обрушение купола св. Софии, захват Владимиром Киевским Херсона, захват Самуилом Болгарским Веррии и его первая попытка штурмовать Фессалонику. Император, занятый борьбой с мятежниками (Вардой Фокой и Вардой Склиром) не мог должным образом реагировать на многочисленные военные угрозы.

Только после гибели Фоки, примирения со Склиром и урегулирования конфликта с Русью, он направил свои силы против болгар (не ранее октября 989 г.). Императорские войска подошли к Фессалонике и заставили противника отступить. Однако вскоре Василий II снова вынужден был отправиться на Восток, где опять началось восстание. В Фессалонике он оставил дуку магистра Григория Таронита [147, С. 211-212; 148, С. 82-83; 123, С. 647, 681; 26, С. 214-215]. Захват Сервии считается одним из событий, происходивших между появлением кометы (лето 989 г.) и отъездом императора на Восток (конец 989 – начало 990 г.).

Возможна и более широкая датировка: от взятия Самуилом Лариссы в 985 г. и до 990 г. [81, С. 194-195 и уп. 1]. За эти годы болгарские войска, наступавшие на балканские фемы Византии, установили контроль над обширной территорией от Кастории, Острова и Соска до Лариссы. Первоначально они продвигались с севера на юг, по долине р. Альякмон. После штурма Лариссы болгары не сумели прорваться в Среднюю Грецию и на Пелопоннес. Их остановили мощные византийские укрепления в районе Фермопильского прохода. Тогда Самуил приказал своим военачальникам повернуть на северо-запад и, опять по долине р. Альякмон, выйти к Сервии, Веррии и Фессалонике. Первые две крепости болгары сумели захватить, но под Фессалоникой их ждала неудача.

Второй эпизод из сочинения Кекавмена, в котором упоминается Сервия, относится ко времени правления Константина X Дуки (1059–1067). Речь идет о восстании болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. [10, С. 252-268]. Мятежники под руководством знатного жителя Лариссы Никулицы Дельфина (родственника Кекавмена) подошли к Сервии и расположились на равнине перед ней. Ни о каких императорских силах в городе, стратегии или ином военном функционере дуката Фессалоника автор не сообщает. Никулица Дельфин вступил в переговоры с жителями Сервии, призывая их примкнуть к мятежу. Сначала горожане слонялись к тому, чтобы поддержать восставших, но потом передумали и нанесли предводителю восстания какое-то оскорбление. Никулица легко сломил их сопротивление и занял город: «после двухдневной осады, на третий день овладел ими» [141, С. 86-88; 10, С. 262.17-19]. Обратим внимание, что в 989/990 г. Димитрий Полемарх с хорошо подготовленной и имеющей значительный боевой опыт болгарской армией не мог взять Сервию в течение года, а Никулица Дельфин в 1066 г., располагавший лишь плохо вооруженной и обученной толпой мятежников из пастухов и крестьян, потратил на это всего пару дней. Возникает обоснованный вопрос: что случилось с неприступной крепостью, почему жителей города не спасли ни скалы, ни стремнины, ни цитадель «верхнего города»?

Дальнейшая история мятежа болгар и влахов 1066 г. не имеет отношения к Сервии. Никулица Дельфин вскоре предпринял попытку примириться с императором, арестовал

некоторых предводителей восстания и вместе с ними отправился через Фессалонику в Константинополь [149, С. 133-134].

Прежде чем перейти к другим источникам, обратим внимание на следующий факт. Кекавмен, который в своем сочинении уделяет достаточно много внимания болгарскому восстанию под руководством Петра Деляна (1040–1041 гг.), не упоминает в связи с данными событиями Сервию. Между тем, отряды Петра Деляна осаждали Димитриаду, Фессалонику, захватили Остров, т.е. действовали в районе Сервии очень активно. Почему столь важный укрепленный пункт не заинтересовал мятежников – неясно.

Другим важным источником по истории византийско-болгарских войн при Василии II является хроника Иоанна Скилицы. В ней нет подробных рассказов о Сервии, но только этот текст позволяет восстановить общую хронологию военных действий императора против Самуила Болгарского [81, С. 87, 97-99, 134-135; 123, С. 647-650, 681-682; 150, Р. 66-67; 151, Р. 105-106, 200].

О захвате Сервии болгарами в 989/990 г. Скилица не упоминает. Однако в его сочинении сообщается о том, как войска Василия II восстановили контроль над городом. Не желая терять время и жертвовать жизнями своих солдат, император договорился с болгарским комендантом Сервии Николаем (Никулицей) о сдаче города. Никулица, который «поначалу храбро сражался и выдерживал осаду», согласился перейти на сторону Василия II. За это он получил титул патрикия. Дата событий указана в тексте хроники Скилицы – 1000/1001 г. Позже Никулица вновь бежал к Самуилу и вместе с болгарским царем попытался отбить Сервию. Однако сделать этого не удалось, болгары потерпели поражение и отступили [11, Р. 344.89-16].

События вокруг Сервии в 1000/1001 г. завершили длительный период противостояния Византии и Болгарии на территории Северной Греции. В 995/996 г. императорская армия освободила Лариссу и отбила вторую попытку войск Самуила овладеть Фессалоникой. В 997–1000 г. была возвращена Веррия и штурмом взята Водена [147, С. 241-244]. Примечательно, что Веррию также сдал комендант города Добромир, получивший за это титул анфипата [81, С. 98-99].

Следующее упоминание о Сервии в сочинении Иоанна Скилицы относится к последнему году византийско-болгарской войны (1018 г.). После гибели царя Ивана Владислава и ликвидации Болгарского государства патрикий Никифор Ксифий по приказу императора «разрушил и сравнял с землей все крепости в областях Сервии и Соска» [11, Р. 364.67-68]. Число разрушенных укрепленных пунктов не сообщается, но специальное упоминание Сервии и Соска весьма показательны. Дело в том, что обе эти крепости занимали стратегически важное положение на пересечении дорог. О значении Сервии уже го-

ворилось выше. Соск располагался западнее Фессалоники и южнее города Остров, близ важнейшей дороги Via Egnatia (Диррахий – Остров – Фессалоника – Константинополь). Под контролем болгар Соск оставался гораздо дольше, чем Сервия. В источниках упоминается о том, что именно здесь в 1015 г. погиб преемник царя Самуила на болгарском престоле Гавриил Радомир [147, С. 257-260].

Разрушение византийскими войсками крепостей в самом конце войны, когда никакого организованного сопротивления болгары уже не оказывали, требует специального разъяснения. Дело в том, что в источниках X–XII вв. есть и другие свидетельства о разрушении укреплений в Северной Греции и Южной Македонии. В сочинении армянского автора XI в. Степаноса Таронаци говорится: «И встретился Василий с болгарами и обратил их в бегство, и продолжал воевать их страну в продолжение четырех лет и взял весьма многие укрепления их, и некоторые из них сохранил, а те, которые, как он видел, не могли быть удержаны, разрушил, и между прочими город Веррию» [23, С. 187-188; 148, С. 82-83]. Анна Комнина в «Алексиаде», при описании войны 1083 г. между Алексеем I Комниным (1081–1118) и Боэмундом Тарентским, пишет о том, что Боэмунд «пройдя через Соск и Сервию, направился в Верию ... через Воден прибыл в Моглены, где восстановил давно разрушенную крепость». Через некоторое время византийские войска под командованием великого доместика Григория Пакуриана напали на Моглены и «до основания разрушили крепость» [15, Р. 5.23-36; 16, С. 165].

Следовательно, разрушение крепостей во внутренних фемах Византии было явлением достаточно распространенным. Уничтожались, прежде всего, те укрепления, где потенциальный противник мог вести долговременную оборону, а также угрожать дорогам, подобным Via Egnatia или Stena Portas. У Византии во второй половине X – XI в. не было возможности держать в каждой крепости постоянные гарнизоны. Так как стратиотские ополчения в большинстве фем были ликвидированы, то возложить обязанность обороны укрепленных пунктов на местное население не представлялось возможным. Отрядов регулярной пехоты (таксиархий) было мало, а наемные контингенты обходились слишком дорого. В связи с этим постоянные гарнизоны размещались только в административных центрах фем.

Район Фессалии и Южной Македонии был потенциально опасен для византийских властей. Греческое население данной области значительно сократилось за годы византийско-болгарской войны. После 1018 г. сюда были переселены жители некоторых районов Болгарии; кроме того, здесь проживали влахи, албанцы и армяне. Все крупные восстания 40–60-х гг. XI в. на Балканах, в той или иной степени, связаны с Фессалией и Южной Македонией. Петр Делян в 1041 г. направил свои отряды от Диррахия к Острову. В 1043 г. Ге-

оргий Маниак получил поддержку албанцев и болгар, но его мятежное войско было разбито недалеко от Острова. Выше уже упоминалось о восстании болгар и влахов Фессалии в 1066 г. Крепости, которые не были заняты гарнизонами, представляли большую ценность для мятежников, даже если укрепление было «разоруженным» (без ворот и с несколькими проломами в стенах). За короткое время можно было подготовить такие крепости к долговременной обороне. Следовательно, разрушение фортификационных сооружений «до земли, до основания» было необходимо, прежде всего, как мера по борьбе с мятежами.

Возвращаясь к крепости Сервия, обратим внимание на то, что этот кастрон был необходим Василию II только с 1000/1001 по 1018 гг. Потом ее значение в оборонительной системе вокруг Фессалоники резко снизилось, т. к. границы империи были отодвинуты далеко на север, к Дунаю. В 1018 г. Никифор Ксифий разрушил крепостные сооружения Сервии. Именно поэтому в 1066 г. Никулица Дельфин захватил Сервию всего за три дня, а Боэмунд Тарентский в 1083 г. «прошел через Сервию». Укрепления на горе (кастрон, «верхний город») было восстановлено, по всей видимости, только в XIII в. или деспотами Эпира, или же сербами.

Завершая рассмотрение свидетельств письменных источников о крепости и феме Сервия, отметим, что исторические хроники позволяют установить лишь наиболее значительные события истории данной военно-административной единицы. Имен стратигов, их титулов, а также сведений о внутренней структуре «малой» фемы Сервия они не содержат. Упомянутые Кекавменом «ромейский стратиг по имени Магирин и два таксиарха» [10, С. 174.18-20] не принадлежали к фемной администрации, а командовали крупным гарнизоном из регулярных пехотных отрядов, направленным в Сервию для усиления местных контингентов.

Сигиллографические данные позволяют дополнить сведения письменных источников. Опубликовано, как минимум, две печати стратигов Сервии (оба моливдовула находятся в коллекции Государственного Эрмитажа). Первая из них, из собрания Н. П. Лихачева, принадлежала Николаю Дермокаиту, протоспафарию и стратигу Сервии [152, С. 76-77 и прим. 27-28; 74, С. 103]; датируется концом X – началом XI в. Второй моливдовул, происходящий из собрания Русского археологического института в Константинополе, был издан В. С. Шандровской. Он представляет собой редкий памятник византийской сфрагистики конца X – начала XI в. На лицевой стороне печати находится изображение св. Григория Просветителя, а на оборотной стороне шестистрочная надпись: «Севат Сенехерим, протоспафарий и стратиг фемы Сервия». Принадлежала она армянскому аристократу, перешедшему на византийскую службу [136, С. 209-218].

Изображение на лицевой стороне моливдовула Севата Сенехерима св. Григория Просветителя и надписи «Святой Григорий Великой Армении» позволяет, как нам кажется, более точно датировать печать. Культ св. Григория (ок. 252–326) был распространен в Армении и в населенных армянами восточных пограничных фемах Византии. Во второй половине X в. на византийскую службу перешли многие армянские аристократические семьи. Как правило, они передавали свои владения в Закавказье и Месопотамии императору, а взамен получали высокие титулы и земли в Малой Азии или на Балканах [153, С. 138-142].

В сочинении Степаноса Таронаци говорится о том, что «после 986 г. переселены были в Македонию толпы армян» [23, С. 142]. В опустошенные войной районы Македонии и Фессалии Василий II переселил не только армянскую знать, но и крестьян, на которых была возложена обязанность несения военной службы. Это была обычная для Византии практика массовых переселений, в 1014 г. уже болгарские войска будут направлены в Армению (Васпуракан) «по дороге, по которой нет возврата» [114, Р. 48-50].

Из представителей высшей армянской знати, оказавшихся в конце 80-х – начале 90-х гг. X в. на Балканах, источники упоминают магистра и дуку Фессалоники Григория Таронита, его сына Ашота Таронита, «Саака, сына Абела, князя Хандцитского», Иоанна Портеза, Смбата Вихкатци и др. [153, С. 18-19, 29, 49, 65]. Укрепления Фермопильского прохода, которые не позволили болгарским войскам прорваться к Афинам, были построены под руководством некоего Рупена, подчиненного стратига Лариссы [11, Р. 364.78-80; 148, С. 73-74; 153, С. 39].

Можно констатировать, что в 989/990 г., когда на Западе сложилась критическая ситуация и решалась судьба Фессалоники, Василий II отправил против Самуила все свои боеспособные войска. Тогда не имело никакого значения вероисповедание, прошлые заслуги или провинности военачальников перед императором. На короткое время назначения на посты стратигов балканских фем могли получить даже монофизиты. После стабилизации обстановки к 996 г. это вряд ли было возможно. Следовательно, печать Севата Сенехерима может быть датирована второй половиной 80-х гг. X в.

В некоторых исследованиях, посвященных балканским фемам Византии, упоминается печать еще одного стратига Сервии, вестарха Михаила Авксентиота, изданная К. Константинополосом и датированная им XI в. [154, Σ. 17]. Однако сохранность моливдовула не позволяет установить ни титул, ни точное название провинции. Другое возможное прочтение – «Сербия» – представляется более обоснованным. Стратиг Сербии, большой фемы на северо-западе Балкан, мог быть вестархом, а для стратига «малой» этот титул слишком велик [135, Р. 189-190].

Таким образом, на основании данных письменных и сигиллографических источников можно проследить основные этапы существования фемы Сервия:

– 976 (?) – 989/990 гг. Время создания «малой» фемы с центром в крепости Сервия. Она защищала стратегическую дорогу из Лариссы в Веррию и Фессалонику, а также контролировала значительную часть долины р. Альякмон. Гарнизон крепости состоял из двух таксиархий и вспомогательных местных контингентов.

– В 989/990 г. болгары после длительной осады захватили Сервию. Потеря этой крепости, а также Веррии и Острова создала предпосылки для наступления болгар на Фессалонику в 991 г. Под контролем Самуила Сервия оставалась до 1000/1001 г., когда болгарский комендант крепости Никулица, в обмен на титул патрикия, сдал ее императорским войскам.

– 1000/1001 – 1018 гг. Восстановление в Сервии «малой» фемы. Неудачная осада крепости болгарской армией под командованием царя Самуила (1001/1002 г.). В 1018 г. военачальник Василия II Никифор Ксифий разрушил укрепления Сервии и все «твердыни» в данном районе. В более позднее время фема Сервия в источниках не упоминается. Есть основания предполагать, что укрепления города были восстановлены только во второй половине XIII в.

Следовательно, фема Сервия существовала очень непродолжительное время (976–990, 1001–1018 гг.). После присоединения Болгарии и переноса византийской границы на Дунай, необходимость в сохранении данной административной единицы исчезла. Показательно, что была ликвидирована не только фема, но и разрушены оборонительные сооружения крепости Сервия. По всей видимости, византийские власти не считали возможным содержать в крепостях данного района постоянные гарнизоны, а оставлять мощные укрепления без военных сил было опасно из-за неблагонадежности местного населения. Отметим также, что подобная участь постигла не только Сервию (фему и крепость), но и Веррию, Соск, Остров, Моглены и Водену. «Малые» фемы в западной части дуката Фессалоника, сыгравшие значительную роль в период войн с Самуилом, прекратили свое существование. Восстановление этих микроструктурных компонентов дуката Фессалоника произошло только во второй половине 40-х гг. XI в., в период войн между Византией и печенегами.

На основании анализа источникового материала можно проследить, каким образом происходила трансформация военно-административных структур в западной части Византии и, прежде всего, на Балканском полуострове. В византийских исторических хрониках Иоанна Скилицы, Иоанна Зонары, Михаила Пселла, Михаила Атталиата [11, 17, 8, 7], повествующих о событиях 20–70-х гг. XI в., содержится несколько упоминаний о нападениях

печенегов на западные провинции Византии. В 1027, 1032, 1034 и 1036 гг. кочевники без особого труда преодолевали византийскую пограничную линию на Дунае, подвергали разорению некоторые районы балканских фем империи и беспрепятственно возвращались на свою территорию. О каком-либо серьезном сопротивлении набегам со стороны византийских войск в источниках не сообщается. Кроме того, в источниках зафиксировано еще несколько случаев, когда вооруженные силы западной части империи действовали крайне неудачно: в 1034–1036 гг. во время нападений арабских пиратов на побережье Греции, в 1039–1040 гг. во время войны с князем Дукли Стефаном Воиславом, при подавлении восстания Петра Деляна в Болгарии (1040–1041 гг.).

Главной причиной очевидной слабости войск Запада было то, что лучшие и наиболее боеспособные подразделения европейской части Византии – регулярные тагмы – постоянно привлекались для проведения военных операций в Южной Италии. Необходимость защищать южноитальянские фемы от внешних врагов и неоднократные попытки расширить границы империи в данном регионе требовали привлечения значительных военных сил и серьезных экономических затрат. Контингенты катепаната Италия относительно успешно справлялись с задачей обороны границ, но наступательные операции были невозможны без войск из других фем империи.

Наиболее часто в Южную Италию направлялись войска из фем Македония и Эллада. После присоединения Болгарии в 1018 г. они из пограничных провинций превратились во внутренние и появилась возможность использовать регулярные тагмы Македонии и Эллады в других регионах империи. С начала XI в. войска данных провинций превращаются в главный резерв для южноитальянского корпуса византийской армии. Кроме того, в Италии зафиксировано присутствие отрядов великой этерии, которые также формировались в Македонии [156, С. 21].

Другая причина малой эффективности оборонительной системы Византии на Балканах заключалась в том, что перестройка фемной системы, начатая Василием II после присоединения Болгарии, не была завершена при его преемниках Константине VIII (1025–1028) и Романе III (1028–1034). После 1018 г. византийская граница на Западе проходила по Дунаю и расположенные вдоль старой линии византийско-болгарской границы большие (макроструктурные) военно-административные единицы – дукаты Адрианополь и Фессалоника, «ромейские» фемы Диррахий, Эллада и Пелопоннес оказались в глубоком тылу, их значение в системе обороны резко снизилось. Из военных контингентов данных провинций после 1025 г. в источниках упоминаются только тагмы, а определить, продолжали ли в них существовать стратиотские ополчения, не представляется возможным (за исключением фемы Диррахий). Можно предположить, что стратиотские контингенты за-

падных фем были значительно сокращены из-за уменьшения размеров стратиотского землевладения, которое в конце 20–40-х гг. XI в. наблюдалось на всей территории империи.

При Василии II на завоеванных болгарских и сербских землях были созданы катепанаты Болгария, Паристрион и фема Сирмий. Однако их организационная и военная структура не была окончательно сформирована. В частности, вдоль линии дунайской границы не были созданы «малые» фемы, основной задачей которых являлась оборона отдельных участков границы или укрепленных пунктов.

Анализ сфрагистического материала не позволяет также говорить о регулярном назначении военных правителей в балканские приграничные фемы после 1025 г. Правительство в Константинополе не придавало большого значения печенежским набегам, так как кочевники не стремились к захвату византийской территории. Серьезный противник, способный вести длительную войну, отсутствовал, и это обстоятельство стало главной причиной того, что начатая Василием II военно-административная реформа на Балканах была свернута, а лучшие подразделения западной армии использовались для проведения военных операций в других регионах империи.

Кардинальное изменение внешнеполитической ситуации в данном регионе в середине 40-х гг. XI в. вынудила правительство Константина IX Мономаха проводить формирование военно-административных структур на Дунае в экстраординарных условиях. С появлением в 1045–1046 гг. больших масс печенегов в Северной Добрудже начались регулярные нападения кочевников на Болгарию и Македонию. Противостоять этому серьезно противнику должны были контингенты слабых в военном отношении западных фем (Париотрион, Болгария, Адрианополь), а также западная полевая армия [156, 15-17].

Основой византийской обороны на Дунае являлся катепанат Паристрион, где располагались многочисленные крепости; и сама река служила серьезным препятствием для нападавших. О значении фемы Паристрион в системе обороны империи свидетельствуют высокие звания и титулы ее правителей. Во время первого крупного вторжения печенегов в 1046 г. византийская армия одержала относительно легкую победу. Побежденных печенегов расселили на территории балканских фем, но период их «мирного» проживания на севере Балкан был непродолжительным.

С 1048 г. военные действия против печенегов возобновляются, причем уже в глубине территории империи. Подобная ситуация оказалась совершенно неожиданной для императорского двора и командования византийской армии. Подавлять восстание кочевников пришлось не на территории пограничных фем, где были сосредоточены наиболее боеспособные воинские формирования, а в тех районах, где местная военная инфраструктура отсутствовала еще с конца 20-х гг. XI в. Крупные «ромейские» фемы – Эллада, Пелопоннес,

Стримон, Фракия, Серры – не имели в своем составе микроструктурных единиц. Выше уже отмечалось, что большинство «малых» фем в Северной Греции, Фессалии и в долине р. Марица были ликвидированы в конце правления Василия II [132].

В данной обстановке в 1049–1050 гг. императорская армия потерпела несколько сокрушительных поражений, был утрачен контроль над большей частью Болгарии, хотя в Паристрионе византийская администрация сохранилась. Стабилизировать ситуацию удалось только в 1050–1052 гг., когда вдоль линии старой болгаро-византийской границы были вновь сформированы и наполнены войсками, материальными ресурсами «малые» фемы. Кроме того, крупные военные силы были передислоцированы на Балканы из Малой Азии и Закавказья. В дальнейшем, действуя в более привычной обстановке – многочисленные крепости, хорошие дороги, греческое население – императорские войска отразили печенежское наступление. К концу 50-х гг. XI в. кочевники были вытеснены в Северную Добруджу [156, 25-26].

Опыт войн с печенегами и сохранение нестабильной обстановки на западных границах империи стали причиной создания в 50–60 гг. XI в. еще нескольких «малых» военно-административных единиц вдоль черноморского побережья Болгарии, в среднем течении Дуная и на адриатическом побережье Балкан (Сердика, Берое, Другубица, Месемврия и др.) [157, Vol. 1]. Можно констатировать, что начатая при Василии II реформа военно-административных структур на Балканском полуострове была завершена. В последней четверти XI в. данная система достаточно эффективно функционировала во время тяжелых войн Византии против южноитальянских норманнов, печенегов, узов и половцев. Одновременно, следует отметить, экстраординарный характер административных реформ в западных провинциях империи, непоследовательность политики, которую проводило правительство в Константинополе. Как следствие, на формирование территориальных военных структур на Балканах были потрачены значительные денежные суммы, а их наполнение военными контингентами происходило за счет малоазийских фем.

Подводя итоги, отметим, что использование современных исследовательских методик позволяет утверждать, что в правление Василия II были проведены следующие военно-административные преобразования:

- реорганизация системы военных командований в западной части Византии;
- формирование одной полевой армии, находившейся под непосредственным командованием императора; временный отказ от назначения доместиков схол Востока и доместиков схол Запада;
- создание новой системы материального обеспечения и снабжения императорских войск (подробнее об этом см. ниже).

Преемники Василия II, в целом, продолжали его политику. В частности, в правление Михаила IV Пафлагона и Исаака I Комнина было завершено реформирование военно-административных структур в западной части Византии. Отметим также, что созданная Болгаробойцей структура вооруженных сил была ориентирована на ведение наступательных войн. Однако кардинальное изменение внешнеполитической обстановки в 40-е гг. XI в. снизило ее эффективность. Столкнувшись одновременно с печенегами на Дунае, тюрками-сельджуками на Востоке и норманнами в Южной Италии, наиболее боеспособная армия своего времени была втянута в мелкие по масштабам, но сопряженные с большими потерями и финансовыми затратами, пограничные войны.

В) Изучение процессов, происходивших в органах гражданского управления Византии в IX–XI вв.; исследование особенностей функционирования и попыток реформирования столичных и провинциальных бюрократических структур.

Византия IX–XI вв. в значительной степени отличалась от других христианских государств средневековья. С самого начала существования империи были присущи черты, наличием которых можно характеризовать цивилизованные государства: высокая степень централизации, сложившаяся бюрократия, кодифицированное право. Центром империи была олицетворяющая собой всю страну ее столица – Константинополь, соединявший все нити государственного управления страной. Центром же Константинополя был императорский дворец со своим социальным миром, с четкой системой взаимоотношений в придворных кругах, представленных знатью и высокими должностными лицами. Дворец василевса был символом Константинополя, а Константинополь – символом империи: не случайно современники иногда называли Византию Константинополитанией [160, S. 315, 318, 321, 324].

Наличие значительного по своей численности и весу в обществе слоя бюрократии было традиционным для Византии [161, С. 156-157]. По справедливому мнению Г. Г. Литаврина, Византийская империя – это «единственная страна классической бюрократии в средневековой Европе» [162, С. 122]. Продолжавшая традиции эпохи домината византийская государственно-административная система, представленная множеством чиновников, была строгим образом регламентирована и опиралась на сформулированный в гражданском кодексе правопорядок. Претерпевая с течением веков изменения, находившийся в Константинополе аппарат государственного управления всегда являлся основой исполнительной ветви власти. Даже в «темные века» VII–VIII столетий, когда произошло сокращение численности государственных служащих на фоне переживаемого страной кризиса переходного периода, значимость Константинополя как центра бюрократии сохранилась.

Помимо территориальных («горизонтальных») управленческих структур, в Византии IX–XI вв. существовали также общеимперские («вертикальные») органы управления. Речь идет о столичных ведомствах – логофесиях. Большинство из них были сформированы в VII–VIII вв. и пришли на смену малоэффективным позднеантичным институтам гражданского управления. Логофесия представляла собой макроструктуру, состоявшую из большого числа малых административных элементов, размещенных в провинциях. Провинциальные гражданские чиновники, тесно взаимодействуя с фемными стратигами, тем не менее, не подчинялись им. Фемные судьи, протонотарии, хартуларии и пр. должностные лица были подотчетны главе соответствующего столичного ведомства. Создание логофисий в период «темных веков», вопреки логике проходившей одновременно с этим фемной реформы, привело к росту бюрократического аппарата, а впоследствии – к упрочению центральных структур управления.

С приходом к власти Македонской династии (867–1056 гг.) наступила «эпоха восстановления и консолидации» военного и гражданского управления, завершившаяся, в конечном итоге, формированием автократической монархии. К началу X в. была введена «табель о рангах» для чиновников и военачальников, до 60 возросло количество центральных ведомств. По замечанию Г. Вайса, исследовавшего социальную категорию чиновничества по сочинениям имевшего опыт общения с этой средой Михаила Пселла, для Византии XI–XII вв. нельзя найти аналога среди европейских стран по численности бюрократического аппарата [163, S. 155, 162]. В системе центрального управления страной существовало 18 рангов чиновников, но в этой иерархии, отнюдь не закреплявшей внутренние деловые связи среди чиновников корпуса, каждый из чинов был зависим от василевса. Дворец, а не ведомства, был центром бюрократического мира. Тенденция руководить страной из Константинополя сохранялась вплоть до IV крестового похода (1204 г.), когда империя рухнула вместе со своей системой центрального управления.

Императоры Македонской династии неоднократно предпринимали попытки реформировать гражданские органы управления. В отличие от вооруженных сил, структура которых не подвергалась серьезной реорганизации длительное время, столичные ведомства (секреты) постоянно находились в состоянии трансформации. Во-первых, это являлось следствием непрерывной борьбы придворных бюрократических группировок, которые оспаривали друг у друга властные полномочия. Во-вторых, причинами административных преобразований могли служить неэффективность старых управленческих структур или необходимость снизить затраты императорской казны на их содержание.

Подводя итоги комплексного исследования эволюции системы гражданского управления Византии в IX–XI вв., отметим, что в первую очередь нами рассматривалась исто-

рия отдельных элементов данной системы: секретов, придворных ведомств, судебных коллегий и пр. В рамках НИР были изучены: императорская канцелярия, ведомство императорских имуществ, логофесия дрома, логофесия агелы и другие бюрократические структуры. Процессы, происходившие в этих ведомствах на протяжении IX–XI вв., весьма показательны и позволяют сделать определенные выводы об особенностях функционирования столичных структур управления в целом.

Ведомство императорских имуществ (идика) было сформировано в 60–80-е гг. VII в., когда в Византии проходили масштабные административные реформы. Целью этих преобразований была замена устаревших позднеантичных институтов управления на новые, более эффективные структуры власти [164, Р. 180-183]. В первую очередь реорганизации подверглись службы, ранее находившиеся в подчинении у префекта претория и магистра оффикий, сами же должности *praetorian prefect* и *magister officiorum* (ὑπαρχὸς τῶν πραιτωρίων и μάγιστρος τῶν ὀφφικίων) были ликвидированы. Место старых административных структур заняли секреты (логофесии), число которых постепенно увеличивалось. Например, полномочия префекта претория были разделены между логофетом идика, логофетом геникона и логофетом стратиотиков [165, S. 440-449; 166, S. 150-151].

Первоначально функции логофета идика были связаны с финансовой сферой и фактически совпадали с обязанностями *comes rerum privatarum* («комит частных дел»), который в IV–VI вв. являлся главой личного императорского казначейства и ведал управлением императорским имуществом. К началу VII в. ведомство *comes rei privata* играло достаточно важную роль в бюрократической системе Византии, а сам «комит частных имуществ» входил в число 50 высших сановников имперской администрации. С середины VI в. в официальных документах для обозначения данной должности, наряду с латинским, стал использоваться также греческий термин κόμης τῆς ιδικῆς περιουσίας [167, Col. 664-670].

Сведений о ведомстве императорских имуществ в VIII – начале IX в. в источниках почти не сохранилось. Эпизодические упоминания служащих идика (εἰδικόν) в Житиях святых и несколько моливдовулов – это вся информация, дошедшая до нас от этого времени [36, Р. 316; 168, Р. 304-305]. Однако в правление императора Феофила (829–842) секрет идика вновь был реформирован [63, Р. 83-84, 98-100; 84, Р. 85-95; 169, Р. 253, 266-268]. За ведомством осталась функция управления императорским имуществом в столице и провинциях. Кроме того, была создана частная императорская сокровищница, в которой хранились крупные денежные суммы, драгоценности и дорогостоящие, шитые золотой или серебряной нитью, одежды из шелка [170, S. 35-38]. Из этой сокровищницы выплачивалась руга (ρόγα) синклитикам, т.е. титулованным особам сенаторского звания: магист-

рам, патрикиям, протоспафариям. Пополнение казны осуществлялось за счет поступления денег от продажи титулов и императорской доли военной добычи [155, Р. 95-96].

Главой ведомства являлся препозит идика (πραιπόσιτος τὸν εἰδικός). Однако в византийских Тактиконах IX–X вв. эта должность обозначается также как εἰδικός или ἐπὶ τοῦ εἰδικοῦ λόγου, а в текстах XI в. как λογοθέτης τοῦ εἰδικοῦ (логофет идика). В подчинении у препозита идика находились νοταρίους τοῦ εἰδικοῦ (нотарии идика) и архонты государственных мастерских (ἄρχων τῶν ἐργοδοσίων), производивших шелковые ткани, вооружение, корабельные снасти и пр. Охрану сокровищницы, складов и хранилищ осуществляли хебдомарии (ἐβδομάριος) [36, Р. 123.8, 179.24-25, 249.32, 316-318; 168, Р. 304].

Важные сведения о ведомстве идика сохранились в «Книге церемоний». В этом источнике, в частности, говорится о том, что препозит идика и его подчиненные обеспечивали поставки продовольствия для императорского дворца, занимались снабжением императора и его свиты во время поездок по стране. Для своевременного обеспечения потребностей двора в Константинополе и его пригородах находились хранилища продовольствия и других необходимых ресурсов [171, I, Р. 451.15-20, 676.11, 677.20-21, 678.9].

При подготовке морского похода на Крит в 949 г. ἐπὶ τοῦ εἰδικοῦ λόγου было приказано запасти большое количество материалов для ремонта и оснащения кораблей, меди, свинца, олова и ткани для изготовления парусов [172, Р. 226, 263]. В более позднее время на складах ведомства идика также хранились запасы, необходимые для снаряжения военного флота и сухопутной армии. Со второй половины X в. закупки стали производиться в увеличенных объемах, так как появилась необходимость наладить снабжение регулярных тагм и наемных отрядов [66, С. 198-199]. Значительную часть вооружения производили государственные мастерские в Константинополе и Фессалонике, остальное закупалась у частных лиц в столице или провинциях [171, I, Р. 657.12-20, 670.10-12, 674.19-21]. Закупками ведали подчиненные препозиту идика архонты Арсенала (ὁ ἄρχων ἀρμαμέντου) [173, Р. 294-295; 64, Р. 424].

В VIII–X вв. ведомству императорских имуществ были переданы многочисленные объекты недвижимости, расположенные в Константинополе и его окрестностях. В основном, это были старые императорские резиденции, дворцы или пустующие монастырские постройки (Манганы, Элевтерион, Каниклий, Хебдомон, Мирелейон и др.) [173, Р. 130-133, 137-139, 218-220]. На их территории стали размещать мастерские по производству шелковых тканей, вооружения, здесь располагались хранилища различных ресурсов. В итоге, большинство из этих дворцовых или монастырских комплексов были превращены в отдельные императорские куратории, каждая из которых имела свою специфику. Общее

руководство кураториями осуществлял великий куратор (μέγας κουράτορ) [63, Р. 100-103; 170, S. 39-41].

С X в. значение должности великого куратора возрастает. Это связано с увеличением числа императорских владений в столице и провинциях. Активная внешняя политика Византии на Востоке привела к присоединению значительных территорий в Северной Сирии, Месопотамии и Закавказье. После завершения военных действий целые районы, вместе с крупными городами, переходили под управление императорских кураторов. Например, захваченная у арабов в 934 г. Мелитина была по распоряжению императора Романа I Лакапина (920–944) превращена в кураторию [3, Р. 416.23 – 417.2]. Равнинная Киликия также перешла в императорскую собственность после сдачи мусульманами Тарса в 965 г. [174, S. 428-439]. Список кураторий, появившихся на Востоке в X–XI вв., может быть продолжен: Лаодикея, Селевкия, Поданд, Германикея, Лонгиния в Месопотамии, Дерксена и Арце в Иверии и др. [103, Р. 287 *suiv.*].

Продвижение византийских войск на Восток приводило к оттоку мусульманского населения из приграничных с империей районов Сирии и ал-Джазиры. На их место приходили греческие и армянские переселенцы из Малой Азии и Закавказья, которых императорские чиновники расселяли в районах Антиохии, Тарса и Мелитины. Например, судья Тарса Филит Синадин в своих письмах неоднократно упоминает о выполнении им поручений дуки Антиохии магистра Никифора Урана по размещению семей военных поселенцев (стратиотов) на территории Киликии [53, Р. 256, Ер. 10.14-16; Р. 257, Ер. 11.4-5; Р. 258, Ер. 12.5-7; 114, Р. 48-55]. Кроме того, известно о размещении на землях императорских кураторий арабов-христиан [26, С. 107-109]. Новое население, как правило, освобождалось от уплаты налогов, но должно было нести военную повинность.

По нашему мнению, увеличение числа провинциальных кураторий во второй половине X – первой половине XI в. требует особого внимания. В исследовательской литературе высказывалось предположение, что в данное время происходит существенное снижение государственных доходов и уменьшение сбора налогов. Это связано с тем, что значительная доля императорской собственности к концу X в. оказалась под контролем провинциальной знати и церковных иерархов, которые различными путями получали хрисовулы на право бессрочного пользования этой землей [175, Р. 86-93]. Однако в правление Василия II (976–1025) стала проводиться целенаправленная политика по возвращению недвижимого имущества, принадлежавшего императорам «со времен Августа» обратно под контроль логофесии идики (новеллы от 986, 989 и 996 гг.) [95, Р. 196-197, 214-215]. Кроме того, в конце X – начале XI в. в императорскую собственность перешли огромные земельные владения, конфискованные у паракимомена Василия Лакапина и его сторонников. Все хрисо-

вулы, выданные в 50–80 гг. X в. были проверены императорской канцелярией и многие из них аннулированы [34, S. 176, Nr. 768f (774); 176, P. 437-439].

В правление Василия II количество кураторий значительно возрастает. Более того, серьезно меняются функции провинциальных кураторов. В приграничных районах они, зачастую, были единственными представителями императорской власти, и органы гражданского управления во вновь созданных фемах формировались на базе кураторий. Именно этим можно объяснить обилие печатей кураторов первой половины XI в., совмещающих свои обязанности по управлению императорским имуществом с исполнением других гражданских должностей: куратор и судья, куратор и хартуларий, куратор и анаграфевс и т.д. [133, P. 138, 148-149].

Следует также упомянуть о значительной роли кураторий в снабжении вооруженных сил империи. Профессионализация византийской армии и замена стратиотских ополчений фем на регулярные тагмы потребовали создания новой системы материального обеспечения войск. В старых малоазийских и балканских фемах еще с VIII в. необходимые для армии ресурсы накапливались в митатах (μιτᾱτον) или аплектах (ἄπλεκτον) – стационарных пунктах снабжения, расположенных вблизи важнейших дорог [177, Σ. 158-162]. Однако во вновь завоеванных районах на Востоке и на Балканах столь развитой инфраструктуры не существовало. Поэтому функции обеспечения регулярных тагм были переданы в ведение провинциальных кураторов [178, С. 96-101].

Фактически, поход полевой армии теперь становился переходом от одной куратории к другой. Об эффективности данной системы можно судить по скорости передвижения императорских войск. Например, в 999 г. Василий II предпринял поход в Северную Сирию. После его завершения армия в течение полугода находилась в районе Тарса, т. е. на землях императорской куратории [26, С. 41, 335]. Весной 1000 г. восточная полевая армия направилась в поход в Иверию, который завершился присоединением к Византии значительной части владений Давида Куропалата [132, С. 140-143]. Перезимовав в Трапезунде, весной 1001 г. войска вернулись в Антиохию и, не задерживаясь здесь, двинулись на Балканы, где возникла угроза захвата Фессалоники силами болгарского царя Самуила. Дукка Антиохии магистр Никифор Уран сопровождал императора в этих походах; в его письмах сохранились упоминания о стремительном продвижении армии [53, P. 226, Ep. 19, P. 245-246, Ep. 47].

Подводя итоги, отметим, что система кураторий, созданная Василием II на Востоке продолжала существовать до середины XI в. Вопрос о том, существовала ли подобная система на Балканах остается открытым и требует дальнейшего изучения. Также малообоснованной следует считать гипотезу Ф. Дёльгера, согласно которой при Василии II было

сформировано специальное ведомство императорских кураторий, не имеющее отношения к секрету идики [170, S. 43-45; 133, P. 136-138].

Эволюция ведомства императорских имуществ была прервана катастрофическими событиями второй половины XI в. В результате потери большей части восточных провинций система кураторий прекратила свое существование. Последний раз идик упоминается в источниках в 1088 г. [179, Σ. 63]. При Алексее I Комнине его финансовые функции перешли к придворной службе ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν, а руководители столичных кураторий (Манганы, Элевтерион и др.) были напрямую подчинены императору [84, P. 95-100].

Еще одной административной структурой, которая существовала на протяжении всего периода правления Македонской династии, являлась военная логофесия. В отличие от ведомства императорских имуществ, значение этого административного органа постепенно снижается. Упоминаний о самом ведомстве в письменных источниках конца X – начала XII в. немного. Однако известны имена многих логофетов стратиотиков и подчиненных им чиновников. В связи с этим, при изучении истории этого ведомства необходимо использовать просопографический метод, который позволит определить круг должностных лиц, служивших в военной логофесии, а также выявить степень их влияния на политическую ситуацию в Константинополе. Полученные данные предоставят возможность более подробно проследить процесс превращения ведомства логофета стратиотиков из важнейшей управленческой структуры во второстепенный административный орган.

Важная особенность византийской военной системы заключалась в том, что ведомства, которые отвечали за финансовое обеспечение и материальное снабжение вооруженных сил, являлись составной частью гражданского, а не военного аппарата управления. В VII–XI вв. одной из подобных структур было ведомство логофета стратиотиков (λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ). История военной логофесии неоднократно рассматривалась в специальной литературе. Исследователями были установлены основные функции данного административного органа [63, P. 90-91; 170, S. 21-22; 71, P. 284-285, 314-317] и состав должностных лиц, подчиненных логофету стратиотиков [36, P. 314; 168, P. 263-264]. Несмотря на это, многие вопросы, связанные с эволюцией ведомства логофета стратиотиков до сих пор не нашли отражения в историографии. Речь идет, в первую очередь, о просопографических исследованиях, а именно – о выявлении лиц, возглавлявших военную логофесию на протяжении четырехсот лет ее существования.

В 1971 г. французским византинистом Рудольфом Гийаном было опубликовано исследование, посвященное истории военной логофесии Византии. Помимо прочего, в данной работе приведен перечень логофетов стратиотиков, состоящий из 18 человек [84, P. 25-

31]. Однако за последние годы, благодаря публикации новых нарративных источников и сигиллографического материала, этот список может быть существенно увеличен.

В историографии сложилось две основные гипотезы о времени возникновения военной логофесии. По мнению Ф. И. Успенского, Г. А. Острогорского, Н. Икономидиса и других исследователей ведомство существовало уже к 626-627 гг., т.е. ко времени первого упоминания фем в письменных источниках. Соответственно, создателем военной логофесии считается император Ираклий (610–641), который провел ряд реформ, заложивших основы «фемного строя» [62, С. 196-198; 180, С. 152-157; 181, Р. 1-8]. По мнению сторонников данной гипотезы первое упоминание логофета стратиотиков в источниках относится к 626 г. [182, Р. 721.8; 84, Р. 25-26].

Другая точка зрения основана на представлении о фемной реформе, как о длительном процессе, который сопровождался постепенной заменой устаревших позднеантичных институтов управления на новые, более эффективные. Сторонники данной теории считают, что в VII в. место старых административных структур заняли логофесии, число которых постепенно увеличивалось. Например, логофет стратиотиков получил часть полномочий преторианского префекта [165, S. 440-449; 166, S. 150-151; 164, Р. 180-183]. Что касается упомянутого в «Пасхальной хронике» «славнейшего патрикия и логофета Феодосия» (Θεοδόσιος ὁ ἐνδοξότατος πατρικίος καὶ λογοθέτης), который 2 августа 626 г. принимал участие в переговорах с аварским хаганом во время осады Константинополя, то из текста источника вовсе не следует, что он был главой военной логофесии. Скорее всего, Феодосий был логофетом геникона (главой налогового ведомства) [182, Р. 694.8-9, 721.8; 183, Р. 347, 1298].

Сторонниками теории о позднем возникновении фем установлено, что термин λογοθέτης упоминается в документальных источниках с IV в. [184, Col. 1183-1187]. Более того, первоначальные полномочия военного логофета не были связаны со стратиотским землевладением, так как система стратий сформировалась только к началу VIII в. [60, Р. 33-34]. До этого времени обязанности логофета стратиотиков в значительной степени совпадали с функциями некоторых позднеантичных чиновников, ведавших денежными и натуральными раздачами в вооруженных силах (*procurator castrensis*, ὁ τοῦ στρατοπέδου ὑπαρχος) [185, Col. 2320-2321].

Наиболее раннее достоверное упоминание логофета стратиотиков в письменных источниках относится к 680 г. [63, Р. 90]. Кроме того, VII в. датируется группа моливдовулов «военных логофетов», опубликованных В. Лораном и Г. Заком [168, Р. 264-266; 186, Р. 560-563]. Однако точная датировка печатей VII в. вызывает значительные трудности. В связи с этим, можно предположить, что часть этих булл может быть отнесена ко времени

ранее 680 г. и, в целом, датирована второй половиной VII в. В приведенном ниже списке византийских логофетов стратиотиков они не учтены.

Список составлен в хронологическом порядке на основании данных исторических хроник и документальных источников VII–XI вв., а также сфрагистического материала средневизантийского периода.

1. Юлиан, апоипат, патрикий и логофет стратиотиков. Он входил в число тринадцати синклитиков, которые присутствовали на заседаниях VI Вселенского (III Константинопольского) собора, проходившего с 7 ноября 680 по 16 сентября 681 г. Юлиан принимал участие только в тех заседаниях, на которых присутствовал император Константин IV (668–685). В списке патрикиев он занимает пятое место и во всех случаях упоминается как «славнейший апоитат, патрикий и *στρατιωτικοῦ λογοθέτου*» [187, XI, Р. 209, 217, 221, 229, 317, 328, 333, 380, 388, 456, 625; 188, VI, С. 20, 24, 26, 29, 71, 73, 75, 78, 100, 104, 138, 216; 84, Р. 30, по. 7].

2. Евлампий, патрикий и логофет стратиотиков. Печать VIII в. [168, Р. 266, по. 534]. Опубликованы еще две печати патрикия Евлампия, *λογοθέτου τοῦ σακελλίου καὶ τοῦ στρατιωτικοῦ* [186, Р. 561, по. 801 a-b]. Судя по сфрагистическому типу, все эти моливдовулы необходимо отнести к иконоборческому времени. Вероятно, на одном из этапов своей карьеры Евлампий одновременно исполнял обязанности главы императорского казначейства (сакеллы) и военной логофесии. Следует также отметить, что его должность в финансовом ведомстве указана в легенде булл первой, как более важная.

3. Иоанн, придворный евнух, императорский остиарий, сакелларий и логофет стратиотиков. Он несколько раз упоминается в письменных источниках. В июне 781 г. императрица Ирина отправила силы малоазийских фем (*τὰ περατικὰ θέματα*) для защиты горных проходов (*τὰς κλεισούρας*) от возможного арабского нападения. Во главе войск она поставила своего доверенного евнуха сакеллария Иоанна (*σακελλάριον ἐπὶ τοῦ οἰκειακὸν*). Халиф ал-Махди (775–785) направил в Верхнюю Месопотамию крупные силы, которые встретились с византийской армией у населенного пункта Мелон, недалеко от крепости Адат. В битве арабы потерпели поражение, многие из них погибли, остальные с позором бежали [189, Р. 455.2-8; 190, Р. 20].

Иоанн также упоминается среди участников VII Вселенского (II Никейского) собора (24 сентября – 23 октября 787 г.). Кроме него официальным представителем императорской власти в Никее являлся только апоипат, патрикий и комит «богохранимого императорского Опсикия» Петрона [56, Bd. III, S. 560-561, Nr. 5920]. Известно, что Иоанн присутствовал на первых пяти заседаниях собора, а в его «Деяниях» он упоминается как «императорский остиарий и логофет логофесии стратиотиков» и «высокопочтеннейший лого-

фет» (βασιλικῷ ὀστιάριῳ καὶ λογοθέτῳ τοῦ στρατιωτικοῦ λογοθεσίου, ὁ μεγαλοπρεπέστατος λογοθέτης). Необходимо отметить, что Иоанн не только присутствовал на соборе, но и выступал перед собравшимися церковными иерархами. В частности, на втором заседании логофет подтвердил подлинность послания, полученного собором от римского папы Адриана I (772–795), а на третьем высказал свое мнение по поводу участия митрополита Неокесарии Григория, покаявшегося иконоборца [187, XII, Р. 999, 1051, 1076, 1114, 1118; XIII, Р. 1, 157; 188, VII, С. 36, 62, 75, 90, 92, 110, 184].

В 788/789 г. Иоанн вновь командовал войсками. В «Хронографии» Феофана говорится, что императрица Ирина назначила сакеллария и логофета стратиотиков (τὸν σακελλάριον καὶ λογοθέτην τοῦ στρατιωτικοῦ) Иоанна руководить армией, отправленной в Южную Италию против франков. Помимо войск, отправленных из столицы, в состав византийской армии вошли контингенты фемы Сицилия. Командовал ими патрикий Феодор, также евнух из ближайшего окружения императрицы Ирины [189, Р. 454.25 – 455.2; 455.26 – 456.1; 56, Bd. II, S. 486-487, Nr. 1515; Bd. IV, 437, Nr. 7578]. Вместе с армией в Италию отправился также сын последнего лангобардского короля Дезидерия (756–774) патрикий Адельгис (Теодот). В сражении с войсками Карла Великого византийцы были разгромлены, погибло до 4000 воинов, еще 1000 попала в плен. Логофет Иоанн, по сообщению Феофана, также оказался в плену и принял «ужасную смерть» [189, Р. 464.2-8; см.: 84, Р. 30, no. 6; 191, S. 86].

Таким образом, Иоанн выполнял функции логофета стратиотиков, по крайней мере, с 787 по 789 гг. Кроме этого он был императорским остиарием и сакелларием. Первая из этих должностей придворная и до конца IX в. ее занимали исключительно евнухи. Формально в обязанности остиария (от лат. ostiarius, «привратник») входило представление должностных лиц императору или императрице. Однако известно, что эти доверенные лица византийских василевсов исполняли самые разнообразные поручения правящих особ [77, Р. 286-288]. В 80-е гг. VIII в., когда императрица Ирина боролась за власть в стране с группировкой высших военачальников, именно остиарию Иоанну она доверяла командование войсками [192, Р. 134]. Другая должность, которую занимал Иоанн, связана с финансовым ведомством. Сакелларий – это хранитель императорской казны (σακέλλη), в VII–VIII вв. на этот пост наиболее часто назначались придворные евнухи [63, Р. 84-86; 36, Р. 312]. Отметим также, что Иоанну могли принадлежать две печати: «ипата, логофета стратиотиков» и «патрикия, императорского протоспафария, логофета стратиотиков» [168, Р. 267, no. 535-536].

4. Георгий, логофет стратиотиков в правление императора Феофила (829–843). Он упоминается в хрониках Иосифа Генесия, Продолжателя Феофана, Иоанна Скилицы.

Византийские авторы пишут, что в последние годы царствования Феофила во дворце появилась арабская гадалка, к услугам которой обращались как сам император, так и его приближенные. Одному из них, Константину Трифиллию, она предсказала, что в царствование Василия I Македонянина (867–886) он и его сыновья будут лишены имущества и пострижены в монахи, а некий «Георгий, ведущий стратиотские книги» (Γεώργιον δὲ τὸν τὰς στρατιωτικῶς δέλτους ἐπελεημμένον) найдет свою смерть на ипподроме за участие в мятеже [193, Р. 50.1 – 4; 21, Р. 122.11-14]. Иоанн Скилица называет Георгия стратиотиком (Γεωργίῳ τῷ Στρατιωτικῷ) [11, Р. 73.72-73], что позволяет считать его главой военной логофесии. Известна также печать Георгия, императорского протоспафария и логофета стратиотиков, которую издатель датирует концом IX – началом X в. [168, Р. 268, no. 538].

Этот сюжет, заимствованный авторами X–XI вв. из более раннего источника, не совсем понятен. Например, неясно, какое отношение имеет Георгий к Константину Трифиллию. Сын Константина Никита возглавлял ведомство императорских имуществ (ἐπὶ τοῦ εἰδικοῦ σέκρέτου) [193, Р. 50.1]. Ни о каком участии Трифиллиев в мятежах против Василия I в источниках не сообщается. Однако в хронике Продолжателя Феофана упоминается о мятеже патрикия, стратига Фракисия Симватия и патрикия, комита Опсикия Георгия Пигана летом 867 г. Когда восстание было подавлено и его предводители захвачены, император приказал конфисковать их имущество, ослепить и отправить в изгнание [3, Р. 240.5 – 241.10; 56, Bd. II, S. 26, Nr. 263; Bd. IV, S. 287, Nr. 7169]. По нашему мнению, Георгий, логофет стратиотиков, был родственником Константина Трифиллия, но нет никаких оснований отождествлять его с Георгием Пиганом [84, Р. 30, no. 4].

5. Марин, патрикий и логофет стратиотиков. Он принимал участие в завершающем, десятом, заседании IV Константинопольского собора 869–870 г. В списке из 20 синклитиков он назван на шестом месте (Marino, magnificentissimo patricio et logotheta militari) [187, XVI, Р. 158; 194, Р. 195; 84, Р. 30, no. 9]. В «Деяниях» собора также несколько раз упомянут патрикий Марин, protoscriniario (протоасикрит, глава императорской канцелярии) [187, XVI, Р. 81, 96, 134]. Однако никаких оснований для отождествления Марина, «военного логофета», и Марина, протоскриниария, нет.

6. Константин, императорский протоспафарий и логофет стратиотиков (λογοθέτῃ τοῦ στρατιωτικοῦ). Печать конца IX – X в. [168, Р. 268-269, no. 539].

7. Феофилакт, императорский протоспафарий и λογοθέτῃ στρατιωτικοῦ. Моливдовул датирован издателем X в. [195, Р. 98-99, no. 184].

8–9. В. Лораном были опубликованы две печати Льва, императорского протоспафария и логофета стратиотиков [168, Р. 270-271, no. 542-543]. Они оттиснуты разными буллотириями и лицевые стороны моливдовулов отличаются. На первой печати (no. 542, первая

половина X в.) изображен св. Николай и помещена круговая надпись: «Святой Николай, помоги своему рабу», а на второй (по. 543, середина X в.) – патриарший крест на трех ступенях и круговая надпись «Господи, помоги своему рабу». Судя по иконографии булл, они принадлежали разным людям, кроме того по сфрагистическому типу вторая печать более поздняя.

10. Варданий, императорский протоспафарий и логофет стратиотиков. Печать X в. [168, Р. 271, no. 544].

11. Никита, анфипат, патрикий, императорский протоспафарий и стратиωτικῷ λογοθεσίῳ. Издатели датируют моливдовул X в. [196, Р. 94, no. 237].

12. Феодор Дафнопат, патрикий и логофет стратиотиков (конец 50-х гг. X в.). Карьера этого известного политического деятеля и писателя началась при Романе I Лакапине (920–944), когда он сначала был ἐπὶ τοῦ κανικλείου («хранитель чернильницы», личный секретарь императора), а затем занял должность протоасикрита, получив титул патрикия. В период единоличного правления Константина VII Багрянородного (944–959) Дафнопат был смещен с поста главы императорской канцелярии и назначен логофетом стратиотиков (ἀπὸ στρατιωτικῶν) [3, Р. 470.7-8; 197, Р. 216, n. 38]. Однако при Романе II он вновь получил высокий пост эпарха Константинополя и титул магистра [198, Р. 7-10; 199, С. 295-302; 200, Р. 96-97].

13. Симеон Логофет, магистр и логофет стратиотиков; начало 60-х гг. X в. [201, С. 143]. О том, что он занимал эту должность известно из поэмы, посвященной Константину VII и написанной самим Симеоном не ранее 959 г. В заглавии произведения автор называет себя πατρίκιου καὶ ἀ(πρῶτο-) σηκρήτις τοῦ νυνὶ μαγίστρου καὶ στρατιωτικῷ («патрикий и протоасикрит, ныне магистр и логофет стратиотиков»).

Личности Симеона Логофета (Симеона Магистра) посвящено большое количество исследований. В основном, они касаются литературной деятельности Симеона и проблеме отождествления его со знаменитым агиографом начала XI в. Симеоном Метафрастом [201, С. 126-143; 197, Р. 216-220; 168, Р. 209, no. 441; 277-278, no. 554; 139, Р. 1982-1984]. О служебной карьере Симеона Магистра известно немного. Его возвышение происходит при Романе I, но и в годы единоличного правления Константина VII он продолжал занимать высокие должности: патрикий и протоасикрит [197, Р. 215-217 and n. 37], логофет дрома [53, Р. 33-34, 145-146]. Не исключено что на посту главы императорской канцелярии Симеон Логофет сменил Феодора Дафнопата, попавшего в немилость у императора и отправленного служить логофетом стратиотиков.

Следует отметить, что логофеты стратиотиков, известные по сфрагистическим памятникам X – первой половины XI в., в большинстве случаев являлись императорскими

протоспафариями. Это соответствует их рангу согласно документальным источникам данного времени [36, Р. 145.11, 249.11]. Что же касается положения этих должностных лиц в административной иерархии Византии, то оно было достаточно низким. Военные логофеты в данный период не играли ключевой роли ни в гражданском, ни в военном управлении империей.

Исключение составляют лишь последние годы правления Константина VII Багрянородного и царствование его сына Романа II (959–963), когда на посту главы военной логофетии появляются весьма влиятельные лица с титулами патрикиев или магистров. В данное время при дворе сформировались две мощные бюрократические группировки во главе с Василием Лакапином (незаконнорожденный сын Романа I) и Иосифом Врингой [77, Р. 182-184, 205-206; 202, Р. 199-234]. Между ними развернулась ожесточенная борьба за контроль над системой гражданского управления Византии. Большое значение в этой борьбе играл контроль над ключевыми постами в столичных ведомствах и при дворе (логофет дрома, протоасикрит, протовестиарий, паракимомен). Должность логофета стратиотиков в их число не входила, являясь второстепенной. В связи с этим, на посту главы «военного ведомства» оказывались некоторые представители той группировки, которая терпела поражение в политической борьбе. Назначение на эту должность с поста, например, протоасикрита было унижительным понижением по службе.

И. И. Шевченко в комментариях к поэме Симеона Магистра, посвященной Константину VII писал, что назначение на пост логофета стратиотиков было для Симеона повышением по сравнению с его предыдущей должностью протоасикрита. Американский исследователь указывал на то, что данное назначение сопровождалось присвоением титула магистра [197, Р. 216]. Однако из заголовка поэмы не следует, что Симеон стал магистром после смерти Константина VII. Выше уже говорилось, что несмотря на свержение с престола Романа Лакапина Симеон Логофет сохранил влияние при дворе. Это было возможно лишь в том случае, если он примкнул к группировке паракимомена Василия Лакапина. После этого он был назначен протоасикритом, а титул магистра мог получить в последние годы правления Константина Багрянородного.

В 959 г., когда произошла очередная смена императора, политическое господство перешло к придворной партии во главе с Иосифом Врингой. Сторонники Василия Лакапина быстро лишились высоких должностей, а Симеон Магистр был назначен логофетом стратиотиков. Продолжатель Феофана пишет, что бывший военный логофет Феодор Дафнопат получил титул магистра и пост епарха Константинополя, причем помощников ему подобрал и назначил сам паракимомен Иосиф Вринга [3, Р. 470.7-18]. Это свидетельство не оставляет сомнений в том, что Феодор входил в число сторонников Вринги.

Таким образом, Симеон Логофет и Феодор Дафнопат оказались участниками политической борьбы, входя в разные придворные группировки. Они меняли друг друга сначала на должности протоасикрита (Симеон Магистр сменил Феодора Дафнопата), а затем – на посту логофета стратиотиков (вновь Симеон Магистр сменил Феодора Дафнопата).

14. Павел, протоспафарий ἐπὶ τοῦ Χρυσотρικλίνου, судья ипподрома и στρατιωτικῶ λογοθέτῳ. Печать конца X – начала XI в. [168, Р. 271-272, no. 545; 203, Р. 352-353]. Владелец печати служил одновременно в двух ведомствах: военном, которое он возглавлял, и судебном. Кроме того, он был обладателем почетного титула протоспафария Хрисотриклина, что не было связано в начале XI в. с исполнением каких-либо обязанностей [63, Р. 111-113; 133, Р. 138, 148-149].

В сборнике судебных постановлений «Пира», составленном после 1034 г., упоминается дело о наследовании имущества некого Павла, стратиотика (ὁ στρατιωτικὸς Παῦλος) [204, Р. 57.18-19]. В завещании он, желая сохранить свое имущество для несовершеннолетних сыновей, назначил эпитропов («хранителей»), которые должны были временно управлять этой его собственностью. После достижения детьми Павла совершеннолетнего возраста эпитропы обязались передать имущество им. Первоначально суд оспорил данное завещание, но магистр Евстафий Ромей сумел добиться вступления документа в силу и, тем самым, защитил интересы сыновей Павла. В. Лоран предполагал, что печать логофета стратиотиков Павла могла принадлежать завещателю. Однако для подобного отождествления недостаточно оснований. Автор «Пир» не мог не упомянуть, что Павел сам был судьей. Кроме того, речь явно идет о деле мелкого чиновника, а не руководителя ведомства. Возможно, Павел служил в логофесии стратиотиков в должности хартулария.

15. Поф, патрикий, препозит, ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος и στρατιωτικῶ λογοθέτῳ. Моливдовул первой половины XI в. [205, Р. 398, no. 877]. Печать принадлежала придворному евнуху, на что указывают титулы препозита и китонита [77, Р. 351-353; 36, Р. 300, 305]. Учитывая, что после 1025 г. евнухи вновь стали занимать высокие должности в гражданской и военной администрации империи, датировка буллы может быть скорректирована.

16. Аэтий Никерит (?), императорский протоспафарий ἐπὶ τοῦ Χρυσотρικλίνου и στρατιωτικοῦ λογοθεσίου. В. Лоран датировал данную печать первой половиной XI в. Кроме того, он указывал на ошибку резчика при изготовлении матрицы (Νίκη- вместо Νικε- в патрониме Νικερίτης) и предполагал, что это работа провинциального мастера [168, Р. 273, no. 547]. В. Зайбт и А. Вассилиу, согласились с датировкой моливдовула, но предложили другой вариант прочтения легенды: не логофет стратиотиков, а стратиг Фессалоники [206, S. 134]. Следует отметить, что это предположение весьма спорно, так как с конца X в. Фессалоникой управляли дуки, стратиги в эту фему не назначались [72, S. 209-213].

17. Михаил Вринга, патрикий, анфипат, вест, вестарх и στρατιωτικῷ λογοθέτῳ. Печать XI в. В. Лоран указывал, что она могла принадлежать Михаилу Стратиотику, занимавшему императорский престол в 1056–1057 гг. [168, Р. 272, no. 546]. Если это предположение верно, то моливдовул следует датировать 40–50-ми гг. XI в.

О приходе Михаила VI к власти подробно пишет Иоанн Скилица. Когда императрица Феодора тяжело заболела, ее окружение, желая сохранить власть, выбрало ей в преемники престарелого синклитика Михаила, который давно служил по военному ведомству. Последняя представительница Македонской династии согласилась с выбором своих приближенных, и после ее смерти Вринга был провозглашен императором [11, Р. 480.31-40; 31, Р. 273; 207, С. 190-193]. Вопрос о том, какую должность занимал Михаил VI до этих событий остается открытым. Вне всякого сомнения, одним из этапов его карьеры была служба в логофесии стратиотиков. Об этом упоминают Иоанн Скилица (Μιχαῖλ πατρίκιον τὸν Στρατιωτικόν), Михаил Атталиат (Μιχαῖλ ... τὸ τοῦ στρατιωτικοῦ) и другие источники (Μιχαῖλ ὁ γέρων, ὁ ἀπὸ στρατιωτῶν, ὁ Βρίγγας) [11, Р. 480.32-33; 7, Р. 52.19-22; 208, I, S. 160; II, S. 150]. Однако нельзя утверждать, что Вринга был избран в преемники Феодоре, занимаемая пост логофета стратиотиков. Основным аргументом против этого является его почтенный возраст.

18. Евфимий, анфипат, патрикий и στρατιωτικῷ λογοθέτῳ. Печать середины XI в. [209, Р. 416, no. 43]. В хронике Иоанна Скилицы говорится, что в 1049/1050 г. некоторые «архонты Города» были обвинены в подготовке мятежа против Константина IX Мономаха (1042–1055). Во главе злоумышленников стояли Никифор и Михаил, сыновья патрикия Евфимия. После раскрытия заговора Никифор был без суда отправлен в ссылку, его имущество конфисковали. Другие обвиняемые избежали наказания [11, Р. 471.8-13].

О самом Евфимии в письменных источниках больше не сообщается. Однако известно, что его сын Никифор до участия в заговоре 1050 г. служил судьей в феме Фракийской. В «Житии» преп. Лазаря Галесийского упоминается, что в изгнании Никифор пробыл недолго [210, Р. 541 а-с] и после возвращения в Константинополь был восстановлен на государственной службе. В одной из частных коллекций хранится печать «Никифора, проедра, логофета геникона, сына патрикия Евфимия» [209, Р. 416, п. 69]. Другой сын Евфимия также известен по данным сфрагистики. Опубликован его моливдовул: «Михаил, сын Евфимия, магистр, вест и судья Фракия» (вторая половина XI в.) [157, Vol. III, Р. 9, no. 2.18]. Таким образом, сыновья логофета стратиотиков Евфимия, несмотря на причастность к заговору при Константине IX, достигли высоких должностей и титулов. Кроме того, в надписях своих печатей они указывали на родство с Евфимием, что свидетельствует о значительном влиянии и известности этого чиновника в столичных бюрократических кругах.

19. Роман, императорский протоспафарий, судья вила и στρατιωτικῷ λογοθέτῳ. Моливдовул датируется серединой XI в. [211, С. 30, № 24; 168, Р. 274, no. 548]. Известна еще одна печать, принадлежавшая Роману, патрикию, анфипату, судье вила и στρατιωτικὸς λογοθέτης. Она также датируется серединой XI в. О принадлежности этих двух булл одному лицу свидетельствуют сходные иконографические изображения на лицевой стороне печатей [205, Р. 399, no. 880; 168, Р. 275, no. 549; 212]. Легенды моливдовулов указывают на то, что Роман совмещал службу в военной логофессии с исполнением судебных функций. Матрица второй печати, по всей видимости, была заказана после получения Романом более высокого титула.

На форзаце одной из византийских рукописей, находящихся в библиотеке Ватикана (Vatic, gr. 765), сохранилась запись от имени императорского протоспафария, судьи вила и ипподрома, логофета стратиотиков Романа Генесия. Здесь же названо имя его жены – Евпрепия (Εὐπρέπια). Почти полное совпадение этого текста с легендой первой печати позволяет предположить, что владельцем обеих булл являлся Роман Генесий [168, Р. 274].

Столичная аристократическая фамилия Генесиев известна с середины IX в. Среди ее представителей: патрикий Константин, друнгарий вила при Михаиле III (842–867), патрикий Фома, логофет дрома при Льве VI (886–912) и, возможно, автор «Истории царей» патрикий Иосиф Генесий [213, Р. 105-107]. Во второй половине X – XI в. в письменных источниках упоминаются двое представителей этой семьи по имени Роман. О первом из них сообщает Симеон Магистр в письме неизвестному адресату. Он пишет, что патрикий Роман Генесий, внук логофета Фомы, назначен стратигом. Издатель текста Ж. Даррузе установил, что речь идет о феме Пелопоннес, а написано письмо было около 981 г. [53, Р. 100-101, Ep. 4.5-7].

Второй Роман, сын патрикия Генесия, упоминается в связи с делом, который рассматривал церковный суд при патриархе Сергии (1001–1019). Роман направил в эту судебную инстанцию прошение о вступлении в брак. Он хотел жениться на дочери οἰκονόμος τῶν εὐαγῶν οἰκῶν («эконома священных имуществ», великого куратора), а разрешение патриарха потребовалось потому, что брат его невесты – Евпрепии (?) – уже был женат на Агафе, двоюродной сестре Романа. Дело было решено в пользу Генесия, суд установил между ним и невестой родство в седьмой степени. К сожалению, сам текст документа утрачен, но о нем сохранились упоминания в трактате о брачном праве Димитрия, митрополита Кизика и синкелла, написанном в 1029–1038 гг. [214, Col. 1113 C-D; 215, Р. 331, no. 822; 216, Р. 301-304].

Печати Романа, логофета стратиотиков, могли принадлежать именно этому представителю семьи Генесиев. Его знатное происхождение позволяло претендовать на вступ-

ление в брак с дочерью великого куратора. Кроме того, сам факт рассмотрения прошения Романа лично патриархом Сергием позволяет включить Генесиев в число самых влиятельных семей константинопольской знати.

О дальнейшей карьере Романа Генесия свидетельствуют еще две печати с метрическими надписями. На лицевой стороне этих моливдовулов помещено изображение св. Георгия. Легенда первого из них: «Роман Генесий, патрикий, ипат, великий хартуларий, судья вила и Вукеллария» [157, Vol. IV, P. 6-7, no. 1.15], а второго – «Роман Генесий, магистр, вестарх и эпарх» [168, P. 557-558, no. 1018–1019]. Обе буллы датируются серединой XI в. Таким образом, карьера Романа Генесия на императорской службе началась в военной логотетии, а завершилась на посту эпарха Константинополя.

20. Варис (Βαρύς), протоспафарий (патрикий) (?) и λογοθέτη στρατιωτικοῦ. Печать середины XI в. [195, P. 98, no. 183]. Из-за плохой сохранности моливдовула имя и титул его владельца восстановлены гипотетично. Прочтение должности, напротив, сомнения не вызывает [217, S. 198].

21. Николай, λογοθέτης τῶν στρατιωτικῶν. Конец 60 – начало 70-х гг. XI в. Ему была посвящена эпитафия, написанная Михаилом Пселлом. Из этого текста следует, что Николай был другом Пселла и отцом его ученика (имя не упоминается). По всей видимости, логофет стратиотиков погиб в сражении [218, P. 216-219; 84, P. 31, no. 12]. Издатели эпитафии предположили, что она была посвящена либо Николаю Вране, либо Николаю Маврокатакалону. Однако эти военачальники действовали в конце XI в., в правление Алексея I Комнина (1081–1118) [219, С. 506], а Михаил Пселл умер гораздо раньше, около 1078 г. Кроме того, текст посвящен не профессиональному военному, а гражданскому должностному лицу. Отметим, что во второй половине XI в. только император Роман IV Диоген (1068–1071) брал с собой в походы против сельджуков гражданских чиновников, составлявших его «полевую канцелярию». В 1069 г. в очередной кампании на Востоке при войске находился и сам Михаил Пселл. В «Истории» Михаила Агталиата сообщается о гибели в битве при Манцикерте (1071 г.) нескольких высокопоставленных гражданских чиновников. Возможно, логофет стратиотиков Николай был среди них, или же погиб раньше, во время сражений с тюрками в Северной Сирии или Каппадокии [7, P. 167.11-17; 220, С. 284, 293].

22. Михаил Радин, магистр, вестарх и στρατιωτικῶ λογοθέτῳ. В. Лоран датировал моливдовул второй половиной XI в. [168, P. 275, no. 550]. Известна также более ранняя печать этого чиновника: «Михаил Радин, патрикий, вестарх и логофет стратиотиков». В. Зайбт и А. Вассилиу датируют обе буллы 50–70-ми гг. XI в. [206, S. 45, Nr. 128-129].

Их принадлежность одному лицу не вызывает сомнений, так как изображения на лицевой стороне печатей идентичны.

По письменным источникам известны несколько представителей семейства Радинов по имени Михаил. Однако только один из них мог быть логофетом стратиотиков, остальные либо жили значительно позже (конец XIII – XV в.) [221, № 23980–23999], либо являлись церковными иерархами [222, Р. 94-95].

Около 1067 г. Михаил Пселл написал монодию на смерть проедра Михаила Радиана, своего бывшего ученика. В ней говорится о том, что покойный занимал высокую должность в провинции. Исполняя свои обязанности, Радин тяжело заболел. Когда император Константин X Дука разрешил доставить его в столицу, врачи уже ничего не могли сделать и Михаил скончался. Далее Пселл перечисляет многочисленные добродетели покойного: он был красив, умен, обаятелен, любил свою семью, особенно мать и младшего брата Христофора. Все родные сильно скорбели о своей утрате, а жена Михаила вскоре также умерла [223, Р. 91-93, 112-126].

Михаил Радин принадлежал к провинциальной аристократической семье из Анатолика, родственной Аргирам и Дукам. С начала XI в. они известны, в основном, как гражданские чиновники в фемах и в столичных ведомствах [224, Р. 171-172; 225, S. 331; 206, S. 44-45]. Карьера Михаила известна только по сфрагистическим данным, так как монодия Михаила Пселла точных свидетельств об его *cursus honorum* не содержит. По всей видимости, Радин начал служить в столице и стал логофетом стратиотиков. Потом он перешел в провинциальную администрацию. Опубликована печать Михаила Радиана, проедра и претора Фракисия (вторая половина XI в.) [226, Р. 142-143, no. 202]. Для этого времени должность претора большой малоазийской фемы, обладавшего значительными полномочиями и властью, была значительно привлекательнее поста главы второстепенного столичного ведомства. Считать назначение Михаила Радиана во Фракисию понижением по службе было бы ошибочно.

23. Никита, магистр и логофет стратиотиков (ὁ μάγιστρος Νικήτας καὶ στρατιωτικὸς λογοθέτης) [179, Р. 339.234]. В апреле 1088 г. он, среди прочих чиновников, упоминается в нескольких документах, выпущенных императорской канцелярией по поводу дарования монастырю св. Иоанна Богослова на о. Патмос освобождения от налогов и других привилегий.

Никита – последний глава военной логофесии, упоминаемый в письменных источниках. Печати логофетов стратиотиков, которые датировались бы позднее 80-х гг. XI в. также неизвестны. В историографии сложилось мнение, что вскоре Алексей I Комнин упразднил данное ведомство в рамках широкомасштабной административной реформы. Од-

нако в поздневизантийских текстах упоминается придворный титул военного логофета. В XIV в. это был чин IV группы первого разряда, но его служебные обязанности в источниках не обозначены [84, Р. 30, по. 8; 227, С. 204, 210].

Подводя итоги, отметим, что за четыреста лет существования военной логофесии (80-е гг. VII – 80-е гг. XI в.) могут быть определены 23 человека, возглавлявших данное ведомство. Логофеты стратиотиков VII–XI вв. не играли основополагающей роли в административной системе Византии. Их следует отнести, скорее, к средней бюрократии, чем к высшим гражданским функционерам. Зачастую логофеты стратиотиков одновременно занимали более значимые посты в финансовом или судебном ведомствах.

Для византийской государственной системы X–XI вв. было характерно достаточно четкое разграничение полномочий гражданских ведомств. Дублирование одних и тех же функций разными управленческими структурами имело место крайне редко и, в основном, в судебной сфере [228, S. 340-343]. Однако существовала другая проблема – разграничение полномочий между государственными и придворными структурами. Зачастую последние присваивали себе функции государственных органов власти и оттесняли их на второй план. Подобная практика объясняется, прежде всего, политической борьбой аристократических группировок, которые стремились контролировать ключевые должности в системе гражданского управления империи. Особенно ярко данные тенденции проявились во второй половине X в. [229, С. 34 и сл.; 125, С. 47 и сл.].

В историографии развернувшаяся в Византии борьба за власть традиционно расценивается как столкновение двух группировок «господствующего класса»: столичной бюрократии и провинциальной военной знати. Однако данные группировки не были однородными. Например, гражданская знать в середине X в. была разделена на два мощных бюрократических клана, их предводителями были придворные евнухи Василий Лакапин и Иосиф Вринга. Борьба данных группировок продолжалась более сорока лет [180, С. 375-400; 230, Р. 518-519, 531-532]. В итоге, победу одержала «партия» паракимомена Василия Лакапина (Василий Ноф, Βασίλειος Λακαπῆνος, Βασίλειος Νόφος), незаконнорожденного сына императора Романа I Лакапина (920–944) [202, Р. 199-211].

Василий Ноф установил полный контроль над гражданскими органами управления. Фактически он правил Византией при Никифоре II Фоке (963–969) и Иоанне I Цимисхии (969–976). Его власть еще более увеличилась после смерти Цимисхия, когда Василий Лакапин «возложил на себя бремя власти» по причине «слишком нежного возраста и незрелости разума» молодого императора Василия II [11, Р. 314.56-58].

Влияние Василия II на армию и государственный аппарат было незначительным [151, Р. 446-47, 469-473]. Единственной структурой, которую не контролировал Василий

Лакапин, являлась императорская канцелярия. Со времен Василия I (867–886) этот бюрократический орган не играл значительной роли в системе государственного управления [231, X, Р. 595-597]. Функции и структура императорской канцелярии со второй половины IX в. также изменились мало. Главой канцелярии являлся протоасикрит (πρωτοασκηρίτης), в подчинении у которого находился многочисленный штат асикритов и нотариев. В обязанности этих чиновников входила подготовка различных документов, корректировка присланных из других ведомств текстов и передача их на рассмотрение императора. Подписанные императором документы из канцелярии рассылались для исполнения в секреты или в провинциальные органы управления [63, Р. 97-98; 169, Р. 166-169; 36, 310-311].

Кроме того, среди должностных лиц императорской канцелярии в источниках упоминаются личные секретари василевса, которые протоасикриту не подчинялись. Это ἐπὶ τοῦ κανικλείου (каниклий, «хранитель императорской чернильницы»), мистик (μυστικός), мистолект (μυστολέκτης) и декан (δεκανός) [168, Р. 50, 70-71, 98, 101].

После 976 г. большинство важных государственных документов в императорскую канцелярию не попадало. Вся деловая переписка велась через подчиненных Василия Нофа. Известно, что паракимомен сам подписывал хрисовулы, не ставя об этом в известность императора. В данный период было выдано множество документов, в которых гражданским чиновникам или военачальникам присваивались новые титулы и должности. Кроме того, частным лицам, церковным иерархам и монастырям жаловались различные привилегии, предоставлялось освобождение от налогов и повинностей, передавались земельные владения. Известно, что ряд императорских актов не требовал личной подписи василевса (например, σιγίλλιον). В них указывалась имя императора и дата издания акта (месяц, индикт). Кроме того, он скреплялся свинцовой императорской печатью-моливдовулом [42, С. 17-18]. Щедрость Василия Лакапина увеличивала число его приверженцев, но для Василия II подобная практика являлась абсолютно неприемлемой.

Борьба императора с Василием Нофом продолжалась несколько лет. Постепенно вокруг Василия II сформировалась группа молодых и хорошо образованных чиновников, выходцев из знатных константинопольских семей (Ураны, Синадины, Каматиры и др.). В 985 г. самодержец обвинил Василия Лакапина «в плохом управлении» и отправил в отставку. Имущество паракимомена было конфисковано, а сам он оказался в ссылке, где и умер через несколько месяцев [11, Р. 335.63-67]. Необходимо отметить, что в византийских текстах конца X – начала XII в. устранение императором Василия Нофа воспринималось весьма неоднозначно. Например, Михаил Пселл писал о том, что с паракимоменом обошлись крайне жестоко и несправедливо, а Иоанн Геометр намекал, что император хотел присвоить себе имущество Лакапина [232, Р. 209-210, 213-214].

После 985 г. Василий II начал формировать столичную и провинциальную администрацию исключительно из своих выдвиженцев. Одновременно с этим аппарат управления и армия подверглись широкомасштабной чистке от бывших сторонников Василия Нофа. Однако число их было так велико, что для завершения этого процесса потребовалось несколько лет [231, XII, Р. 83-108; 233, Р. 87-89].

Роль императорской канцелярии в период перехода реальной власти от Василия Лакапина к императору была чрезвычайно велика. Некоторые из императорских секретарей получили высокие должности в армии и провинциальной администрации. Кроме того, канцелярия выполняла основную работу по пересмотру хрисовулов, выданных в годы правления Василия Нофа.

Известны несколько новелл Василия II, в которых все выданные Лакапином документы объявлялись недействительными. Первая из них была опубликована в конце 986 г. По всей видимости, она не возымела необходимого воздействия и апреле 989 г. был издан *πρόσταξις*, который категорически предписывал: все хрисовулы, выданные со дня вступления Василия II на престол подлежат пересмотру в императорской канцелярии. Те из них, которые самодержец решит оставить в силе, должны быть собственноручно им подписаны (на документе ставилась пометка «ἐτηρήθη») [34, S. 176, Nr. 768f (774)].

Наконец, в 996 г. была издана третья новелла, в которой вновь упоминались выданные при Василии Лакапине хрисовулы. Она гласила: «От начала нашего самодержавного правления и до низложения паракимомена Василия многое свершалось не по нашему изволению и без нашего ведома, а только по его распоряжению... Все хрисовулы, выданные в то время, объявляются недействительными... только те из них сохраняют силу, которые будут представлены на наше повторное рассмотрение. На сохранивших действие хрисовулах мы собственноручно напишем о подтверждении» [95, Р. 214.198-211, 215.234-247].

К сожалению, подробности данных событий в источниках не сохранились. Судьбы должностных и частных лиц, пострадавших в результате кампании по пересмотру хрисовулов, а также масштабной чистки государственного аппарата, в большинстве случаев, неизвестны. Можно лишь предположить, что многие чиновники были уволены со службы, а их имущество конфисковано [176, Р. 437-439; 234, Р. 111-132]. Однако не следует считать, что были отменены абсолютно все хрисовулы, выданные при Василии Лакапине. Константинопольская бюрократия вскоре приспособилась к жесткой политике Василия II и нашла возможность для подтверждения ранее выданных привилегий.

Свидетельства о том, каким образом происходило подтверждение «старых» хрисовулов сохранились в письмах магистра Никифора Урана, одного из наиболее ярких представителей поколения «выдвиженцев» Василия II [53, Р. 217-218]. Его карьера началась в

императорской канцелярии, где он дослужился до должности ἐπὶ τοῦ κανικλείου, получил титулы вестарха и магистра. В 980 и 984–987 гг. Никифор руководил важными дипломатическими миссиями в Багдаде. К этому времени Уран был уже настолько влиятелен среди столичного чиновничества, что стал представлять угрозу для Василия Лакапина. Яхья Антиохийский и Иоанн Скилица упоминают, что паракимомен, используя свои связи в Багдаде, сумел добиться ареста императорского посла. Вернуться в Константинополь ему удалось только после отставки Василия Нофа [26, С. 34; 11, Р. 327.30-42; 121, S. 51-52].

В 996 г. Никифор Уран из гражданской администрации перешел на службу в вооруженные силы. Учитывая недоверие Василия II к профессиональным военным, неудивительно, что на должность доместика схол Запада был назначен лично преданный императору чиновник. Никакого военного опыта он не имел, но был хорошо знаком с военной теорией. В 996/997 г. западная армия под командованием Урана уничтожила войско болгарского царя Самуила (976–1014) в сражении у р. Сперхей в Фессалии. Эта победа имела большое стратегическое значение, именно после нее наметился перелом в византийско-болгарской войне, которая до 997 г. складывалась для империи неудачно [235, Р. 129-131; 158, С. 146].

Назначение Никифора Урана на одну из высших военных должностей империи не означало, что он потерял связи среди высшей бюрократии. Его письма это лишь подтверждают. Свои послания Никифор адресовал исключительно гражданским чиновникам и церковным иерархам. Как уже упоминалось выше, после 986 г. в византийской элите чрезвычайно важной стала проблема подтверждения хрисовулов, полученных в период правления Василия Лакапина. В этой связи хотелось бы обратить внимание на четыре письма Никифора Урана.

Первое из них адресовано митрополиту Лаодикеи Анастасию [236, Р. 387, 390, no. 528] и сохранилось лишь частично [53, Р. 218, Ер. 3]. Никифор Уран пишет о том, что Анастасию не следует упрашивать его и превозносить его услуги как великое благодеяние. «Мы знакомы с детских лет. Я посылаю хрисовул для твоей церкви, о котором ты меня просил» – продолжает автор [53, Р. 218. Ер. 3.3-4].

Следующее письмо Никифор Уран написал патрикию и препозиту вестиаритов Евфимию. Речь в нем также идет о хрисовулах: «Твоя просьба о получении письменных распоряжений императора для препозита сакеллы мною исполнена. Вот документ (συλλαβή), который окончательно подтверждает все три хрисовула. Два из них предназначены для тебя, а третий – для епископа Корона, который я отправляю ему через тебя» [53, Р. 218-219. Ер. 4.4-7]. Следует обратить внимание, что письмо адресовано препозиту вестиаритов (ἐπὶ τοῦ βεστιάριου), т.е. одному из высших должностных лиц империи. По всей видимости,

сам Евфимий получить от Василия II хрисовулы не мог, и вынужден был просить об этом Никифора Урана.

В послании упоминается, что к подтвержденным императором хрисовулам прилагался еще один документ – письменное распоряжение Василия II, адресованное препозиту сакеллы. Одной из обязанностей этого чиновника (сакелларий, σακελλάριος, ἐπὶ τῆς σακέλλης) являлась регистрация хрисовулов, которые предоставляли освобождение от налогов, повинностей или передавали в распоряжение просителя какое-либо имущество [63, Р. 93-95]. Сакелларий постоянно находился в Константинополе, а сам император появлялся в столице достаточно редко, лично командуя войсками на Востоке или на Балканах. Чтобы ускорить регистрацию, к хрисовулу прилагали специальное распоряжение для ἐπὶ τῆς σακέλλης.

Третье из писем, которые необходимо упомянуть, было направлено Стефану, митрополиту Никомедии и патриаршему синкеллу [236, Р. 272, по. 378]. По всей видимости, Никифора Урана связывала со Стефаном многолетняя дружба, и большая часть послания имеет частный характер. Однако завершающая часть письма свидетельствует, что их связывали и деловые отношения. Никифор пишет о том, что он, являясь верным слугой императора, честно исполняет свой долг. За верную службу самодержец щедро вознаграждает его: «Как мы и хотели, некоторые хрисовулы были мной получены вместе с распоряжениями для ἐπὶ τοῦ σακέλλίου. Лишь хрисовул для клириков твоей митрополии и епископа Лофоса потребовал вмешательства паракимомена» [53, Р. 219-220. Ер. 5.18-23]. К сожалению, текст письма не позволяет точно определить, почему подтверждение последнего хрисовула потребовало вмешательства перакимомена и еще одного письменного императорского напоминания (ὑπόμνησις).

Последнее из писем также адресовано церковному иерарху, митрополиту Кесарии и патриаршему синкеллу Григорию. В коротком послании Никифор Уран сообщает, что отправляет Григорию не подлежащий пересмотру хрисовул, который подтвержден письменным распоряжением императора (συλλαβή) [53, Р. 220. Ер. 6.1-4]. Несомненно, что упомянутое в тексте письменное распоряжение императора было адресовано препозиту сакеллы.

Из упомянутых выше писем можно заключить, что Никифор Уран имел возможность добиться от Василия II не только подтверждения «старых» хрисовулов, но и других документов, необходимых для быстрой регистрации императорских актов (συλλαβή, ὑπόμνησις). Это было возможно лишь при постоянном личном общении с императором. Известно, что Никифор сопровождал Василия II в походе в Северную Сирию в 999 г., после этого похода он был назначен дукой Антиохии. В 1000/1001 г. восточная полевая армия и контингенты фемы Антиохия отправились в Закавказье, и снова Никифор Уран сопро-

вождал Василия II [121, S. 52-53]. По нашему мнению, это дает основания датировать упомянутые выше письма 999–1001 гг.

Таким образом, в письмах магистра Никифора Урана прослеживается достаточно изощренная схема получения различного рода документов с императорской подписью. Однако речь идет не о новых хрисовулах, а о подтверждении старых, выданных задолго до 1000 г. Отметим также, что в роли «просителей» выступают очень могущественные люди: два патриарших синкелла, митрополит Лаодикеи и препозит вестиаритов. Они могли бы сами обратиться к императору, но предпочли действовать через магистра Никифора Урана.

Подводя итоги, отметим, что в правление Василия II императорская канцелярия играла значительную роль в управлении империей. Несмотря на то, что ее структура оставалась прежней, изменились функции данного бюрократического органа. В 976 по 985 г. канцелярия являлась главной опорой императора в борьбе против паракимомена Василия Лакапина. В дальнейшем данная структура стала для Василия II источником кадров для армии и гражданской администрации. После 986 г. императорской канцелярией была проведена значительная работа по пересмотру хрисовулов, незаконно выданных Василием Нофом. Несмотря на то, что к 1000 г. все столичные ведомства перешли под императорский контроль, значение канцелярии оставалось велико вплоть до смерти Василия II.

Выше уже упоминалось, что своеобразие государственных институтов Византии определялось непрерывностью их развития, начиная с античной эпохи. По этой причине административные структуры империи были более совершенны, чем система управления феодальных государств Европы. Ярким примером, подтверждающим данный тезис, являются структуры материально-технического обеспечения византийских вооруженных сил, которые вплоть до первой половины XII в. продолжали оставаться достаточно эффективными. Характерно также, что ведомства, занимавшиеся материально-техническим обеспечением императорской армии, относились к гражданским административным структурам, а служившие в них чиновники не могли претендовать на военные чины и звания. Кроме того, ведомства тылового обеспечения вооруженных сил действовали на всей территории империи в тесном взаимодействии с провинциальными (фемными) властями и находившимися в приграничных регионах командирами регулярных армейских подразделений. Следовательно, большинство подобных ведомств необходимо отнести к макроструктурам византийской административной системы.

В рамках изучения политических и социокультурных процессов в период расцвета Византии (эпоха Македонской династии) был исследован ряд вопросов, связанных с организацией системы государственного управления империи в условиях постоянного увеличения ее территории с середины IX по середину XI в.

Первостепенное значение для эффективной работы органов центрального и провинциального управления, а также поддержания высокого уровня боеспособности вооруженных сил имела система коммуникаций. Из источников средневизантийского времени известно, что основные перевозки по территории империи осуществлялись по суше. Кроме того, Византия унаследовала от Римской империи развитую дорожную систему и эффективную почтовую службу. Государственная и частная корреспонденция достаточно быстро доставлялась из Константинополя не только в крупные городские центры Ближнего Востока, Малой Азии и Балкан, но и в отдаленные пограничные гарнизоны на Дунае или в Закавказье. Развитие почтовой службы было неразрывно связано с римской системой дорожных коммуникаций. Для эффективной эксплуатации, своевременного ремонта и строительства новых путей сообщения требовалось постоянное внимание государства. В связи с этим, среди римских структур государственного управления существовал ряд ведомств занимавшихся эксплуатацией дорог и организацией почтового сообщения. Некоторые из них, как и сама римская дорожная сеть, были унаследованы Византией. Со временем, а именно с конца VII – VIII в., данные структуры начали трансформироваться. Это было вызвано значительным сокращением территории Византии в период войн против арабов и болгар, постепенным упадком дорожной системы и необходимостью уменьшения государственных расходов на содержание дорожных коммуникаций и почтовой службы. Тем не менее, некоторые черты системы, сформировавшейся в V–VI вв. сохранялись в Византии вплоть до конца XI в. Настоящая статья посвящена рассмотрению ряда аспектов, связанных с организацией управления почтовой службой империи в конце X – XI в.

Существовавшая в Римской империи I–III вв. почтовая служба обычно обозначается термином *cursus publicus* (διδόσιος δρόμος). Отметим, что в письменных источниках периода Ранней империи дорожная система также обозначалась как *cursus publicus* [237, S. 1846-1863]. С одной стороны, это подчеркивает неразрывную связь дорожных коммуникаций и почтовой службы, но, с другой стороны, вносит определенные трудности при изучении столь тесно связанных между собой систем.

Вклад римского государства в развитие дорожной сети был весьма существенным: финансирование строительства дорог, использование армейских контингентов для этих целей, предоставление налоговых льгот и пр. Вдоль дорог располагались *stationes* (дорожные станции). Как правило, расстояние между ними не превышало 15-20 км (именно такое расстояние могли преодолеть в течение светлого времени суток тяжело нагруженные повозки). Дорожные станции сдавались в аренду жителям придорожных районов. Подобные арендаторы (*mansiones*) должны были предоставлять путешественникам помещение для ночлега, продовольствие, смену верховых или вьючных животных, а также заботиться об

их безопасности. Частные лица, которые передвигались по дорогам *cursus publicus* и останавливались на дорожных станциях, оплачивали все предоставляемые им услуги. Государственные служащие (курьеры, сборщики податей, судьи), как правило, от оплаты освобождались на основании специальных предписаний (*diplomata*), выданных столичными или провинциальными властями. Если по дороге передвигались военные подразделения, то они должны были оплачивать владельцам *stationes* их услуги. Однако, достаточно часто, этого не происходило и в источниках III–IV вв. сохранилось множество упоминаний о злоупотреблениях военных [238, Р. 35, 75-79].

Расцвет *cursus publicus* пришелся на II в., когда система функционировала наиболее эффективно. Сотни *stationes*, расположенных вдоль главных и второстепенных дорог, полностью обеспечивали потребности совершавших поездки государственных служащих и частных лиц [239, S. 346-347]. Однако уже в III в. дорожная система Римской империи начинает приходить в упадок. Причин начавшегося кризиса было несколько. Во-первых, следует упомянуть произвол провинциальных чиновников (выдача *diplomata* своим родственникам, незаконное взимание средств с арендаторов дорожных станций и пр.). Во-вторых, государственные расходы на поддержание дорожной системы в работоспособном состоянии постоянно увеличивались. В условиях кризиса III в. империя не могла позволить себе тратить значительные денежные суммы на ремонт старых и строительство новых коммуникаций [238, Р. 380-381].

В конце III – начале IV в. происходит реформирование дорожной и почтовой служб империи. За ними сохранилось общее наименование *cursus publicus*, но принципы их деятельности совершенно изменились. Прежде всего, наиболее значимые дороги перешли в полную и безраздельную собственность государства. К ним относились магистрали, соединявшие крупнейшие города с приграничными регионами («военные дороги»), и пути, шедшие вдоль линии границы. Главной задачей службы, управлявшей государственными дорогами, отныне было обеспечение быстрого передвижения войск из внутренних районов к границам или их перемещение из одной части империи в другую, особенно при подавлении военных мятежей [240, Р. 47-48].

Почтовая служба *cursus publicus* Поздней империи была реформирована в правление Константина Великого (306–337). Главным нововведением следует считать ее разделение на две части: *cursus velox* (ὀξύς δρόμος) и *cursus clabularis* (πλατὺς δρόμος). *Cursus velox* являлась службой курьерской почты. Она должна была обеспечивать быструю доставку корреспонденции из столицы в провинции и обратно. Кроме того, ведомство *cursus velox* отвечало за перевозку государственных служащих и иностранных посольств. В ведении

cursus clabularis находилась перевозка государственных грузов и надзор за деятельностью дорожных станций [241, Р. 830-834].

Реорганизация почтового ведомства *cursus publicus* сопровождалась принципиальными изменениями в организации его финансирования. На население районов, прилегающих к «императорским дорогам», были возложены повинности по обеспечению перевозок в интересах государства верховыми и тягловыми животными, повозками и фуражом. Кроме того, они должны были обеспечивать содержание дорожных станций. Впоследствии, в VII–VIII вв., из данного слоя податного населения Византии сформировалась особая социальная группа – экскуссаты дрома (ἐξκουσῆται τοῦ δρόμου) [66, С. 160-162]. Средства на содержание ведомства *cursus velox* выделялись из государственной казны [170, S. 22-23].

Отдельные изменения в почтовой службе *cursus publicus* происходили и позже, вплоть до правления Юстиниана I (527–565). В источниках сохранились достаточно подробные описания «царских дорог» середины VI в. Например, одна из важнейших военных магистралей, шедшая от Константинополя к персидской границе, была обеспечена необходимым количеством дорожных станций. На каждой из них государственные служащие могли получить верховых лошадей (их число доходило до сорока), а также мулов или волов для перевозки грузов. Прокопий Кесарийский упоминает о том, что курьер мог проехать за день от 5 до 8 таких станций, т.е. расстояние в 100-160 км [242, Р. 58-59].

Управление почтовой службой в Поздней Римской империи относилось к ведению магистра оффиций (*magister officiorum*, «начальник ведомств»). Полномочия этого высшего должностного лица были весьма обширны. Основные его обязанности были связаны с внешней политикой: ведение переговоров с другими государствами, подготовка международных договоров, прием иностранных послов, надзор за иностранцами на территории империи и пр. Кроме того, в подчинении у магистра оффиций находились *interpretes*, переводившие речи иноземных посланников. Следует отметить, что с конца IV в. объем полномочий «начальника ведомств» постоянно увеличивался. Например, он приобрел административный контроль над имперскими секретариатами (*sacra scrinia*), осуществлял административный и дисциплинарный контроль над императорской гвардией (*scholae*), определял списки лиц, допущенных на аудиенцию к императору [243].

Необходимо отметить, что со временем в подчинение *magister officiorum* попадали все новые бюрократические структуры. Ранее эти ведомства подчинялись другим высшим должностным лицам, т.е. были уже сформированы и укомплектованы штатом служащих. Иными словами, увеличивалось количество подчиненных «начальнику ведомств» административных органов, но их внутренняя структура при этом не изменялась.

Почтовая служба оказалась в подчинении у магистра оффиций уже после реформирования данного ведомства. Вне всякого сомнения, управление *cursus publicus* не являлось главной задачей магистра оффиций – это была лишь его второстепенная функция. Штат почтовой службы состоял из императорских курьеров (*agentes in rebus, cursores*) и почтовых инспекторов (*curiosus cursus publici praesentalis, curiosus cursus omnes provincias*). Обязанности *cursores* состояли в доставке государственной корреспонденции из столицы в провинции и обратно. Они имели право беспрепятственно пользоваться дорогами *cursus publicus* и менять лошадей на почтовых станциях. *Curiosi*, в основном, выполняли контрольные функции: следили за работой почтовых служб, собирали и передавали в столицу различного рода информацию о беспорядках, злоупотреблениях должностных лиц, настроениях в армейских подразделениях и пр. Благодаря деятельности *curiosi* «начальник ведомств» располагал исчерпывающей информацией о положении дел в стране [244, S. 778-779].

Курьеры отбирались из солдат гвардии, список новых *agentes in rebus* ежегодно представлялся для утверждения императору магистром оффиций. Число курьеров в первой трети V в. достигало 1400. Инспекторов почтовой службы было меньше – не более двух человек на провинцию [241, P. 832-833]. Таким образом, с помощью многочисленного штата чиновников *magister officiorum* не только эффективно управлял работой почтового ведомства, но и решал ряд задач, относящихся к другим сферам его административной деятельности.

События конца VI – VII в. катастрофически отразились как на дорожной системе Византии, так и на ведомстве *δημόσιος δρόμος*. Потеря контроля над большей частью Балканского полуострова привела к тому, что расположенные здесь старые римские дороги – *Via Egnatia* (из Константинополя в Диррахий), *Via Militaris* (из Константинополя в Сирмий) и приморская дорога от Константинополя к устью Дуная – пришли в упадок [245, P. 180-182, 198]. Основные пути сообщения в западной части империи переместились на море.

В Малой Азии ситуация была немногим лучше. Большинство старых дорог данного региона также оказались заброшенными. Кроме того, арабские армии двигались к Константинополю, как правило, вдоль римских коммуникаций. В результате, придорожные районы подвергались регулярному разорению, и численность населения в них значительно сократилась. Как следствие, в письменных источниках VII – первой половины VIII в. почти нет упоминаний о каких-либо административных структурах, ведавших государственной почтой и дорожной системой империи.

В восточной части Византии ситуация стала изменяться только после начала военно-административной (фемной) реформы. Создание фем и переход империи в контрнаступление против арабов потребовали скорейшего восстановления военных путей сообщения и снабжения. Уже в середине IX в. в Малой Азии и Каппадокии источники фиксируют существование системы «царских дорог», ведущих к восточным границам Византии [246, Р. 22-44]. Вне всякого сомнения, говорить о восстановлении римской дорожной системы в полном объеме не приходится.

В VIII–IX вв. дорожная сеть выполняла исключительно военные функции, и главным ее предназначением было обеспечение быстрого выдвижения фемных контингентов к границе. Поэтому важно было накопить в определенных пунктах вдоль дорог необходимые армии ресурсы (продовольствие, вооружение, одежду и пр.). В «De cerimoniis» Константина Багрянородного (середина X в.) содержатся сведения об апликтах (τὰ ἄπλῃκτα) – стационарных укрепленных военных лагерях, в которых концентрировались необходимые армии материальные ресурсы. Малоазийские аплекты располагались в Малагине, Дорилее, Колонии, Кесарии, Дазимоне и других пунктах [58, Р. 80-81].

После выхода Византии из внешнеполитического кризиса VII – начала VIII в. постепенно начинают восстанавливаться и структуры гражданской власти. В провинциях происходит достаточно быстрое развитие судебных, налоговых и финансовых институтов. В Константинополе также наблюдается увеличение численности чиновного аппарата. Одним из ведомств, игравшим в данный период значительную роль в управлении империей, являлся секрет логофета дрома.

Проблемам, связанным с историей ведомства дрома посвящена значительная специальная литература [63, Р. 91-93; 169, Р. 166-169; 247, Р. 438-470; 84, Р. 31-70; 36, Р. 311-312; 168, Р. 195-196; 248, Р. 602-613]. Необходимо отметить, что среди исследователей нет единого взгляда на эволюцию секрета дрома. Напротив, высказываются различные, порой прямо противоположные, точки зрения. Авторы большинства работ сходятся во мнении, что должность логофета дрома (λογοθέτης τοῦ δρόμου) связана с позднеримской магистратурой *magister officiorum* (μάγιστρος τῶν ὀφφικίων).

Магистр официий в последний раз упоминается в источниках около 680 г., т.е. в правление Константина IV (668–685). Исходя из современного состояния источников, невозможно определить, каким образом происходила ликвидация этой позднеантичной магистратуры – была ли она упразднена вообще или же произошло разделение функций *magister officiorum* между несколькими новыми должностями. По всей видимости, финансовые, административные, военные полномочия «начальника ведомств» были постепенно распределены между несколькими столичными секретами. Почтовая служба также стала

отдельным ведомством. С 60-х гг. VIII в. впервые упоминается новый глава δημόσιος δρόμος – логофет дрома [247, Р. 46].

В историографии XIX – начала XX в. логофет дрома представлялся как преемник *magister officiorum*, сосредоточивший в своих руках большую часть его функций [165, S. 447-448; 207, С. 306-308]. Однако уже Дж. Бьюри было высказано предположение о том, что должность λογοθέτης τοῦ δρόμου происходит от *curiosus cursus publici praesentalis* – одного из подчиненных магистра оффиций, выполнявшего обязанности по контролю над деятельностью почтовой службы [63, Р. 91]. Впоследствии большинство исследователей поддерживали данную точку зрения [168, Р. 196]. Отдельно следует упомянуть точку зрения Майкла Хенди, который, опираясь на законодательные источники V–VI вв., считает, что должность логофета дрома произошла в результате сочетания некоторых полномочий магистра оффиций, префекта претория и *curiosus cursus publici praesentalis* [248, Р. 608, n. 238, 240].

С начала VIII в. объем функций логофета дрома начинает увеличиваться. Помимо руководства государственной почтовой службой он наделяется значительными полномочиями в иностранных делах. Позднее он приобретает также высшие административные функции. С середины IX в. логофет дрома ежедневно докладывал императору о состоянии дел внутри страны и за ее пределами. Как начальник государственной почты он первым из столичных чиновников получал информацию от стратигов фем и от византийских послов в сопредельных странах. Именно от него император чаще всего узнавал о положении в пограничных районах, ходе военных действий или международных переговорах, о начавшихся мятежах и т.д. [171, I, Р. 520, 524; II, Р. 567-569, 680].

В IX столетии логофет дрома превращается в ключевую фигуру в гражданском аппарате управления империей. Достаточно частыми становятся случаи совмещения им нескольких высших чиновных должностей. Например, в конце правления Феофила (829–842) и начале царствования Михаила III (842–867) логофет дрома Феоктист одновременно являлся начальником императорской канцелярии (ἐπὶ τοῦ κανικλείου) [63, Р. 92]. Большой объем полномочий и разнообразные обязанности требовали постоянного присутствия логофета дрома в Константинополе, его поездки по стране и, тем более, за границу для ведения переговоров, прекращаются [84, Р. 34].

В историографии увеличение полномочий логофета дрома вызвало дискуссию. Сначала Дж. Бьюри предположил, что в правление Льва III (717–741) некоторые функции λογοθέτης τοῦ δρόμου были переданы другому чиновнику. Речь шла о полномочиях, касающихся государственной почты и дорожной системы [63, Р. 91; 247, Р. 439]. Впоследствии В. Лоран предпринял попытку обосновать данную точку зрения на сфрагистическом

материале. По его мнению, около 760 г. ведомство дрома было разделено на две части. Одной из них руководил λογοθέτης τοῦ δρόμου, который занимался иностранными делами и являлся ближайшим советником императора. Другую, гораздо менее значимую, структуру возглавлял λογοθέτης τοῦ ὀξέως δρόμου. В его обязанности входило руководство государственной почтой и контроль над «царскими дорогами». Известно, что слово ὀξύς имеет несколько значений, в том числе – «быстрый, стремительный, скорый». В значении «срочная почта, курьерская почта» данный термин впервые упоминается в Египте в IV в. [249, P. 900.7, 2115.6]. Отметим также, что λογοθέτης τοῦ δρόμου В. Лоран сравнивал с «первым министром», уделявшим основное внимание внешней политике; λογοθέτης τοῦ ὀξέως δρόμου, напротив, ведал исключительно внутренними делами империи [168, P. 195-196].

Обосновывая свою точку зрения, В. Лоран опубликовал шесть печатей λογοθέτης τοῦ ὀξέως δρόμου, которые датируются первой половиной VIII – X в. [168, P. 234-237, nos. 473-477]. Впоследствии датировка некоторых моливдовулов была пересмотрена, и в настоящее время данную группу печатей относят к VIII–IX вв. [250, S. 177-190]. Данный автор специально обращает внимание на тот факт, что печати логофетов τοῦ ὀξύς δρόμος X–XI вв. неизвестны [250, S. 189]. В письменных источниках этого времени λογοθέτης τοῦ ὀξέως δρόμου не упоминается.

М. Хенди, критикуя теорию В. Лорана, отмечал, что слово ὀξύς в легендах моливдовулов является лишь «литературным эпитетом» и не имеет специального значения [248, P. 608, n. 238]. Отметим также, что среди 32 логофетов дрома, учтенных в «Просопографии средневизантийского времени», только пятеро имели в своей титулатуре термин ὀξύς или τῶν ὀξέων [56, Bd. 6, S. 279].

Существование в VIII–X вв. двух ведомств дрома представляется нам невозможным. Как уже указывалось выше, логофет дрома изначально получил лишь некоторые полномочия, принадлежавшие ранее магистру оффиций. В их числе было и руководство почтовым ведомством империи. Однако неизвестно, в каком состоянии находилась данная структура к 760 г. Во всяком случае, она не могла сохраниться до этого времени в том виде, в котором существовала в V–VI вв. Если в столице и ряде других крупных городов Византии подразделения почтового ведомства и продолжали существовать, то для отдаленных провинций это маловероятно. Войны с арабами и болгарами разрушали инфраструктуру империи. Некоторые пограничные регионы (например, Малая Каппадокия или Македония) подвергались постоянным нападениям на протяжении десятилетий. Объекты почтовой службы (дорожные станции и пр.) были наиболее уязвимы и, скорее всего, уничтожались противником в первую очередь.

С IX в. Византия начала постепенно восстанавливать разрушенные коммуникации. Провинциальные подразделения почтовой службы, которые были чрезвычайно важны для государства, пришлось формировать заново. Руководство этими мероприятиями входило в компетенцию логофета дрома. По мере восстановления провинциальных структур почтового ведомства возрастает число подчиненных *λογοθέτης τοῦ δρόμου* чиновников. В X в. в источниках появляются упоминания о протонотариях, *ἐκ προσώπου*, хартуларях, кураторах дрома и других должностных лицах.

Среди служащих ведомства логофета дрома необходимо обратить внимание на хартулариев (*χαρτουλάριοι τοῦ δρόμου*) [251, Р. 411-412]. В Тактиконах X в. и к титулатуре этого должностного лица зачастую добавляется предикат *τοῦ ὀξέος (τῶν ὀξέων)* [36, Р. 233.8, 273.9]. В сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» упоминается «известный евнух Синут, бывший тогда хартуларием срочных дорог» [20, С. 178.37]. Издано также несколько печатей хартулариев *τοῦ ὀξέου δρόμου*. Далее приводим эти моливдовулы в хронологическом порядке:

1. Стефан Саронит, спафарокандидат, *ἐπὶ τῆς μεγάλης ἐταιρείας*, катепан и хартуларий *τοῦ ὀξέου δρόμου*. Печать датируется издателем началом XI в. [252, Р. 117].

Следует обратить внимание на необычное сочетание должностей в легенде моливдовула. Стефан Саронит одновременно имел отношение к императорской гвардии, регулярным войскам (катепан) и ведомству логофета дрома. Если прочтение легенды правильное, то подобная ситуация могла возникнуть только во время военных действий, после завоевания какого-либо района и создания в нем византийских структур управления. Впрочем, в правление Василия II такие ситуации возникали неоднократно.

2. Григорий, анфипат, патрикий и хартуларий *τοῦ ὀξέος δρόμου*. Около 1025 г. [205, Р. 433, no. 979].

У владельца данной печати, в отличие от Стефана Саронита, очень высокие для первой четверти XI в. титулы. Это особенно важно, учитывая тот факт, что даже в ведомстве дрома Григорий занимал в иерархии далеко не первое место, уступая логофету и протонотарию [84, Р. 38-40; 36, Р. 311-312].

3. Андрей, императорский протоспафарий *ἐπὶ τοῦ Χρυσотρικλίνου* и хартуларий *τοῦ ὀξέου δρόμου*. Середина XI в. [168, Р. 239, no. 483].

Предикат *ἐπὶ τοῦ Χρυσотρικλίνου* указывает на принадлежность владельца печати к охране Хрисотриклина, зала для проведения торжественных церемоний в Большом дворце Константинополя. Однако к середине XI в. добавление к титулам слов *βασιλικοῖ* («императорский») и *ἐπὶ τοῦ Χρυσотρικλίνου* было чрезвычайно распространено. Большинство военных и значительная часть гражданских должностных лиц получали эти почетные зва-

ния, но выполнения каких-либо специальных обязанностей они уже не предусматривали [36, P. 196 et n. 209].

4. Павел, протоспафарий, ἐπὶ τοῦ θεοφυλάκτου κοιτῶνος и хартуларий τοῦ ὀξέου δρόμου. X–XI вв. [168, P. 240, no. 484].

Судя по титулатуре ἐπὶ τοῦ θεοφυλάκτου κοιτῶνος («служитель богохранимой опочивальни»), владелец печати принадлежал к придворным евнухам [36, P. 301, 305]. В. Лоран считал, что ему же принадлежала печать анфипата, патрикия и логофета дрома [168, P. 208, no. 430]. Если это предположение верно, то Павлу удалось сделать блестящую карьеру в ведомстве дрома. Однако обратим внимание на то, что моливдовул протоспафария и хартулария τοῦ ὀξέου δρόμου В. Лоран датирует XI в., тогда как печать анфипата патрикия и логофета дрома – X в.

5. Марин (?) Малеси, вестарх, императорский нотариий и хартуларий τοῦ ὀξέου δρόμου. Издатель датирует печать второй половиной XI в. [253, Σ. 61-62, № 117].

Владелец моливдовула принадлежал к известной аристократической фамилии. Один из ее представителей – Василий Малеси, протовестиарий и логофет вод в правление Романа IV Диогена (1068–1071), попал в плен к сельджукам во время битвы при Манцикерте в 1071 г. [254, P. 167-179].

Упомянем еще об одной печати конца X в. Она принадлежала хартуларию τοῦ ὀξέος δρόμου Запада. Сохранность буллы плохая, имя владельца и часть легенды не сохранились. Поэтому прочтение и датировка моливдовула X в., по мнению издателя, гипотетичны [255, P. 81-82]. Тем не менее, данный сфрагистический памятник заслуживает внимания, так как дает возможность судить о структуре службы τοῦ ὀξέος δρόμου. По всей видимости, курьерская почтовая служба была разделена в X в. на две части. Одна из них обеспечивала быструю доставку корреспонденции в западной части империи, а другая в восточной. Точное время данного раздела установить сложно, но вряд ли это произошло раньше 959 г., когда по такому же принципу (Запад – Восток) было разделено военное командование империи и появились новые высшие командные должности доместика схол Запада и доместика схол Востока [158, С. 164-165].

Следующая группа печатей должностных лиц, которые принадлежали к службе государственной почты – это моливдовулы кураторов τοῦ ὀξέος δρόμου (τῶν ὀξέων). Функции этих чиновников изучены в недостаточной степени. Р. Гийан и В. Лоран считали, что кураторы дрома отвечали за какие-либо объекты, принадлежавшие ведомству. Например, за дома, где размещали иностранцев, прибывших на территорию Византии [36, P. 41-42; 168, P. 233]. Однако к почтовой службе эти обязанности не могут иметь прямого отношения. Поэтому, можно предположить, что кураторы τοῦ ὀξέος δρόμου могли управлять почтовыми

ми станциями в городах или крепостях, расположенных вдоль «царских дорог». Подобных объектов было меньше, чем в ранневизантийское время и в письменных источниках упоминаний о них почти не сохранилось. Исключение составляют лишь монастырские акты XI в., из текста которых можно заключить, что некоторые почтовые станции размещались на монастырской земле [170, S. 22-23].

1. Захария, протоспафарий, ипат и куратор τῶν ὁξέων. Печать конца X – начала XI в. [168, P. 241, no. 487]. Другой экземпляр этой печати, также с изображением св. Николая на лицевой стороне, происходит из коллекции Г. Закоса [205, P. 408, no. 906].

2. Анонимная печать конца X – начала XI в., принадлежавшая императорскому протоспафарию и куратору τῶν ὁξέων. Сохранность моливдовула плохая [168, P. 241, no. 486].

3. Лев Спондил, протоспафарий и куратор τῶν ὁξέων. Первая четверть XI в. [168, P. 242, no. 488].

Владелец печати принадлежал к знатной столичной фамилии, его *cursus honorum* известен по сфрагистическим данным [256, S. 85-86].

4. Лев, протоспафарий, судья τοῦ βήλου, экзактор и великий куратор τῶν ὁξέων. Печать датирована началом XI в. [168, P. 240-241, no. 485; 203, P. 483].

Владелец печати совмещал несколько должностей: был судьей по гражданским делам, занимался взысканием налоговых недоимок (экзактор) [170, S. 68; 36, P. 325-326] и, скорее всего, отвечал за деятельность объектов почтовой службы на территории нескольких фем. Учитывая уникальность данной печати, определить полномочия великого куратора τῶν ὁξέων более точно не представляется возможным.

Необходимо отметить, что все перечисленные выше печати кураторов τῶν ὁξέων датируются коротким периодом времени, а именно концом X – первой четвертью XI в. С большой долей вероятности можно связывать деятельность их владельцев с правлением Василия II. При этом императоре произошло значительное укрепление Византии, была упорядочена система гражданского управления, пресечен произвол фемных чиновников. Одновременно с этим, в 976–1025 гг. значительно возрос как столичный, так и провинциальный бюрократический аппарат [151]. По всей видимости, в ведомстве дрома также происходит увеличение численности чиновников, что на некоторое время должно было повысить эффективность ее работы.

Последняя группа служащих ведомства τοῦ ὁξέος δρόμου, на которой необходимо специально остановиться – это ἐκ προσώπου.

1. Константин, спафарокандидат и ἐκ προσώπου τῶν ὁξέων. Первая половина XI в. [168, P. 239, no. 482].

2. Иоанн, протоспафарий и ἐκ προσώπου τῶν ὀξέων. Печать датирована издателем XI в. [168, Р. 238-239, no. 481].

3. Иоанн, протоспафарий и ἐκ προσώπου τῶν ὀξέων. Середина XI в. [168, Р. 238, no. 480].

Несмотря на совпадение легенд, вторая и третья печати отличаются друг от друга изображениями на лицевой стороне. Скорее всего, они принадлежали разным людям.

4. Никита, ἐκ προσώπου τῶν ὀξέων. Конец XI в. [168, Р. 237-238, no. 479]. Предположение В. Лорана о том, что печать могла принадлежать Никите Анзе, представляется гипотетичным.

Термин ἐκ προσώπου мог использоваться в нескольких случаях. Например, стратеги фем считались ἐκ προσώπου (заместителями) императора на вверенных им территориях. Стратиг-автократор также был военным ἐκ προσώπου (заместителем) императора на время военного похода [127, С. 19-20]. Могли быть ἐκ προσώπου (заместители) у церковных иерархов.

Другое значение термина – исполняющий обязанности (ἐκ προσώπου фем и тагм, налоговых и судебных округов). Они хорошо известны как по письменным источникам, так и по сфрагистическому материалу [62, С. 189; 59, Р. 39-42; 36, Р. 342]. Третье значение – представитель кого-либо, действующий от имени кого-либо. Заметим, что данное значение совмещает первые два вышеуказанных пункта, т.е. ἐκ προσώπου является и постоянным заместителем более высокого должностного лица, и временно исполняет его функции (полностью или частично).

По нашему мнению, владельцы печатей ἐκ προσώπου τῶν ὀξέων являлись представителями руководства ведомства государственной почты. В пользу этого предположения свидетельствует их низкая для XI в. титулатура (спафарокандидат – в первой половине столетия, протоспафарий – во второй). Должностное лицо, исполняющее обязанности главы службы τοῦ ὀξέος δρόμου, должно было иметь более высокий титул.

Подводя итоги, следует отметить, что большинство печатей должностных лиц ведомства государственной почты датируются концом X – XI в. Более того, значительную группу моливдовулов можно с определенной степенью уверенности относить ко времени правления Василия II.

Развитие государственной почтовой службы, по всей видимости, происходило следующим образом. Первоначально функции прямого управления τοῦ ὀξέος δρόμου входили в компетенцию логофета дрома, но со второй половины X в. он стал осуществлять лишь общее руководство. Внутри ведомства была заново сформирована служба императорской курьерской почты. Обязанности по ее руководству были возложены на хартулария τοῦ

ὀξέος δρόμου. Среди подчиненных ему чиновников по данным сфрагистики известны кураторы τῶν ὀξέων и ἐκ προσώπου τῶν ὀξέων. В подобном виде служба просуществовала, предположительно, до 80–90-х гг. XI в. Во всяком случае, для более позднего времени упоминаний о ней в источниках не сохранилось.

Еще одним гражданским ведомством, занимавшимся обеспечением сухопутной армии, являлась логофесия агелы (λογοθέτης τῶν ἀγέλων). Она была основной структурой, отвечавшей за снабжение армии и двора в Византии IX–XI вв. лошадьми и тягловыми животными [66, С. 130-131; 84, Р. 71-72]. Исследователям давно известна должность комита императорских конюшен (κόμης τοῦ σταύλου), с которым логофет стад совмещал некоторые свои функции [63, Р. 107, 126-127].

По мнению А. Джонса и Дж. Хэлдона, в администрации Поздней Римской империи данным должностям соответствовали посты praepositus gregum и tribuni sacri stabuli (comites stabuli) соответственно [241, Р. 372-373, 623-626; 71, Р. 392, 497]. Следует отметить, что оба эти функционера находились в подчинении у комита частных дел (comes rei privatae) [241, Р. 114]. Добавим также, что должности логофета стад и комита императорских конюшен в Тактиконах IX–X вв. схожи тем, что относились к разряду στρατάρχαι («воины»), а не секретикоί («чиновники»), что свидетельствует о тесной связи их деятельности с армией [241, Р. 111].

Однако сам факт существования двух структур, ответственных за снабжение армии гужевым транспортом и верховыми лошадьми вызывает вопрос о дублировании их функций. Представляется логичным, что обязанности этих двух чиновников должны были различаться и необходимо более четко определить круг обязанностей этих должностных лиц.

Основной функцией логофета стад было управление митатами (μῆτάτοι), государственными конными заводами, где разводились как верховые лошади, так и тягловые животные, которые, по мере необходимости, передавались в распоряжение различных государственных служб и армии [84, Р. 71-74; 71, Р. 127]. Согласно «Клеторолии» Филофея (конец IX в.), митаты были расположены в исторических областях Азия и Фригия, в западной части Малой Азии [63, Р. 131-179]. Эти сведения подтверждает «Книга церемоний» (середина X в.). Для настоящего исследования наиболее ценной частью этого текста являются главы, посвященные вопросам снабжения императора и его свиты в военном походе. В 1990 г. они были изданы английским византинистом Дж. Хэлдоном и снабжены подробными комментариями [58].

Согласно «Книге церемоний» логофет стад, совместно с комитом конюшен, должны были подсчитать число необходимых тягловых животных для императорского обоза и всех должностных лиц, привлеченных к участию в походе. Кроме того, логофет агелы

должен был обеспечить определенный резерв для замены погибших или больных животных [58, В.51-57]. Также император «велит логофету стад, чтобы он со страхом Божиим и аккуратно произвел равное распределение тягловых животных из митатов Азии и Фригии, согласно размерам и возможностям каждого митата. Для каждого из вышеупомянутых митатов имеется определенное число животных, поставляемых от них согласно их статусу, который точно определен: от Азии и Фригии – 200 мулов по 15 номисм, 200 тягловых лошадей по 12 номисм, итого: 5424 номисмы или 76 фунтов золота» [58, В.59-66]. Этих животных логофет доставляет до аплекты в Малагине. 200 животных (лошадей или мулов?) должны были иметь полную упряжь. В Малагине они поступали в распоряжение комита императорских конюшен [58, С.69-82].

О том, что логофет стад отвечал также за поставки снаряжения для животных, говорит еще один фрагмент: комит конюшен один раз в течение похода берет из одного из митатов 200 комплектов упряжи [58, С.120]. Часто животных и снаряжения, поставлявшихся из митатов не хватало. Поэтому для удовлетворения нужд армии и императорского двора привлекались ресурсы некоторых столичных ведомств, церкви и фем: всего источник сообщает о 585 мулах, необходимых для похода [58, С. 109].

Список должностных лиц ведомства логофета агелы приведен в трактате Филофея. Он включает протонотариев Азии и Фригии (πρωτονοτάριος Ασίας, πρωτονοτάριος Φρυγίας) и подчиненных им диикитов (они управляли отдельными митатами, διοικηταί των μητάτων) [63, Р. 140; 66, С. 130-131]. Отметим, что точное число диикитов и митатов неизвестно. Однако управление императорскими конными заводами имело двухступенчатую структуру.

К сожалению, сфрагистический материал не позволяет существенно дополнить эти сведения. В Лораном была опубликована печать Иоанна, диикита митата (IX в.) [168, Р. 298, no. 593]. Это единственный моливдовул, принадлежавший управляющему митатом. Следует также упомянуть печать Иоанна, протоспафария Хрисотриклина, судьи ипподрома, мистографа и протонотария агелы (XI в.) [168, Р. 297, no. 592]. Очевидно, что должность судьи для Иоанна была первоочередной, вместе с тем должности мистографа и протонотария предусматривали исполнение различных поручений в провинциях.

В. Лоран упоминает найденный в Плиске моливдовул Никиты Халкутца, ἐκ πρὸς ὧλου агеллы (XI в.). Исследователь предположил, что после завоевания Болгарии митаты могли появиться и на Балканах [168, Р. 296, no. 591; 257, Р. 429-431, no. 744].

В трактате Филофея названы еще две должности, входившие в штат логофета агеллы: эпискептиты (ἐπισκεπτήται), которые, по мнению Дж. Бьюри, осуществляли контроль за диикитами митатов, и комит агеллы [63, Р. 111, 141]. Последнее название приведено в

тексте в единственном числе (κόμης), что свидетельствует о наличии в составе логофессии в конце IX в. только одного комита. Обязанности комита агелы при нынешнем состоянии источников установить сложно. Известно две печати этих должностных лиц: Никиты (титул отсутствует, рубеж VIII–IX в.) и Льва, императорского кандидата (X в.) [168, Р. 298–299, nos. 594–595]. Печати епископитов агелы неизвестны.

Обратимся к истории самой должности логофета стад. Как уже упоминалось, ряд исследователей считали его предшественником позднеримскую магистратуру *praepositus gregum*. Однако для периода V–VIII вв. до нас не дошло никаких свидетельств о данном ведомстве. В связи с этим, гипотеза о прямой преемственности данных структур требует дополнительного обоснования. Во всяком случае, первое бесспорное письменное свидетельство о существовании логофета агелы содержится в «Тактиконе Успенского», памятнике середины IX в. [36, Р. 51.6, 338].

Основным источником по истории ведомства являются данные сфрагистики. Так, В. Лоран опубликовал три печати логофетов стад, датированные им VIII – первой половиной IX в. Владельцы всех булл имели титул спафария [168, Р. 290–291, nos. 579–581].

Моливдовул первой половины IX в., принадлежавший Константину, протоспафарию и логофету агелы, заслуживает отдельного рассмотрения [168, Р. 291, no. 582]. Издатель сделал вывод, что этому же Константину принадлежала другая печать – императорского асикрита, хартулария императорских стад и дрома [168, Р. 220, no. 450]. По мнению исследователя, две эти печати отражали разные периоды карьеры Константина, которого предположительно можно отождествить с известным деятелем середины IX в. Константином Маниаком [168, Р. 291].

Необходимо отметить, что печать Константина впервые была опубликована Г. Шлюмберже, который неверно датировал ее XII–XIII вв. [203, Р. 325]. Последнее обстоятельство дало основание некоторым исследователям связать появление должности хартулария логофета агелы, неизвестной по другим источникам, с административными преобразованиями Алексея I Комнина (1081–1118) [84, Р. 72]. Однако В. Лоран отверг датировку Г. Шлюмберже, что внесло существенные коррективы в устоявшееся мнение о подчиненном логофету стад штате чиновников.

Несомненный интерес вызывает моливдовул IX в., принадлежавший Мариану, магистру, анфипату, патрикию, протоспафарию, domestiку схол и логофету агелы. В. Лоран посчитал возможным отождествить владельца печати с братом императора Василия I (867–886) [168, Р. 292, no. 583; 72, S. 76].

Известные по печатям логофеты агелы X в. имели титулы не ниже протоспафария. Одна из булл этого столетия принадлежала севастофору Роману, известному деятелю пе-

риода правления Иоанна I Цимисхия (969–976) [168, Р. 292-294, nos. 584-587]. В более позднее время титулатура логофетов агелы становится более высокой – помимо титула протоспафария есть сведения о патрикиях и анфипатах (моливдовулы Варды и Михаила, конец X – начало XI в.) [168, Р. 294-295, nos. 588-589]. Судя по всему, статус должностных лиц, занимавших должность логофета стад в X–XI вв., был существенно выше, чем в предшествующую эпоху. Некоторые исследователи полагают, что в это время роль ведомства должна была вырасти в связи с частыми наступательными войнами империи против арабов, в которых роль кавалерии и гужевого транспорта была особенно велика [84, Р. 72].

Для византийской административной системы XI в. характерной особенностью было совмещение одним человеком двух или нескольких должностей, а также широкое использования статуса *эк просώλου*. Данный термин можно перевести как «заместитель, представитель или исполняющий обязанности» [36, Р. 342]. Отметим, что известны печати XI в. принадлежавшие *эк просώλου* логофета стад [168, Р. 296-297, nos. 591-592].

Следует обратить внимание на печать из собрания Государственного Эрмитажа, принадлежавшую Льву, хартуларию логофессии стратиотиков и *эк просώλου* агеллы. Судя по легенде моливдовула, Лев одновременно служил в двух ведомствах. Скорее всего, печать отражает короткий период его карьеры. Например, он мог выполнять поручения обоих учреждений в провинции – следить за составлением списков военнотружущих и поставками лошадей в армию [258, С. 200-206]. Очевидно, что в XI столетии, в связи с профессионализацией вооруженных сил, прежние функции ведомств, ответственных за снабжение армии, существенно изменились, а в некоторых случаях они могли сблизиться или даже дублировать друг друга.

В то же время формальная структура и штаты этих учреждений продолжали оставаться прежними, что приводило к совмещению должностей, появлению многочисленных чиновников временно исполняющих какие-либо функции или замещающих других должностных лиц. Можно предположить, что специально набирать весь штат служащих логофессии стад стало нецелесообразно.

Должность логофета агелы упоминается в источниках до конца 80-х гг. XI в. Впоследствии ведомство было ликвидировано в ходе административных реформ Алексея Комнина, а его функции переданы придворным структурам [84, Р. 72]. Из сочинения Псевдо-Кодина известно, что в поздневизантийской придворной иерархии существовал почетный титул логофета стад, не предусматривающий исполнение каких-либо конкретных обязанностей [227, С. 204].

Должность комита императорских конюшен и подчиненные ему должностные лица в исследовательской литературе специально не рассматривались, хотя в «Книге церемо-

ний» они упоминаются неоднократно. Κόμης του σταύλου руководил деятельностью императорских конюшен в столице и в Малагине, первом и основном из постоянных военных лагерей-аплект (απληκτοί). С VIII в. в аплектах накапливались ресурсы, необходимые для снабжения армий, находящихся на пути от Константинополя к восточной границе империи [58, А.3-14; 57, Р. 58-59].

Первое упоминание комита конюшен относится к VI в. В «Хронографии» Феофана отмечается, что этот пост занимал Бадуарий, брат (или зять) императора Юстина II (565–578) [63, Р. 113]. Однако есть достаточно причин сомневаться в данном сообщении, так как Феофан, писавший свое произведение в IX в., нередко переносил реалии своего времени на более ранние столетия, кроме того, ни в одном из источников VII–VIII вв. комит конюшен не упоминается. Добавим также, что самые ранние сведения о большинстве должностей средневизантийского времени датируются VIII–IX вв., и комит конюшен – не исключение. Наиболее ранняя из опубликованных В. Лораном печатей комита ту стаблу принадлежала спафарию Йезифу (Иосифу?), датируется она VIII в. [168, Р. 488, no. 916; Р. 488, no. 917; Р. 490, no. 920].

Должность комита конюшен упоминается в Тактиконах (в частности, трактате Филофея), однако список подчиненных ему лиц в этом тексте отсутствует [63, Р. 142]. Он восстанавливается на основании уже упомянутых глав «Книги церемоний». Еще раз отметим, что текст посвящен лишь вопросам снабжения императора и его свиты в военном походе, информации о функциях комита конюшен в мирное время, а также о его обязанностях по отношению к остальной части армии он не содержит.

Штат подчиненных комиту конюшен должностных лиц известен по двум фрагментам источника. В первом названо количество вьючных лошадей и мулов, поставляемых разными чиновниками и церковными иерархами. Сам комит должен был предоставить 4 мулов и 4 лошадей. Кроме него в списке названы: столичный хартуларий (εσω харτουλάριος του σταύλου), хартуларий Малагины (харτουλάριος των Μαλαγίνων), называемый также провинциальный хартуларий (εξω харτουλάριος), эпихт (элеиктис), сафраментарий (сафраμένταριος) и четыре комита [58, С.67-74]. В другом фрагменте, наоборот, приводится количество гужевого транспорта, положенного разным должностным лицам в походе. Здесь мы узнаем об отсутствующих в предыдущем отрывке смотрителе складов императорских конюшен (αποθέτου του κελλαρίου του βασιλικού στάβλου) и 40 синтрофах (σύντροφι των σελλαρίων) [58, С.378-379].

Комит конюшен и столичный хартуларий практически везде упоминаются вместе. Видимо, второй был главным помощником и заместителем первого, а также вел делопроизводство ведомства. Так, комит вместе с логофетом стад подсчитывает число тягловых

животных, необходимых для экспедиции [58, С.53-55]. Они же сортируют доставляемых животных по возрасту и качеству, организуют их клеймение и пр. [58, С.75-92, 106-109].

Комит и хартуларий отвечали также за снаряжение лошадей и мулов упряжью. У царского келаря они узнавали о количестве имеющихся у него попон и покрывал [58, С.117-119]. 200 комплектов вьючной упряжи они получали в одном из митатов, то есть в структуре, подведомственной логофету стад [58, С.119-120]. Примечательно также упоминание о том, что если снаряжения окажется недостаточно, то комит конюшен должен был его закупить [58, С.122-127].

150 недоуздов, кожа для выделки ремней, а также различные емкости для хранения жидких припасов, предназначенных для ухода за животными, и инструмент для этих же целей получали у смотрителя складов императорских конюшен [58, С.121-131]. В данном случае имеется в виду должностное лицо, подчиненное комиту конюшен и речь не идет о взаимодействии с другими ведомствами. Смотритель складов конюшен крайне редко упоминается в источниках. Показательно, что во время похода ему полагались 30 мулов и 12 лошадей [58, С.381-382] – существенно больше, чем любому другому должностному лицу. Обращает на себя внимание и количество мулов в сравнении с количеством лошадей: животные, очевидно, были необходимы для транспортировки различного имущества.

Железо для подков, пенька и кожа для изготовления уздечек доставлялись из придворной службы императорского вестияриона (βασιλικὸὺ βεστιαρίου) [58, С.131-135]. Из текста источника неясно, почему это имущество не хранилось у смотрителя складов конюшен.

Поставки корма для животных входили в обязанности протонотария той фемы, через которую проходило войско. Прием у него корма и раздача его слугам, ухаживающим за животными – функция хартулария конюшен и царского келаря [58, С.347-352, 395-401]. Комит конюшен вместе с идиком (εἰδικόν, глава ведомства императорских имуществ) [84, Р. 85-100] делал об этом записи, чтобы позже идик мог подсчитать стоимость полученного фуража и вычесть эту сумму из общей налоговой выплаты фемы (58, С.353-358). Важно отметить, что именно идик, а не сакелларий (σακελλαρίος, главный государственный казначей) снабжали комита конюшен денежными средствами. Это косвенно подтверждает происхождение должности комита конюшен от *tribuni sacri stabuli* IV в., который, как отмечалось выше, был подчинен комиту частных дел. Источник сообщает о 3 литрах золота, выдаваемых комиту на расходы [58, С.115-116]. Это также означает, что собственными денежными средствами (постоянной казной ведомства) он не располагал. Немаловажно от-

метить, что логофет стад, по мнению Ф. Дёльгера и Р. Гийана, получал финансовые средства у сакеллария [84, Р. 72].

С вопросами материального обеспечения была связана также должность эпихта, о чем свидетельствует следующий отрывок из «Книги церемоний»: «Епихт следит за кормом лошадей, равно как и за их подковкой, грузовой упряжью и обеспечением водой» [58, С.400-401]. К сожалению, это единственное указание на должностные обязанности данного чиновника. Известны печати эпихтов VIII–IX вв. [168, Р. 496. no. 930]. Единичные упоминания встречаются и в нарративных памятниках [71, Р. 705]. Характерно, что при перечислении лошадей и мулов, собиравшихся с чиновников, а также гужевого транспорта, полагавшегося должностным лицам, эпейкт и хартуларий названы вместе. Им полагалось поставить по 4 мула и 4 лошади, выделялось же им на двоих 16 лошадей и столько же мулов [58, С.70, 380-381], что довольно много в сравнении, например, с чиновником из ведомства логофета стратиотиков, в функции которого входил учет стратиотов, принимавших участие в походе [84, Р. 29-31]. Ему выделялись всего 2 мула для перевозки документов [58, С.387].

Комит конюшен с хартуларием управляли также персоналом (слугами), состоявшими при обозе. Известно, что domestik Оптиматов должен был обеспечить каждое животное «поводырем». Помимо ежедневного ухода, в обязанности обозных слуг входило сообщать комиту конюшен о гибели животных (приносить печать животного). Комит назначал из своих подчиненных (служителей аплекты в Малагине) одного синтрофа («сопровождающего») для группы из 10 оптиматов. Синтрофы, помимо контроля за слугами, руководили также погрузкой и выгрузкой имущества [58, С.332-342, 359-369]. Комит и хартуларий лично должны были присутствовать при погрузке императорского багажа и следить, чтобы на вьючных животных не нагружали более 8 модиев груза [58, С.411-414].

Таким образом, в «Книге церемоний» о столичном хартуларии конюшен сохранились достаточно подробные сведения. Добавим также, что известен ряд печатей этих должностных лиц, датируемых IX–XI вв. На подавляющем большинстве моливдовулов титул владельца отсутствует. Лишь одна из булл второй половины X в. принадлежала императорскому протоспафарию и хартуларии конюшен [168, Р. 494, no. 927]. Заметим, что этот титул выше, чем титулы комитов конюшен VIII–IX вв., что подтверждает предположение о повышении статуса данного ведомства в X в. Следует также упомянуть печать, принадлежавшую Никулице, хартуларии и *ἐκ πρὸςώπου* императорских конюшен, известному деятелю начала XI в. Очевидно, что Никулица был хартуларием и «исполняющим обязанности» комита конюшен одновременно.

С конца X в. статус комита конюшен претерпевает существенные изменения. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, памятники сфрагистики. Например, одна из опубликованных печатей принадлежала Льву Саракинопулу, патрикию и комиту конюшен. Другой моливдовул, датированный издателем XI в., принадлежал Льву Иаситу, анфипату, патрикию, весту и комиту конюшен. К этому же времени относится печать комита конюшен Исаака, также анфипата и патрикия [168, Р. 491-492, nos. 922-924]. Укажем, что Лев Саракинопул и Лев Иасит принадлежали к известным семьям провинциальной аристократии, они неоднократно упоминаются в других источниках как военачальники. Титулы этих должностных лиц существенно выше, чем у *κόμης τοῦ σταύλου* VIII–IX вв., что в очередной раз свидетельствует о повышении статуса должности.

В заключение рассмотрим сведения о должностных лицах Малагины. Кроме синтрофов, в «Книге церемоний» говорится о хартуларии Малагины и сафраментарии. В источнике они упомянуты вместе, и главная их задача заключалась в организации выпаса животных царского обоза [58, С.343-346, 367-370]. Архонты Малагины должны были также организовать лечение больных и раненых животных во время походов императорской армии на Восток. Лошадей и мулов следовало передать пртонотарию той фемы, в которую намерено было вернуться войско. К этому времени животных должны были вылечить [58, С.512-523]. В этой процедуре участвовал также стаблокомит (*σταβλοκόμητος*), принадлежавший к штату придворной службы протостратора (*πρωτοστράτωρ*) [139, Р. 1748].

Функции хартулария Малагины, таким образом, ясны. Однако обязанности сафраментария не поддаются точному определению. Ему полагался лишь один мул и две лошади, хартуларий же обеспечивался пятью мулами и лошадьми [58, С.385-386]. В. Лоран опубликовал печать Льва, императорского хартулария Малагины (IX в.) [168, Р. 493, no. 925] и Феодора, спафария и хартулария конюшен Анатолика (X/XI вв.) [168, Р. 494-495, no. 928]. Полностью отсутствуют указания на функции 4 комитов Малагины, которым полагалось лишь по одной лошади и мулу.

Следует отметить, что логофет стад являлся главой сугубо хозяйственного ведомства, которое было ответственно за разведение лошадей и тягловых животных для армии и государственных служб. Пост логофета агелы считался высоким, и периодически его занимали известные лица. В XI в. это ведомство, как и вся административная система Византии, подверглось существенным изменениям: с одной стороны, титулы логофетов становятся выше, с другой — значение учреждения явно падает, широко распространяется практика замены логофетов стад *ἐκ πρὸςώπου* и совмещение этой должности с другими. Финансировалась логофессия стад из ведомства сакеллария, то есть из главной государственной казны.

Комит императорских конюшен – это военная должность, чьи основные функции заключались в управлении и организации материального обеспечения императорского обоза во время военного похода. Кроме штата подчиненных ему лиц, который сопровождал комита как в столице, так и во время войны, ему также была подчинена служба конюшен Малагины – главного военного лагеря на западе Малой Азии. Функции ряда подчиненных комиту должных лиц установить сложно, также малоизученными остаются его обязанности в мирное время. За финансовое обеспечение этого ведомства отвечал идик, т. е. личное императорское казначейство. Судя по данным сфрагистики, статус комитов конюшен в X–XI вв. существенно возрос.

На примере логофесии агелы можно проследить эволюцию ряда общеимперских гражданских ведомств. Аналогичные процессы происходили и в других столичных структурах управления: логофесии «общих дел», логофесии геникона (таможенная служба) и пр. Вне всякого сомнения, подобная система организации управления не была идеальной. В источниках сохранилось множество упоминаний о злоупотреблениях столичных и провинциальных чиновников, коррупции, клановости. Кроме того, общеимперские ведомства требовали на свое содержание больших финансовых средств, их необходимо было постоянно пополнять образованными администраторами.

Таким образом, анализ и обобщение данных, полученных в ходе выполнения НИР, позволяют сделать вывод о том, что структуры гражданского управления Византии во второй половине X – XI в. претерпели существенные изменения. В большинстве случаев, касающихся отдельных ведомств, речь идет не о крупномасштабных административных реформах, а о реорганизации управленческих структур. В основном, эти преобразования были связаны с правлением императора Василия II, который на четверть века сумел прекратить борьбу придворных аристократических группировок, повысить эффективность столичных структур власти и достаточно жестко связать гражданское и военное управление империи. До 60–70-х гг. XI в. данная система, несмотря на очевидные недостатки, действовала и выполняла свои функции. Однако начавшийся в правление императора Константина X Дуки финансовый кризис стал отправной точкой ее разрушения. Финансовые, кадровые и административные проблемы вынудили императора Алексея I Комнина реформировать гражданское управление Византии в конце 80-х гг. XI в. Система логофесий была упразднена, ликвидированы многие должности в провинциальных органах власти. Иными словами, выход из кризисной ситуации был найден в упрощении организации гражданских управленческих структур.

Г) Анализ особенностей политической борьбы в Византии X–XI столетий; рассмотрение основных причин и социально-политических механизмов, которые привели к кризису в Византийской империи во второй половине XI в.

Аристократизация византийского общества, начавшаяся в IX столетии, к середине X в. вступила в завершающую стадию. Политическая и военная элита империи сформировалась, несмотря на попытки императоров Македонской династии предотвратить этот процесс. «Господствующий класс» империи состоял из двух основных частей: столичной бюрократической верхушки и провинциальной военной знати. Внутренняя структура этих групп была достаточно сложной. В каждой из них существовали группировки, кланы, партии, которые формировались как по политическим, так и по этническим, территориальным, ведомственным и пр. принципам.

Завершение формирования основных групп «господствующего класса» совпадает по времени с первыми военными мятежами, предпринятыми военачальниками из семейства Дук с целью захватить власть в стране (начало X в.). В дальнейшем, политическая борьба в Византии шла почти непрерывно. Однако правящая династия достаточно быстро приспособилась к изменению обстановки, и умело лавировала между противоборствующими группировками, самостоятельно избирая себе политических союзников или создавая необходимые противовесы против чрезмерно усилившихся группировок или кланов[259].

Серьезное обострение социальных и политических противоречий в Византии происходит после 962 г., когда после смерти императора Романа II на престоле оказались его несовершеннолетние сыновья Василий II и Константин VIII. Династический кризис продолжался до середины 80-х гг. X в. Эти несколько десятилетий наполнены многочисленными военными мятежами, заговорами, борьбой аристократических партий. В историографии развернувшаяся в империи борьба за власть традиционно расценивается как столкновение двух группировок «господствующего класса»: столичной бюрократии и провинциальной военной знати [125]. Однако данные группировки не были однородными. Среди провинциальной аристократии существовали противоборствующие кланы, которые оспаривали друг у друга высшие командные должности в вооруженных силах. Особенно острым было противостояние македонской (западной) и малоазийской (восточной) групп военачальников [180, С. 375-400; 230, Р. 518-519, 531-532].

В среде столичной бюрократии наблюдаются аналогичные процессы. Уже в середине X в. в Константинополе сформировались два мощных бюрократических клана. Произошло это при непосредственном участии Константина VII. Император, умело лавируя между этими группировками, полностью контролировал государственный аппарат. Предводителями бюрократических «партий» были придворные евнухи Василий Лакапин и Ио-

сиф Вринга, за каждым из них стояли десятки чиновников различных ведомств, священнослужителей, офицеров императорской гвардии [202, Р. 199-234; 77, Р. 182-184, 205-206]. Противостояние сторонников Василия Лакапина и Иосифа Вринги продолжалось около сорока лет. В него оказались втянутыми четыре византийских императора (Роман II, Никифор II Фока, Иоанн I Цимисхий и Василий II), патриархи, военачальники полевой армии, фемные стратеги. Только после 996 г. Василию II удалось прекратить борьбу и взять под жесткий контроль систему гражданского управления империи.

Однако старые бюрократические кланы оказались крайне жизнеспособными. Они были почти разгромлены Василием II и в первой четверти XI в. не проявляли особой активности. Со временем остатки группировки Василия Лакапина сконцентрировались вокруг Константина VIII, младшего брата и формального соправителя императора. Другие бюрократические группы постепенно сформировались вокруг дочерей Константина VIII Зои и Феодоры. После смерти Василия II в 1025 г. борьба придворных кланов возобновилась с новой силой. Поначалу политическая борьба шла исключительно при императорском дворе, но постепенно в нее оказались втянутыми армия, столичные и провинциальные структуры управления. Дестабилизация внутривластной обстановки сказалась также на внешнеполитическом положении Византии.

В 1025 г. международное положение империи казалось непоколебимым, но уже через пятьдесят лет после смерти Василия II страна оказалась на грани гибели. На границах империи появились новые враги – норманны в Южной Италии, печенег на Балканах и турки-сельджуки на Востоке. Византия вынуждена была одновременно бороться против них, ведя изнурительную многолетнюю войну одновременно на трех направлениях. В результате, в 70-е гг. XI в. Византия подверглась внешнеполитическому разгрому, который обернулся для нее потерей половины территории, огромными человеческими жертвами и невосполнимым экономическим ущербом.

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки объяснить причины стремительного упадка Византии. Долгое время в историографии господствовало мнение, что империя стала жертвой изменившейся внешнеполитической обстановки и подверглась военному разгрому, так как даже ее высокого экономического потенциала было недостаточно для ведения длительной войны на три фронта [260, Р. 91-97; 261, С. 15-16]. Впоследствии укоренилась иная точка зрения, согласно которой упадок Византии был вызван внутренними причинами. Иными словами, внешнеполитический разгром стал следствием внутривластного кризиса, порожденного борьбой за власть между двумя группировками господствующего класса [99, S. 288-289; 101, С. 135-139].

В отечественной историографии преобладает тенденция к совмещению вышеуказанных позиций. М. Я. Сюзюмов, А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин, специально исследовавшие данную проблему, едины в том, что ослабление Византии было вызвано затяжным внутривластным кризисом, а сложная международная обстановка способствовала нарастанию кризисных явлений. Однако вторжения внешних врагов не только поставили империю на грань гибели, но и привели к мобилизации внутренних ресурсов византийского общества с целью сохранения государственной независимости [229, С. 42-54; 262, С. 38-44; 263, С. 31-42].

По мнению М. Я. Сюзюмова, в Византии длительное время шла борьба между «городской землевладельческой и провинциальной землевладельческой знатью». Каждая из них защищала свои экономические интересы, и борьба шла не только за политическую власть в государстве, но и за пути дальнейшего развития страны. Победа провинциалов означала, что возобладает «каролингский» путь развития феодализма, а установление политического господства их противников повело бы империю по «городскому» («итальянскому») пути. Борьба двух группировок «...дала возможность в течение веков сохранить силу централизованного бюрократического государства и автократической монархии. При наличии двух борющихся сил, имевших примерно равное значение в экономике, для византийской монархии создавались условия вести более или менее самостоятельную политику, причем императорская власть имела возможность маневрировать между сторонами и могла по некоторым вопросам политики встречать союзника в лагере городской землевладельческой знати, по другим – среди провинциальной землевладельческой. В то же время императорская власть боролась против опасного усиления той или иной группировки» [229, С. 47-48]. С начала X в. императоры чаще вставали на позиции городской знати и проводили целенаправленную политику против усиления провинциальной аристократии. Ответом провинциалов была волна мятежей, и X–XI вв. стали временем, когда провинциальная знать отстаивала свои экономические интересы с оружием в руках. Несмотря на нарастающую угрозу, на открытый союз со своим объективным сторонником – городской знатью – византийское самодержавие не решилось и продолжало искусственно сдерживать развитие экономики и политической самостоятельности городов. Итогом неразрешимых противоречий стал кризис системы управления государством. В этой обстановке перевес оказался на стороне провинциальной аристократии и с 1081 г. Византия пошла по «каролингскому» пути развития [229, С. 53-54].

Иную точку зрения на проблему борьбы группировок господствующего класса высказали А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин. По их мнению, внутривластный кризис был, прежде всего, кризисом политической системы империи. К XI в. византийское само-

державие превратилось в фактор, «...мешавший прогрессу страны: оно препятствовало формированию независимых городов, последовательному торжеству вотчинной формы эксплуатации, созданию прочного единства отдельных районов. Оно препятствовало реализации прогрессивных тенденций, наметившихся в экономической жизни страны» [89, Т. 2, С. 261]. Согласно данной точке зрения носителем прогрессивных начал являлась провинциальная знать. Экономические интересы этой группировки еще во второй половине IX в. вступили в противоречие с традиционными принципами внутренней политики централизованного бюрократического государства. Тем не менее, императорской власти длительное время удавалось сохранять государственную структуру в неприкосновенности, тем более что ее поддерживала влиятельная столичная чиновная знать, кровно заинтересованная в сохранении прежней системы управления, и верхушка константинопольского купечества [264, С. 57-60]. Таким образом, в Византии произошла поляризация политических сил: бюрократическое государство в союзе со столичной знатью выступало как консервативная сила, препятствуя укреплению новых тенденций в социально-экономическом развитии страны. Борьба между группировками знати продолжалась длительное время. В начале X в. перевес начал склоняться на сторону династов, но уже к концу этого столетия государство нашло в себе силы и вернуло утраченные позиции. Пятидесятилетнее правление Василия II, нанесшего сокрушительный удар по экономическому процветанию провинциальной знати, стало временем наивысшего могущества централизованного бюрократического государства, в которое оно, однако, исчерпало последние внутренние резервы. Впоследствии консервативная государственно-политическая система начала разрушаться и приход к власти провинциальной знати в лице Алексея I Комнина стал закономерным итогом этого процесса [1, С. 288-290; 128].

Можно заключить, что основное расхождение во мнениях отмечается по вопросу о месте столичной (городской) знати в политической борьбе. М. Я. Сюзюмов считает ее самостоятельной силой, тогда как его оппоненты отводят ей лишь роль союзника государства и его социальной опоры [104, С. 18-20; 69, Р. 3-12; 265, Р. 99-124]. Для рассматриваемой нами темы проблема чиновной аристократии, вне всякого сомнения, важна, но не менее значимым является вопрос, который у большинства исследователей не вызвал разногласий. Речь идет об эволюции системы государственной власти Византии сначала в период наивысшего расцвета, а затем – стремительного упадка второй половины XI в. Никто не отрицает, что после 1055 г. кризис имел место, причем им была охвачена вся государственная система управления [266, С. 116 сл.; 133, Р. 125-152].

В современной историографии, посвященной Византии XI в., можно выделить направление, которое занимается исследованием отдельных элементов государственной

структуры. В последние десятилетия появилось значительное количество работ о финансовом, налоговом, судебном ведомствах, о принципах функционирования центрального государственного аппарата [59, Р. 1-66; 77; 84, Р. 5-115]. На фоне этого разнообразия необходимо констатировать незначительное число исследований об армии империи в XI в. [72] В целом, военная история Византии данного периода остается малоизученной, хотя значение армии в непрерывно воюющей стране трудно переоценить. В обобщающих трудах по истории Византии высказываются две диаметрально противоположные точки зрения на проблему трансформации вооруженных сил империи в данное время. Первая из них основана на утверждении, согласно которому кризис государственной системы в империи начался с армии. Экономические процессы и поражения во внешних войнах привели ее организационную структуру к распаду, а борьба группировок знати лишь ускорила процесс разложения военной системы. В ходе этой борьбы провинциальная знать установила контроль над армией и захватила политическую власть в стране. Однако ко времени, когда «генералы» победили «министров», система территориальных военных командований (фем) была разрушена и при Комнинах в Византии были созданы принципиально новые вооруженные силы [267, Р. 27-28].

Другая точка зрения, напротив, основывается на том, что армия до 1071/1072 г. являлась опорой автократической монархии. Она до последнего момента своего существования сохраняла устоявшуюся систему организации, и ее разрушение было вызвано, скорее, не внутренними процессами, а поражениями во внешних войнах. После битвы при Манцикерте территориальная структура вооруженных сил распалась на локальные очаги сопротивления войскам сельджуков, причем многие из них сохранились до 1081 г. и вновь вошли в воссозданную Алексеем Комниным военную систему [268, Р. 71-74; 269, Р. 110-126].

Отметим, что вышеуказанные историографические установки лишь фиксируют два различных состояния византийской военно-административной системы: 1025 г. – время максимального расцвета, и 1081 г. – время дезорганизации и упадка. Более детальное, основанное на новом источниковом материале, изучение военно-административной системы началось лишь в недавнее время [72; 98; 127, С. 14-33]. Исследователями установлено, что в середине X – начале XII в. в Византии происходили процессы постоянной трансформации военных и административных структур, которые коснулись не только центрального аппарата, но и провинциальных органов власти.

В целом, созданная в период «военной реформы» армейская структура просуществовала без серьезных изменений до конца правления императора Романа III Аргира (1028-1034 гг.) [270, С. 234-239; 271, С. 173-197]. В дальнейшем она начинает медленно

трансформироваться, постепенно утрачивает свою былую эффективность и, в конечном итоге, оказывается в состоянии глубокого кризиса и распада.

На основании данных письменных источников и, прежде всего, сфрагистического материала, можно проследить основные этапы данного процесса. При этом основное внимание следует обратить на два аспекта:

- изменения в организационной структуре византийских вооруженных сил [133, Р. 142-143; 59, Р. 64-67; 118, Р. 181-182; 119, Р. 233-239];

- изменения в командном составе императорской армии [272, Р. 192-194; 273, С. 111 сл.].

В 1034–1057 гг. (от гибели Романа III Аргира до прихода к власти Исаака I Комнина) организационная структура византийской армии претерпела серьезные изменения. В этом отношении необходимо выделить три основных момента:

Во-первых, до 1048 г., т. е. до резкого ухудшения международной обстановки, система византийских территориальных командований (катепанатов, дукатов) значительно увеличилась территориально за счет присоединения к империи новых областей на Востоке. По своей структуре новые провинции не отличались от старых, что не может не свидетельствовать о сохранении традиционной системы пограничных военных структур [274, Р. 269 sq.; 132, С. 197-198; 275, С. 80-85]. Вместе с этим, новые приграничные структуры отличались значительной нестабильностью. Нередкими были случаи объединения под единым командованием огромных территорий (например, Иверия, Васпуракан, Тарон или Болгария и Паристрион) [276, С. 164-167; 277, С. 123-156; 278, С. 267-271]. Из одного дуката в другой постоянно передавались более мелкие административные единицы («малые» или «армянские» фемы, гарнизоны крепостей, куратории и пр.). По письменным источникам установить причину подобных реорганизаций не представляется возможным. Печати же только фиксируют сам факт существования этих временных административных образований [205, Vol. 2, № 456; 121, S. 131-136; 279, S. 635-638].

Во-вторых, после 1048 г., в связи с непрерывной войной на три фронта (с сельджуками на Востоке, с печенегами на Дунае и с норманнами в Южной Италии), укрупнение пограничных фем становится повсеместным явлением. Вне всякого сомнения, это предпринималось для того, чтобы увеличить их военные силы [280, С. 76-79; 132, С. 183; 281, Р. 202-203].

В-третьих, в полевых армиях Востока и Запада вместо традиционных высших командных должностей начинают появляться экстраординарные, причем некоторые из них не упоминались до этого в источниках десятки лет (стратиг-автократор, этнарх, дука Запада) [111, Р. 198-202; 119, Р. 233-239]. При острой нехватке войск значительно увеличилось ко-

личество наемников (отметим значительную группу печатей великих этериархов, датируемую XI в.) [112, С. 181 сл.; 113, Р. 62 suiv.; 282, С. 88 сл.]. Кроме того, византийское правительство постоянно привлекает к участию в военных экспедициях союзные войска [283, С. 82; 284, С. 72-73].

Главным итогом указанного периода, в организационном аспекте, стала дезорганизация вооруженных сил в западной части империи. Они наиболее сильно пострадали как во внутривосточных конфликтах (восстание болгар под руководством Петра Деляна, мятежи Георгия Маниака и Льва Торника), так и во внешних войнах. Необходимо также указать на высокие потери в личном составе западных контингентов, причем среди командного состава они были особенно велики. Как следствие, к 1057 г. западная полевая армия перестала существовать как организованная военная сила. По всей видимости, остатки ее регулярных тагм были включены в состав контингентов дуката Адрианополь [156, С. 15-26].

В командном составе византийской армии также происходят значительные изменения. По сравнению с предыдущим периодом, необходимо отметить резкое увеличение числа командиров – выходцев из столичной знати, а также наемников. Это связано, прежде всего, с политикой правительства, направленной на вытеснение провинциальной аристократии из руководящего состава вооруженных сил. Высшие военные должности на протяжении всего периода занимали либо придворные евнухи, либо доверенные лица императоров или их родственники [125, С. 47-60; 272, Р. 193]. Командиров – выходцев из провинциальной аристократии назначали на высокие посты чрезвычайно редко и только в периоды ухудшения внешнеполитического положения страны. В этих случаях за ними устанавливался жесткий контроль. Например, в правление Константина IX Мономаха обычной являлась следующая ситуация: пост доместика схол Востока занимал кто-либо из ближайшего окружения императора, а должности стратилата или стратопедарха Востока замещались профессиональными военными (Катакалон Кекавмен, Михаил Иасит, Аарон Болгарин). Военачальник реально руководил войсками и проводил боевые операции, а доместик схол лишь контролировал его действия и должен был пресекать любые попытки организовать военный мятеж [72, S. 153-155; 268, Р. 87-97].

В связи с тем, что в 1034–1057 гг. византийская армия вела постоянные боевые действия и в источниках упоминаются имена большого числа военачальников, можно сделать определенные выводы, касающиеся не только высшего, но и среднего офицерского состава.

В конце 30-х гг. XI в. из армейского руководства исчезают военачальники, начавшие служить еще в правление Василия II. Им на смену приходит новое поколение военных,

причем в ряде случаев можно отметить семейную преемственность – вместо офицера, командовавшего войсками в начале XI в. в рядах армии появляется его однофамилец (к сожалению, бесспорное подтверждение тесных родственных связей можно установить только в единичных случаях – Никифор Вотаниат, Василий Апокап, Исаак Комнин, Михаил Вурца, Роман Склир) [259].

Наряду с притоком аристократов на военную службу в 1034–1057 гг. наблюдается сокращение числа командных должностей, что обусловлено расформированием ряда подразделений регулярной армии и роспуском стратиотских ополчений в некоторых фемах (ликвидация стратиотских контингентов в Иверии и Месопотамии при Константине IX) [285, S. 134-141; 132, С. 196-202]. Отметим также, что от периода 30–50-х гг. практически не сохранились моливдовулы стратигов «старых» («греческих») фем Малой Азии, оказавшихся в глубоком тылу и тем самым утративших военное значение (Вукелларий, Пафлагония, Фракисий, Оптиматы) [157, Vol. 2].

В целом, период с 1034 по 1057 гг. ознаменовался значительным ухудшением состояния вооруженных сил Византии. Главная причина, на наш взгляд, заключается в полном отсутствии у правивших в это время императоров единой военной политики. При Пафлагонцах (Михаил IV и Михаил V) произошел кратковременный возврат к политике Василия II, но уже при Константине IX Мономахе армию расценивали как враждебную политическую силу и сознательно ослабляли [286, С. 145-170].

В правление императрицы Феодоры и, особенно, при Михаиле VI наметились тенденции к распаду старой системы византийской военной организации. 1056–1057 гг. стали временем, когда вооруженные силы империи впервые в XI в. оказались в состоянии глубокого кризиса. Тем не менее, нельзя объяснить нарастание кризисных явлений исключительно внутренними причинами. Неудачи во внешних войнах также оказали серьезное влияние на эти процессы (особенно – катастрофическое поражение в Южной Италии в 1039–1040 гг. и неудачная война с печенегами в 1048–1053 гг.). Можно констатировать, что к кризису византийские вооруженные силы привел целый комплекс причин.

Ключевым периодом времени, когда по сути, решилась судьба византийской военно-административной системы, созданной императорами Македонской династии, стало правление Исаака I Комнина.

Исаак I Комнин был провозглашен императором 4 сентября 1057 г., правил чуть более двух лет и отрекся от престола 21 ноября 1059 г. [287, II, Р. 234-292; 7, Р. 59-70; 11, Р. 498-500; 12, Σ. 103-111; 13, Р. 77-85; 17, Р. 663-673]. Его недолгое правление, тем не менее, представляет значительный интерес для исследователей [207, Кн. 1, С. 200-214; 288, Р. 35-69; 273, С. 250-264]. В первую очередь, это связано с тем, что после длительного периода

господства столичной бюрократии к власти пришел представитель провинциальной военной знати. По этой причине внутри- и внешнеполитический курс византийского государства претерпел значительные изменения. Данная статья посвящена рассмотрению военной политики Исаака Комнина.

В целом, военная политика рассматривается нами как составная часть общегосударственной политики, относящаяся к организации, комплектованию, обеспечению и использованию армии для достижения политических целей. Можно констатировать, что к середине 50-х гг. XI в. византийские вооруженные силы были не в состоянии эффективно отстаивать внешнеполитические интересы империи. Более того, военные структуры являлись одним из наиболее значительных факторов, дестабилизирующих внутреннюю ситуацию в Византии. Военная политика нуждалась в серьезной корректировке, которая привела бы вооруженные силы в соответствие с реальными экономическими и социальными возможностями государства.

В «Хронографии» Михаила Пселла достаточно четко сформулированы цели, которые поставил перед собой Исаак Комнин после захвата императорской власти. «Войско уменьшилось и пришло в негодность ... сила варварских народов нарастала, а Ромейская держава пришла в упадок. Император – сам происходивший из военных – понимал, как можно прекратить варварские набеги и грабежи. Едва власть оказалась у него в руках, он немедленно стал искоренять источники зла» [287, Р. 252, 59.22-29; 12, Р. 104.1-3]. Однако политика нового императора не сводилась исключительно к ведению войн с соседними народами. Напротив, за время правления Комнина была проведена только одна крупная военная кампания – против венгров и печенегов в 1059 г. [287, Р. 264-270; 7, Р. 66.20 – 68.14; 12, Р. 106.23 – 107.9; 276, С. 120-122; 289, С. 94-95].

Необходимо отметить, что внешнеполитическое положение Византии стало ухудшаться с середины 40-х гг. XI в. Империи пришлось вести войны сразу на трех направлениях: на Востоке против тюрок-сельджуков, на Дунае с печенегами и в Южной Италии против норманнов. Решить задачу обороны границ на такой огромной территории могла только очень эффективная военная система. Более того, данную систему необходимо было своевременно насыщать людскими, финансовыми и материальными ресурсами. Учитывая, что в 40–50-е гг. XI в. Византия не испытывала экономических проблем, выполнение этой задачи было вполне осуществимо.

Однако императоры Константин IX Мономах (1042–1055), Феодора (1055–1056) и Михаил VI Вринга (1056–1057) вместо укрепления вооруженных сил стали проводить политику, направленную на их ослабление. Это объясняется, в первую очередь, активным вмешательством военной элиты во внутривнутриполитические процессы, происходившие в им-

перии. В итоге, борьба группировок военной и гражданской аристократии после смерти Феодоры обернулась мятежом восточной полевой армии и приходом к власти Исаака Комнина.

Новый император принадлежал к знатной малоазийской семье, которая возвысилась в правление Василия II (976–1025). Комнины происходили из Фракии, их патроним восходит к названию селения Κόμνη [290, Σ. 407.20-23; 291, Σ. 25]. Отец Исаака, патрикий Мануил Комнин, в 978 г. оборонял Никею от мятежных войск Варды Склира [11, Р. 323.4-29; 13, Р. 75.1-3; 15, II, Р. 73.7-8]. Впоследствии он входил в синклит и проживал в Константинополе. Мануил был женат на дочери патрикия Феофила Эротики [291, Σ. 38-39]. Заключение этого брака было очень выгодно для Комнинов, так как Эротики относились к наиболее влиятельным фамилиям византийской столицы. Византийские авторы XI в., обычно, упоминают Комнинов среди самых знатных и богатых семей Малой Азии [11, Р. 323.5-6; 7, Р. 58.11-13]. Известно, что у Комнинов было недвижимое имущество в Константинополе и его окрестностях. Кроме этого, они владели землями на равнине Гунария к югу от Кастамона в Пафлагонии [15, II, Р. 22.7-9; 13, Р. 197.13-14; 292, Р. 315-316; 293, S. 204, 228-229]. Однако связи с македонской аристократией они также сохранили.

О военной карьере Исаака Комнина известно немного. Никифор Вриенний писал, что перед смертью «знаменитый Мануил ... вверил своих сыновей василевсу». Далее он пишет об обучении Исаака и его младшего брата Иоанна воинскому делу [13, Р. 75.7 – 77.4]. Достигнув совершеннолетнего возраста, братья получили придворные титулы, были зачислены в императорскую этерию, а «через недолгое время получили они почести, стали эпархами, предводителями фаланг и стратигами» [13, Р. 77.5-10].

Cursus honorum Исаака Комнина можно установить, в основном, по данным сфрагистики: протоспафарий и катепан Веспуракана (середина 30-х гг. XI в.) [294, Р. 55 et n. 5]; патрикий и катепан Иверии (вторая половина 30-х гг. XI в.) [295, С. 110-111]; магистр, вест и стратопедарх Востока (первая половина 50-х гг. XI в.) [186, Р. 1453-1454, no. 2680]. Отметим, что приведенные датировки печатей предположительны, но их принадлежность одному владельцу сомнений не вызывает, так как на лицевой стороне всех булл изображен св. Георгий. Известны также печати Исаака Комнина, вестарха и дуки [295, С. 111-112] и магистра и дуки [294, Р. 55 et n. 7]. Датируются они 40-ми гг. XI в.

В письменных источниках о службе Исаака Комнина сообщается мало. Иоанн Скилица упоминал, что в начале самодержавного правления Феодоры магистр и стратопедарх Востока Исаак Комнин был отравлен в отставку [11, Р. 479.7-10]. Кроме того, авторы XI в. неоднократно упоминают, что в 1057 г. Исаак Комнин был старшим по рангу среди визан-

тийских военачальников, «первым в воинских каталогах» [287, Р. 252, 598.22-23; 11, Р. 483.1-2; 7, Р. 54.13-14; 17, Р. 658.17-19].

На основании приведенных данных можно заключить, что военная карьера Исаака Комнина была достаточно типичной для первой половины XI в. Он служил только на Востоке, сначала в фемной администрации (Васпуракан, Иверия), а затем – в восточной полевой армии. Аналогичным образом складывались карьеры многих полководцев этого времени: Михаила Иасита, Катакалона Кекавмена, Аарона Болгарина, Никифора Вотаниата, Романа Склира и др. Следует отметить, что круг высокопрофессиональных военачальников в Византии середины XI в. был весьма ограничен. Не более десятка «полевых командиров» сменяли друг друга в пограничных дукатах и на высших должностях в регулярной армии. Почти все перечисленные выше лица занимали, например, должность дуки Иверии. Все они, на определенном этапе карьеры, становились стратопедархами или стратилатами Востока.

Высший командный состав византийской армии начинал военную службу в 20–30-е гг. XI в., когда вооруженные силы империи были достаточно эффективны. К концу правления Василия II сформировалась система военной организации, состоявшая из двух полевых армий (Востока и Запада), а также мощных военных группировок в пограничных дукатах. Для поддержания боеспособности войск действовала разветвленная система снабжения и материального обеспечения [127, С. 26-31]. Неудивительно, что военачальники 50-х гг. XI столетия считали армию времен Василия II идеальной. Когда в 1057 г. малоазийская аристократическая группировка привела Исаака Комнина к власти, была предпринята попытка восстановить основные элементы старой военной системы.

К июню 1057 г. (начало мятежа Исаака Комнина) византийская армия уже утратила былую боеспособность [296, Р. 22-30; 268, Р. 68-70, 339-345]. Восточная полевая армия как единое целое в данное время не существовала. Она была разделена на две группировки, выполнявшие роль стратегического резерва на случай крупного нападения сельджуков. Из хроники Иоанна Скилицы известно, что у крепости Никополь в феме Колония размещалось пять тагм: Армениака, Колонии и Халдии, а также τὰ τῶν συμμάχων τρία τάγματα [11, Р. 491.27-28; 491.40-47]. «Три тагмы союзников» – это два отряда, сформированных из южноитальянских норманнов и один из русских [11, Р. 490.15-16; 112, С. 324-326]. Именно эти регулярные отряды сформировали основу мятежного войска. Другая группировка состояла из трех тагм – Анатолика, Харсианона и «тагмы федератов» Писидии и Ликаонии, – и находилась в центральных районах Малой Азии. Эти силы остались верными Михаилу VI [11, Р. 492.66; 493.78-79], вошли в состав армии доместика схол Востока Феодора, а в битве при Никее понесли значительные потери [11, Р. 495.39-58].

В источниках упоминается, что к мятежному войску присоединилось множество добровольцев [287, Р. 184, 5.16-20; 11, Р. 491.39-41; 7, Р. 54.10-15]. Из них формировали новые кавалерийские и пехотные подразделения, а также вспомогательные отряды, которые размещались в захваченных крепостях. Большинство добровольцев, примкнувших к армии Комнина, являлись бывшими солдатами регулярных войск. В 40–50 гг. XI в. было расформировано значительное число воинских формирований, а многие опытные стратиоты и младшие командиры оказались уволенными со службы [273, С. 200-205].

Можно констатировать, что руководством мятежной армии была проведена значительная работа по созданию из разрозненных групп добровольцев боеспособных и сплоченных отрядов [287, Р. 186, 8.4-7; 188, 9.1-2]. Впрочем, для военачальников Комнина эти мероприятия были привычными, и действовали они строго по канонам византийской военной науки второй половины X – начала XI в. В итоге, была сформирована крупная военная группировка, пополнены регулярные тагмы, созданы запасы продовольствия и вооружения. Необходимые для ведения боевых действий материальные ресурсы были сосредоточены в нескольких опорных пунктах в Пафлагонии. В частности, в Пимолиссе (неприступное укрепление на берегу р. Галис юго-восточнее Кастамона) хранилась казна мятежников [11, Р. 492.50-54; 293, С. 121-123]. обороной этой крепости руководил младший брат Исаака Комнина Иоанн [291, С. 49-57], здесь же находились жена узурпатора Екатерина, которая была старшей дочерью последнего болгарского царя Ивана Владислава (1015–1018) [123, С. 136; 291, С. 58-59]. Михаил Пселл писал, что Исаак приказал взять под контроль все дороги, ведущие к столице, а среди жителей подконтрольных территорий организовал сбор налогов [287, Р. 184-186, 7.3-13].

Высший командный состав армии Исаака Комнина состоял из подлинной военной элиты империи середины XI в.: Катакалона Кекавмена, Романа Склира, Михаила Вурцы, Никифора Вотаниата, Константина Дуки, Иоанна Дуки, Льва Антиоха и др. Необходимо отметить, что среди заговорщиков были три будущих византийских императора – Исаак I Комнин, Константин X Дука (1059–1067) и Никифор III Вотаниат (1078–1081), а также Иоанн Комнин, отец Алексея I (1081–1118).

Таким образом, Исааку Комнину удалось привлечь на свою сторону большую часть войск из Закавказья и Малой Азии, которые были организованы по образцу восточной полевой армии. Высокая боеспособность и четкая организация мятежных войск помогла Комнину одержать победу над численно превосходящими силами Михаила VI. После битвы при Никее императорская армия прекратила сопротивление, а 3 сентября 1057 г. передовые отряды узурпатора вступили в Константинополь. Они достаточно быстро навели порядок в охваченном бунтом городе [11, Р. 498.31-33; 7, Р. 58.14-17]. Необходимо отме-

тить, что в столице и ее окрестностях тогда находилась большая масса войск. Помимо армии Исаака Комнина, это были остатки разгромленных сил Вринги, отряды великой этерии и наемников. В любой момент могли начаться вооруженные столкновения и грабежи. Однако новый император быстро сумел удалить большую часть этих людей из Константинополя. Причем своих сторонников он вознаграждал, а остальным обещал, что вскоре призовет их для похода против варваров [287, Р. 246-248, 55.1-16; 7, Р. 60.5-6].

Осенью 1057 г. регулярные тагмы восточной полевой армии были направлены в Закавказье и Северную Сирию, чтобы противостоять набегам сельджуков на приграничные фемы империи. В византийских источниках нет подробной информации о событиях на Востоке в 1058–1059 гг. Михаил Пселл дважды упоминал о том, что Исаак I быстро навел порядок на восточных границах. По его словам, набеги варваров совершенно прекратились, а «султан Парфии словно исчез» [1287, Р. 258, 63.4-10; 264, 67.2-3]. По сообщению Анны Комниной, император утихомирил восточных варваров до начала похода против венгров весной 1059 г. [15, I, Р. 166.18-19]. Армянские источники, напротив, подробно сообщают о локальных столкновениях с сельджуками на протяжении всего правления Исаака Комнина [121, S. 178-179; 132, С. 227-229].

На должности правителей пограничных фем Исаак Комнин назначил известных военачальников: Адриана Далассина (дука Антиохии), Иоанна Дуку (катепан Эдессы), Аарона Болгарина (дука Месопотамии), Баграта Вихкатци (дука Васпуракана), Иоанна Монастериота (дука Иверии), Катакалона Кекавмена (дука Колонии и Халдии) [297, Р. 39-44]. Стратопедархом Востока стал проедр Роман Склир [298, S. 76-85].

Таким образом, внешнеполитическая обстановка на восточных границах Византийской империи стабилизировалась. Происходило постепенное восстановление двухступенчатой системы военной организации (полевая армия – пограничные дукаты). У императорских войск на Востоке имелись значительные резервы, которые можно было использовать по мере необходимости. Однако для полного восстановления военных структур требовалось большее время и значительные финансовые средства.

Несмотря на кажущееся спокойствие, военно-политическая обстановка на Балканском полуострове была близка к катастрофе, а военные силы Запада находились в состоянии упадка. Необходимо обозначить основные причины слабости вооруженных сил в этой части империи. В первую очередь, следует упомянуть о расформировании в первой половине 40-х гг. XI в. западной полевой армии. Часть ее регулярных тагм (Фракии, Эллады и Пелопоннеса, Фессалоники) была отправлена в Южную Италию, а македонские тагмы подчинили дукату Адрианополя. С 1048 г. по 1057 г. не назначались domestici схол Запада. Между тем, военные действия на территории балканских провинций Византии шли почти

непрерывно: восстание под руководством Петра Деяна (1040–1041), мятеж Георгия Маниака (1043), мятеж Льва Торника (1047), византийско-печенежская война (1048–1053). Из-за отсутствия в регионе значительных военных сил императорам Михаилу IV (1034–1041) и Константину IX для подавления мятежей и борьбы с печенегами приходилось привлекать восточную полевую армию [156, С. 18-20].

Военные структуры балканских фем также не отличались высокой эффективностью. При Василии II на дунайской границе были сформированы дукаты Паристрион и Сирмий. В случае необходимости их должны были поддерживать контингенты фем Болгария, Диррахий, Фессалоника, Эллада и Пелопоннес. Однако формирование двухступенчатой военной системы на Балканах было прекращено после 1025 г. Низкая боеспособность и плохая организация фемных структур на Западе империи стали одной из причин поражения Византии в войне с печенегами. Как следствие, к началу 50-х гг. империя потеряла контроль над восточными районами дуката Паристрион, а кочевники получили возможность совершать грабительские набеги на Македонию, Фракию и окрестности Фессалоники [299, С. 12-26; 300, Р. 66-69, 73-76].

Свою полную несостоятельность западные контингенты вновь продемонстрировали во время мятежа Исаака Комнина. «Западное войско» составляло значительную часть сил Михаила VI, командовал им стратилат Запада Василий Тарханиот [287, Р. 190, 11.4-5; 11, Р. 494.35-37]. В решающем сражении при Никее македонские отряды, находившиеся на правом фланге императорской армии, были разгромлены и бежали [11, Р. 495.47-52; 17, Р. 660.10-13]. Михаил Пселл писал, что после столь серьезного поражения рассчитывать на западное войско Михаил VI больше не мог [287, Р. 194, 14.2-4].

После прихода к власти Исаак I начал заново формировать западную полевую армию. В ее состав вошли македонские тагмы из контингентов дуката Адрианополь [72, S. 154, 206-208]. Доместиком схол Запада был назначен младший брат императора Иоанн Комнин [12, Р. 103.18; 13, Р. 79.7-9; 17, Р. 666.16-17]. На этой должности он оставался до начала 60-х гг. XI в. Никифор Вриенний писал, что «фракийцы, македонцы, иллирийцы и болгары запомнили доместика как выдающегося правителя» [17, Р. 79.14-18]. Для восстановления военных структур балканских фем большое значение имел успешный поход императорской армии против венгров и печенегов в 1059 г. Тогда же на должности правителей пограничных дукатов были назначены опытные военачальники вестарх Роман Диоген (дука Сирмия) и магистр Василий Апокап (дука Паристриона) [7, Р. 83.11, 97.21-23; 297, Р. 41]. Однако формирование военных структур во внутренних районах Балканского полуострова шло медленно и требовало больших расходов. Например, по сфрагистическим

данным можно судить о создании в этот период нескольких новых фем: в Месемврии, долинах рек Марица и Стримон, в Фессалии [301, Р. 213-234; 302, Р. 204-223].

Таким образом, Исаак Комнин за короткое время сумел улучшить военно-политическую ситуацию как на Востоке, так и на Западе. Для проведения дальнейших преобразований в военной сфере требовались значительные финансовые средства. Однако от Михаила Вринги Исааку I досталась пустая казна. Кроме того, Комнин должен был вознаградить множество людей, помогавших ему в борьбе за императорский престол. Начал он с рядовых участников мятежа – солдат и младших командиров восточной армии. Михаил Пселл писал, что император «каждого отличил, каждому воздал по его заслугам» [287, Р. 236, 45.14-15]. По нашему мнению, автор «Хронографии» сильно преувеличивает щедрость нового правителя. На самом деле, главной наградой для стратиотов была служба в регулярных тагмах, которая гарантировала им получение постоянного жалования (опсо-ния).

Военачальники, поддержавшие притязания Исаака Комнина на императорскую власть, получили более щедрое вознаграждение. В основном, это были назначения на ключевые должности в полевой армии или провинциальной администрации. Высоких придворных титулов удостоились лишь несколько человек. Куропалатами стали Иоанн Комнин [12, Р. 103.13-14], Катакалон Кекавмен [11, Р. 500.86] и племянник императора Феодор Докиан [303, Р. 65, Ог. 17.22-23]. Константин Дука получил титул проедра [7, Р. 69.10; 287, Р. 288, 88.1-3]. Известно, что когда Дука присоединился к мятежникам, он имел лишь титул вестарха [7, Р. 56.17]. Продолжатель Скилицы упоминает о значительной финансовой помощи, которую будущий император Константин X оказал Комнину [12, Р. 108.20-21; 224, Р. 28-34]. Брат императрицы Екатерины Аарон Болгарин также получил титул проедра [297, Р. 41]. Племянники патриарха Михаила, Константин и Никифор Кируларии, также «были вознесены до высших должностей» и «самых высоких титулов» [7, Р. 60.10-11; 12, Р. 103.8-10].

Одновременно с вознаграждением своих сторонников, Исаак Комнин начал преследование приближенных Михаила VI и Феодоры. В частности, протосинкелла Льва Спондила отправили в ссылку, а его имущество было конфисковано в казну. Аналогичная участь постигла логофета дрома Никиту Ксилинита, бывшего domestika схол Востока проедра Феодора и друнгария вила Мануила [287, Р. 254, 60.3-5; 7, Р. 61.8-14]. В итоге, придворная группировка, находившаяся у власти в Византии с 1050/1051 г. была ликвидирована [304, С. 275-277].

Стремясь пополнить казну, Исаак Комнин предпринял ряд мероприятий по упорядочиванию сбора налогов и усилению контроля над гражданской администрацией. Необ-

ходимо отметить, что эту внутривластную программу император заимствовал у некогда влиятельной придворной «партии» во главе с Константином Лихудом, Иоанном Ксифилином и Михаилом Пселлом. При Константине IX Мономахе эти чиновники долгое время контролировали гражданское управление империей [219, С. 257-259]. Однако в 1050/1051 г. они уступили власть группировке Льва Спондила. Восстание Исаака Комнина стало для них возможностью вернуть прежнее влияние и вновь получить доступ к высоким должностям в гражданской администрации. Их ожидания полностью оправдались. В частности, Константин Лихуд был назначен протовестиарием [7, Р. 66.12-13; 12, Р. 106.4].

Налоговая политика Исаака Комнина в источниках оценивается неоднозначно. По мнению Продолжателя Скилицы, введение высоких налогов было оправдано. Исаак I считал позорным, что варвары повсюду захватывали византийские земли, и стремился вернуть империи былую славу. Этот автор отмечает также, что Комнин ужесточил наказания за уклонение от выплаты налогов и внесение платежей за арендованное у государства имущество [12, Р. 103.20 – 104.5]. Михаил Атталиат ограничивается лишь констатацией фактов: при Комнине налоги собирались неукоснительно, а император любыми средствами стремился пополнить казну [7, Р. 61.1-4]. Михаил Пселл признавал, что Комнин положил конец многим порокам, поразившим империю. Вместе с этим, он упрекал императора в слишком поспешных действиях, которые привели к хаосу и потрясению государственных основ [287, Р. 254, 60.4-14; 258, 63.3-4]. Впрочем, в знаменитом отрывке из «Хронографии», где Пселл сравнивает государство с больным и уродливым телом, подробно разъяснены причины, побудившие Исаака I действовать решительно и жестко [287, Р. 242-254].

Повышение налогов не могло привести к быстрому улучшению финансового положения Византии. Подобным образом можно было обеспечить только текущие потребности армии и государственного аппарата. Вскоре финансовая политика еще более ужесточилась. Прежде всего, было сокращено жалование чиновникам судебного ведомства и снижены выплаты из казны за почетные титулы [12, Р. 104.4]. Далее последовала отмена большинства императорских актов, изданных при Михаиле VI [287, Р. 254, 60.3-5]. Михаил Атталиат писал, Комнин «презрел старые хрисовулы, и многих этим лишил имущества» [287, Р. 61.5-8; 12, Р. 104.7-8; 288, Р. 49-50].

С 1058 г. начались массовые конфискации недвижимого имущества, которое в предыдущее время было передано из ведомства императорских имуществ частным лицам или монастырям. Передача земельного владения, как правило, подтверждалась хрисовулом, который дополнительно предоставлял владельцу имущества налоговые льготы. По утверждению Михаила Пселла, подобная практика в 40-е гг. XI в. достигла небывалых масштабов [287, Р. 252, 59.2-11]. Исаак Комнин предпринял попытку вернуть утраченную импера-

торскую собственность путем пересмотра и отмены хрисовулов. Отметим, что в этих мероприятиях прослеживается влияние внутривизантийского курса Василия II и, отчасти, Михаила IV Пафлагона [176, Р. 299, 549]. Различие состоит лишь в том, что Комнин решил провести конфискации в короткие сроки, тогда как его предшественникам понадобились для этого долгие годы. Например, Василию II чтобы пересмотреть хрисовулы, выданные от его имени Василием Лакапином, потребовалось более 10 лет [305, С. 227-233].

Политика Исаака I затрагивала интересы значительной части византийской элиты. Михаил Пселл писал, что император возбудил к себе ненависть народа и части военных, которых он лишил состояния [287, Р. 254, 60.8-9]. Михаил Атталиат и Иоанн Зонара также упоминают о снижении популярности императора в народе и военном сословии [7, Р. 61.21-23; 17, Р. 668.6-12]. Впрочем, «негодование народа» легко объяснимо. Если конфискованная земля принадлежала частному лицу или монастырю, то живущие на ней крестьяне не платили некоторые налоги, а стратиоты не несли военную повинность. Возвращение имущества в императорскую собственность лишало их незаконно полученных привилегий.

Больше всего от мероприятий Комнина пострадали монастыри. По словам Михаила Атталиата, Исаак I отнимал земли у святых обителей, что было равнозначно оскорблению святынь [7, Р. 61.13-20; 12, Р. 104.11-17]. Пселл писал о разорении многих аскитерий (ἄσκητήριον, «обитель аскетов»), которым было оставлено лишь самое необходимое имущество [287, Р. 254, 60.9-10; 252, 59.11-13]. Следует отметить, что в источниках упоминаются не крупные, а небольшие монастыри, которые основывались частными лицами. Получив от государства недвижимое имущество, аристократы часто основывали на этих землях монашеские обители, а сами становились их светскими ктиторами. В дальнейшем они получали императорские хрисовулы, дающие освобождение от налогов, но уже не для себя, а для монастыря [176, Р. 437-439].

Создается впечатление, что Комнин целенаправленно уничтожал церковное землевладение. Однако императорские акты, изданные в период правления Исаака I, этого не подтверждают. Большинство из них, напротив, предоставляют какие-либо привилегии церкви или крупным монастырям. В частности, осенью 1057 г. патриарху Михаилу Кируларию (1043–1058) был возвращен контроль над церковным казначейством. Кроме того, патриарх получил право назначать скевофилака и эконома Великой церкви [12, Р. 163.1-12; 148, Р. 666.9-14; 34, S. 42, Nr. 938]. Позднее император возвратил монастырю Νέα Μονή на о. Хиос привилегии, отнятые в правление Феодоры, а также вернул из ссылки иноков этого монастыря Никиту и Иоанна [34, S. 42, Nr. 939a; S. 43, Nr. 941].

В историографии начавшийся осенью 1058 г. конфликт Исаака I с патриархом обычно рассматривается как противостояние государства и церкви [306, С. 99-100; 307, S. 95-127]. Между тем Михаил Кируларий являлся лидером влиятельной аристократической группировки, состоявшей из членов синклита и чиновников столичных ведомств. Политика Комнина угрожала их политическим интересам и имущественному положению. Пересмотр императорских хрисовулов лишал доходов не только церковные структуры, но и сотни «людей праздных, живущих беззаботно и долга государству не платящих» [287, Р. 252, 59.19-21]. Исаак Комнин сознательно пошел на обострение конфликта, устраняя не только своенравного патриарха, но и стоящую за ним политическую силу, мешавшую проведению реформ. В ноябре 1058 г. Кируларий был смещен с патриаршего престола и отправлен в ссылку [7, Р. 62-63; 12, Р. 105].

Новым патриархом стал Константин Лихуд, а бюрократическая группировка, которую он возглавлял, значительно упрочила свое влияние [7, Р. 66.12-19; 12, Р. 106.10-15]. За несколько месяцев Исаак I устранил с политической сцены всех значимых противников этой придворной партии. Осенью 1059 г., воспользовавшись болезнью Комнина, «политические союзники» уговорили императора отречься от престола. Уверенный в том, что болезнь неизлечима, Исаак отказался от власти в пользу Константина Дуки. Новый император являлся компромиссной фигурой, который устраивал как армейскую верхушку, так и высшую бюрократию [287, Р. 274-292; 7, Р. 68-70; 12, Р. 108-109; 13, Р. 81-85]. Реформы в вооруженных силах и гражданском аппарате управления, начатые Исааком Комниным, были постепенно свернуты.

Необходимо отметить, что за время своего правления Исаак Комнин предпринял попытку восстановить традиционную двухступенчатую структуру византийских вооруженных сил (полевая армия – пограничные дукаты). В восточной части Византии ему удалось добиться поставленной цели, тогда как на Балканах мероприятия по реорганизации военных структур не были завершены. Также была серьезно скорректирована кадровая политика в вооруженных силах. Впервые со времени Василия II император стал не формальным, а реальным командующим армией, лично принимал участие в походах. Это позволило отказаться от экстраординарных должностей (стратиг-автократор, моностратиг). Отметим также, что придворные евнухи, которые в предыдущий период играли в командном составе византийской армии весьма заметную роль, с 1057 г. совершенно исчезают с руководящих должностей.

В ходе проведения военных преобразований Исаак Комнин столкнулся с проблемой нехватки денежных средств. В связи с этим, он предпринял ряд мер, направленных на увеличение финансирования армии. Наиболее важной из них является попытка пересмотра

хрисовулов и налоговых льгот, которая фактически повторяла аналогичные мероприятия Василия II, проведенные в конце X – начале XI в. Однако возвращение в государственную собственность незаконно перешедшего в частные руки недвижимого имущества не было завершено по причине поражения императора в политической борьбе и его отречения от престола.

Исааку Комнину удалось приостановить деградацию системы государственного управления Византии только на короткое время. С 1059 г. кризисные явления в императорской армии и гражданских структурах власти проявляются с новой силой. Существенное значение, в данном случае, имеет также личностный фактор. Сменивший Исаака I на престоле Константин X Дука (правил с 23 ноября 1059 по 23 мая 1067 г.) [208, I, S. 50.1-2, 160.17, 167.18; II, S. 151-152], оказался не в состоянии изменить ситуацию. В источниках данный период отражен кратко, авторы исторических хроник ограничиваются лишь общей характеристикой правления этого императора [287, P. 292-318; 93, P. 70-92; 12, P. 111-118; 13, P. 77-85; 17, P. 673-681]. Политика, которую Константин X проводил по отношению к армии, провинциальной администрации и гражданским структурам управления, исключением не является. Можно оценивать только ее результаты, весьма неутешительные для Византийской империи.

Константин Дука происходил из малоазийской аристократической семьи, которой принадлежали значительные земельные владения в Пафлагонии и Фракисии. Сведения о древности его рода довольно противоречивы. Одни хронисты возводят генеалогию Дук к ранневизантийскому времени, тогда как другие не считают их древней и знатной фамилией [287, P. 296.6.1-11; 130, P. 83.11-14; 224, P. 3-8]. Константин Дука родился около 1006 г. О его карьере до 1057 г. известно мало. Михаил Пселл пишет, что Константин длительное время проводил в родовом поместье, «вдали от городского шума и суеты» [287, P. 296.14-15]. Первым браком он был женат на дочери Константина Далассина. В 1034/1035 г. по приказу Михаила IV Дука был арестован в числе других родственников Далассина и отправлен в ссылку на о. Плата. В столицу он вернулся только после воцарения Константина IX Мономаха [11, P. 396.22-24; 308, P. 81]. С 1042 г. будущий император жил в Константинополе и входил в состав синклита. Вскоре после смерти первой жены он вступил в брак с Евдокией Макремволитиссой, племянницей патриарха Михаила Кирулария [224, P. 28-32].

В 1057 г. Константин Дука и его младший брат Иоанн примкнули к мятежу малоазийской знати под руководством Исаака Комнина. К этому моменту Константин носил титул вестарха, но должности, которые он занимал в 40–50-е гг. XI в. неизвестны. Необходимо отметить, что среди всех византийских авторов об участии Дук в этом мятеже подробно пишет только Михаил Пселл, но свидетельства автора «Хронографии» крайне субъек-

ективны. Пселл был тесно связан с семейством Дука на протяжении многих лет, впоследствии именно он стал наставником старшего сына Константина Дуки, будущего императора Михаила VII (1071–1078) [219, С. 11-112].

При Исааке I Комнине Константин Дука входил в ближайшее окружение самодержца. В 1059 г. он был выдвинут влиятельной придворной группировкой во главе с Константином Лихудом и Михаилом Пселлом в качестве претендента на престол после отречения Исаака I [273, С. 87-88]. Большая часть византийской аристократии поддержала провозглашение Константина X императором. Провинциальная военная знать рассчитывала, что новый василевс будет продолжать политику Комнина. Для этого были все основания – по происхождению как предки Константин, так и он сам принадлежали именно к этой группировке византийской аристократии.

На Дуку возлагало надежды и столичное чиновничество. Придворная партия, которая привела его к императорской власти, выражала интересы значительной части гражданской бюрократии. Они надеялись на возвращение к ситуации, существовавшей до 1057 г., когда столичная знать безраздельно управляла государством. Как показали первые же мероприятия, предпринятые Константином X, бюрократия не обманулась в своих ожиданиях. Личные и родственные связи с синклитом и чиновной верхушкой Константинополя оказались для него более важными, чем интересы провинциальной военной аристократии, к которой он формально принадлежал [104, С. 165-168].

Придворная партия, добившаяся прихода Константина X к власти, в дальнейшем определяла внутреннюю и внешнюю политику Византии. В ее состав входили младший брат императора кесарь Иоанн Дука [224, Р. 34-41], патриарх Константин III Лихуд (1059–1064) [104, С. 390-396], номофилак Иоанн Ксифилин [219, С. 49-55] и проедр, ипат философов Михаил Пселл. Необходимо отметить, что данная политическая группировка сформировалась еще в 50-е гг. XI в., имела четкую программу действий и теперь, когда на престоле оказался ее ставленник, начала претворять эту программу в жизнь. Император, находившийся под сильным влиянием своего окружения, являлся несамостоятельной политической фигурой.

Первые мероприятия Константина X были направлены на отмену или исправление указов Исаака I. Лица, смещенные Комниным с высших придворных должностей, лишены земельных владений и доходов, восстанавливались в прежнем положении. Пселл и Атталиат упоминают о множестве людей, «впавших в отчаянье из-за притеснений Комнина», но «возвращенных к жизни» благодаря милости и щедрости Дуки. Император возвратил им конфискованное имущество, и присвоил более высокие титулы [7, Р. 71.1-8; 287, Р. 306.16.1-6]. Для того чтобы вернуть этих людей на прежние должности требовалось изба-

виться от ставленников Исаака Комнина. В 1059–1060 гг. сторонники прежнего императора постепенно заменялись чиновниками, лояльными правящей придворной группировке.

Проводя в начале своего правления масштабную чистку государственного аппарата, Константин X действовал в интересах столичного чиновничества, которое в короткий срок вернуло себе доминирующее положение в империи. Дука и в дальнейшем проводил политику, направленную на защиту интересов высшей бюрократии. Одновременно, он стремился к увеличению своей популярности среди жителей Константинополя. Во время торжеств, посвященных провозглашению Константина X императором, синклитики и многие из «людей рынка» получили щедрые денежные подарки [7, Р. 71.12-13; 12, Р. 111.15-16]. По сообщению Пселла, император открыл для зажиточных горожан путь к чиновным должностям, ранее для них закрытый. Многие торговцы и даже ремесленники получили придворные титулы, и это, по мнению автора «Хронографии», означало уничтожение стены, разделявшей «гражданское сословие» на синклит и горожан [287, Р. 306.15.4-9].

Объединение «гражданского сословия» было необходимо правящей группировке для успешного противостояния провинциальной знати. Император не мог открыто объявить себя противником военной верхушки, так как это неизбежно привело бы к вооруженному мятежу. Поэтому, правительство действовало постепенно, все более отстраняя противоборствующую партию от управления. Следует отметить, что среди самой провинциальной знати не было единства, подобного тому, которое наблюдалось в середине 50-х гг. XI в. Наиболее знатные и богатые семьи – Комнины, Далассины, Склиры, Докианы, Ааронии, Вотаниаты, Пигониты, Ватацы, Вурцы – сохраняли значительное влияние как в столице, так и в провинциях. Однако если в правление Комнина их деятельность была связана, в основном, с фемной администрацией, то при Константине X представители знатных фамилий устремляются в столицу, ко двору василевса. В Константинополе они имели большие возможности для продвижения по службе, но и правительству было легче контролировать их действия.

Таким образом, среди провинциальной знати происходит раскол. Некоторые представители этой социальной группы убедились, что защищать их интересы новый император не намерен. Недовольство в среде военных постепенно нарастало и, в итоге, вылилось 23 апреля 1060 г. (день св. Георгия) в попытку свержения Константина X с престола. Мятеж был подготовлен группой армейских офицеров и навархов флота, заговорщики рассчитывали, что их поддержат жители Константинополя. Однако реализовать свои планы им не удалось, и уже к концу дня большинство злоумышленников было либо убито, либо арестовано [7, Р. 71.19 – 74.22; 287, Р. 312.22.1 – 314.23.13; 12, Р. 111.9-26].

Несмотря на то, что о событиях 23 апреля 1060 г. сообщает большинство источников, ни в одном из текстов не названы имена руководителей мятежа. Михаил Пселл указывает, что в заговоре участвовали как безродные и безвестные, так и знатные люди. Подробности автора «Хронографии» интересуют мало, он лишь восхищается милосердием императора, который сохранил схваченным мятежникам жизнь [287, Р. 312.224-14]. Михаил Атталиат считал, что мятеж возник из-за «пустых обещаний и неблагоприятных поступков» императора Дуки [7, Р. 72.8-10]. Однако вряд ли эти причины могли подтолкнуть военных на вооруженное выступление. Возможно, прав был Н. А. Скабланович, предполагавший, что заговорщики хотели свергнуть Константина X и восстановить на престоле Исаака Комнина [104, С. 94-95; 268, Р. 71]. Заговор был организован не высшими военачальниками, а командирами среднего ранга, которые безуспешно попытались вернуть военным ведущую роль в управлении государством.

Современники оценивали личность Константина X неоднозначно. Михаил Пселл и Никифор Вриенний отмечали его благочестие, доброту и милосердие. По их мнению, Дука стремился к торжеству правосудия, всюду искоренял несправедливость, и установил в стране господство закона [287, Р. 306.15.1-4, 310.19.6-8, 312.22.12-15; 13, Р. 83.11-13.17-20]. Михаил Атталиат и Продолжатель Скилицы, напротив, осуждают императора за его склонность к судебным тяжбам. Вместо того чтобы управлять государством, Константин занимался сутяжничеством и выдумыванием ненужных законов [7, Р. 76.1-3; 12, Р. 112.8-16].

Атталиат особо упоминает о фискальной политике Константина X, который ввел новые, непомерные и непосильные, налоги и строго следил за их сбором [7, Р. 77.5-11; 10, С. 260 и сл.]. Повышение налогов стало причиной народных волнений, которые происходили во многих районах империи. Увеличение доходов казны стало настоящей страстью Дуки. Щедрость, которую он проявил в первые дни правления, сменилась крайней скупостью. Больше император никому не давал ни титулов, ни доходных должностей; денежные раздачи из казны также прекратились. Можно констатировать, что при Константине X на некоторое время была приостановлена начавшаяся еще в середине XI в. девальвация придворной титулатуры и прекращена практика повышения в званиях сразу на несколько ступеней [272, Р. 455, 458]. Казенные средства тратились очень умеренно, убедить Дуку выделить деньги для оплаты государственных расходов, даже самых необходимых, было очень сложно. Константин не желал ничего знать о государственных делах, посвящая свои дни только лишь судебным заседаниям, фискальству и подсчетам доходов казны [7, Р. 76.9-10, 77.13-19; 287, Р. 308.17.1-4; 61, Р. 237-239]. Доходило до того, что император обманы-

вал своих подданных, нарушая клятвы, принесенные на священных реликвиях [10, С. 262.19-21, 264.24-31].

Политика, которую Константин X проводил по отношению к армии, большинством авторов однозначно расценивается как крайне неудачная и губительная для византийских вооруженных сил. В короткий срок боеспособное и хорошо организованное войско превратилось в плохо вооруженную, неуправляемую и необученную толпу, которая не способна была противостоять внешней угрозе. Главной причиной упадка являлось то, что в 1059–1067 гг. войска получали минимальное денежное содержание [7, Р. 76.4-5; 12, Р. 114.15-18; 287, Р. 294.2.11-12, 308.17.4–18.5]. В предыдущее время, в правление Михаила VI, такая ситуация уже наблюдалась. Однако Вринга занимал престол только год, и был свергнут в ходе мятежа восточной армии, а Дука и его окружение в течение семи лет проводили подобную политику, не встречая серьезного сопротивления. Солдаты и командиры регулярных тагм, которым и раньше денежное содержание выплачивалось нерегулярно, при Константине X совсем перестали получать опсоний [7, Р. 78.23 – 79.3]. Однако вместо вооруженной борьбы с правительством они нашли иной способ выхода из сложившейся ситуации. Началось массовое бегство солдат из подразделений регулярной армии, что привело к небывалому сокращению численности войск. По этой причине некоторые тагмы были расформированы, а в сохранившихся оставалось настолько мало воинов, что сражаться они не могли, так как не было возможности выстроить боевой порядок [7, Р. 103.2-8; 12, Р. 125.8-12].

Младшие и средние командиры, которые со времен Василия II являлись основой византийской армии, также предпочитали покинуть военную службу. По сообщению Атталиата, они бросали свои отряды и стремились получить должность в гражданской администрации. Некоторым из них удавалось стать сборщиками податей или судьями. На новом месте службы они могли вновь рассчитывать на получение жалования, которое для многих было единственным источником существования. По всей видимости, данный процесс принял настолько массовый характер, что ряд подразделений совершенно лишился младших и средних командиров, хотя рядовые воины в них еще состояли [7, Р. 76.11-14; 12, Р. 113.8-11].

От мероприятий Константина X особенно сильно пострадали стратиотские ополчения малоазийских провинций и контингенты восточных пограничных фем. Стратиоты исключались из войсковых каталогов, и переводились на положение обычных налогоплательщиков [7, Р. 104.15-18]. Ликвидация стратиотских отрядов во многих внутренних провинциях Византии повлекла за собой окончательное уничтожение системы территориального военного командования. Показательно то, что стратеги внутренних («ромейских»)

фем с 60-х гг. XI в. в источниках почти не упоминаются. На этих территориях, по мнению императора, не существовало военной угрозы, и сохранение здесь постоянных военных структур приводило к неоправданным расходам казны. Ради экономии средств все «не-нужные» военные контингенты расформировывались. Только в крупных городах размещались небольшие гарнизоны под командованием кастрофилаксов [142, Р. 413-417; 72, S. 133-134].

Одновременно со снижением роли стратигов со второй половины XI в. усиливается значение преторов (фемных судей). Постепенно в руках этих должностных лиц были сосредоточены не только функции гражданского управления, но командование всеми вооруженными формированиями, размещенными на территории фемы (кроме отрядов иностранных наемников). Таким образом, полномочия претора «ромейской» фемы можно сравнить только с полномочиями дук (катепанов) пограничных провинций [86, VIII, Р. 67-68; 309, С. 303-307].

Пограничные контингенты, которые испытывали на себе все возрастающее давление со стороны внешних врагов Византии, также оказались в критическом положении. С одной стороны, они лишились постоянной помощи из Константинополя, и должны были рассчитывать только на собственные силы. Ранее военное командование пограничных дукатов имело возможность увеличить свои военные силы за счет стратиотских отрядов подчиненных им малых фем или же временного найма местных жителей во вспомогательное войско. Теперь, из-за введенных правительством финансовых ограничений, такая возможность исключалась. Михаил Атталиат пишет о том, что когда сельджуки напали на Антиохию, дука Никифор Вотаниат собрал войско, но его солдаты отказались идти в поход, пока им не выплатят жалование. Средств для этого не нашлось, и опытные воины покинули своего командира. Тогда Вотаниат за небольшую плату нанял несколько сотен юношей, плохо вооруженных и неопытных в военном деле. Во время первой же стычки с противником они бежали с поля боя [7, Р. 95.21 – 96.8].

Оборона всей линии восточной границы в подобных условиях была невозможна. Поэтому роль пограничных контингентов сводилась лишь к защите стратегически важных крепостей и крупных городов. Сельские районы оставались беззащитными, и жившее там, преимущественно армянское и сирийское, население становилось легкой добычей сельджуков. Местные жители, убедившись в неспособности императорских войск противостоять нападениям тюрок, стали относиться к византийским военным крайне враждебно. В связи с этим, у командования пограничных фем появились проблемы со снабжением войск продовольствием и даже с беспрепятственным сообщением со столицей [27, Р. 164].

Сокращение численности войск привело к тому, что многие из бывших младших командиров и рядовых воинов регулярных тагм оказались на грани нищеты. Далеко не все покинувшие военную службу смогли найти себе применение в иных сферах деятельности, а некоторые не желали этого делать, связывая свою жизнь исключительно с военной службой. Отметим, что для наиболее опытных воинов существовала еще одна возможность решения материальных проблем – служба в частных вооруженных отрядах (этериях). Формально подобные формирования являлись незаконными. Однако в отдаленных провинциях, особенно в районах боевых действий, правительство не могло препятствовать формированию этерий.

С 60-х гг. XI в. частные вооруженные отряды все чаще упоминаются в источниках. Как правило, они находились на содержании у военачальников, занимавших высокие должности в провинциальной администрации. В состав этерий входили родственники, земляки и наемные слуги аристократов. Плату за службу эти профессиональные воины получали незначительную, но находились на полном обеспечении у своего командира. В некоторых случаях частные отряды представляли серьезную военную силу, способную вести боевые действия в течение длительного времени [1, С. 256-257; 310, S. 557-558; 311, С. 63-76]. Личные этерии были у Никифора Вотаниата, Романа Диогена, Баграта Вихкатци и других военачальников [7, Р. 42.19-20, 96.8-14, 97.7-16; 12, Р. 113.15-17]. Сами Дуки окружили себя «рабами», которые не только охраняли своих господ, но и занимали важные государственные должности [312, С. 97-103].

Следует отметить, что на фоне значительного сокращения собственно византийских вооруженных формирований при Константине X возрастает численность наемных отрядов. При Исааке Комнине данная тенденция в комплектовании императорской армии проявлялась слабо, но после 1059 г. в составе византийских войск появилось множество «франков» (норманнов из Южной Италии), а с 1066 г. начался массовый приток в Константинополь англосаксов, вызванный покорением Англии Вильгельмом Завоевателем. Постепенно норманны и англосаксы – они были непримиримыми врагами – вытесняют из наемного корпуса варягов и русских [112, С. 355 и сл.; 313, С. 87-91].

Командиры наемных отрядов получали придворные титулы и занимали высокие командные должности в регулярной армии, чего ранее не наблюдалось. Византийские авторы с возмущением пишут о том, что Константин Дука открыл путь в синклит всем варварам, поступившим в византийское войско. По их мнению, император предпочитал иноземцев собственным военачальникам, хотя наемники были алчны, неблагодарны и часто бунтовали [7, Р. 87.18-22; 12, Р. 116.7-10, 135.2-4]. Военные качества иностранных контингентов также оставляли желать лучшего. Они не принесли Византии ни одной крупной во-

енной победы, но к 1067 г. именно наемные отряды обеспечивали оборону важнейших участков восточной границы и последних опорных пунктов Византии в Южной Италии [314, Р. 64-65; 315, Р. 17-18; 282, С. 93-97].

Кадровая политика Константина X в полевой армии и провинциальной администрации также весьма показательна. Если чистка столичного бюрократического аппарата от сторонников предыдущего императора происходила достаточно быстро, то в фемах новое правительство вынуждено было действовать медленно и осторожно, опасаясь конфликта с могущественными кланами провинциальной военной знати. Например, не могло быть и речи о смещении с поста доместика схол Запада куропалата Иоанна Комнина, младшего брата Исаака I. Только после его добровольной отставки в 1060/1061 г. у Константина X появилась возможность произвести кадровые перестановки в западной армии и западных фемах [158, С. 172].

На основании анализа письменных источников и сфрагистического материала для периода 1059–1067 гг. могут быть установлены следующие правители западных фем:

– Италия: Марул, катепан, 1060/1061 г. [316, Р. 160-161; 317, S. 94]; Сириано (Сергиан, Сергей?), катепан, 1061/1062 г. [316, Р. 161]; Лев Перен, дука, 1062/1063 г. [12, Р. 169.2-3]; Абулхарис, дука, 1065–1068 гг. [12, Р. 168.18-19; 72, S. 220].

– Диррахий: Лев Перен, дука, 1064/1065 г. [12, Р. 169.19]; Михаил Маврики, вестарх и катепан, 1067 г. [72, S. 238].

– Болгария (Сердика): Никифор Вотаниат, проедр и дука, 1063/1064 г. [318, С. 71-73]; Андроник Филокал, вестарх и катепан, 1066 г. [10, С. 264.17]; Роман Диоген, вестарх и дука, 1067 г. [7, Р. 97.14-16; 12, Р. 121.12-14].

– Фессалоника и Серры: Никифор Торник, проедр и дука, 1060–1061 гг. [134, Σ. 315, 490]; Никифор Вотаниат, проедр и дука, 1062 г. [134, Σ. 490]; Феодор Далассин, проедр и дука, 1062/1063 г. [319, Р. 90-91, no. 92].

– Паристрион: Василий Апокап, магистр и дука, 1063/1064 г. [7, Р. 83.11-12; 318, С. 70-71].

– Сирмий: Роман Диоген, патрикий и архонт, 1063/1064 г. [7, Р. 97.20-23].

О правителях восточных фем в правление Константина X известно меньше. С начала правления Дуки по всей линии границы в Закавказье и Северной Сирии развернулись военные действия против тюрок-сельджуков и их арабских союзников. Уже к 1065 г. система обороны Византии на Востоке оказалась дезорганизована, сопротивление противнику оказывали лишь в некоторых районах (Антиохия, Эдесса, Иверия). Из правителей этих фем в источниках упоминаются:

– Антиохия: Никифорица, севастофор и дука, 1062/1063 г. [7, Р. 181.5-6; 12, Р. 155.21]; Пехт, дука, 1065/1066 г. [25, Р. 130]; Никифор Вотаниат, проедр и дука, 1067 г. [7, Р. 96.8; 186, Р. 1477, no. 2688].

– Эдесса: Даватин, дука, 1062/1063 г. [25, Р. 118]; Пигонит, 1065/1066 г. [25, Р. 131]; Лев Арвантин, вестарх и дука, 1066/1067 г. [25, Р. 158-159; 226, 127-128].

– Иверия и Великая Армения: Баграт Вихкатци, магистр и дука, 1063–1064 гг. [132, С. 188].

Приведенные данные свидетельствуют об отсутствии у Константина X четкой кадровой политики в провинциальной администрации. Среди назначенных Константином X фемных правителей присутствуют как представители провинциальной военной знати (Никифор Вотаниат, Роман Диоген, Феодор Далассин), так и выходцы из столичной чиновной среды (Андроник Филокал). Особо следует упомянуть о Михаиле Маврики. Его карьера примечательна тем, что он достаточно успешно действовал как во главе сухопутных, так и морских сил. Никифор Вриенний пишет, что «человек этот был из простолюдинов, но доблестный и хорошо знакомый с плаванием по морю... императоры считали его человеком полезным и удостоивали больших почестей. Маврики нажил большое богатство, имел множество рабов, которые служили ему как воины» [13, Р. 197.17 – 199.3; 320, S. 168-169].

Следует также обратить внимание на то, что на высших должностях в фемах вновь появляются придворные евнухи. При Исааке I они были полностью вытеснены с командных постов, но при Дуке, делавшем ставку на лично преданных ему лиц, у евнухов вновь появилась возможность для продвижения по службе.

Одним из «выдвиженцев» Константина X был севастофор Никифор, прозванный за маленький рост Никифорица (Νικηφορίτζης). Он возвысился, умело используя страсть императора к «фискальству». Однако после конфликта с императрицей Евдокией его отправили дукой в Антиохию. Здесь Никифорица быстро восстановил против себя жителей города, недовольных высокими налогами и произволом чиновников. После того, как горожане устроили бунт, император приказал отозвать Никифорицу, лишить его имущества и заключить в тюрьму [7, Р. 180.19 – 182.2; 12, Р. 155.14-24]. Отметим, что в правление Михаила VII Дуки Никифорица возвысился вновь. Сын Константина X назначил его логофетом дрома и, фактически, передал руководство гражданской администрацией страны. Большинство византийских авторов дают Никифорице крайне негативную оценку: «клеветник» [7, Р. 181.1-3]; «интриган и корыстолюбец» [12, Р. 155.18-20]; «скрытный, лстивый и коварный» [13, Р. 167.10-14]. Только Кекавмен говорит о нем с явной симпатией:

«достолавный Никифор, очень разумный, искушенный в военном деле и гражданском управлении» [10, С. 266.22-26; 321, Р. 244-245].

В 1059–1067 гг. среди правителей византийских фем значительно возрастает число военачальников армянского или армяно-ивирского происхождения. Большинство из них в предыдущее время в источниках не упоминаются и, можно предположить, что столь высоких должностей они достигли впервые. Исключение составляет магистр Василий Апокап, который с конца 40-х гг. XI в. занимал значительные посты в вооруженных силах империи [322, С. 24-27]. Однако говорить о том, что Константин X ориентировался на аристократию армянского происхождения, повсеместно возвышая ее представителей, вряд ли возможно. Большинство армянских военачальников командовали в фемах, где преобладало армянское население, а тесные связи с соплеменниками позволяли им более эффективно исполнять свои обязанности [25, Р. 132, 158]. Для правительства подобные назначения также были выгодны, так как позволяли экономить значительные средства. Баграт Вихкатци, например, просил назначить его дукой в Ани без какой-либо оплаты за службу. Более того, он обещал обеспечивать военные силы фемы за свой счет [7, Р. 80.12-15; 12, Р. 113.13-15].

Высший командный состав полевой армии представлен в правление Константина X исключительно выходцами из влиятельных семей провинциальной военной знати. Западными регулярными войсками командовали: куропалат и domestik схол Запада Иоанн Комнин, проедр и domestik схол Запада Роман Склир, вест и дука «всего Запада» Никифор Ватац, магистр и дука «всего Запада» Лев Перен [111, Р. 198-202; 158, С. 172-175]. Среди военачальников восточной полевой армии известны магистр и стратилат Востока Эрве Франгопол [25, Р. 115-120; 314, Р. 63-65], а также проедр и дука Анатолика Роман Склир [298, S. 76-85, no. 18].

Выше уже упоминалось, что правительство Константина X стремилось избежать открытого конфликта с высшей аристократией. Действуя крайне осторожно, императору и его окружению, в конечном итоге, удалось взять под контроль регулярные войска. Однако для этого им пришлось отказаться от назначения domestikов схол Востока и Запада. Отныне для проведения военных операций формировались смешанные группировки сил, состоявшие из тагм и наемных отрядов. Командовали ими не domestikи схол, а военачальники более низкого ранга (дуки, стратилаты, стратопедархи). Такое командование, как правило, было экстраординарным и кратковременным, и после завершения похода командующий лишался полномочий. Для правящей группировки это было особенно важно, так как не давало никому из политических оппонентов длительного контроля над большими воинскими контингентами.

В результате реорганизации системы военных командований изменилась вся организационная структура византийских вооруженных сил. Боеспособные регулярные формирования из провинций перемещались к Константинополю, где постоянно находилась крупная группировка войск. Часть этих сил могла быть направлена на Восток или на Запад, в зависимости от внешнеполитической ситуации. Однако контингенты пограничных провинций, которые и до этого испытывали значительные трудности, полностью лишились постоянной поддержки регулярных войск. Одними гарнизонами крепостей, этериями военачальников и немногочисленными отрядами наемников удержать протяженную линию византийской границы было невозможно.

Внешнеполитическое положение Византии в начале правления Константина X было достаточно стабильным, но уже через несколько лет обстановка на границах стала угрожающей. С начала 60-х гг. империи пришлось вести непрерывную войну сразу на трех направлениях – на Востоке, на Балканах и в Южной Италии. Противники Византии не ограничивались грабительскими набегами на приграничные районы, они перешли к территориальным захватам. В Южной Италии норманны постепенно вытеснили византийские войска из Калабрии и Лукании. Под контролем императорских сил оставались лишь хорошо укрепленные приморские города на юго-востоке Апеннинского полуострова [30, Р. 157-163]. На Балканах с огромным трудом удалось отразить нападение узов в 1064 г., причем контингенты пограничных фем на Дунае понесли огромные потери. В связи с ослаблением византийских сил в данном регионе, жившие к северу от Дуная и в Добрудже печенеги начинают нападать на Македонию и другие западные фемы империи [300, Р. 79-86].

Однако наиболее сложная обстановка складывается на Востоке. Сельджуки нарушили ранее заключенное с Византией перемирие и перешли к активным военным действиям. К 1067 г. система обороны восточных границ империи рухнула окончательно. Были потеряны территории фем Васпуракан, Великая Армения, Тарон, большая часть Месопотамии. Летом 1067 г. сельджуки взяли Кесарию, разграбили окрестности Антиохии, и едва не захватили ее. Византийские авторы приводят длинный список фем, опустошенных набегами кочевников: Иверия, Халдия, Мелитина, Армениак, Каппадокия, Фригия, Галатия, Онориада [7, Р. 78.9-22; 12, Р. 112.21 – 113.6; 132, С. 228-235; 323, Р. 5-67; 324, Р. 238-259].

Можно констатировать, что для византийских вооруженных сил правление Константина X было поистине катастрофическим. Император и гражданское правительство нанесли по ним удар более сокрушительный, чем все противники империи вместе взятые. Первоначально, мероприятия направленные на ослабление армии, были обусловлены стремлением столичной бюрократии ослабить политические позиции провинциальной во-

енной знати. Однако данный политический курс отличался крайней непоследовательностью. Возможно, определенную роль в том, что избранная первоначально политическая линия не была выдержана, сыграла смерть патриарха Константина III Лихуда, наиболее значимой фигуры в императорском окружении (1064 г.).

Главным виновником ослабления империи и ее вооруженных сил современники считали самого Константина X. Даже в ближайшем окружении Дуки высказывалось недовольство его военной политикой. Михаил Пселл писал, что войско является неотъемлемой частью государства, без которой оно не может существовать. Главная задача армии – это борьба с внешними врагами, а вмешательство стратиотов, людей дерзких, необразованных и неразумных, во внутреннюю политику нежелательно. Военные должны стяжать себе славу на полях сражений, тогда как многотрудное дело управления государством – это доля людей опытных и образованных [287, Р. 226.6.1-9; 308.18.1-14; 17, Р. 666.2-3].

Как известно, Михаил Пселл выражал интересы значительной части столичной бюрократии, понимавшей значение армии. Однако Константин X, как отмечает сам автор «Хронографии», не понимал важности войска и не ведал, что с его ослаблением растет сила врагов. Император считал увеличение расходов на армию пустой тратой денег и предпочитал походным опасностям безмятежную жизнь во дворце. Заслуживает внимания упоминание Пселла о том, что Константин X попал под влияние «дурных советников и придворных льстецов», что может свидетельствовать о расколе в окружении императора [287, Р. 308.17.6-9; 7, Р. 77.13-19].

Сменивший Константина X на престоле Роман IV Диоген в целях спасения государства от внешнеполитической угрозы предпринял ряд экстраординарных мер. Все действия византийских войск приобретают ярко выраженный чрезвычайный характер, что подтверждается абсолютным преобладанием должностей стратига-автократора, моностратига, дуки «всего Востока», дуки «всего Запада» [36, Р. 309 *suiv.*]. После битвы при Манцикерте (1071 г.) и гражданской войны между Романом Диогеном и Дуками, армия была уже не в состоянии выполнять свою главную функцию – защиту страны от внешней угрозы [325]. Начавшийся еще в 50–60-е гг. XI в. процесс распада византийской военной системы вступил в завершающую фазу. Происходил он следующим образом. Боеспособные воинские формирования, по большей части, были отведены в район Константинополя, где и разместились в стационарных военных лагерях и крепостях вокруг столицы империи. Данная группировка, преимущественно, использовалась не для борьбы с внешними врагами, а для подавления постоянных мятежей в балканских и малоазийских провинциях (мятежи Никифора Вотаниата, Никифора Васибеки, Никифора Вриенния, Никифора Меллиссина) [326]. В состав этой «столичной» армии входили регулярные тагмы и гвардей-

ские формирования. Однако преобладающим здесь элементом являлись отряды иностранных наемников (франки, немцы, англосаксы, русские, тюрки, арабы и др.). Постепенно признанным лидером этих воинских контингентов становится Алексей Комнин. Именно ему удалось подавить целый ряд мятежей, а затем, свергнув Никифора III Вотаниата, прийти к императорской власти. Необходимо отметить, что данные сфрагистики позволяют подробно проследить все этапы карьеры основателя династии Комнинов [291, Т. 1].

Другая часть византийских сил не отступила на Запад, но осталась в Закавказье, Каппадокии и Киликии. В этих районах возникает ряд полунезависимых образований (топархий), во главе которых стояли, в основном, военачальники армянского происхождения (Филарет Врахамий, Феодор Гавра, Рупений и др.) [327, Р. 215-223; 146, Р. 233-236]. В византийских источниках их, как правило, называют топархами. Формально признавая власть императора, имея высокие придворные титулы и должности (что подтверждается значительным числом печатей), реально они были самостоятельны в своей политике. Впоследствии часть подобных топархий была уничтожена турками, некоторые территории вернулись под контроль императорского правительства, но в единичных случаях они превратились в независимые армянские княжества, которые в дальнейшем играли существенную роль во время Крестовых походов [328166, С. 7 сл.].

Следует констатировать, что ликвидация к 90-м гг. XI в. последних элементов «фемного строя» стала результатом не только внешних, но и внутренних процессов, происходивших в империи. Трансформация, аналогичная той, что происходила в вооруженных силах, имела место и в провинциальной гражданской администрации. Здесь в руках одного чиновника могли быть собраны тождественные функции в нескольких соседних фемах. Данная тенденция прослеживается на основании данных сфрагистики для следующих должностей: кураторы, экзакторы, преторы, анаграфевсы, асикриты и нотариусы [329, С. 19-34].

Таким образом, на шестом этапе НИР были подведены итоги исследования научной темы «Византийская империя в периоды расцвета (на примере эпохи Македонской династии, середина IX – первая половина XI в.)». Были изучены: особенности развития военно-административной системы Византийской империи в середине X – начале XI в.; проблема военных и административных реформ и организации системы провинциального управления в период правления Македонских императоров; процессы трансформации органов гражданского управления Византии в IX–XI вв.; особенности функционирования, причины, ход и итоги реформирования столичных и провинциальных бюрократических структур; особенности политической борьбы в средневизантийский период, причины и соци-

ально-политические механизмы, которые привели к кризису в Византии во второй половине XI в.

Подводя итоги, отметим, что после пресечения Македонской династии характер противостояния группировок «господствующего класса» империи претерпел значительные изменения. Как столичная бюрократическая верхушка, так и провинциальная военная знать более не представляли собой единых политических сил. Напротив, наблюдается дробление старых группировок на значительное число придворных «партий», аристократических кланов, этнических и территориальных групп. Дальнейшая борьба между ними, проходившая в крайне сложных внешнеполитических условиях, привела к разрушению устоявшейся структуры вооруженных сил и провинциального управления. При стремительной деградации государственных структур наиболее сильными оказались позиции аристократических группировок, сформированных родственными семьями. В итоге, в 1081 г. к власти в Византии пришел Алексей I Комнин, опиравшийся на поддержку т. н. комниновского клана – большой группы знатных семей малоазийского происхождения.

6.1.2. «Кризисные периоды в византийской истории (на примере эпохи Палеологов, XIV – первая половина XV в.)».

В рамках программы реализации проекта был выделен тематический блок, связанный с изучением особенностей политического и социокультурного развития Византийской империи в условиях кризиса. В качестве периода византийской истории, в который наиболее ярко проявились кризисные процессы и явления, было выбрано то время правления Палеологов (XIV – первая половина XV вв.), когда страна оказалась в состоянии упадка, завершившегося падением империи.

Византийская империя XIV–XV вв. погрузилась в состояние глубокого системного кризиса. Территория государства катастрофически сокращалась. Угроза со стороны турок-османов, ставшая с середины XIV в. уже постоянной, поднимала на повестку дня вопрос о сохранении политической независимости. Все усилия императоров были направлены на поиск союзников в борьбе с нависшей опасностью. Многочисленные дипломатические миссии в западные страны, тем не менее, не приносили ничего, кроме обещаний. Византийские правители в надежде все-таки получить помощь Запада, вынуждены были идти на уступки, обсуждая униженный для Византии союз западной и восточной церквей. Метания между турками и латинянами, возможность заключения унии с Западом и противостояние в обществе этим попыткам приводили к политическому и религиозному расколу в обществе. Центральная власть постепенно утрачивала свои ведущие позиции на фоне рос-

та сепаратистских тенденций, а бюрократический аппарат управления, скованный многими пороками, был недейственным. Политический и идеологический кризис усугублялся бедственным финансовым положением империи. Обнищание не только простого населения, но и верхних слоев общества было следствием неадаптивной внутренней политики последних Палеологов. Негибкое государственное регулирование ремесленного производства и незащищенность внутренней и внешней торговли от иностранной (в первую очередь, венецианской и генуэзской) конкуренции приводили к экономической стагнации.

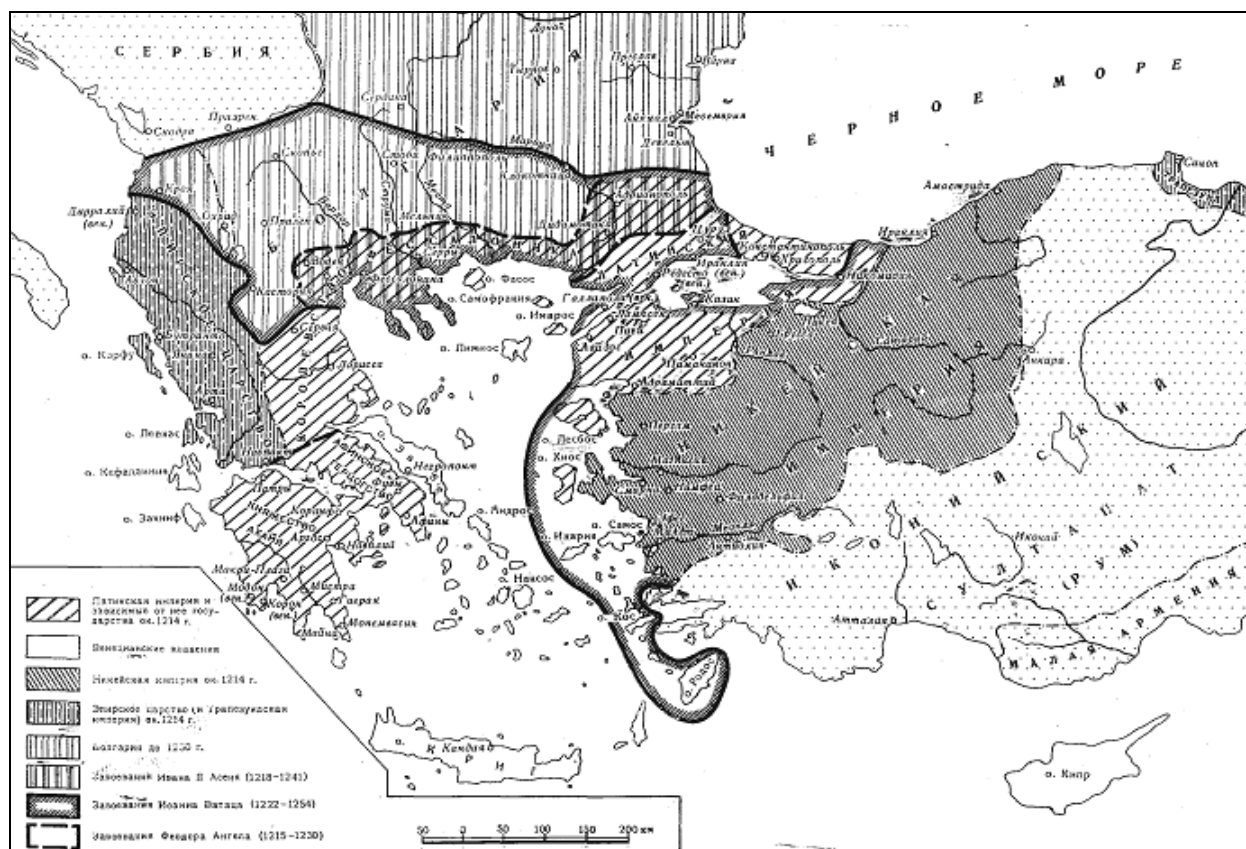

Рисунок 2 – Византийская империя в XIII – первой половине XV в.

(по 89, Т. 3, С. 128)

В трудное для империи время власть в целях самосохранения обращалась, прежде всего, к идеологической составляющей ее политики. Основной акцент делался на традиции авторитета власти. Император, именуемый в официальных документах василевсом и автократом [330, Р. 175-192; 331, S. 9-34], находился в центре всей политической системы империи, имевшей название государство римлян (ἡ πολιτεία τῶν Ῥωμαίων, Ῥωμαίων πράγματα) [332, VI]. Византия, в свою очередь, мыслилась ее жителями как центр ойкумены, как *Pax Byzantina*, *Pax Christiana* – в развитие римской идеи *Pax Romana* [333, Р. 10; 33, С. 22-23]. Столица империи, ставшая «вторым», или «новым» Римом, наследуя авторитет

Древнего Рима, укрепляла его тем, что стала очагом христианства. Византийская политическая идеология была ориентирована на официальную концепцию ойкуменизма [334, Р. 51]. Поддержанию значимости идеи императорской власти и империи служил в значительной степени придворный церемониал.

Поэтому одна из ключевых задач, решаемая на материале этого периода, состояла в изучении воплощённой в византийском церемониале идеологии как способа воздействия на общественное мнение, средства стабилизации в условиях кризиса, а также формы трансляции через ритуал идеи незыблемости и могущества «второго Рима». В рамках проекта были проведены исследования методов создания церемониального образа императора, победителя и защитника (прокипсис, теофания и др.); анализ социального и политического содержания пропагандируемой церемониалом триады «император – народ – армия»; определение уровня сакрализованности поздневизантийского ритуала по сравнению с предшествующей эпохой истории Византии; выявление принципов иерархии придворного мира; анализ ритуалов инаугурации императора и инвеституры представителей придворной элиты в XIV в., а также сравнение их как по временной вертикали (с соответствующими обрядами V–VI и X–XII вв.), так и по горизонтали (с церемониями инаугурации и инвеституры в других средневековых европейских государствах, например, в Священной Римской империи германской нации).

А) На шестом этапе выполнения НИР были обобщены данные, связанные с исследованием византийской церемониальной культуры, в которой нашли отражение особенности политической идеологии Византии и специфика презентации власти. В рамках реализуемого проекта по изучению византийской цивилизации в периоды ее подъема и спада тема церемониала имела особую актуальность, т.к. изучение этого аспекта позволило проследить эволюцию выраженной в ритуальных действиях византийской политической доктрины и выявить механизмы стабилизации политической системы в условиях всестороннего кризиса XIV–XV вв. посредством церемониальных процедур, а также определить идейное и идеологическое содержание «театра власти».

Церемониал это система сложившихся и ставших традиционными ритуалов презентации власти. В древности церемониалы различных стран и различных эпох в смысловом предназначении имели много общего, будучи всегда подчинены прежде всего идее власти.

В Европе государственный церемониал сложился ранее всего в Византийской империи, бывшей огромным островом цивилизованности в варварском мире. По мере успехов процесса централизации в каждой из стран европейского средневековья определились

свои стереотипы демонстрации авторитета власти через ритуал. Имея огромное количество запечатленных в церемониале специфических обрядовых деталей, страны христианской цивилизации в целом были приближены друг к другу: в пределах церемониального пространства складывалось синкретическое единство традиций Древнего Рима, христианства и – для стран бывшего варварского мира – отдельных черт германских обычаев.

На начальной стадии становления церемониального стереотипа Западная и Центральная Европа были ориентированы на Византийскую империю [335, С. 85-86], поражающую европейский мир совершенством и торжественностью своей церемониальной системы. В межгосударственных отношениях получение в качестве дара византийского василевса императорского одеяния, короны или каких-либо символов власти было желанно для всех государей средневековой Европы. Вспомним, что установление в 826 г. в зале королевского дворца в Ахене собственного органа было для франков поводом для самоутверждения, т.к. до этого времени на Западе считали, что этот музыкальный инструмент был исключительной принадлежностью византийского двора [335, С. 93].

Церемониал как форма презентации власти многофункционален. Можно рассматривать идейный, политический, социальный, этический и эстетический его аспекты. Определяющими были, без сомнения, идейное и политическое проявления ритуального комплекса.

Византийский церемониальный «сценарий» [336], вне зависимости от ситуационного фона (прием во дворце, выход «в народ», коронование, свадьба, введение в должность), многократно «тиражировал» официальную концепцию величия империи и торжества императорской власти, создавая через эффект ритуального действия харизматический идеал правителя [337, Р. 13-16]. «Театр власти» был в значительной степени сакрализован, особенно в эпоху Палеологов, когда снижение авторитета Византийской империи (не только в контактной зоне, но во всей Европе и в странах Передней Азии) компенсировалось возвышением ее значимости через достигший к этому времени своего апогея православный литургический ритуал. Сакральная аура способствовала созданию образа императора, стоящего над миром, выше мира, связанного незримыми духовными нитями с Верховным Правителем – Господом. После литургии коронования василевс воспринимался как «облаченный властью», как «помазанник Божий» [338, С. 30 и сл.]. Ритуальное признание особых достоинств коронуемого («Свят!», «Достоин!») создавало высокий уровень сопричастности каждого к литургическому действию, а это способствовало эффекту репрезентации в умах подданных идеи священной империи и божественной императорской власти.

Постоянно, каждодневно длящийся ритуальный спектакль – в больших или малых его формах – укреплял особое, мифическое отношение к василевсу и империи. Веками

создавался как церемониалом, так и всеми средствами коммуникативности политический миф о высоком предназначении власти. Восприятие власти имело некий этический характер, не оставлявший места каким-либо сомнениям и вопросам («так было всегда»). По замечанию исследователя византийского церемониала О. Трайтингера, в церемониале «политическое возвышено до мифического и религиозного уровней...» [339, S. 3]. Не случайно список сановников императорского двора середины XIV в. завершается несоответствующей политической ситуации фразой: «Дай Бог, чтобы империя расширилась и император стал мировым властителем (κοσμικὸς αὐτοκράτωρ)!» [340, P. 340]. Византийский автор конца XIV – начала XV в., осознавая, что империя территориально стала небольшим государством, писал, однако в духе идеологии своего времени: «...если кто-то хотел бы идти до границ ойкумены, он услышал бы, что везде упоминается один патриарх вселенной, который в Константинополе, и только один император, который в литургии!» [341, S. 4-5]. Французская исследовательница Э. Арвейлер определила византийскую политическую идею палеологовского времени как «национальную утопию» [334].

Церемониал позволяет увидеть общество в структурированном виде: василевс – элита – остальные подданные. «Сердцевину общества» [342, P. 117-129] составляли члены императорской семьи и высокие сановники. Придворная элита, принимая участие в церемониальных актах, выполняла свою социальную функцию по возвышению образа василевса, что одновременно повышало и ее собственное самоощущение в политическом мире империи. Та ступенька, которую занимал тот или иной участник отдельного ритуала в церемониальном «спектакле», влияла на оценку его социального статуса и открывала его возможности в придворном мире. Высокие сановники находились в «силовом поле» василевса, являясь участниками «театра власти». В силу этого они ощущали себя причастными к управлению империей, что давало им основание в значительной степени дистанцироваться от остальных подданных. Последним же было отведено определенное место в церемониале – быть зрителями во время императорских выходов и проявлять свое эмоциональное состояние восторженными криками, что соответствовало общему контексту церемониала.

Социальное назначение церемониала заключалось прежде всего в создании ощущения стабильности и уверенности в могуществе правителя и империи, гармонии в отношениях государства и церкви, единения василевса и подданного ему народа.

Церемониальная культура несла в себе определенный этический заряд. Праздничность церемониальных актов создавала положительный, умиротворяющий эффект, порождая как у зрителей, так и у участников обрядов самые просветленные и жизнеутверждающие эмоции.

Придворный ритуал создавал значимые этические ориентиры, формируя нормы поведения, общения, являя в церемониальных спектаклях образцы «высокого стиля» отношений.

Определенный нравственный акцент имела презентация, наряду с василевсом, и членов его семьи. Это создавало иллюзию некоей родственности, исходящей от императора в отношении подданных [336, С. 382].

Можно отметить также, что византийский церемониал являлся важной составляющей культуры общества, как придворной, так и «уличной», массовой, ориентированной на значимость церемониальных «спектаклей», выходивших иногда и за пределы дворца.

Ритуализованность и символизм, присущие церемониалу, роднят его в значительной степени со средневековой европейской культурой.

Источником для изучения византийского «театра власти» явились прежде всего церемониальные книги. Их в истории Византии две – X и XIV столетий. Обрядник X в. – это «Книга церемоний» [171; 22], записанная при Константине VII Багрянородном и отражающая ритуалы как ранневизантийской эпохи, так и последующего времени, вплоть до X в. Сочинение Псевдо-Кодина «О чинах Константинопольского двора и должностях Великой Церкви» [340] является основным источником информации о жизни императорского двора эпохи Палеологов.

Исследование было сфокусировано и на проблеме изучения воплощенной в церемониале политической идеологии в условиях нарастающего кризиса общества и утраты страной международного престижа и части ее территорий. Поздневизантийский церемониал являлся не только формой презентации власти Палеологов, но и средством воздействия на общественное мнение с целью упрочения в умах современников идеи могущества империи и непоколебимости власти василевса.

Изыскание проблемы церемониала в контексте официальной идеологии позволило глубже осознать – в условиях кризиса страны – корректирующую роль создаваемого придворным церемониалом мифа о благополучии и гармонии общества. Актуальность проблемы в рамках современного византиноведения определяется тем, что исследование воплощенной в церемониале политической идеологии эпохи Палеологов дает основание для последующего анализа внутренних причин гибели «второго Рима».

Неадекватное восприятие представителями власти ситуации в стране и попытка скрыть свою несостоятельность в условиях кризиса пропагандируемым мифом о могуществе империи позволяет аналитически изучить на примере Поздней Византии сущность державной формы власти с присущим ей дефицитом реальной самооценки. Изучение воплощенной в поздневизантийском церемониале идеологии как способа воздействия на

общественное мнение в условиях кризисного состояния страны, а также формы трансляции через ритуал идеи незыблемости и могущества страны дают возможность для компаративных наблюдений и моделирования исторических ситуаций в других пространственно-временных рамках.

Другой блок проблем при изучении византийского церемониала связан с поздневизантийским чиновничеством. Согласно названию трактата Псевдо-Кодина и расположению глав, эта тема в обряднике не была второстепенной. Да и в истории Византии должностные лица всегда были в чести – в зависимости от ранга. По замечанию Г. Вайса, исследовавшего социальную категорию чиновничества по сочинениям имевшего опыт общения с этой средой Михаила Пселла, для Византии нельзя найти аналога среди европейских стран по численности бюрократического аппарата [163, S. 155, 162]. По справедливому мнению Г. Г. Литаврина, Византийская империя – это «единственная страна классической бюрократии в средневековой Европе» [162, С. 122]. Разумеется, в обряднике архонты различных ступеней представлены только в церемониальном пространстве – в качестве исполнителей ролей в «театре власти». Реальные же отношения, присущие бюрократии, остались за кулисами церемониального «театра» – это протекции через использование дружеских связей и знакомств, взятки и подношения в надежде на благосклонность вышестоящего чиновника, безмерная лесть в адрес правителя в ожидании повышения по должностной лестнице, соперничество между отдельными архонтами и наущничество как один из путей стать «любимчиком» и занять место «под солнцем» императорской власти [343, С. 16].

В культуре Византийской империи такой ее сегмент, как церемониал, имел огромное эстетическое наполнение. Многоцветие парадных одежд, блеск золота в многочисленных украшениях и декоре помещений дворца и церквей, музыка и праздничное пение, сияние света – все это создавало необычайной силы эстетическое воздействие. Архитектура императорских дворцов и храмов, фрески, мозаики, декоративные шелковые занавеси были великолепным фоном церемониальных спектаклей. Праздничная риторика включала слово как средство воздействия на аудиторию. Словесная эстетика энкомиев оказывала влияние как на зрителей, так и на участников ритуала. Церемониальное зрелище было ориентировано на некое созвучие в его восприятии всеми его свидетелями. Это созвучие восприятия церемониального действия должно было отражать гармоничную структуру мира [344, Р. 219].

В исследовательской литературе в отношении церемониалов различных стран и эпох утвердились понятия «театр власти», «сценарий власти». Очень точным является наблюдение Д. Кэннэдайна: «Ритуал – это не маска власти, а тип власти» [345, Р. 19]. Цере-

мониал, будучи объектом исследования, позволяет точно определить место презентуемой им власти на шкале эволюции государственности.

Таким образом, на 6 этапе НИР был систематизирован и обобщен собранный материал по проблеме изучения византийского церемониала, который рассмотрен в контексте политических процессов, протекавших в Византии в периоды ее наивысшего подъема и спада. Полученные результаты свидетельствуют о том, что церемониал играл существенную роль в политической жизни империи, в концентрированном виде выражая имперскую идею, идеологию и государственную концепцию власти. В этой связи изучение церемониальной культуры имеет принципиально важное значение для понимания специфики политической модели византийской цивилизации.

В рамках характеристики византийской цивилизации в политико-идеологическом измерении был предпринят анализ церемониальной практики с точки зрения его идейной составляющей. В концентрированном виде идея императорской власти и идейно-политическая доктрина в целом нашла выражение прежде всего в коронационном церемониале. В акте коронации императора византийский церемониал как форма презентации власти достигал своей кульминации не только в силу особой торжественности ритуала и его парадной эффектности. Значимость коронационного чина определялась скорее тем, что в нем предельно четко была выражена императорская идея, являвшаяся основой официальной политической доктрины.

Акт коронации как апогей средневекового ритуала объединяет церемониальную культуру Византии и других европейских государств. Помазание, венчание, облачение, явление народу – вот ключевые моменты коронации правителя, но в каждой стране, в том числе и в Византийской империи различных эпох ее существования, можно наблюдать свою специфику.

Коронование в развитых монархических государствах средневековья придавало государю особую харизматическую значимость [337, Р. 13-16; 346, С. 144-178] и создавало вокруг его персоны «религиозно-мистическую атмосферу» [339, S. 32-43], способствовавшую восприятию правителя «как избранника, представителя, посланника Христа» [339, S. 42-43]. Этот церемониальный акт был в высшей степени отмечен идеей сакральности личности монарха. В ходе чина коронации король, царь или император оказывался вознесенным в высшую сферу, именуемую божественной, что наделяло его особыми сакральными качествами и определяло священные основы власти [347, S. 61-108; 348; 349, С. 5-16]. Санкционирование власти таким институтом как христианская церковь придавало этой идее особый авторитет – то кредо, на котором покоилась презентация власти [350, Р. 611-850; 351].

Византийская политическая идеология, отраженная в сотнях документов и речей, концентрировала все ее постулаты вокруг значительности для страны и всех ее подданных императорской власти и воплощенной в этой власти императорской идеи [352, Р. 10-13, 91-92, 154, 253, 309, 417]. В основе официальной идеологии («тиражируемой» и неофициальной риторикой) лежала мысль о божественном происхождении власти императора. Этот постулат, идущий от эпох домината и эллинистических государств, с упрочением христианства приобрел завершенный характер.

При исследовании концепции власти Г. Хунгером на основе преамбул (прооймиев) официальных актов им были выделены выражавшие суть политической доктрины сложившиеся словесные формулы. Назовем наиболее точные и яркие из них: власть императора – «от Бога» (ἐκ Θεοῦ), император – «подражание Богу» (μίμησις Θεοῦ), «возлюбленный Бога» (θεοφύλης) [353, S. 49-83].

Наряду с констатацией божественной природы власти в византийских источниках – как официального характера, так и в риторической литературе – традиционным являлось сравнение правителя с солнцем (ὁ ἥλιος). И если в «божественной сфере» император являлся пастырем (ὁ ποιμήν) своих подданных, то император-солнце посылал людям свои животворящие лучи [353, S. 75-80, 100-108].

Если обратиться к сфере моральных качеств, входивших в «набор» императорских добродетелей, на которые был сориентирован образ василевса, то эти его качества вполне сравнимы с античной шкалой нравственных ценностей [354, С. 29; 355, С. 13-30]: мудрость (σοφία), мужественность (ἀνδρία), справедливость (δικαιοσύνη), благоразумие (σωφροσύνη).

В каждую из византийских эпох какое-то качество в характеристике правителя становилось – в зависимости от потребностей эпохи – доминирующим [356]: полководец, философ, филантроп. В поздневизантийскую эпоху, пожалуй, превалирующими среди всего набора традиционных характеристик стали человеколюбие (φίλανθρωπία) и благочестие (εὐσεβεία). Вероятно, это было связано, наряду с другими факторами, и с тем, что империи в XIV в., как никогда ранее, была нужна защита не только императора-помазанника Божьего, но и самого Бога. Доминирующий моральный постулат «човеколюбие – благочестие» гармонично соединялся с идеей божественного происхождения власти монарха.

В XIV в. при единых стержневых этапах общего чина коронования императора возможны были небольшие вариантные отклонения, не меняющие общей концепции ритуала. Некоторые сомнения вызывает обязательность обряда поднятия на щите, особенно для первой половины XV в., не обеспеченной репрезентативными источниками по изучаемой теме.

Чин коронования императора, представляющий многочасовой «спектакль», развивающийся по определенному сценарию, служил цели возвышения власти до уровня божественной, что вызывало у свидетелей литургического действия ощущение вечности власти. Церковный обряд коронования являлся отражением того «византинизма», в основе которого, наряду с другими его проявлениями, лежала концепция императорской идеи великой державы, идеи, столь нужной Византии в условиях назревавшего и время от времени проявлявшегося социального и политического кризиса. При последних Палеологах это веками проверенное идеологическое средство уже не могло быть спасительным, а церемониал превратился в спектакль с печальным финалом.

В эпоху Палеологов, когда страна находилась в условиях затяжного политического и экономического дисбаланса, все эти усилия, нося скорее декоративный характер, были ориентированы на создание в стране атмосферы стабильности и ощущения благополучия. Этой цели в немалой степени служил и дворцовый церемониал, являвшийся транслятором идеи могущества империи в условиях ее кризиса. Рассмотрим это назначение церемониала на одном из важнейших парадных ритуалов – парастасисе.

Как и в X в., во времена Константина VII Багрянородного, при Палеологах церемониальный императорский прием был центром парадной жизни дворца. В XIV в. прием (ἡ παράστασις) в стенах тронного зала императорского Влахернского дворца – Триклиния – проходил, в соответствии с церемониалом, в честь какого-либо торжественного события или праздника. В «сценарий» различного вида приемов – в зависимости от отмечаемого события – в качестве неперменной составной части входило представление императору сановников и архонтов – ритуал, который, собственно, и назывался парастасисом.

С тем, чтобы представить себе, что византийцы XIV в. могли понимать под словом «парастасис», есть смысл обратиться к его этимологии. Судя по словарю древнегреческого языка, жившие в условиях ранней демократии древние эллины относили слово «ἡ παράστασις» к древнеперсидской государственной практике с ее ритуалом входа подданных персидского царя в тронный зал, где они занимали заранее определенные в соответствии с традицией места. В понятие «парастасис» словарь со ссылкой на Полибия включает также восторг и бурное воодушевление (μετὰ παρὰστάσεως ἀσπάζεσθαι τινα) [357, С. 1252]. В словаре же новогреческого языка слово «парастасис» переводится как театральное представление [358, С. 506].

Обратившись к церемониальной книге Псевдо-Кодина с тем, чтобы соотнести эти словарные переводы с поздневизантийской церемониальной практикой, заметим а priori, что Византия, занимавшая некое срединное положение на хронологической ленте между античной и современной Грецией, исходила при использовании слова «парастасис» преж-

де всего из его древнего значения и одновременно подготовила восприятие этого ритуала как политического «театра» нашего времени.

В сочинении Псевдо-Кодина описание парастасиса содержится в III, IV, VII и X главах. Попробуем реконструировать этот один из самых значимых ритуалов поздневизантийского церемониала.

Церемониальные обязанности по проведению обряда входа придворных в тронный зал Влахернского дворца выполнял протовестиарит, который вместе с великим этериархом и примикирием двора до начала ритуала уже находился в зале, как только император, покинув свою комнату, входил в Триклиний и занимал свой трон [340, Р. 176.17-23]. Протовестиарит начинал церемонию, выйдя из зала и пригласив в зал архонтов самого высокого ранга [340, Р. 176.25-27]. К ним относились деспоты, севастократоры и кесари [359, С. 226-236]. Великий этериарх – вслед за протовестиаритом – приглашал в зал архонтов первого разряда [340, Р. 176.28-29]. Затем обязанности распорядителя принимал примикирий двора, который, выйдя, приглашал следующую группу архонтов; и, наконец, после церемонии передачи императору жезла, этериархи вызывали тех, кто еще оставался из носивших красные скараники и тех, кто был ниже их (эти две группы были представлены архонтами второго разряда) [340, Р. 176.30 – 177.9; 227, 161, С. 168-173; 360, Р. 92-93]. Заметим, что с каждой из приглашаемых в Триклиний групп архонтов – в соответствии со снижением ее статуса в чиновной иерархии – менее весомым становился и чин лица, выполнявшего церемониальные функции: протовестиарит занимал 19-е место в иерархии, великий этериарх – 25, примикирий двора – 33, этериарх – 63.

Разница в статусах подчеркивалась и тем, что означавший начало приема ритуал передачи василевсу его диканикия, одного из главных символов императорской власти, происходил до входа в зал последней группы архонтов.

Заметим, что прием архонтов императором во времена Константина VII Багрянородного также имел в основе деление чиновников на отделы, называемые вилами (велами), поскольку перед входом каждой очередной группы откидывались занавесы (βῆλα), которые прикрывали дверной проем [361, С. 60-63]. В поздневизантийском обряднике слово «βῆλα» не встречается. Однако в церемониале тех приемов, которые были связаны с посвящением в должность архонтов элитной группы, использовался ритуал отделения от императорского трона шелковым золотым занавесом (διάφραγμα διὰ βλατίων χρυσῶν) выстроившихся по разрядам носителей чинов – в тексте они совокупно названы парастасисом [340, Р. 274.2-6]. На церемонии выбора императором кандидатуры нового патриарха (глава X) троны императора и предлагаемого патриарха также отделялись на первом этапе

церемонии от собравшихся в Триклинии архонтов [340, Р. 278.19-29]. В названных ситуациях занавесы названы в церемониальной книге XIV в. διάφραγμα, а не βῆλα.

По Псевдо-Кодину, церемония входа архонтов в тронный зал, начинавшаяся ранним утром, иногда после утренней службы в храме, проходила в замедленном темпе, при полной тишине. Смысл этого действия заключался прежде всего в строгом ранжировании чиновников по их значимости в императорском окружении. Каждый из участников церемонии осознавал свою принадлежность к строго определенной группе архонтов, которой были предписаны, согласно правилам двора, и последовательность входа в Триклиний, и место в зале, где он будет стоять во время приема. Замедленность этой части парастасиса позволяет в какой-то степени ассоциировать ἡ παράστασις с древнегреческим словом «παράστασις» (наливать по каплям). Парадная неторопливость входа архонтов в зал создавала эффект особой торжественности момента.

Великолепие костюмов – ярких цветов парча и шелк, богатый декор – также должно было четко соответствовать церемониальному регламенту. Каждый архонт должен был одеть на церемонию парастасиса только строго определенный обрядником костюм, являвшийся отличительным знаком его статуса. Не случайно А. Грабару блистательные одежды византийских архонтов напомнили военные мундиры, а сообщество чиновников – военную структуру [344, Р. 206]. Надо думать, что за этой внешней гармонией церемониальных действий скрывалось много страстей, тайных мечтаний сменить цвет своей одежды на тот, который повышает статус: разумеется, это была основательно завуалированная регламентом «ярмарка тщеславия»! Однако внешне парастасис четко соответствовал принципу «таксиса» («порядка»), служившего идее престижа императорского двора и могущества империи. Магия порядка гипнотически воздействовала на участников церемониального спектакля, вызывая у них по сути дела священное чувство выполнения ими высокого долга во имя Бога, василевса и империи.

Как уже отмечалось, прием открывался ритуалом жезла. Честь передачи императору жезла-диканикия принадлежала великому примикирию (11-е место в иерархии). Получив жезл из рук слуги, великий примикирий проносил его, сделав полкруга по залу, и передавал василевсу. Ритуал передачи императору диканикия и – после парастасиса – возвращение императором этого символа власти великому примикирию представлял собой церемониальные рамки приема.

После завершения первой части парастасиса – входа архонтов в тронный зал, строго построения их в пространстве парадного зала в соответствии с их значимостью и передачи василевсу диканикия – начиналась вторая неперемнная часть приема, заключавшаяся в прославлении василевса, бывшего главной фигурой, центром любого церемони-

ального действия. Парастасис как построение сановников и чиновников по разрядам и группам мог проходить не только в парадном зале императорского дворца, но и во время церемоний за его пределами – на площади (церемония прокипсиса) или в храме.

Итак, первой частью приема было торжественное последовательное выстраивание придворных архонтов – в соответствии с их статусом – перед императором. Эта часть приема была ритуализована до мельчайших деталей и являлась основным стержнем парадной жизни двора. Даже праздничный пир выстраивался по церемониальным нормам парастасиса [362, С. 157-172].

Вторая часть дворцового приема была полностью отдана «спектаклю» прославления василевса. Начало приема всегда сопровождалось ритуалом провозглашения многолетия василевсу [361, С. 80-84; 363, S. 73, 79, 81, 83, 114, 122] – это было первым, с чего начиналось его прославление. В тексте сочинения Псевдо-Кодина этот акт отражен многократно [340, P. 101.1, 193, 197.3-4, 203.25, 207.21 – 208.15-17, 210.10.13, 212.6. С. 1-11.11, 218.11, 235.11, 236.31, 241, 274.19.26, 275.14-15, 279.9, 280.8 etc.]. Рефреном звучало в тронном зале: «Многая, многая, многая лета, на многая, многая лета, на многая, многая лета, на многая, многая лета, на многая!» [340, P. 357.13 – 358.3].

Ритуал полихрония мог, в зависимости от церемониальной ситуации, проходить по-разному: либо это было общее провозглашение многолетия в честь императора, либо церемония разбивалась на этапы. Последний – вариант может быть рассмотрен как на примере императорского парастасиса, так и рождественской трапезе [340, P. 207.17 – 208.17].

Эвфимия (εὐφημία) как форма выражения восторженных похвал в адрес правителя сопровождала все выходы императора и приемы во дворце [340, P.155.1; 204.8; 227.18; 236.12; 237.3; 246.11; 269.17; 279.18; 280.15]. К сожалению, Псевдо-Кодин скуп на передачу текстов эвфимических возгласов. Разумеется, это были заранее подготовленные слова, ритмика которых была удобна для массовых восклицаний (в дворцовой практике предшествующего времени подобную роль играли аккламации). Общий тон восхвалений задавали обычно псалты, руководимые маисторами. Профессиональные музыканты в соответствии с церемониальными предписаниями регламентировали ритуалы эвфимии. Прославления часто достигали теофанических вершин.

Созданию атмосферы боготворения (теофании – ἡ θεοφάνεια) на императорских приемах способствовала их особая торжественность, сопровождаемая глубокой («священной») тишиной. Дворец издавна воспринимался как святыня, а тронный зал как место культа [363, S. 85]. Предписываемая церемониалом тишина многократно усиливала ощущение вневременности происходящего в зале. Нарушавшие молчание всплески приветствий в адрес василевса создавали особое эмоциональное состояние у присутствующих. Ак-

ты ликования были органично вплетены в сценарий презентации власти, усиливая значимость предшествующей им «надвременной» тишины.

Царящая во дворце атмосфера прославления императора поддерживалась и интеллектуалами. Образованная элита была вхожа в придворный мир, и каждый ученый муж считал своим долгом и честью написать в адрес императора «царское слово» (λόγος βασιλικός) [364, С. 20-37, 155-170]. Жанр похвалы (энкомия) был излюбленным в придворных кругах, а обратившие на себя внимание непомерным прославлением энкомиасты могли надеяться на монаршую милость в деле получения ими достойной должности, что являлось для них немаловажным [365, С. 239; 352, Р. 163]. Для Византии всегда было характерно вхождение интеллектуалов во власть [366, С. 5-24], что импонировало как власти, так и носителям образованности. В поздневизантийский же период, когда над страной зависли темные тучи грядущего крушения, пропитанный верноподданническими чувствами энкомий становился гармоничным дополнением к предусмотренным церемониалом эвфимии и теофании. Как заметил Дж. Деннис, императорский панегирик расцветает, когда империя приходит в упадок [367, Р. 135]: магия хвалебных слов, созвучных праздничному антуражу дворца, помогала дистанцироваться от реалий жизни страны.

Адресованные василевсу энкомии в виде речи или письма обычно зачитывались публично, и слова ратора сливались со строго соответствующими протоколу церемониальными действиями, внося флер интеллектуальности в ритуал императорского приема. Явная гиперболизация в освещении достоинств воспеваемого императора на фоне блистающих роскошью одежд и интерьеров воспринималась как соответствующая общему духу дворцового приема.

Среди достойных похвалы добродетелей василевса – мужественный, мудрый, справедливый, человеколюбивый и, как итог, «самый лучший», «самый сильный» [161, С. 82] – в поздневизантийское время явно доминирующим достоинством правителя становится в устах энкомиастов благочестие (εὐσεβεία). Мало того, личность правителя соотносилось энкомиастами со статусом и действиями Бога. Можно вспомнить слова из похвалы будущего месадзона двора, известного интеллектуала середины XIV в. Димитрия Кидониса в адрес Иоанна Кантакузина: «...твое имя словно нечто из (сферы) божественного»; правителям «бог передал заботу обо всех»; «тебе он вручил императорскую власть» [356, Ер. 7.50; 6.5-6, 12-16]. Подобные слова мы можем встретить в энкомиях и других раторов эпохи Палеологов. Концентрация идеи уподобления василевса Богу соответствовала общим идейным тенденциям, присущим властным структурам.

Воссоздав общую картину традиционных для императорских приемов форм прославления василевса, введем в их контекст ритуал *adoratio*.

Чтобы сразу снять несоответствие латинского названия этого ритуала грекоязычной эпохе Палеологов, заметим, что слово «adoratio» вообще не упоминается в византийской церемониальной книге XIV в. Однако ритуал почитания императоров, в течение нескольких веков известный как *adoratio*, при дворе Палеологов существовал, но в несколько адаптированном виде.

Этот наиболее древний из ритуалов почтения к правителю состоял из проскинизы (коленипреклонение – ὁ προσκύνησις) и аспасма (целование – ὁ ἀσπασμός). Восходя к традициям Древнего Рима [369], эти две формы почитания императора обозначались общим для них словом «adoratio» (обожание, поклонение).

В историографии устойчивым является мнение о восточном происхождении этих форм церемониального поведения. Исследователю византийского церемониала О. Трайтингеру они напоминают персидские ритуалы [363, S. 84-88]. Р. Гийан написал по этому поводу: «Поклонение, как кажется, было заимствовано у двора царей Персии и оставалось обычаем Византийской империи вплоть до последних дней» [77, Т. I, Р. 144-150]. А. Грабару принадлежит следующая оценка: «...византийцы были наследниками Поздней Римской империи, которая сама проистекала из эллинистических государств, а они, в свою очередь, претерпели влияние иранских и семитских монархий» [344, Р. 211]. Эти наблюдения можно свести к тому, что церемониальное прославление и почитание, несомненно, восходит к традициям древнеперсидской монархии.

Однако было бы преувеличением усматривать в *adoratio* как форме почитания прямое заимствование римлянами восточных ритуалов. Во времена Поздней республики и принципата проскинiza была всего лишь проявлением коленипреклоненной просьбы или выражением благодарности за какую-либо милость [370, S. 48]. Лишь при Диоклетиане проскинiza вновь стала обозначать преклонение подданных перед императором.

С принятием христианства как государственной религии при Константине I значимость проскинизы в дворцовом церемониале на некоторое время снизилась, поскольку царь не мог быть выше Бога. Ритуал коленипреклонения использовался в это время преимущественно лишь при введении в должность. В связи с этим представляется спорным наблюдение Г. Л. Курбатова, изложенное им в очерке «Политическая теория ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция»: «известное *adoratio*, которое так часто приводят как доказательство династического характера императорской власти, имело несколько иную теоретическую основу. Оно было связано с обожествлением не столько личности самого императора, сколько его места и официального положения в государстве, и шло это не от Востока, а от христианства, от *adoratio* самого Христа и, соответственно, императора, как его наместника на земле» [371, С. 107]. Напро-

тив, с введением официального христианства значимость *adoratio* на первых порах значительно снизилась. В этот период еще очень заметны были римские основы этого института, впитавшего персидское влияние.

Византийская «судьба» проскинизы начинается со времени правления Юстиниана I. По Прокопию Кесарийскому, все сенаторы и патрикии в присутствии императора и императрицы «тотчас падали перед ними ниц с распростертыми руками и ногами и поднимались не прежде, чем облобызают им обе ноги» [372, С. 341].

Традиция ритуала проскинизы сохранялась в течение всей дальнейшей истории Византийской империи. По наблюдениям исследователя византийского церемониала периода Македонской династии Д. Ф. Беляева, в IX–X вв. при дворе были приняты три типа проскинизы: это мог быть поклон до колен, до земли без целования и до земли с целованием [361, С. 19-20, прим. 2]. В ряде церемониальных ситуаций поклонявшийся императору до земли падал ниц [171, Vol. II, Р. 520]. Тип проскинизы определялся характером приема (будничным или праздничным), значимостью праздника, социальным статусом поклонявшегося лица и множеством других церемониальных уточнений.

Ритуал проскинизы по «Книге церемоний» X в. [77, Т. I, Р. 144-149] совершался во время парадного хода (*προέλευσις*) императора по залам Большого императорского дворца [171, Vol. I, § 16. Р. 98; § 20. Р. 86-87; § 21. Р. 125; § 23. Р. 129; § 29. Р. 161-162; § 46. Р. 242 etc.], во время акта инвеституры [171, Vol. I, § 47. Р. 243; § 48. Р. 249 etc.] и при выходах за пределы дворца (например, в константинопольские монастыри) [171, Vol. II, § 12. Р. 551; § 15. Р. 563 etc.].

Как уже было замечено, проскиниза часто (но не всегда) сопровождалась такой формой почитания василевса как *аспасм* (целование). Можно привести множество примеров ритуала *аспасма* из «Книги церемоний» X в. Представители придворной знати и другие архонты – в зависимости от занимаемой ими ступени и ситуации – целовали при акте поклонения василевсу его колени, стопы, руки, губы и щеки [339, S. 93]. Упоминания о «ногоцеловании» и «коленоцеловании» встречаются в «Книге церемоний» значительно чаще, чем другие формы *аспасма* [339, S. 92]. Наивысшей и очень редко оказываемой честью было позволение целовать правую часть груди [339, S. 91].

Сохранилась ли традиция проскинизы и *аспасма* в поздневизантийское время? В церемониальной книге Псевдо-Кодина как *προσκύνησις* [340, Р. 235.23 – 237.5; 261.27; 283.5; 285.15.18] (и производные формы от глагола *προσκυνῶ*) [340, Р. 197.5; 208.2; 209.3.15-16; 218.21-22; 222.9; 236.5; 261.25; 262.18; 282.24; 283.2.8; 360.18-19], так и *ἀσπασμός* [340, Р. 140.4; 235.9.23; 237.1.10] (с образованными от *ἀσπάζομαι* глагольными

формами) [340, Р. 234.24-26; 235.2.5; 236.5-6; 238.23-24.29 – 239.1] встречаются многократно.

Коленопреклонением перед императором, согласно Псевдо-Кодину, начинался и заканчивался каждый из пяти наиболее значительных дворцовых приемов – в честь праздников Рождества Христова, Богоявления Господня, Пальмового Воскресения (Вайи), Великого Воскресения Пасхи и праздника Святого Духа [340, Р. 220.1-4]. Проскиниза была непременным элементом церемониального поведения архонтов, наряду с праздничными приемами, на всех императорских парастасисах.

К сожалению, обрядник XIV в. не корректирует точно «рисунка» проскинизы. Как кажется, это было более или менее низкое коленопреклонение, а не падание ниц. Но как бы то ни было, проскиниза являлась не только формой поклона императору, но и привилегией, поскольку некоторые, в том числе и иностранные гости (например, венецианцы), были лишены этого права.

Церемония аспасма в поздневизантийское время была характерна прежде всего для церемонии праздника Пасхи. После окончания утренней службы в церкви в этот день начинался императорский прием в Триклинии. Когда великий domestik приносил сидящему на троне василевсу шпагу как знак начала приема, архонты – на фоне тихого звучания литургии – участвовали в ритуале аспасма: «все архонты вплоть до последнего, подходя (к трону), целуют вначале правую ступню василевса, затем правую руку и после – его правую щеку» [340, Р. 234.10-27]. Через эту церемонию проходили не только архонты (их могло быть многим более ста человек), но и те из присутствующих послов других государств [340, Р. 235.1-3; 236.5-6], которым оказывалась честь быть допущенным к ритуалу аспасма [373, С. 567-568].

На пятый день Недели Обновления во дворце до начала парастасиса проходил ритуал приветствия василевса церковными архонтами. Патриарх, окулив императора и передав кадило архидакону, освящал императора, целуя его в уста (*ἀσπάζεται τὸν βασιλέα ἐν τῷ στόματι*), на что тот также отвечал поцелуем (*ἀντασπάζόμενος*). После этого церковные архонты по двое целовали василевса сначала в руку, а затем в щеку [340, Р. 238.16 – 230.2].

Ритуал аспасма считался принятым не только в рамках парастасиса, но и в ряде других дворцовых церемоний, прежде всего при введении в сан или должность. В главе VIII сочинения Псевдо-Кодина подробно описана проводившаяся в Триклинии инвеститура деспота. Вводимый в сан, выслушав приветствие стоящего возле трона василевса и ответив на него пожеланием долгой жизни, склонялся и целовал ногу правителя [340, Р. 245.3-4].

Приветствие поцелуем было принято внутри императорской семьи. Так, по Иоанну Кантакузину, Андроник III Палеолог при встрече со своим дедом Андроником II целовал его руку (а иногда, склонившись, и ногу), на что старший член императорского семейства кланялся и целовал внука в щеку [77, Т. I, Р. 147].

Если сравнить отраженный в церемониальном трактате Псевдо-Кодина ритуал поклонения императору через проскинизу и аспасм с соответствующими церемониальными действиями во времена Юстиниана I или Константина VII Багрянородного, то вариант палеологовской эпохи представляется более скромным. Действительно, проскиниза не была при Палеологах столь частой и не принимала формы падения ниц. Целование императора в уста и в грудь стало в это время исключительным актом – лишь в особой ситуации и для особых лиц.

Казалось бы, напротив, в эпоху Палеологов, на фоне падения международного престижа империи и системного кризиса в стране, можно было бы ожидать стремления сохранить и усилить традиционные для дворцового церемониала обряды почитания василевса. Действительно, уровень почитания сохранился, но он в значительной степени сдвинулся в сторону усиления теофанических моментов на фоне общей сакрализации жизни дворца.

Отношение к правителю как к Богу в Византии существовало всегда, но в поздне-византийскую эпоху вокруг императора создавалась особая атмосфера боготворения. Если в провозглашаемый на приемах полихроний, предшествующий акту коленопреклонения, была заложена идея земной жизни василевса («Многие лета, многие лета!»), то теофания касалась уже идеи вечности императорской власти [353, S. 49-83]. Разумеется, это не было открытием палеологовского времени, но концентрация идеи вечности в церемониале времени угасания Византии является несомненной.

Апогеем идеи теофании был акт явления императора на прокиписе собравшимся на площади между дворцом и храмом Влахернской Богоматери в сочельник Рождества Христова. Доминантой явления был третий акт, когда на сцене-прокиписе раздвигались занавеси и император на несколько мгновений представал перед людьми, заполнившими площадь. Видны были лишь большая горящая свеча и меч императора, но те, кто их держал, оставались вне поля зрения [340, Р. 203.13-24]. В этом «явлении» император претставал как защитник и победитель (меч), а горящая свеча символизировала свет добрых дел во имя Христа. Одновременно с открытием занавеса, когда «явление» василевса становилось апофеозом церемонии, запевали певчие, музыканты играли на своих инструментах, пока василевс не остановил последних медленным взмахом платка [340, Р. 203.24-31]. Лишь певчие продолжали петь – это были стихи на праздник Рождества, а также прослав-

ления в адрес василевса. Затем следовала евфимия в честь императоров. Ритуал адорации, сохранившись в Византии эпохи Палеологов в несколько стертых формах, в условиях общей сакрализации дворцовой жизни уступил место теофании.

Изменения в «сценарии» парастасиса коснулись не только формы, но и идеологии императорских приемов. Постепенно исчезло из антуража дворцовых праздников то, что было связано с некоторыми проявлениями «светскости» прежних времен. Отмеченная эволюция императорских приемов в сторону упрочения «монархической религиозности» в целом отражает очевидную тенденцию сакрализации жизни двора. Этому в значительной степени способствовали эсхатологические предощущения, вызванные критическим по сути дела положением империи. Парастасис как центральный акт театра власти в эпоху Палеологов был отражением иллюзий двора, почитавшим себя олицетворением империи, в оценке ее могущества.

Таким образом, рассмотренный сюжет, являющийся ключевым для понимания корректирующей роли церемониала в условиях глубокого кризиса империи, позволяет определить методы и средства политической пропаганды, способы трансляции идеологической доктрины, механизмы стабилизации, которые использовались властью для поддержания идеи незыблемости империи.

Б) В рамках темы был выделены вопросы, связанные с изучением интеллектуальной жизни в поздневизантийское время. Интеллектуальная среда не только определяла интеллектуально-нравственный климат в империи, но и играла заметную в политической жизни империи, занимая высокие государственные посты, выражая в своих трактатах официальную имперскую доктрину, критикуя власть, участвуя в политических акциях. С другой стороны, интеллектуальная среда – это одна из микроструктур византийского общества, на состояние которой оказывало воздействие кризисная ситуация. Поведение этой прослойки в неблагоприятных условиях затянувшегося спада стало также предметом нашего изучения. Была изучена интеллектуальная среда как социокультурный феномен, рассмотрен состав этой группы, роль и функции интеллектуалов в обществе, характер взаимоотношений литераторов с властью, их отношение к другим социальным прослойкам, их представления о состоянии общества, их оценки ключевых проблем внутри- и внешнеполитической жизни империи. Кроме того, в ходе работы были проанализированы различные формы интеллектуального общения, получившие распространение в среде представителей византийской образованности, а также проблема культурного взаимодействия Византии, Запада и Руси и вопросы интеллектуальной эмиграции византийских ученых.

Обращаясь к характеристике византийских интеллектуалов, следует дать социальный портрет этой группы, определив их социальную принадлежность и функцию в обществе. В ходе исследования удалось определить степень вхождения интеллектуалов в византийскую знать. Под знатью (родовой или служилой) мы понимали тех, кто был деятельным в управлении или армии, кто имел земельные владения и зачастую благородное происхождение. Аристократия является, по сути, той частью родовой знати, которая была связана с правящим домом брачными союзами, обладала крупной земельной собственностью и политической властью [374, Р. 132-141].

В качестве критериев, которые позволили отнести интеллектуалов к социально значимым слоям, стали три параметра: происхождение, чиновность и богатство [375, S. 5-8, 54-60]. Наличие этих качеств придавали человеку общественный вес и повышали его социальный престиж. Однако следует внести ряд уточнений. Во-первых, рассматривая в качестве критерия происхождение человека, учитывалось не только социальное положение семьи, в которой родился будущий интеллектуал, но и изучались (насколько это возможно) аристократические корни рода. Это позволило наблюдать, к примеру, в действии социальную мобильность в масштабах столетий или же констатировать узурпацию литературной деятельности определенными социальными слоями. Во-вторых, получение высоких должностей и титулов как факт повышения социального статуса человека рассматривалось как вхождение их в состав знати в первом поколении, что свидетельствовало о слиянии социального и культурного престижа. Так как под богатством понималась как земельная, так и движимая собственность, определение материального состояния интеллектуалов в обозначенный период трактовалось также с точки зрения социальной характеристики этой среды.

Безусловную принадлежность к знати мы констатировали для лиц императорского ранга и состоящих с ними в родстве. Среди интеллектуалов нашего периода были три представителя императорского дома: Иоанн VI Кантакузин, его старший сын Матфей, Мануил II Палеолог. Один человек состоял в прямом родстве с правящей династией: дядя Мануила II Константин Асан.

К сожалению, лишь о немногих интеллектуалах есть свидетельства о социальном положении в обществе семей, в которых они родились. Известно, что Димитрий Кидонис, Николай Кавасила, Макарий Макр, Димитрий Рауль Кавакис, Михаил Критовул, Леонтий Махера принадлежали к знатным родам. Сильвестр Сиропул происходил, вероятно, из высшей церковной аристократии Константинополя [376, S. 759]. О благородном происхождении Феодора Антиохита упоминает Иоанн Хортасмен, подчеркивая огромные размеры его наследства [377, Ер. 1.24]. Дука принадлежал к известной, но обедневшей фамилии [378, С. 98]. Виссарион был выходцем из небогатой семьи, о чем свидетельствует в эпита-

фии на его смерть Михаил Апостол: «Родители Виссариона не были благородного происхождения и не были известны, но добывали себе на жизнь собственными руками» [379, Col. CXXXII]. Мануил Оловол был выходцем из торгово-ремесленных кругов, его дед изготавливал шляпы, а отец был торговцем вином [380, P. 279; 221, Nr. 21046]. Матфей Камариот был сыном священника [376, S. 772], а о Плифоне известно, что он родился в семье протонотария Святой Софии. Отец Марка и Иоанна Евгеников был чиновником в патриаршей администрации [376, S. 755]. Таким образом, даже эти ограниченные сведения показывают пестроту социального происхождения интеллектуалов. Однако вполне возможно было бы предположить значительное число среди интеллектуалов выходцев из незнатных семей, так как обычно среди других достоинств человека особо подчеркивалось знатное происхождение, как в ситуации с Феодором Антиохитом, когда Иоанн Хортасмен, перечисляя личные качества и умственные способности, заостряет внимание на благородном происхождении друга. В своем Ἐπιστολцаῖος λόγος Хортасмен отмечает, что его друг, имея возможности вести беззаботную жизнь в достатке благодаря полученному наследству и имени, тем не менее, не пренебрегал интеллектуальными занятиями: «Он, имея хорошее происхождение и оставленное ему родителями чрезмерное состояние, не взирал на удовольствия и даже не оставил разумной жизни ради неразумной» [377, Ep. 1.23-25]. Поэтому редкость сообщений о происхождении писателей скорее может говорить в пользу того, что число выходцев из средних и низших слоев общества было не так уж и мало, но это вовсе не означает низкого социального статуса, который им не удалось преодолеть при жизни. В этом отношении актуально замечание Г. Острогорского, что образованному «социальному выскочке из низов общества было легче быть ассимилированным в рядах аристократии, чем «неграмотным парням», чуждым греческому знанию и мудрости» [69, P. 29].

Важно заметить, что писатели с благоговейным трепетом относились к людям знатного происхождения. Дука особо акцентирует внимание на родовитости своих героев, и считает хорошее происхождение важным качеством того человека, которого он желает награждать похвалами. Он неоднократно использует термины εὐγενος, γενναῖος, ἔνδοξος при перечислении достоинств того или иного лица [381, P. 37.3, 61.20, 115.2, 209.10]. Уважение к родовитости и знатности испытывал не только Дука. Это было свойственно почти всем писателям этого периода.

Другой стороной анализа происхождения стала попытка определить в масштабах нескольких веков степень знатности рода, к которому относился тот или иной интеллектуал, то есть подойти к рассмотрению родовых групп как макроструктуре, формировавшихся столетиями. Определенная таким образом родовитость некоторых интеллектуалов вовсе

не обозначала их знатность в конце XIV–XV вв., а свидетельствовала об их аристократических корнях, уходящих в века. Насколько представителям этих родов удалось удержаться на плаву – это уже другой вопрос.

Так как фамильные имена появляются в Византии с конца X в. [259, С. 26], интересно было проследить общественное статус родов в предшествующие столетия, тем самым выявив аристократическое происхождение некоторых фамилий, которые не были чужды интеллектуальным занятиям. А. П. Каждан, проводивший анализ социального состава господствующего класса византийского общества в XI–XII вв., выделил аристократические семьи, расположив их по степени их знатности [259, С. 116–122]. Так как в имени индивида фиксировались в первую очередь родовые связи, и оно выступало своего рода визитной карточкой человека, то можно предположить, что социально наиболее значимые патронимы прочнее укоренялись и не вытеснялись полностью из имени. Поэтому не редкостью являются многосоставные имена интеллектуалов, как Георгий Палеолог Дисипат, Иоанн Пигонит Ласкарис, Андроник Дука Сгур, Димитрий Ангел Клид Филомат, или императорский пример, вобравший в себя ряд аристократических имен: Иоанн VI Ангел Комнин Палеолог Кантакузин. Исходя из этих соображений, мы, проанализировав патронимы наших интеллектуалов, выделили 26 человека, имевших родовые имена, носители которых в более ранние периоды принадлежали к аристократии. Среди наших писателей встречаются представители таких старых византийских фамилий, известных еще с XI в. и обладавших прежде высоким общественным статусом, как Агаллианы, Ангелы, Аргире, Аргоропулы, Асаны, Вриеннии, Гуделии, Дисипаты, Докианы, Дуки, Кавасилы, Кипариоти, Мосхи, Ласкарисы, Панареты, Пепагомены, Пигониты, Раули, Сгуре, Сиропулы, Тарханиоты, Хрисоверги, Хумны и др. Можно, вероятно, утверждать, что указанные нами 26 писателей являлись выходцами из старых аристократических родов, известных еще с XI в. Однако за долгие столетия многие утратили достигнутый некогда социальный престиж и к нашему периоду не все носители этих старинных фамилий достигли общественных высот, тем самым, сохранив социальную значимость своих предшественников. Удалось удержать свое привилегированное положение некоторым старым фамилиям (Асаны, Аргире, Дисипаты, Раули, Гуделии), выходцы из которых не были чужды и литературным занятиям. Иоанн Аргиропул, чья фамилия известна еще с середины IX в. и принадлежала в IX–XII в. знатным линиям [139, Р. 165], в XV в. был сенатором, что свидетельствует о сохранении социальных позиций клана на протяжении значительного периода. Дисипаты состояли в родстве с Палеологами, тем самым удерживались в аристократических кругах и в XIV–XV вв. [382, С. 32]. Представители рода Вриенниев в поздний период империи были активны в церковной сфере, на дипломатической службе и интеллектуальной жизни

[139, Р. 329], продолжая тем самым пребывать на общественных вершинах. В Палеологовское время выдвигаются на первые позиции ряд других родов, представители которых постепенно внедряются в состав господствующей элиты. Это носители таких родовых фамилий, как Хрисолоры, Нотары, Скараны, Софианы, Оловопы и др. [383, S. 244]. Семья Нотара происходила из города Монемвасии и первые ее представители были, вероятно, воинами и торговцами [384, Р. 69]. Переселившись в первой половине XIV в. в Константинополь, с конца века род Нотара входит уже в состав элиты, появляясь в окружении императора. Истинное восхождение на вершины власти проделал Лука Нотара, о чем можно судить, исходя из его *cursus honorum*: 1431–1450 гг. – императорский переводчик, 1435–1449 гг. – месадзон, 1441 г. – комендант корабля, 1441–1453 гг. – мегадука [221, № 20730].

В целом, носители знаний по своему происхождению принадлежали к различным социальным группам, представляя на одном полюсе низы византийского социума и на другом – господствующую элиту. Значительную долю составляют все же представители знати императорского, аристократического или служилого ранга.

Блестящая карьера была возможна для представителей всех социальных слоев. Однако у обладавших хорошим образованием было гораздо больше шансов достичь общественных высот, ведь «византийская элита осмыслялась как «открытая» социальная группировка, доступ в которую обуславливался не наследственными, а личными достоинствами человека» [385, С. 47].

Получение должностей гарантировало человеку не только улучшение материального положения, но и повышение его социального статуса, обеспечивающее вхождение в знать. Поэтому должности, занимаемые при жизни интеллектуалами, свидетельствуют о том, что человек, даже не имея достойного происхождения, принадлежал к господствующему классу, сохранив тем самым престиж своего рода или став знатным в первом поколении.

По мнению П. И. Жаворонкова, «степень знатности» определяет высший титул, пожалованный члену фамилии [386, С. 1273]. К византийской знати своего времени следует в первую очередь отнести обладателей высших званий и должностей. В таблице о рангах середины XIV в. Псевдо-Кодина верхние строчки занимают титулы деспота, севастократора, протовестиария [340, Р. 133]. Только два человека из среды интеллектуалов, не связанные родственными узами с императорами, носили титул протовестиария. Георгий Сфрандзи [221, № 778] и Георгий Амирутци [221, № 784] сумели сделать блестящую карьеру (первый в Константинополе, другой в Трапезунде), достигнув высокого ранга великого логофета, а после и протовестиария. Четыре человека возглавляли правительство, занимая должность месадзона. Сенаторский статус имели трое (Иоанн Аргиропул в 1438–39 гг.,

Геннадий Схоларий, Плифон в 1438 г.), что может свидетельствовать об их принадлежности к знатым кругам [366, С. 16]. К знати необходимо отнести и верхушку церковной иерархии. Таким образом, можно предположить, что не более 30% интеллектуалов конца XIV – XV вв. относились к высшей знати. И что особенно важно в данном случае, основная часть писателей достигли такого положения благодаря собственным заслугам, еще раз демонстрируя социальную мобильность византийского общества и значимость образования в достижении общественных высот.

Значительная часть поздневизантийских интеллектуалов могла рассчитывать лишь на жалование, что вынуждало их поступать на службу. В условиях падения экономического престижа императорского дома покровителями и «работодателями» ученых становились церковь, провинциальные правители, состоятельные люди в Византии, папский престол и итальянские правители.

Для нашего периода указания о земельной собственности интеллектуалов, как, к примеру, о владениях Георгия Амирутци, имевшего крупную земельную собственность, чьи виноградники были разбросаны по всей империи [387, С. 196], встречаются крайне редко. Крупными земельными собственниками, естественно, были представители правящего дома и их образованные родственники. Многие имели возможность получить земельные пожалования в награду за службу при императоре. Поэтому обладатели должностей в управленческих структурах могли быть и собственниками, хотя вряд ли земельные пожалования в этот период были значительны.

Иоанн Хортасмен, которого Г. Хунгер безоговорочно отнес к категории бедных, в письме к императору Мануилу II говорит о себе: «я, однако, василевс, здесь согласен быть бедным и не обманываю говорящих» [377, Ер. 35.11-12]. Но здесь возможно также и сознательное занижение собственного положения со стороны Хортасмена, чтобы вызвать жалость, внимание к собственной персоне, а может и финансовую помощь от василевса. Тем более диссонирует это выражение с некоторыми другими фактами: он получал жалование нотариуса патриаршей канцелярии, обучал детей состоятельных родителей, мог позволить себе покупку рукописей [377, S. 46-47]. Поэтому подобные собственные характеристики нужно воспринимать с долей скепсиса.

Георгий Гуделий владел, надо полагать, значительной собственностью, раз мог позволить себе пожертвования бедным и церквам. Он завещал собственный дом госпиталю для бедных [377, Ер. 8.31-32]. А. Лайу видит в этом шаге стремление Гуделия, как и других новых аристократов, утвердиться на общественных высотах, доказав право на титул архонта своей филантропией [388, Σ. 290].

Материальное положение ученых указанного периода было различным. Источником материального благополучия были и семейные богатства. Должности при императорском дворе или в церковных структурах позволяли обеспечить достойное существование. Служба при богатых людях в качестве учителей или секретарей давала возможность преодолеть финансовые затруднения. Однако, не имея стабильного и постоянного источника дохода, интеллектуалы испытывали недостаток в средствах. Поэтому жалобы на бедность и нехватку денег продолжали звучать в письмах многих византийских «мудрецов» [389, С. 87]. Так, Хортасмен обращается с просьбой к императору о праздничных одеждах, которые сам он был не в состоянии приобрести [377, Ер. 26.6-9]. Или известный пример Димитрия Кидониса, который обвинял императора Иоанна V Палеолога в невыплате жалования, бросая ему в лицо резкие обвинения [364, С. 34]. Эти примеры наглядно демонстрируют зависимость людей, находящихся на службе у центральной власти, от получаемого жалования. Несмотря на занимаемые должности и близость ко двору, их материальное положение оставляло желать лучшего.

Зачастую богатство и могущество вызывало зависть в кругах писателей, считавших себя обойденными судьбой. Хортасмен отмечает, что власть и материальный достаток выпадает на долю недостойных людей, которые возносятся тем самым на общественные вершины: «часто выпадает среди всех быть могущественными и богатыми ничтожнейшим из людей, и необдуманность судьбы (*ἀλογία Τύχης*) высоко возносит их» [377, Ер. 8.26-28]. Хортасмен укоряет своенравную судьбу в неразборчивости, тогда как люди, наделенные многими добродетелями, вынуждены владеть жалкое существование.

Некоторые зарабатывали себе на жизнь преподаванием, но и оно не обеспечивало должного материального положения. Геннадий Схолярый, жалуясь на потерю интереса к знаниям в столице, сокрушается, что те немногие ученики, которые имеют стремление и склонности к философии, из-за бедности не в состоянии оплачивать занятия, и он сам вынужден учить, не надеясь на какое-либо вознаграждение [390, Ел. 17.9].

Тем не менее, многие интеллектуалы являлись собирателями рукописей или владельцами библиотек. Полагаем, что это можно расценивать как обладание богатствами, так как книга стоила дорого, и только богатый человек мог позволить себе коллекционирование рукописей [391, Р. 28]. И даже если писатель не имел денег, но владел библиотекой, то все равно его можно отнести к состоятельным людям. Мы имеем упоминание о собственных библиотеках для 25 человек. О размерах библиотеки Виссариона, завещанной городу Венеции [392, Р. 108-131], и ее ценности можно судить по каталогу, который поражает разнообразием представленных античных и христианских авторов [379, Col. 701-712]. Библиотека Нила Дамилы, которую после смерти он оставил женскому монасты-

рю, насчитывала 41 том, при чем 7 из них он скопировал самостоятельно [393, Р. 613]. Кроме литургической и патристической литературы в его собрании находились труды Боэция и Катона [394, S. 585-587]. По завещанию Иосифа Вриенния его библиотека переходила церкви св. Софии в Константинополе [395, С. 139]. Подобные дары считались очень ценными и их дарители почитались как наиболее крупные ктиторы, заслуживающие вечной благодарности.

Одна тенденция, которая связана с известными причинами, наметилась в этот период – приобретение собственности и накопление богатств за пределами империи. Так, Лука Нотара, получивший венецианское и генуэзское гражданства, владел большими богатствами в Италии, которые скопил в результате активной предпринимательской деятельности, ведя торговлю с итальянскими городами [384, Р. 74].

Таким образом, византийские интеллектуалы принадлежали к нескольким социальным группам: верхушке византийского общества, занимая важные позиции в церковной иерархии или государственной системе; окружению императора или других состоятельных лиц, находясь на службе и выполняя различные их поручения; средним слоям, используя образование в преподавательской деятельности. В целом, интеллектуалы, если не относились к верхним слоям общества, то находились в непосредственной близости к ним [391, Р. 14].

Подводя итоги, определим основные тенденции, которые возобладали в среде византийских интеллектуалов в конце XIV–XV вв. Необходимо отметить как отличительную особенность творческую активность и мобильность интеллектуалов этой эпохи. Люди образованные входили в состав элиты византийского общества или были тесно связаны с ней. Эта черта оказалась достаточно устойчивой на протяжении, по крайней мере, двух последних столетий. Как и прежде, интеллектуальные силы использовались в функционировании государственного аппарата, хотя сокращается практика привлечения их на ведущие посты во властных структурах. Последние императоры предпочитали пользоваться услугами образованных людей частным порядком. Центробежные силы одерживали верх, и провинциальная тема оказалась ведущей. Этому способствовало нарастающее ослабление центральной власти. Ученые вынуждены были искать защиты и покровительства за пределами императорского дворца. Но если на рубеже столетий интеллектуальная жизнь еще не была затронута кардинальными изменениями и во многом протекала в традиционном русле, то весь XV в. прошел под знаком великого исхода ученых на Запад. Местом прибежища стали Кипр, Крит, Италия и другие европейские страны. Интеллектуальная среда начинала размываться под воздействием внешних причин, хотя нити, связывающие этот ученый мир, оставались весьма прочными.

Важным направлением исследования политической культуры Византии в условиях глубокого кризиса XIV–XV вв. стало изучение особенностей взаимодействия власти и интеллектуалов. Как показали проведенные исследования, в палеологовское время образованная элита играла существенную роль в политической жизни. В Византии, в отличие от средневекового Запада, интеллектуалы всегда были «вхожи во власть» или, по крайней мере, близки к престолу [366, С. 5-24]. Это определено двумя существенными обстоятельствами типологического свойства. Во-первых, Византия всегда была централизованным государством с сильной центральной властью, имевшей изначально публично-правовой характер. Даже в периоды проявления сепаратистских тенденций, институт императорской власти оставался незыблемым, и двор императора, невзирая на то, какие бы изменения не происходили на политическом ландшафте империи, оставался ядром всей общественной жизни страны. Это определило притягательность императорского двора в глазах представителей разных социальных слоев, которые связывали свои карьерные устремления и политические амбиции прежде всего с императорским расположением и покровительством.

Во-вторых, именно служба при императорском дворе или должности в различных ведомствах гарантировали социальное благополучие человека, поскольку не земля (как это было на западе христианского мира), а именно должность придавала человеку социальный вес, определяла его положение в обществе, обеспечивала ему материальное процветание. Средством повышения социального статуса в византийском обществе традиционно оставалось карьерное продвижение по административной лестнице или в пределах придворной иерархии. Последовательное прохождение ступенек службы являлось тем социальным лифтом, который мог вознести человека на вершины авторитета и власти. По замечанию А. П. Каждана, византийское общество было примером «акорпорированного общества» [396, Р. 30], где доступ к социально значимым ролям был открыт для выходца из любых социальных слоев [389, С. 70]. Одним из главных средств, которые убыстряли процесс продвижения по карьерной лестнице, наряду с личными качествами или заслугами перед императором оставалась образованность, мощный инструмент социальной мобильности. Эти два обстоятельства во многом определили высокую степень концентрации интеллекта во властной среде на всем протяжении византийской истории.

Существовали разные варианты приобщения интеллектуалов к придворной жизни и разные роли, которые они играли в императорском окружении.

Византийский интеллектуал во все времена желал пробиться ко двору. Неслучайно образованные провинциалы устремлялись в столицу, движимые не только желанием продолжить свое обучение в столичных школах, но и осознанием того, что только там можно стяжать славу, признание, императорское благоволение и, если повезет, должность с га-

рантированным материальным достатком. Ролей, на которые претендовали ученые и писатели, в репертуаре придворной жизни было более чем достаточно.

Одна из возможностей, которая открывалась перед известным ученым, это стать учителем багрянородных детей или жены правителя. Сознавая важность образовательной подготовки для коронованных особ, императоры заботились об обучении своих наследников под руководством опытных наставников. Эта практика, хорошо известная еще с античных времен, имела широкое распространение на протяжении всей истории Византии. Так, император Иоанн VI Кантакузин определил в качестве учителя для своей дочери Елены молодого еще интеллектуала Димитрия Кидониса, который впоследствии по воле своей бывшей ученицы станет и наставником ее сына, будущего императора Мануила II Палеолога. Между учителем и его учеником складывались доверительные дружеские отношения, которые влекли за собой императорское расположение и гарантировали высокое покровительство. В случае с Кидонисом именно заступничество Елены позволило интеллектуалу, имевшему много проблем при дворе из-за своих политических пристрастий, религиозных взглядов и довольно сложного характера, вернуться на государственную службу в 1355 г. в качестве премьер-министра ее мужа Иоанна V Палеолога, а затем вернуть императорское расположение в 1374 гг. и сохранять свои позиции в правительстве в течение долгого времени [397, Р. 163]. Верная ученица, уходя в монастырь, завещала своему наставнику часть своего имущества [398, Р. 137].

Византийский двор никогда не оставался без риторов. Верным способом для образованного человека проявить себя и выделиться из придворной толпы было написать панегирик, прославляющий правителя (βασιλικός λόγος). В целом заметим, что одна из ключевых ролей, отведенная при дворе интеллектуалам, как раз и заключалась в составлении похвальных слов в честь императора или членов его семьи. Составление и последующая публичная рецитация хвалебной речи приоткрывала для автора дверь в придворный мир и оборачивалась «золотым дождем», если похвала удостоивалась царственного внимания и благосклонной оценки.

Восхваление императора было восхвалением всей политической системы. В силу этого в Византии получил широкое распространение такой жанр литературы как придворная парадная риторика, являвшаяся неотъемлемой частью репрезентации власти. Риторика во все времена рассматривалась властью в качестве инструмента политики [367, Р. 131; 353, S. 211-214; 399, S. 65-74], поскольку с помощью риторических пассажей транслировались важные идеологические установки, воспроизводились базовые основы политической идеологии и представления об императорской власти, артикулировались политические идеалы и нравственные ориентиры.

Интеллектуал, берущийся за перо, чтобы воспеть императорские достоинства, следовал стандартному формату официального восхваления императора. Панегирик, который составлялся по классическим законам жанра, тем не менее допускал определенную свободу и вариативность в подборе тем, в расстановке акцентов, литературных приемах [367, Р. 133].

Основная задача, стоявшая перед панегиристом, состояла в прославлении личности и политики правящего императора [352, Р. 161], в создании привлекательного имиджа правителя. Императорский статус воспринимался как священный и заслуживающий восхваления, чтобы говорящие и их слушатели не думали о личности самого императора. Посредством панегирика ритор доносил до аудитории свое представление об идеальном правителе и тех чертах, которыми он должен быть наделен.

Имидж императора гармонично дополнялся эмоциями, порождаемыми риторикой [400, S. 14-18, 22-24]. Не случайно в контексте византийского церемониала важное место занимали речи, подготовленные и произносимые интеллектуалами. Литературный образ обладает огромной силой воздействия, дополняя систему ритуалов, составляющих содержание церемониала. Литературная лесть в форме хвалебных речей-энкомиев была изысканным способом политического воздействия на умы слушателей. Энкомий в честь императора был не только необходимым элементом декора дворцовой жизни: он выполнял функции изящно орнаментированной политической пропаганды. Энкомий был необходим двору, двор был необходим энкомиасту. Мечтой каждого образованного византийца была надежда быть услышанным василевсом, что могло в будущем обещать карьеру: литература без придворной должности не давала желанного жизненного комфорта. Энкомий в честь императора для многих становился шансом войти в круг придворной жизни.

Литературная метафора или эпитет для высшего византийского общества, издавна ориентированного на античную словесность, была формой соответствующего эпохе PR, политической пропаганды власти императора. Можно привести фрагментарно два письма-энкомия известного интеллектуала XIV в. Димитрия Кидониса. Энкомии разделены во времени почти тридцатью годами: один из них адресован будущему василевсу Иоанну VI Кантакузину, второй – коронованному, но еще не правящему Мануилу II Палеологу. Первый из энкомиев (1345 г.) создавал Иоанну Кантакузину реноме правителя, способного привести беспокойную, разрываемую междоусобицами империю к полному благоденствию: «Твоей власти радуются народы и города, острова и континенты. Они прославляют твой характер и воспевают (тебя), победившего всех. Нас же они считают счастливыми, ибо император дружелюбен нам, и предсказывают, что нам настолько высокое явится счастье, когда все народы будут покорены, все города примут твои законы, все признают

единственного властителя, и будет процветать добродетель, будет пользоваться свободой слова мудрость, василевс будет для всех подданных примером всего прекрасного» [368, Vol. I. Ep. 6.16-23]. Второй из названных энкомиев (1373 г.), прославлявший императора Мануила II Палеолога, явно имел целью усилить его авторитет в условиях политической борьбы за власть. В этом энкомии Мануил представлен Димитрием Кидонисом как император, «у ног которого все лежат и которого украшают не только пурпур и диадема, о котором и Платон, если бы он его увидел, сказал бы, что ему больше, чем Зевсу, свойственны царственный разум и царственная душа». В этом же опусе энкомиаст написал: «ты стал подобен Богу» [368, Vol. II. Ep. 192.13-15.57].

Приведенные слова прославления вышли из-под пера талантливого человека: он не мог не учитывать реальную ситуацию в стране и искренне писал слова прославления во имя благополучия страны. Большинство же энкомиев, звучавших при дворе, были словесно изысканными, красивыми литературными штампами, которые создавали ощущение полного счастья под управлением императора – благочестивого, подражающего Богу, любящего подданных, философа, успешного полководца. Эффектный речевой образ формировал образ власти.

Идеалом правителя в глазах интеллектуалов являлся человек, который бы совмещал любовь к наукам с царственными достоинствами. Император должен был сочетать в себе справедливость, мужество, добродетель с почитанием философии и искусством владения словом: «Один воспекает твою рассудительность, с которой ты острее всех осознаешь потребности, другой утверждает, что мифический Пелей уступает тебе в благоразумии. Другие же настойчиво утверждают, что до сегодняшнего дня еще не нашлось такого образца мужества; кто-то говорил также о справедливости и мог найти ее как твою черту. Но другие оставляют это в стороне и превозносят твой язык, его нежное искусство уговоров, его грациозный бег и правдивость, которая всегда ходит вместе с твоими словами» [368, Vol. II. Ep. 203.9-15]. К традиционному набору неотъемлемых свойств императорского достоинства [353, S. 114-117; 354, C. 29] интеллектуалы добавляли еще одну черту, которая должна отличать правителя, – образованность высшей пробы, которая подразумевает также регулярные литературные занятия, почитание мудрости, интерес к сочинительству, покровительство ученых. Квинтэссенция этой идеи отражена во фразе «философ на троне», которая была адресована императору Мануилу II Палеологу. И хотя идеалу отвечали далеко не все императоры, интеллектуалы пытались сформировать как у самого императора, так и у остальной аудитории именно такое представление о достойном правителе.

В речах, обращенных императорам, писатели часто проводят параллель между восхваляемым правителем и библейскими царями. Так, в качестве примера для подражания

Димитрием Кидонисом используются образы ветхозаветных правителей: «но ты вспомни о Моисее и Давиде и о других, которые с помощью кротости боролись против своих врагов» [368, Vol. I. Ep. 13.60-61]. Кидонис переносит метафору, относящуюся к царю Давиду, на императора Мануила II Палеолога, который сражался в Малой Азии на стороне султана (1391), и приводит дословную цитату из Ветхого завета: «чтобы не угас светильник Израиля» [368, Vol. II. Ep. 431.48]. Уподобление правителя библейским царям не только выполняет задачу подчеркнуть сакральность власти, но и носит характер риторического приема.

Елей, который сочился на страницах византийских панегириков, зачастую вуалировал скрытую критику в адрес правителя. Эта критика принимала форму намеков, туманных аллюзий, «камуфлировалась трезвоном восхвалений» [389, С. 88], когда желаемое выдавалось за действительное. Действуя по принципу от противного, панегирист мог приписать объекту своего восхваления те черты, которые он желал бы обнаружить в действительности.

Интеллектуалы оставляли за собой право свободно высказывать свои мысли, принцип, известный как *ἡ παρρησία*. Это право означало возможность критики власти, в чем и виделась интеллектуалам их главная функция в обществе. В соответствии с этим принципом риторы, используя трибуну императорского панегирика, выражали свое видение, какой должно быть власти.

Интеллектуалы считали себя в праве давать советы правителю, рекомендовать лучший способ решения той или иной задачи. В этом случае панегирик являлся способом повлиять на решения императора либо побудить его к какому-то поступку. Поскольку для поздневизантийского времени главную заботу императора будет составлять проблема ослабления империи, оказавшейся в состоянии глубокого упадка, то интеллектуалы пытались предложить свои рецепты выхода из кризиса. По мнению византийского ученого Мануила Хрисолоры, именно образование является тем чудодейственным средством, которое в состоянии реанимировать могущество империи и спасти от нависшей угрозы уничтожения. С этой целью в речи, адресованной Мануилу II, он рекомендует императору содействовать созданию школ, поддерживать ученых и возрождать изучение античного и христианского наследия [401, Р. 501]. Другой ученый Георгий Гемист Плифон видит спасение империи в использовании правителем «наилучших советников и полезных законов, имеющих должную силу» [401, С. 407], а в другой речи, обращенной к императору, он рекомендует в качестве советников иметь «определенное число образованных мужей» [402, Σ. 119].

Ораторы, выходя на трибуну с панегириком, зачастую ставили перед собой более приземленную, конкретную цель – высказать личную просьбу или добиться продвижения по службе. Имперские панегиристы взывали к императору о милостях для себя. В торжественной речи Никифор Григора воспел щедрость и мудрость Андроника II и мимоходом призвал императора быть щедрым в ответ и на его личные просьбы.

С произнесения панегириков на старте карьеры начиналось восхождение некоторых высокопоставленных должностных лиц. Известно, что историк Никифор Григора, писатели Никифор Хумн и Феодор Метохит впервые привлекли к себе внимание императора именно на придворных декламациях [352, Р. 162].

У человека, обладавшего хорошим образованием, было гораздо больше шансов достичь общественных высот, ведь «византийская элита осмыслялась как «открытая» социальная группировка, доступ в которую обуславливался не наследственными, а личными достоинствами человека» [385, С. 47]. Тот факт, что из 13 премьер-министров (μεσάζοντες) [404, S. 311-316] поздневизантийского времени 5 принадлежали к интеллектуальной элите, свидетельствует о перспективах, которые открывались перед ученым на государственной службе. В разное время правительство возглавляли Никифор Хумн, Феодор Метохит, Димитрий Кидонис, Димитрий Хрисолора, Лука Нотара. В этом ряду выделяется Димитрий Кидонис, μεσάζων при двух императорах, занимавший высший пост на протяжении почти сорока лет, что было довольно уникальным для Византии явлением.

Императоры находили применение интеллектуалам в качестве чиновников, судей, дипломатов, поверенных лиц, личных секретарей. Среди обладателей высоких титулов придворной иерархии (севаста, сенатора, логофета) можно встретить известных своей образованностью персон. Степень участия интеллектуалов в управлении была достаточно высокой на протяжении последних столетий существования империи. Получение и главное удержание должности рассматривалось как главная задача ученого, пробившегося во дворец.

Стремление людей науки занять должность связано, прежде всего, с желанием иметь надежный источник доходов. Однако зависимость от должности приводила к тому, что «образованные люди были покорны и беззащитны перед лицом власти» [391, Р. 9]. Кидонис сравнивал государственную службу с петлей [368, Vol. I. Ep. 38.9-10]. Неоднократно интеллектуалы, жалуясь на тяготы службы у императора, говорят о нравах, царивших при дворе. «И вот я получил место поближе к императору среди придворных дармоедов – ведь ты знаешь, конечно, темы разговоров, которые здесь как нагроможденные амфоры, и знаешь, как они упражняются в коварстве из праздности; они знают только одно стремление

для умножения собственной власти – вращаться в обществе императора» [368, Vol. II. Ep. 218.47-52] – сообщает Димитрий Кидонис наследнику престола Мануилу Палеологу.

Образованные люди, связанные придворной службой, видели жизнь двора изнутри. От их критического взгляда не могли ускользнуть отрицательные стороны дворцовых нравов. Язвительные высказывания и критика, слетавшие из уст ученых в адрес придворной камарильи, рисуют картину повседневности двора, зараженного болезнями подбострастия и лицемерия. Среди высказываний можно встретить подобные: «вечные страхи из-за гнева императора» [405, С. 96], «императорский двор сейчас это поистине рынок для болтовни и угодничества» [368, Vol. I. Ep. 114.10-11], «сейчас во дворце высмеиваются даже элементарные знания» [368, Vol. II. Ep. 162.53-54]. В диалоге «Мазарис», появившемся в начале XV в., в сатирической форме описаны интриги, которые занимали умы придворных. По замечанию С. В. Поляковой, «сатира по существу превращена в скандальный перечень придворных обид и соперничеств, подсиживаний и обманов» [405, С. 164].

Однако, попав в придворный круг, который ими так высмеивался, интеллектуалы вынуждены были «играть по правилам», заискивая перед властью, соревнуясь в раболепии, угождая и пресмыкаясь. Вступление ученого в ряды бюрократии и принятие «кодекса чести» этой группы приводило к столкновению двух противоположных моделей поведения, порождали расщепление морали интеллектуала, заражали интеллектуальную элиту духом сервилизма и низкопоклонства [366, С. 23]. Пороки, присущие миру бюрократии, проникали в круг интеллектуалов, которые также охотились за должностями и милостями, прибегая к подсиживанию, клевете, лицемерию.

Но с другой стороны, благодаря присутствию образованной элиты во дворце отчасти менялся и придворный климат. Уважение к знаниям и стремление приобщиться к литературной работе рождали особую интеллектуальную атмосферу в придворном окружении. Под патронатом императора собирались литературные салоны. Особенную славу стяжали литературные кружки при Андронике II и Мануиле II, поскольку сами правители испытывали тягу к литературным занятиям. Для ритора важным событием считалось принять участие именно в императорском салоне, поскольку это позволяло приобрести социальный вес, повысить престиж в глазах других литераторов. Подобную ситуацию описывает Иоанн Хортасмен, сообщая, что речь его друга митрополита Евстафия была зачитана в литературном кружке, на котором присутствовал сам император [377, Ep. 10.3-5]. Положительная реакция василевса, «исполненного всей мудрости, всей добродетели и грации» [377, Ep. 10.9-10], усилила общий положительный отзыв [377, Ep. 10.17].

Чиновники и представители знати вели переписку, обменивались рукописями, участвовали в обсуждении философских вопросов. Они стремились войти в круг корреспон-

дентов видных писателей и философов. Благодаря этому «правила игры», принятые в среде интеллектуалов, проникали в придворные структуры, просачивались в мир бюрократии, приобщая тем самым политическую элиту к интеллектуальным занятиям.

Можно говорить об интеллектуализации византийского двора, что означает не только высокую степень концентрации интеллекта во властных структурах и в императорском окружении, но и распространение на придворную жизнь характерных для интеллектуальной среды форм общения.

Служба интеллектуалов имела своим следствием складывание особых ментальных черт этой среды. Византийские интеллектуалы, которые чаще всего могли рассчитывать лишь на жалования, стремились к сближению с властью, в которой видели возможность иметь покровительство и источник доходов, несмотря на то, что в идеале они желали бы быть дистанцированными от сильных мира сего, сохраняя тем самым верность свободомыслию. Стремление, с одной стороны, сохранять свободу от власти, следуя античному принципу *ἡ παρρησία*, и, с другой стороны, вынужденная зависимость и покорность перед ней порождали двойную мораль в среде интеллектуалов [406, S. 7621], способствовали процветанию сервилизма, лицемерия, зависти, подозрительности и прочих черт, свойственных придворной среде. И, несмотря на это, интеллектуалы оставляли за собой право выступать как главный критик власти и изобличитель пороков общества, хотя делали это иносказательно, по средствам туманных намеков и аллюзий. Но даже выражаясь «эзоповым языком», тем не менее, они могли рассчитывать, что предмет обсуждения и осуждения был понятен большинству. Критика нравов, царивших во дворце, в бюрократической среде, многократные lamentации по этому поводу звучат из уст интеллектуалов. И хотя Димитрий Кидонис – один из них – восклицает: «можно ли желать себе худшего, чем мучения при дворе императора» [368, Vol. I. Ep.53.10], он, как и другие люди науки, обречен был искать поддержки от правителя, раболепствуя и угождая ему. Таким образом, экономическая нестабильность, которую порождали литературные занятия, сопровождалась и моральной зависимостью ученого [389, С. 87].

В) Ставя перед собой задачу исследовать особенности византийской цивилизации в социокультурном измерении, мы предполагали, прежде всего, рассмотреть те новые тенденции в развитии культурных и интеллектуальных контактов между Византией и Западом, которые проявились в XIV–XV вв. на фоне нарастающего системного кризиса империи. В этой связи было уделено внимание разработке проблемы культурного сближения с Западом, изучению истории развития и расширения интеллектуальных контактов визан-

тийцев и латинян, а также исследованию интеллектуального исхода на Запад на фоне нарастающего политического и идейного кризиса в палеологовскую эпоху.

Последние полвека существования Византии прошли под знаком ее культурного сближения с Западом [407, S. 3-36], что, в частности, проявилось в начавшейся тогда эмиграции византийских ученых в страны Западной Европы. Приезд греческих интеллектуалов, воспринимаемых латинянами как живое воплощение неведомой им эллинской мудрости, способствовал распространению настоящей «античной лихорадки» среди просвещенных европейцев, поскольку изучение греческого языка и литературы стали с тех пор для них неотъемлемой частью гуманистических штудий [408, P. 67].

Этот исход византийских ученых имел важные последствия, как для самой Византии, так и для западноевропейской цивилизации. Деятельность образованных греков за пределами их родины оказала заметное влияние на развитие европейского гуманизма вообще и итальянского в частности [407, S. 3-36]. С другой стороны, контакты с Западом меняли и мир самих византийских интеллектуалов.

Проблема соотношения итальянского и византийского гуманизма, их взаимодействия и взаимовлияния является одной из наиболее дискуссионных для специалистов по истории культуры поздней Византии. Многие исследователи обращали внимание на близость идейных основ, общность проблематики, схожесть эстетических принципов и проявлений византийского и итальянского гуманизма. Б. Татакис подчеркивал, что «византийский гуманизм в период своего апогея представляет собой потрясающий аналог итальянскому гуманизму» [409, P. 229]. Признавая типологическую близость этих двух культурных феноменов, большинство ученых подчеркивают также стимулирующее воздействие византийского гуманизма на развитие гуманистической штудий в Италии [410, С. 586-591; 411, С. 100-124; 412, P. 1; 408; 413, P. 82; 414, P. 3-76].

Впрочем, хотя византийские интеллектуалы и сыграли, бесспорно, важную роль в «трансплантации» античной культуры на Запад и своею деятельностью активизировали там развитие гуманистической мысли, особенно в Италии [410, С. 586-591; 412, P. 1], отсюда еще отнюдь не следует, что итальянский Реннесанс стал прямым производным от византийского гуманизма. По мнению И. П. Медведева, «концепция о византийском гуманизме как родоначальнике, исходном пункте итальянского гуманизма несостоятельна» [415, С. 207; ср.: 413, P. 82], ибо отрицает национальные корни европейского Возрождения. Скорее можно говорить о высокой степени взаимного влияния культур Византии и Италии. Благодаря ему, отмечает И. П. Медведев, в XIV–XV вв. сформировалась особая «интеллектуальная общность, которая была характерна для мировоззрения известной части

гуманистически мыслящих деятелей византийской культуры и итальянских гуманистов...» [415, С. 207-208].

Соглашаясь с этим высказыванием, все же необходимо заметить, что византийская гуманистическая мысль имела более глубокие корни и обладала уже сложившейся традицией к моменту становления ее итальянского аналога, а потому в значительно большей степени и гораздо более интенсивно воздействовала на итальянский гуманизм, чем он на нее. Именно византийцы сделали первые шаги навстречу новой культуре зарождающегося итальянского гуманизма, близкой им по духу и устремлениям, и быстро нашли отклик и понимание с другой стороны.

Контакты византийских и итальянских гуманистов приобрели регулярный характер с конца XIV в. [410, С. 586] в результате их обоюдного желания упрочить интеллектуальные связи в условиях меняющегося политического и культурного климата. Византийские ученые пошли на сближение с итальянскими коллегами, желая «участвовать в интеллектуальных дискуссиях своей эпохи» [416, Р. 268]. Многие интеллектуалы в Византии восхищались достижениями современной им западной мысли [417, Р. 169]. Да и латинофильское течение ратовало за культурное сближение и религиозный диалог с Западом [418, С. 84-86]. Именно латинофилы проявили заинтересованность в установлении научных связей с итальянскими коллегами. К тому же кризисная ситуация в империи сама по себе провоцировала отток интеллектуалов за пределы страны.

Для итальянской же стороны побудительными мотивами контактов с византийцами было стремление возродить античную мудрость и открыть для себя неизвестные труды античных классиков, сохранявшиеся на протяжении столетий в Византии. В глазах итальянцев византийские ученые были прямыми наследниками эллинской мудрости [414, Р. 50-52] и носителями той культуры, которая тогда стала пользоваться высоким спросом на Западе [419, Р. 119]. В условиях, когда схоластика была не в состоянии удовлетворить возросшие интеллектуальные запросы гуманистической интеллигенции [420, Р. 39], итальянцы стремились к диалогу с византийскими учеными, видя в них хранителей античного наследия.

Диалог и взаимодействие двух научных миров оказались возможны лишь после того, как изменились взаимные оценки будущих интеллектуальных партнеров. Это коснулось, в первую очередь, византийской стороны, которая долгое время находилась в плену устоявшегося стереотипа, противопоставлявшего друг другу ромеев и латинян [421, S. 86; 341, S. 6]. Византийскими писателями на протяжении столетий деление на «ромеев» и «варваров» проецировалось из области политической на сферу духовную, что находило выражение в идее превосходства византийской образованности над «варварством» Запада

и определяло категоричность неприятия западной науки. Но ксенофобия, столь характерная для византийской ментальности, с XIV в. постепенно уступала место все более растущему интересу к ценностям и достижениям соседних культур. Как отметил М. Я. Сюзюмов, «...в XIV в. передовые люди византийского общества уже понимали, что отстают от Запада... и в разработке богословских доктрин, которые на Западе аргументировались более основательно; западные богословы более смело подходили к широким проблемам» [422, С. 17]. И хотя неприязнь к латинянам, свойственная византийскому обществу в целом [423, С. 34], сохранялась вплоть до падения империи, отношение образованной элиты к другой культуре претерпело заметные перемены [424, С. 318-328]. Если в XIII – начале XIV в. мысль о том, что латиняне смогут в ближайшем будущем лучше распорядиться античным наследием, чем ромеи, только начинала закрадываться в умы таких людей, как Феодор II Ласкарис и Никифор Влеммид, то уже к концу XIV в. подобное мнение стало общим местом для образованных византийцев [425, S. 253]. Изменение интеллектуального климата в Византии и перемены в оценке уровня развития западной мысли, с одной стороны, и растущий на Западе интерес к античной древности, с другой, создавали благоприятную почву для сближения двух культур.

Решительный шаг в направлении переоценки западной науки сделал во второй половине XIV в. Димитрий Кидонис. Он был одним из первых, кто активно и последовательно ратовал за приобщение к ценностям западной науки и культуры [364, С. 106-117; 426, Р. 106-109]. Он не только признавал успехи католической схоластики, но и не боялся открыто выражать свое восхищение ее высоким уровнем развития. Кидонис сам себя считал почитателем «науки римлян и иноземной мудрости» [368, Vol. II. Ep. 174.27-28]. Его имя стоит первым в списке византийских писателей, которые, отбросив высокомерие и ложное чувство превосходства, стали рассматривать западных ученых как равноправных участников диалога двух культур и сами были интегрированы в систему византийско-европейских гуманистических контактов.

Кидонис оказывал всемерную поддержку прибывавшим в Константинополь иностранцам, если те проявляли интерес к его родной культуре. Представляя императору Иоанну V доминиканского монаха Гарсия, Кидонис назвал того человеком, склонным к ученым занятиям и интересующимся византийской наукой, что, с его точки зрения, заслуживало особого уважения: «Он – друг образования; для него было недостаточно прославиться риторикой только в Италии, где он превосходил в искусстве речи многих из тех, кто занимается ею профессионально. Если бы он не владел стилем Платона и Демосфена и не учился у нас говорить по-аттически, он бы не почитал так языческое образование. Но больше всего нас радует, что он, очевидно, предпочитает нашу культуру собственной»

[368, Vol. II. Ep. 266.11-16]. Димитрий Кидонис воспитал в духе уважения к западноевропейским научным достижениям целую плеяду ученых – тех, кто тесно будет связан с итальянскими интеллектуалами и оставит заметный след в истории европейского гуманизма. Кидонис во многих отношениях являл собой фигуру ученого-космополита, признававшего достижения других научных направлений и подготовившего идеологическую почву для того «поворота на Запад» в интеллектуальной жизни Византии, который произошёл в XV в. Он оказал огромное влияние на ряд своих молодых современников, которые восприняли его интерес к латинской теологии, культуре и пошли еще дальше, чем он, по пути сближения с Западом [427, P. 226].

Но если Кидонис подготовил почву и «общественное мнение» для установления прочных контактов византийских ученых с их западными коллегами, то первым человеком, чья жизнь стала настоящим олицетворением союза двух культур, стал его ученик Мануил Хрисолора. Именно с него начинается история византийской интеллектуальной эмиграции в Италию и греческих штудий на Западе [428, S. 152].

В историографии за Мануилом Хрисолорой прочно закрепилась слава первого учителя греческого языка, дававшего уроки итальянским гуманистам, и зачинателя *studia graecorum* в Европе. Отметим также, что все работы справочного характера называют Мануила Хрисолору первым учителем греческого языка на Западе [139, P. 454; 412, P. 1; 429, S. 2052; 376, S. 751 и др.]. Обращаясь к этой незаурядной личности, историки отмечают ту ключевую роль, которую сыграла деятельность Мануила Хрисолоры не только на ниве распространения греческого языка в Италии, но и для развития гуманитарных исследований в целом [430, С. 108; 431, С. 34-42; 432, P. 297-305; 414, P. 57; 433, P. 63-82; 434, P. 8-12].

Мануил Хрисолора родился в 1350 г. в Константинополе в знатной семье [221, Nr. 31165]. Рано проявив интерес к философии и риторике, он получил хорошее классическое образование, о чем свидетельствуют дошедшие до нас его сочинения. К сожалению, сохранилось лишь несколько его работ, выполненных, однако, с риторическим изяществом и мастерством: «Сравнение Древнего и Нового Рима» [435, С. 317-334] и «Речь», адресованная императору Мануилу II Палеологу [436]. Интерес к западной науке и схоластике, привитый ему Димитрием Кидонисом, перерос рамки простого увлечения латинской философией и богословием и позднее привел Хрисолору в лоно католической церкви [376, S. 751]. Ученый был приближен ко двору императора Мануила II Палеолога, с которым его связывали дружеские отношения. По поручению императора он посещал с дипломатическими миссиями европейских правителей, ведя с ними переговоры о совместной борьбе против турецкой агрессии [437, P. 588-604]. В 1397–1403 г. он преподавал греческий язык

во Флоренции, Павии и Милане. В 1415 г. Хрисолора умер в Констанце, куда прибыл по поручению императора для участия во Вселенском соборе, на котором обсуждался вопрос об оказании европейскими государствами помощи Византии в борьбе против турок.

Важное место в биографии Хрисолоры занимает итальянский период. Впервые ученый оказался в Италии в 1390–1391 гг., когда сопровождал Димитрия Кидониса в Венецию [438, С. 202]. Там он помогал в изучении греческого языка Роберто Росси и Якопо д'Анжело да Скарперия, видевших в нем носителя греческой культуры [432, Р. 298]. Эти занятия произвели сильное впечатление на молодых флорентийцев, которые по возвращении в родной город распространили славу о талантах выдающегося византийца. Так в кругу гуманистов возникла идея пригласить Хрисолору во Флоренцию для преподавания.

Инициатива позвать для преподавания в университете грека принадлежала писателю, гуманисту и политическому деятелю Коллюччо Салютати, занимавшему более 30 лет пост канцлера Флоренции. В свою очередь, на Салютати, очевидно, повлиял Якопо д'Анжело да Скарперия, который во время посещения Константинополя в 1395–1396 гг. вновь брал уроки у Хрисолоры и в дальнейшем восторженно отзывался о достоинствах византийского ученого [439, S. 259]. В приглашении, отправленном Хрисолоре, можно найти объяснение причин заинтересованности итальянцев в его уроках: «Чтобы наша молодежь могла пить из двух источников, смешивая латинский и греческий для более плодотворной науки» [431, С. 137]. Заполучить Хрисолору желали и другие города. В частности, университет Павии направил ему аналогичное предложение занять кафедру, что, кстати, заставило власти Флоренции увеличить размер предложенного византийскому ученому гонорара. Первоначальное предложение Флорентийской республики предполагало заключение контракта с Хрисолорой на десять лет с ежегодной зарплатой в 100 золотых флоринов [430, С. 114]. Декретом Флорентийской синьории от 11 декабря 1396 г. были определены условия, на которых Хрисолора приглашался преподавать греческий язык всем, кто изъявит желание посещать его занятия: срок контракта составлял 5 лет с жалованьем в 150 золотых флоринов в год [411, С. 105]. С февраля 1397 г. Хрисолора начал заниматься греческой грамматикой и литературой с итальянскими гуманистами во Флорентийском университете, основанном в 1348 г. В одном из своих писем Салютати заметил: Флоренция воистину заполучила Эммануила, что в переводе означает «С нами Бог» [440, С. 153].

До появления Хрисолоры классический греческий язык, без которого было невозможно проникнуть в вожденный гуманистами мир античных авторов, оставался недоступен для образованных итальянцев. В этой связи показателен случай с Франческо Петраркой, который, с трудом достав рукопись Гомера, смог только прижать ее к груди как величайшую ценность и порадоваться, глядя на нее, но не имея возможности прочитать

текст из-за незнания языка [411, С. 103]. Западноевропейские писцы, встречая в тексте цитаты на греческом, просто заменяли их стандартной формулой: *Graeca sunt, ergo non legenda* («Они греческие и посему недоступны пониманию») [441, С. 55]. И хотя за полстолетия до появления во Флоренции Хрисолоры Леонтий Пилат читал публичные лекции по греческому языку в Италии [434, Р. 2], все же систематическое преподавание гуманистам классического языка началось именно с прибытия византийца. Деятельность Хрисолоры способствовала распространению моды среди итальянских гуманистов на изучение греческого языка и литературы, резко увеличив спрос на греческих учителей во многих итальянских городах. Мануил Хрисолора заметил, что итальянцы начали проявлять большое рвение в овладении греческим языком и литературой, в то время как византийцы пренебрежительно относятся к собственному культурному наследию [401, Р. 501].

Обосновавшись в городе, Хрисолора должен был самостоятельно решить, чему учить флорентийцев. Он начал свою деятельность с занятий по переводу Плутарха, весьма популярного среди итальянских гуманистов. Авторитет наставника рос от лекции к лекции, слава о великом греке распространилась за пределами Тосканы, а наплыв желавших приобщиться к миру греческого языка был столь велик, что местные власти, стремясь удержать Хрисолору, через месяц после начала занятий увеличили ему жалование: «Желая позаботиться как о пользе, так и о чести Флорентийского университета, ... полагая, что Мануил Хрисолора из Константинополя благодаря преподаванию греческой грамматики и литературы становится во многих отношениях величайшим украшением Республики, обращая внимание на заслуги его добродетели, строгость нравов, величие учености, ... названный муж имеет и должен иметь, начиная с этого дня, 250 флоринов в год» [442, С. 140]. Тот резонанс, который имела преподавательская деятельность Хрисолоры во Флоренции, объясняется тем, что византийский интеллигент передавал итальянцам не только основы греческой грамоты, но и греческую методику обучения и систему образования, унаследованную византийцами от античности [420, Р. 6].

Многие методы преподавания, используемые Хрисолорой, были необычны для традиционного средневекового образования. Даже начальное обучение языку сопровождалось погружением студентов в текст, дабы они могли проникнуть в мир авторского стиля, уловить смысловые оттенки и насладиться красотой слога. Этот преподавательский ход находил живой отклик у гуманистов, разочарованных традиционным приемом перевода древних авторов по принципу «слово в слово» без осознания самого духа произведения. Один из главных методов наилучшего освоения текста, согласно Хрисолоре, это – повторение каждой изложенной в нем мысли до тех пор, пока она прочно не войдет в сознание и лексикон ученика. Хрисолора стремился, чтобы чтение было конструктивным, аналитиче-

ским, обширным [432, Р. 300]. В стиле византийской образовательной практики после прочтения оригинального текста на греческом языке следовал детальный анализ отрывка [408, Р. 10]. Хрисолора пользовался характерным для византийской школы приемом описания (экфрасиса), направленного на совершенствование литературного стиля [431, С. 39-40]. Эта модель преподавания, отличавшаяся от привычных университетских методик, импонировала гуманистам с их тягой ко всему новому. Леонардо Бруни, один из учеников Хрисолоры, впоследствии восторженно вспоминал: «С тех пор, как великий Хрисолора принес в Италию изучение греческого языка, где его уже и не знали в течение семисот лет, мы, молодые люди, образованные им, все наши помыслы обратили на то, чтобы пополнить пробелы латинской литературы греческими произведениями. Это была прекрасная юношеская пора подобных трудов, когда сердце наполнялось радостным чувством нового и редкого знания» [443, С. 145]. По сути, Хрисолора заложил основные принципы преподавания греческого языка на Западе, использовавшиеся затем при обучении многих студентов эпохи Ренессанса [433, Р. 75-76].

Греческий учитель написал для своих учеников книгу по греческой грамматике «Вопросы греческого языка» (Ἑρωτήματα τῆς ἐλληνικῆς γλώσσης), составленную в форме вопросов и ответов. Сама форма диалога учителя и ученика напоминала об античных принципах. Существует мнение, что именно Коллюччо Салютати, задавая вопросы, навел Хрисолору на мысль о создании этой книги [411, С. 109]. Эта книга, высоко оцененная еще при жизни ученого, выдержала не одно издание. Впервые учебник Хрисолоры был опубликован в Виченце (1475–1476), его дополненный текст с латинским переводом появился в Венеции (1483), затем его переиздали в Виченце (1490), Флоренции (1498–1500), Париже (1507), Ферраре (1509) и Венеции (1512, 1517) [444, S. 5-10]. Именно по этой грамматике училось не одно поколение гуманистов, и даже в XVI в. учебник был достаточно популярен.

Основной задачей Хрисолоры было преподавание греческого языка и литературы, но значение его уроков не сводилось лишь к простой передаче знаний. Византийская традиция воспитания и образования, предполагавшая дружеские отношения между учителем и учеником, была перенесена им на итальянскую почву. Круг учеников Хрисолоры, с которыми его связывала «ученая дружба» византийского образца, красноречиво говорит о педагогическом таланте ученого: Леонардо Бруни, Гварино да Верона, Якопо Скарпериа, Никколо Никколи, Роберто Росси, Палла Строцци, Амбросио Траверсари, Пьер Пауло Верджерио, Поджо Браччолини, Леонардо Джустиниани [445, С. 30; 446, S. 49]. Воспитанники Хрисолоры становились ему близкими людьми. Его преданный ученик Гварино да Верона, предоставивший византийцу кров и заботу после его приезда во Флоренцию,

считал учителя примером и подражал ему в собственной преподавательской практике [447, Р. 190]. Методики, применяемые Хрисолорой в обучении греческому языку и литературе, воспроизводились его итальянскими учениками.

Кроме изучения языка в «кружке Хрисолоры» велась активная переводческая работа по разработанному им принципу *transfere ad sententiam* (перевод по смыслу) [448, Р. 77-78], который лежит в основе современных переводческих методик. Благодаря усилиям греческого учителя появлялись первые переводы классиков, выполненные его учениками, собирались и восстанавливались древние манускрипты, которые прежде не были известны на Западе.

На протяжении веков труды античных авторов, являвшиеся важной частью культурного багажа образованных византийцев, были недостижимы для западноевропейцев [419, Р. 119]. На Западе практически не знали сочинений многих из тех античных авторов, которые в изобилии имелись в Византии. Как отмечает немецкий ученый П. О. Кристеллер, в указателях средневековых библиотек греческие рукописи называются крайне редко [428, S. 148]. Изучение же греческого языка и появление переводов открывали для гуманистов путь к освоению античного наследия. «Если бы не было греческого языка, римляне не имели бы никаких знаний», – так риторически преувеличенно оценивал значение греческих штудий итальянский гуманист Антонио Урчео Кодро [449, С. 147]. Действительно, знание греческого языка открывало гуманистам античную культурную традицию, которая с этих пор будет питать западноевропейскую мысль Нового времени.

Уроки Хрисолоры были весьма популярны в итальянских городах: после Флоренции он преподавал в Павии и Милане по приглашению их властей. Многие гуманисты с гордостью называли себя его учениками. О притягательной силе личности Хрисолоры и значении его уроков свидетельствует Поджо Браччолини в речи, произнесенной на похоронах Леонардо Бруни: «Неожиданно прибыл из Константинополя Мануил Хрисолора, в то время, бесспорно, первый среди греков в мудрости и красноречии, ... первым возродил у нас изучение греческого языка, уже давно забытое и исчезнувшее в Италии. И поскольку многие стекались в его школу и почитались превосходящими других, то, побужденный славой, Леонардо, увидев, что это изучение обещает большую похвалу, последовал за Мануилом, оставил занятия гражданским правом и в скором времени достиг того, что большими дарованиями и неустанным усердием далеко превзошел всех других учеников» [450, С. 184-185].

Хрисолора вводил итальянских гуманистов в мир греческого языка и литературы, стимулировал переводческую деятельность, открывал им богатства античного наследия. Это ставили ему в заслугу еще его современники и ближайшие потомки. Так, Константин

Ласкарис начинал свою грамматику с краткого экскурса в историю распространения филологических занятий на Западе и первым делом упоминал имя Хрисолоры: «Мануил Хрисолора, муж усердный, покинувший родину, отправился в Италию и, прибыв, первым начал преподавать наши науки итальянцам...» [214, Col. 933]. Византийские друзья, разделявшие его интерес к Италии, считали, что Хрисолора собою «украсил род римлян и был оценен ими весьма высоко и самым блестящим образом» [451, S. 139. Ep. 5]. Леонардо Бруни, характеризуя преподавательскую деятельность Мануила Хрисолоры в Италии, высокопарно замечал, что «это было первый раз за семьсот лет, чтобы греческий язык стали изучать на Западе» [408, P. 40]. Верный ученик и последователь Хрисолоры Гварино да Верона, составивший вместе с другими учениками сборник писем и воспоминаний «Хрисолорина», посвященный их любимому учителю, заметил в одном из писем: «Труд этого человека, вместе с его гуманностью привел к тому, что нашим людям был возвращен блеск греческой литературы, из-за незнания которой их окутывала прежде значительная тьма» [452, C. 171], подчеркивая тем самым вклад своего византийского учителя в итальянскую ренессансную культуру. Для Гварино Хрисолора являлся «первым из греческих ученых» (*princeps Graecorum litterarum*) [453, Ep. 7], «гордостью нашего времени и светочем наук» [454, C. 173]. Итальянские гуманисты отдавали Хрисолоре пальму первенства как величайшему человеку и самому образованному философу (*summus vir et eruditissimus philosophus*) [453, Ep. 54].

Будучи носителем древней классической мудрости, Мануил Хрисолора обогатил ею европейскую мысль, открыв итальянским гуманистам неисчерпаемую сокровищницу античного наследия. Один из его учеников сравнил своего учителя с солнцем, озарившим Италию, погруженную в глубокий мрак [443, C. 217]. Мануил Хрисолора, значительную часть своей жизни проведший в Италии, гармонично вписался в новую гуманистическую культуру, которая оказалась созвучна его устремлениям. Он, как и многие византийцы, оказавшиеся вслед за ним за пределами родины, был сам захвачен идеями гуманизма.

Блестящий результат деятельности Хрисолоры в итальянских городах стимулировал более активное приглашение на Запад византийских ученых и писателей для преподавания греческого языка, а вместе с ним и греческой литературы. С него начинается история византийской интеллектуальной эмиграции в Италию [428, S. 152].

Значительную роль в развитие итальянского гуманизма сыграла деятельность Георгия Гемиста Плифона [455, Σ. 66-75]. Его недолгое пребывание во Флоренции способствовало оживлению интереса к византийским наукам среди местных ученых [456, Nr. 2]. Философская неоплатинистическая концепция Плифона оказала значительное влияние на развитие гуманистической мысли. Кроме того, он способствовал распространению античных

методов образования через научные кружки в традициях «платоновской академии». Как отмечает В. Блюм, «без Плифона, без его глубокого проникновения в платоновский мир мыслей и без его богатой риторики не могла бы так быстро возникнуть Academia Platonica во Флоренции» [457, S. 13]. Он стал во Флоренции центром притяжения для людей, жаждавших заниматься греческой философией и риторикой. Восхищение итальянцев Плифоном выразил известный гуманист Франческо Филельфо: «Ты делал и делаешь нас почитателями твоей добродетели и мудрости» [458, Ep. 23. P. 48].

Обращаясь к истории византийско-итальянских интеллектуальных связей, безусловно, особое внимание следует уделить кардиналу Виссариону [459, С. 74-97; 460, P. 121-130; 461; 139, P. 285; 221, Nr. 2707], занимавшему высокие посты в церковной иерархии папской курии и являвшему собой центр притяжения для итальянских и византийских ученых. Виссарион был центральной фигурой в культурной жизни Италии середины XV в. [462, С. 75-88; 461, S. 325-335]. Итальянский гуманист Лоренцо Валла, принадлежавший к числу соратников кардинала, назвал его «самым греческим из латинян, самым латинским из греков» (*latinorum graecissimus, graecorum latinissimus*) [414, P. 73], а Франческо Филельфо величал его «святилищем безупречного благородства и мудрости (τῷ τελείας ἀρετῆς καὶ σοφίας τεμένει)» [458, Ep. 72. P. 124]. В Риме 40-х гг. XV в. Виссарион основал и возглавил гуманистический кружок, куда входили Поджо Браччолини, Флавио Бьондо, Франческо Филельфо, Платина, Лоренцо Валла. «Академия» Виссариона была артистическим салоном, где собирались для свободного общения греки и латиняне, теологи и гуманисты. Члены Виссарионовской «Академии» занимались копированием рукописей и переводами античных авторов на латинский язык. Виссарион, сам крупный коллекционер греческих манускриптов, собственноручно сделал несколько копий древних рукописей. Ему принадлежали также переводы на латинский язык «*Memorabilia*» Ксенофонта, «*Μεταφυσικαί*» Аристотеля, «*Μεταφυσικαί*» Теофраста, речей Демосфена [419, P. 125]. В 1468 г. Виссарион передал в дар Венеции свою самую большую в Европе частную библиотеку, состоявшую из 768 книг, 482 из которых были на греческом языке. Библиотека Виссариона составила основу будущей библиотеки св. Марка (*Biblioteca Marciana*) [464]. После падения империи в 1453 г. Виссарион стал одним из покровителей византийских эмигрантов: в его доме находили приют переписчики манускриптов, художники, ученые, рассчитывавшие на его поддержку. Он оказывал им не только финансовую помощь, но и содействовал в получении должностей в местных университетах. Среди тех, кто останавливался в доме кардинала и получил его протекцию, были известные византийские интеллектуалы, прославившиеся впоследствии гуманистической деятельностью в итальянских городах: Михаил Апостол, Андроник Каллист, Феодор Газа, Константин Ласкарис [461, S. 326]. В знак при-

знательности за содействие в начальный период эмиграции Михаил Апостол составил надгробную речь в память о Виссарионе. Поскольку, благодаря содействию кардинала многие греки смогли неплохо устроиться на новом месте, в его эпитафии говорилось: «Твоими усилиями Греция переселилась в Рим».

Биография Виссариона уникальна и вместе с тем показательна, поскольку наглядно демонстрирует пример максимальной реализации возможностей, открывавшихся перед византийскими интеллектуалами в Италии. Впрочем, для большинства греческих эмигрантов такой карьерный взлет едва ли был возможен, и они вынуждены были зарабатывать себе на жизнь в основном преподаванием или перепиской рукописей. Появление образованных греков, которые массово начали прибывать в Италию с начала XV в., способствовало интенсификации греческих штудий [464]. Им предоставлялись кафедры в местных университетах, их нанимали частными учителями, им делали заказы на перевод древних манускриптов. Димитрий Халкокондил, посещавший занятия в Риме у Феодора Газы, много лет преподавал в итальянских университетах (в Падуе, Флоренции и Милане) [420, Р. 231]. Его учениками были Балтассаро Кастильоне, Иоганн Рейхлин, Гийом Бюде, Джорджо Триссино, будущий папа Лев X [415, С. 244]. Иоанн Агриропул в числе своих учеников числил Иоганна Рейхлина, Анджело Полициано, Палла Строцци и его племянника Донато Аччайуоли [221, Nr. 1267]. Другой византиец, оказавшийся в Италии, Георгий Трапезундский открыл в Венеции в 1427 г. частную школу, в которой преподавал греческий язык и латынь. Его учеником был Пьетро Барбо, ставший позднее папой Павлом II [408, Р. 43].

Волна эмиграции, вызванная трагическими событиями 1453 г., прибила к западным берегам многих византийцев, которые, видя спрос на изучение языков и античной литературы, занялись преподаванием и переводами на латынь. Скорее всего, мы можем отнести их к интеллектуалам, поскольку они могли реализовать себя только в подобном качестве. Таким образом, жизненно важные интересы многих византийцев оказались связаны именно с сохранением и передачей эллинистического культурного наследия. Те из византийских эмигрантов, главным заработком которых прежде была преподавательская работа, продолжили свою деятельность в Италии. Так, в Мессине работал Афанасий Галисиот [221, Nr. 3526]; в Италии и Франции преподавал ученик Димитрия Халкокондила Иоанн Ридакис Ласкарис [221, Nr. 14536]; в Париже – Георгий Германим, учивший Гийома Бюде и Иоганна Рейхлина [221, Nr. 6125]; с Базелем связана преподавательская судьба Андроника Контовлака [221, Nr. 13053]; в Италии учил греческому Мастрангел [221, Nr. 17244]; наставником Марка Антония Антимаха был Иоанн Мосх [221, Nr. 19386]; а некий Георгий занимался преподаванием греческого в Италии [221, Nr. 4120]. В потоке образованных людей, хлынувших на Запад в XV в., был и Иоанн Хрисолора, о котором Франческо Фи-

Филельфо писал, что тот принес с собой из Константинополя литературу и науку [465, S. 69]. После падения империи прибежищем для многих византийских аристократов, монахов и ученых стал Кипр. Там о них, как сообщает в своей Хронике Леонтий Махера, проявляла заботу королева Елена Палеолог, дочь пелопонесского деспота и супруга Жана II Лузиньяна [466, С. 170].

Наиболее известным учителем греческого в Болонье (1458–1459 и 1462–1466 гг.) и во Флоренции (1473–1474 гг.) был Андроник Каллист [221, № 10484]. После падения Константинополя он перебрался в Италию, где занялся преподавательской деятельностью и обучал итальянцев Анджело Полициано и Бартоломео Фонцио. В одном из писем, отправленных им из Болоньи Димитрию Халкокандилу в Падую, Андроник сообщал: «Ты увидел бы, как я с учениками читаю по-гречески гимны Пиндара, письма Фалариса, а также грамматику Феодора, читаю по-латыни теперь «Политику» и «Экономику» Аристотеля» [467, Р. 19-20]. Виссарион, с которым Андроника Каллиста познакомил в Италии Михаил Апостол и для которого он копировал рукописи, оказал ему протекцию для получения места преподавателя греческого во Флоренции. Андронику принадлежала также заслуга перевода на латинский язык «Аргонавтики» и Аристотелевского трактата «О возникновении и уничтожении (Περὶ γενέσεως καὶ φθόρας)».

Константин Ласкарис принадлежал к числу учеников Иоанна Аргиропула и получил образование в лучших византийских традициях. После трагедии 1453 г. и последовавших за ней скитаний (пленение, путешествия на Родос и в Серры), он оказался в Милане, где в 1458–1465 гг. приобрел известность своими уроками греческого. Позднее Константин Ласкарис побывал в Неаполе и Мессине, где также преподавал. Под его руководством штудировал греческий Джорджио Валла. Как и многие его «собратья по перу» в Италии, Ласкарис переводил греческих авторов на латинский язык.

Сам Аргиропул в 1456 г. был избран на должность профессора Флорентийского университета, которую занимал на протяжении 15 лет [468, С. 238]. Кристофоро Ландино в речи на похоронах Донато Аччайуоли, рассказывая о его научных занятиях, отметил и достоинства греческого наставника усопшего: «Немалой удачей для него был приезд в наш город покинувшего в то время Грецию Иоанна Аргиропула, преуспевшего во многих науках и первого среди философов нашего времени. Из этого обильного и неиссякаемого источника черпал Аччайуоли всякого рода философские познания...» [469, С. 205-206]. Франческо Филельфо, восхищавшийся эрудицией и образованностью Иоанна Аргиропула и называвший его «первым среди мудрецов Греции» [458, Ер. 24. Р. 50], в одном из своих писем извинялся перед своим греческим коллегой за несовершенство своих эпистолярных практик: «Но ты, знающий секреты гармонии, не удивляйся шероховатости моего стиля,

ибо я, латинянин, не знаю основательно греческого языка» [458, Ер. 48. Р. 90]. Аргиропул получил признание не только в гуманистической среде, но и в высших кругах Флоренции, о чем свидетельствует тот факт, что его удостоили титула почетного гражданина этого города. Кроме того, Аргиропул получил право владеть недвижимостью во Флоренции и ее округе со значительными налоговыми льготами [470, С. 163]. Другой византиец Феодор Газа получил приглашение в восстановленный Лионелло д'Эсте университет Феррары, а затем был переманен Козимо Медичи во Флоренцию, где получил кафедру греческой грамматики, логики и диалектики [471, S. 55-57]. Димитрий Халкокондил был профессором греческого языка в Падуе и Флоренции [420, Р. 234-239]. Его итальянский друг Франческо Филельфо назвал Халкокондила «блистающим на первом месте среди греческих ученых и ораторов» [458, Ер. 110. Р. 190]. Георгий Трапезундский, читавший лекции во Флорентийском университете, получил высокую оценку от своих слушателей: «В это время во Флоренции не было человека более полезного для образования, чем он» [470, С. 163]. Многим византийским интеллектуалам удалось сохранять высокую репутацию и социальный престиж за пределами своей родины благодаря спросу на греческие штудии в итальянских городах и ажиотажу вокруг греческого наследия в среде гуманистов.

Для преподавания языка необходима была и специальная литература. Начиная с Хрисолоры, византийские ученые составляли греческие грамматики, предназначенные для итальянских учеников. Авторами таковых были Мануил Калека [472, Р. 51-56], Феодор Газа («*Oratio de Litteris Graecis*») [471, S. 57], Димитрий Халкокондил [434, Р. 95]. Константин Ласкарис тоже подготовил для своих итальянских учеников грамматику греческого языка и к тому же сделал ряд грамматических извлечений [221, Нг. 14540]. Риторические книги («*Rhetoricorum libri V*») Георгия Трапезундского представляли из себя пособие к урокам риторики [444, S. 10-11]. Позже и сами итальянцы стали составлять греко-латинские лексиконы (Марсилио Фичино).

Преподавание греческого языка итальянским гуманистам требовало от византийских ученых знания латыни, на которой велось обучение. С начала XV в., когда упрочились связи византийцев с итальянскими учеными и когда знание греческого языка стало довольно распространенным явлением в гуманистической среде, сами итальянцы стали преподавать латынь ромеям. Феодор Газа и Георгий Трапезундский в Италии штудировали латинский язык под руководством Витторино да Фельтре, который имел собственную школу в Мантуе [471, S. 54]. Овладение латынью открывало грекам путь к кафедрам итальянских университетов, куда их охотно приглашали.

Центрами византийской эмиграции стали преимущественно те города в Италии, где набирал силу гуманизм или существовали университетские образования, являющиеся оча-

гами гуманистической мысли. Именно здесь могли быть востребованы знания и опыт интеллектуалов из Византии. Главным центром притяжения интеллектуальных сил была Флоренция, где в университете в разные периоды преподавали Хрисолора, Андроник Каллист, Иоанн Ласкарис, Григорий Трапезундский, Иоанн Аргиропул, Димитрий Халкокондил [470, С. 163-164]. В течение XV в. преподавание классического греческого языка и литературы прочно утвердилось в большинстве итальянских университетов [473, Р. 70].

Деятельность интеллектуалов из Византии на поприще преподавания высоко ценилась итальянцами. Многие гуманисты специально отправлялись в те города, где давали уроки византийцы. Так, Франческо Кастильоне, ученик Витторино да Фельтре, учитель греческого во Флорентийском университете, специально отправился в Феррару, дабы посетить занятия Феодора Газы [221, Nr. 30126].

Метод обучения, применявшийся в *studia humanitatis* под руководством византийцев, восходил к традиционной, уходящей в античность, системе образования. Ученые-эмигранты принесли с собой в Италию не только греческие тексты, но и традиции трактовки философских и филологических трудов как метода преподавания. Сохранялась и античная структура преподаваемых наук, которая была известна на Западе, но среди дисциплин тривиума и квадравиума наибольшее внимание уделялось риторике и диалектике. Большим спросом пользовались также занятия по философии.

Надо отметить и то, что итальянские интеллектуалы оказывали активное содействие в поисках заработка или вакансий в местных университетах своим византийским коллегам, прибывшим в Италию и испытывавшим материальные затруднения. Франческо Филельфо, ратовавший за привлечение византийских ученых в Италию для преподавания, рекомендовал Димитрия Кастрина своему другу, профессору права в Сиене Франческо Аккольти д'Ареццо, стремясь помочь византийцу получить постоянную должность [221, Nr. 29803]. В другой раз он рекомендовал своего ученика Иоанну Аргиропулу: «Податель сего письма, Георгий Александрин, мой ученик. Это смелый молодой человек, который не чужд Музам. Плененный твоей искренностью и твоими знаниями, он отправился во Флоренцию. Я тебе его рекомендую, как одного из моих старых учеников, который будет отныне твоим» [458, Ер. 57. Р. 103-104]. Да и сами византийские ученые сохраняли между собой контакты и на итальянской земле, поддерживая друг друга материально и морально и используя для этого личные связи. Дочь Луки Нотары, Анна, владевшая в Италии немалыми средствами, накопленными ее отцом, использовала их как средство для поддержки греческих эмигрантов и покупки рукописей, оплаты переписчиков и приобретения необходимых письменных материалов [384, Р. 73].

Для XV в. характерно также значительное расширение личных контактов византийских и итальянских ученых. Итальянцы воспринимались ромеями уже как полноправные участники интеллектуального диалога, на них распространялись и нормы поведения, принятые в византийской интеллектуальной среде. Типичным явлением стали эпистолярные связи. Среди корреспондентов Михаила Апостола был итальянский гуманист Анжело Ваддио да Римини, издавший по-латински птолемеевскую «Космографию» [221, №. 2032]. Геннадий Схоларий и Мануил Хрисолора переписывались с Амбросио Траверсари [221, №. 29205]. Дружеские отношения связывали кардинала Виссариона и Лилио Тифернате, латинского поэта второй половины XV в., ученика Хрисолоры, профессора в Перуджи, знатока творчества Данте и переводчика с греческого [221, №. 29416]. Обширные связи с византийскими интеллектуалами поддерживал Франческо Филельфо. Список его корреспондентов выглядел весьма внушительно: Георгий Трапезундский, Геннадий Схоларий, Георгий Гемист Плифон, Иоанн Аргиропул, кардинал Виссарион, Димитрий Халкокондил, а также Феодор Газа, посвятивший Филельфо свой труд «*De origine Turcanum*». Любопытно, что Филельфо вел переписку по-гречески не только с византийцами, но и с соотечественниками. Итальянцы при каждом удобном случае стремились показать свое знание греческого языка. Письмо Лианоро Лианори к Аретино, изданное И. П. Медведевым [415, С. 243-244], представляет собой смесь греческих и латинских фраз, тем самым демонстрируя определенный уровень владения автором обоими языками. При этом итальянцы принимают те «правила игры», которые соответствовали византийским требованиям к эпистолярному жанру.

Как и византийцы, итальянские гуманисты считали письмо, носившее открытый характер, средством выражения не только дружеских чувств, но и риторических способностей. Франческо Филельфо в письме Георгию Трапезундскому упоминал о публичном прочтении его сочинения: «Речь, которую ты мне отправил, я прочитал внимательно и заботливо и дал прочесть здешним ученым. Прочитали его и управляющие здешним государством и ораторствующие, и похвалили написанное тобой. Ибо ты, мне кажется, отправил его прежде всего для того, чтобы много других людей увидело написанное» [458, Ер. 3. Р. 5]. Утвердилось среди гуманистов и такое явление, характерное для византийской интеллектуальной среды, как «ученая дружба», главным содержанием которой были общность научных интересов и духовное родство [474, С. 106].

Рост интереса к античным древностям побуждал итальянских гуманистов обращаться к ранее неизвестным и недоступным источникам, хранившимся в Византии. На Западе практически не знали многих из тех сочинений античных авторов, что в изобилии имелись в Византии. Их массовый приток начинается с эмиграцией византийцев в Италию

[475, Р. 218-235]. Даже в середине XV в., когда перемещение древних рукописей на Запад имело уже достаточно значительный размах, итальянцы и византийские эмигранты, тем не менее, выражали недовольство ограниченным масштабом этого процесса и искали возможности его активизировать. Виссарион жаловался своему другу на нехватку рукописей в Италии: «Мне еще недостает многих сочинений наших и языческих учителей» [476, Ер. 30.10-11]. В своем письме Лианоро Лианори сетовал на недостаток книг и просил прислать по возможности новые: «Так как я не имею никаких своих книг – ни греческих, ни латинских, ...хотел бы просить, чтобы для меня послали какие-нибудь греческие» [415, С. 244]. Некоторые итальянцы специально отправлялись на Восток с целью приобретения или копирования все новых рукописей.

С Хрисолоры началась не только эмиграция на Запад византийских ученых, но и движение итальянских гуманистов в обратном направлении. Единичные случаи посещения Византии с научными целями сменились регулярными поездками. Целью этих вояжей первоначально было постижение греческого языка, обучение у византийских учителей, знакомство с греческой культурой, открытие для себя и своих соотечественников мудрости древних авторов, почерпнутой из их трудов. В 1395 г. Якопо д'Анжело Скарпериа, который прежде брал уроки у Димитрия Киодниса и Мануила Хрисолоры во время их пребывания в Венеции, отправился в Константинополь, чтобы продолжить свое образование у греческих ученых и разыскать новые рукописи, еще неизвестные на Западе [439, Р. 258-259]. Побывали в Византии Гварино да Верона, Кириако д'Анкона, Никколо Никколи, Франческо Филельфо, Леонардо Бруни Аретино, Амбросио Траверсари, которые стремились совершенствовать свое образование под руководством византийских учителей и желали ближе познакомиться с греческой культурой [411, С. 108, 186; 465, S. 68]. Франческо Филельфо провел в Византии семь лет (1420–1427), женился на гречанке, дочери своего византийского учителя Иоанна Хрисолоры, отрастил себе длинную бороду и приобрел все повадки греческого философа. Он также позаботился о том, чтобы его сын «мог приобщиться к греческой культуре» [458, Ер. 15. Р. 37], и отправил его учиться в Константинополь.

В дальнейшем (особенно накануне и после падения империи) путешествия итальянцев в Византию стали носить в большей степени антикварный характер, превращаясь в экспедиции по розыску древних манускриптов. Гварино много путешествовал по Византийской империи, посетив Грецию и Эгеиду, с целью приобретения книг [447, Р. 190]. Джованни Ауриспа в 1423 г. вернулся из путешествия на Восток, имея в багаже 232 тома греческих рукописей [477, С. 149]. Кроме большого числа трудов классических авторов Ауриспа приобрел 40 христианских рукописей, среди которых были проповеди Христа,

Псалтыри и Евангелия X–XI вв. [475, Р. 220]. Ауриспе пришлось потратить массу сил и проявить немало упорства в розыске источников: «Ради книг я прибегал ко всяким уловкам, я отдавал все деньги и часто даже платье. Действительно, я помню, что отдавал этим грекам платье, дабы получить от них рукописи – поступок, за который я не чувствую ни стыда, ни досады» [478, С. 254]. По приезде всех охотников за древностями ожидали слава и почет, а лекции гуманистов, побывавших в Византии и вкусивших греческой мудрости, посещали не только сотни местных слушателей, но и приезжие из Франции, Испании, Священной Римской империи. Гварино да Верона утверждал, что «без греческого языка нельзя знать латинского языка» [479, С. 158]. Ему вторил Филельфо: «Те, кто не пропитан греческими доктринами, блуждают во тьме, как слепые» [479, С. 158].

Кириако Анконский исследовал античное наследие в византийских землях, включая Константинополь, Пелопоннес, Кикладские острова, Лесбос и южный берег Геллеспонта [480, Р. 111]. Благодаря дружбе с влиятельным анконским консулом, Филиппо Альфиери сумел посетить несколько библиотек в Константинополе, где видел «множество позолоченных и ярких греческих манускриптов как религиозного, так и светского содержания в разных монастырях» [480, Р. 112]. Целью его поездки в 1444 г. на остров Имброс, где Кириако познакомился с византийским историком Критовулом [481, С. 1], была покупка древних рукописей. Во время посещения Афона он приобрел несколько манускриптов и переписал фрагменты некоторых текстов. В книгохранилище монастыря Пантократора Кириако пришлось «повозиться», копируя словарный лист и примечания тома Дионисия Ареопагита, поскольку рукопись была весьма ветхой. Путешественнику удалось увидеть и скопировать некоторые части рукописи Геродота, которая, вероятно, была единственной сохранившейся на момент поездки итальянца [482, Р. 129].

Франческо Филельфо в письме к Георгию Трапезундскому, вернувшемуся из путешествия в уже турецкий Константинополь, интересовался: «Не привез ли ты с собой каких-либо драгоценных вещей? Я имею в виду книги» [458, Ер. 74. Р. 127]. Их примеру последовали многие итальянцы – любители древностей и авантюристы, поспешившие в Византию для того, чтобы отыскать новые труды античных и византийских авторов, спрос на которые был необычайно высок в ренессансной Италии.

Огромные усилия прилагали греки-эмигранты и итальянцы для сохранения античного наследия после падения Византии. Так, Виссарион просил Михаила Апостола позаботиться о спасении древних рукописей: «Я прошу тебя ради меня и моего плана, который, вероятно, заинтересует и тебя, употребить всю осторожность, чтобы все найти и купить. Если ты отправишься на поиски в Адрианополь, Афины, Фессалонику, Энос и в другие места и города, окружающие нашу столицу, которая их себе подчинила, а кроме того в

Галлиполи, найди все... Поскольку епископ Афин будет что-то покупать, ты покупай не то же самое, а другое. Ибо нам достаточно даже по одному экземпляру» [476, Ер. 30.22-30]. Эта забота Виссариона о поиске рукописей носила бескорыстный характер, о чем он сам пишет: «Я имею большой интерес все это приобрести не ради себя, так как я для собственных потребностей достаточно имею, а чтобы поспособствовать остальным грекам и людям следующих поколений» [476, Ер. 30.14-16]. Он израсходовал около 30000 флоринов на копирование и приобретение книг [414, Р. 73].

Возраставший общественный спрос на античное духовное наследие и, в частности, на греческие сочинения, позволял найти применение силам многих византийцев и тех из итальянцев, кто имел необходимое для этого знание греческого языка [483, Р. 174-187]. К примеру, переписка греческих рукописей могла дать устойчивый заработок копиисту в тогдашней Италии [347, S. 386]. Делая копии с древних манускриптов, они тем самым содействовали значительному расширению духовной основы европейского Возрождения [484, S. 26]. До изобретения книгопечатания это был единственный способ сохранения и распространения текстов. Рукописи воспроизводились греческими и итальянскими копиистами в поздневизантийской палеографической традиции. Византийский минускул, использовавшийся византийскими учеными XV в., был заимствован у них итальянскими гуманистами [408, Р. 79].

Итальянские интеллектуалы нередко обращались к византийцам за помощью в копировании рукописей. По поручению Кристофоро Галатоне, Джованни Ауриспа и Франческо Филельфо копировальные работы в Константинополе выполнял дьякон Георгий Хрисококк [221, Nr. 31141]. Он переписал для Филельфо множество сочинений, среди которых были «География» Страбона и фрагменты из Ксенофонта [485, S. 86]. Димитрий Скаран по просьбе своих итальянских друзей Гварино да Верона, Джованни Ауриспа, Умберто Дечембрио, Франческо Барбаро и Амбросио Траверсари также копировал рукописи [221, Nr. 26035]. Иоанн Аргиропул и Иоанн Поф служили переписчиками у Палла Строцци [221, Nr. 26963; 234, S. 167]. Матфей Камариот, учитель философии и риторики в Константинополе, подарил Джорджио Валла переписанную им рукопись [221, Nr. 10776].

Фактически все византийские интеллектуалы, оказавшиеся в Италии, занимались активной переводческой деятельностью. При этом переводы делались по принципу смыслового понимания, а не буквального соответствия. Тем самым контекстуальная интерпретация текста стала основным методом перевода. Виссарион воздавал похвалы блестящим переводам, выполненным Феодором Газой, и подчеркивал их значение для итальянцев: «Хорошо переведя "О растениях" Феофраста и "Проблемы" Аристотеля, ты совершил огромный труд и одарил великим даром латинян: первого произведения у них вообще не бы-

ло, а второе было у нас самих с такими ошибками, что с трудом можно было понять сказанное, ты же и перевел и все исправил, – и образ мыслей, и выражения, – и поправил так, как это должно было быть у самого Аристотеля. И потому великой платой тебе будет похвала образованных людей настоящего и грядущего поколений» [214, Col. 685]. Активно осуществлявшиеся переводы с греческого языка делали древних авторов доступными широкой читающей публике.

Безусловно, наука и литература нуждались в материальной поддержке. Византийские эмигранты столкнулись с необходимостью поиска влиятельных покровителей, которые бы обеспечивали их заказами, поддерживали своими благодеяниями, содействовали им в карьерном продвижении. На Западе роль меценатов брали на себя местные правители, состоятельные граждане и церковь [486, С. 12]. Так, Феодор Газа был приглашен правителем Феррары Лионелло д'Эсте на должность преподавателя в созданную тем высшую школу, откуда позднее его переманил во Флоренцию Козимо Медичи, предложив кафедру грамматики, логики и диалектики в Studio [471, S. 55]. Папа Николай V заслужил особое уважение византийцев своей активной поддержкой итальянских гуманистов и их византийских коллег [419, P. 124]. По настоянию Николая V Феодор Газа получил место переводчика.

В знак признательности за оказанную поддержку и помощь некоторые интеллектуалы посвящали покровителям свои собственные сочинения или переводы. Когда в Риме после избрания в 1455 г. нового папы Каликста III для ученых начались трудные времена, центр интеллектуальной жизни переместился ко двору короля Неаполя Альфонса. Здесь царила духовно насыщенная атмосфера, благотворная для научных занятий, что было во многом заслугой монарха. Он приютил Георгия Трапезундского и назначил ему небольшую пенсию [487, С. 173]. Поэтому Виссарион, пробывший здесь некоторое время, посвятил коронованному меценату свой перевод «Метафизики» Аристотеля [476, Ep. 17], а Феодор Газа – перевод гомилии Иоанна Хрисостома [476, P. 269-273].

Если первоначально переводы выполняли преимущественно византийцы, то постепенно этим стали заниматься и сами итальянские ученые, прибегавшие иногда к помощи и советам греков. Так, к примеру, консультантом Марсилио Фичино, профессора во Флоренции, знатока философии Платона и неоплатоников, при переводе платоновских диалогов был Димитрий Халкокондил [474, С. 37], а в переводческой работе Амбросио Траверсари помогал Димитрий Скаран. Якопо Скарпериа занимаясь переложением на латынь трудов Плутарха и Птолемея, неоднократно обращался за помощью к Мануилу Хрисолоре [439, P. 270]. Император Мануил II Палеолог попросил Гварино да Верона перевести написанный

им трактат на латинский или итальянский язык, чтобы сделать его доступным для итальянцев и снискать себе славу в среде западных гуманистов [488, Ер. 60.16].

Важно отметить, что византийская научная традиция повлияла не только на характер и структуру знания, но и на способы ее передачи. Широкое распространение получил византийский принцип обучения посредством наставничества. Безусловно, это не было новшеством, и Запад знал уже примеры тесных наставнических отношений, но это были скорее единичные случаи, чем устоявшееся правило. Вероятно, между возведением гуманистами в норму особо близких отношений «учитель-ученик» и появлением византийских ученых в Италии можно установить непосредственную связь. Подобно византийской практике, в Италии получили распространение школы одного ученого. С конца XIV в. у истоков итальянской «генеалогии образованности» стояли византийцы, но постепенно, с развитием собственной школы, в XV в. появились также итальянские родоначальники научных сообществ. У Гварино да Верона брал уроки придворный историограф в Римини Тобио дель Борго, а также Франческо Барбаро и Витторино да Фельтре [445, С. 200]. Траверсари был учителем Козимо и Лоренцо Медичи; многие гуманисты учились у Марсилио Фичино. Витторино да Фельтре имел свою школу в Мантуе [489, С. 18-32], которую три года посещал Феодор Газа, стремясь выучить латинский язык так хорошо, чтобы самому получить возможность преподавать [471, S. 54].

В Италии, по примеру византийских кружков – «театров», открывались научные сообщества, чаще всего именуемые академиями. С середины XV в. действовала *Chorus Achademiae Florentinae*, основанная в 1454 г. Козимо де Медичи во Флоренции. Особую славу эта академия приобрела после того, как в ее работе активное участие принял Иоанн Аргиропул [490, С. 178]. Инициатива ее создания, как и некоторых академий в других городах, исходила от Плифона, которого венецианцы называли «первым из общества платоников» [491, S. 1017]. В ней шел плодотворный обмен мнениями между учениками Плифона Иоанном Аргиропулом, Виссарионом, Михаилом Апостолом и их итальянскими коллегами Леонардо Бруни и Франческо Филельфо [347, S. 386]. Марсилио Фичино позднее возглавил эту платоновскую академию во Флоренции, участниками которой при нем были Анджело Полициано, Пико делла Мирандола, Франческо Кастильоне [412, P. 1; 221, Nr. 30126]. В научном кружке, образовавшемся в Риме вокруг кардинала Виссариона Никейского и постепенно переросшем в «Академию Виссариона», собирались риторы, ученые, философы. Ее регулярно посещали Георгий Тревизан, Джованни Андреа да Мессина и др. [221, Nr. 29291, 11540; 462, С. 82; 414, P. 73]. В этой академии гуманисты активно занимались переводами философских трудов и сочинений отцов церкви, отказавшись в своей работе от схоластического догматизма и руководствуясь гуманистическим принципом

контекстуального понимания переводимого текста. Со временем инициатива организации подобных интеллектуальных собраний, объединявших ценителей словесности и знаний, все чаще стала принадлежать итальянцам. Так, частную академию основали Палла Строцци [221, № 26969] и Козимо Медичи [492, С. 38-40].

На начальном этапе, при слабом знакомстве итальянцев с греческим языком, академии были центрами изучения языка и литературы, а затем стали центрами притяжения носителей гуманистических идей. Принцип учреждения итальянских академий был таким же, как в Византии. Они собирались по инициативе какого-либо ученого или политического деятеля. Но, в отличие от византийских «театров» и научных кружков, итальянские сообщества оказались более жизнеспособными - многие из них пережили своих основателей. Функционировали академии так же, как византийские «театры». Целью собраний, да и вообще *studia humanitatis*, был, как это называли византийцы, «поиск истины» в гуманистически окрашенном смысле расширения познавательных горизонтов, лишенный схоластического подхода. В академиях участники проводили время за чтением и комментированием текстов, диспутами на заданную тему, критическим обсуждением собственных сочинений и переводов. Обстановка носила очень демократичный характер благодаря тому, что отсутствовали какие-либо формальные нормы и правила и, наоборот, приветствовалась дискуссия, предполагавшая свободный обмен мнениями и знаниями. В этих неформализованных объединениях прививались молодому поколению гуманистов навыки самостоятельной творческой работы. Примечательно, что период расцвета научных собраний (первая половина XV в.) пришелся на время широкой эмиграции из Византии ученых и активизации их интеллектуальных контактов с итальянскими гуманистами. Наибольшее число различных кружков и академий было как раз во Флоренции, и именно Флоренция была излюбленным местом посещения византийских эмигрантов [490, С. 177]. Отчасти это, вероятно, можно объяснить переносом византийских форм интеллектуальной жизни на итальянскую почву. Но, скорее всего, это было проявлением гуманистического стиля жизни в целом, задававшего определенный стереотип поведения и соответствовавшего тем идейным основам, на которых строилось Возрождение, тем более что корни итальянского и византийского гуманизма питались общими, античными традициями.

В свою очередь, и византийская ученая среда испытала на себе воздействие западной культуры. Знакомство с западноевропейской наукой, ускоренное переводческой деятельностью Максима Плануда и Димитрия Кидониса, привело к увлечению не только литературой, но и в большей степени латинским богословием. Появление подобной альтернативы официальной религии вызвало интерес значительной части интеллектуалов к католическим догматам, увлечение которыми переросло в убеждение и веру. Знаменательно,

что смена религиозных установок, немыслимая прежде, не влекла за собой резкого осуждения или наказания ни со стороны правящих кругов, ни со стороны ученой среды. Подобная смена вероисповедания не была свойственна итальянским гуманистам.

Результаты интеллектуальных связей Византии и Италии многогранны и плодотворны. В среде итальянских гуманистов этого периода мы не встретим (за редким исключением) человека, который бы не учился или бы не состоял в контактах с византийскими учеными. Широкое распространение греческих штудий под руководством византийцев привело в итоге к тому, что многие гуманисты могли похвастаться классическим образованием. Знание греческого языка стало своеобразным атрибутом итальянской учености, тем качеством, благодаря которому человеку открывался доступ к *studia humanitatis*. Кроме того, многие черты византийской интеллектуальной среды обрели новую жизнь на итальянской почве. Византийская традиция превратилась в традицию Ренессанса [483, Р. 183].

Важный результат постоянных контактов византийских интеллектуалов с Италией состоял в том, что их отношение к западной культуре претерпевало радикальные изменения. Происходила ломка старых стереотипов. В оценке состояния западной науки и системы преподавания византийские писатели исходили теперь уже из личного опыта. На смену скепсису пришло уважительное отношение к западным коллегам. Так, Геннадий Схолярый с глубоким почтением отзывался об итальянских учителях, которые были знакомы не только с творчеством греческих комментаторов Аристотеля, но и знали комментарии Авиценны, Аверроиса и других арабских и персидских философов [493, Ер. 16.12-17]. Византийцы постепенно убеждались, что на Западе наука развивается семимильными шагами, в то время, как у них на родине появляется все больше проблем, препятствующих этому. Уже Мануил Хрисолора заметил, что итальянцы начали проявлять много рвения в овладении греческим языком и литературой, в то время как византийцы пренебрежительно относятся к собственному культурному наследию [401, Р. 501]. Геннадий Схолярый сокрушался, что в Византии образование приходит в упадок, тогда как в Италии оно процветает, хотя прежде византийцы считали итальянцев варварами [494, Σ. 359]. Но он связывал эту ситуацию с внешнеполитической обстановкой, которая вынудила ученых приостановить преподавательскую деятельность в Константинополе, перенеся ее во Флоренцию. Ему вторил Иоанн Хортасмен, который в ответ на известие своего друга Димитрия Пепагомена о захвате османами Афин, где, по его мнению, только до сих пор и сохранялись античные традиции и почитались греческие авторы, горько воскликнул: «Мудрость вслед за судьбой... давно покинула Грецию и переселилась в Италию, и пребывает, как мы слышали, в ее городах» [377, Ер. 44.12-14]. Он призывал друга как можно скорей оставить опасное место и перебраться в Константинополь, хотя столица в отношении интенсивности науч-

ной жизни кажется ему лишь «вторыми Афинами» [377, Ер. 44.24]. Это эмоционально-насыщенное письмо Хортасмена передает духовное состояние византийца, являющегося свидетелем гибели империи и упадка ее культуры [495, S. 290]. Он скорбно констатировал, что многие современники вынуждены искать приюта за пределами отечества, так как на родине обстановка не располагает к научным занятиям. Все это приводит к тому, что, по словам Геннадия Схолария, если «прежде мы были для латинян учителями, то теперь поменялись ролями» [493, Еп. 275.15].

Одним из побудительных мотивов эмиграции в XIV в. была победа паламизма, которая заставила носителей гуманистических воззрений искать удачи и понимания в Италии [496, S. 71-72]. Причиной же эмиграции на рубеже XIV–XV вв. была обстановка в Византии, не располагавшая к научным штудиям, тогда как на Западе возрастал интерес к знаниям. Византийские ученые, оказавшись вдали от родины, были включены в духовную жизнь, протекавшую в Италии. Некоторые из них действительно выполнили лишь служебную функцию передачи знаний, не играя существенной роли в гуманизме. Но многие способствовали возвращению эллинского духа на Запад, катализировали научную мысль, и благодаря им гуманистическое направление получило новое дыхание.

Обращаясь к теме интеллектуальных связей между византийскими и итальянскими учеными, мы сталкиваемся с проблемой влияния византийского гуманизма на становление и развитие гуманистической мысли в Италии. Г. М. Хартман ставит распространение греческой культуры на Западе в прямую зависимость от появления в конце XIV – начале XV вв. византийских ученых в Италии [411, С. 100]. Действительно, прологом итальянского гуманизма было сохранение и интеллектуальный экспорт Византией античного наследия. Те знания, что принесли с собой византийские интеллектуалы на Запад, имели важное значение для формирования гуманистических идей. Но при определении степени воздействия византийской гуманистической традиции на развитие итальянского гуманизма, нужно быть осторожным, чтобы не впасть в одну из крайностей: превознесения значимости этого влияния или, напротив, его отрицания.

С момента появления Хрисолоры в Италии и до конца XV в. гуманисты значительно продвинулись в освоении классического наследия. Начав с изучения греческого языка, через переводы и собирание древних манускриптов, они подошли к усвоению античной традиции, открыв европейскому миру культуру, которая ранее бережно сохранялась в Византии.

Византийские интеллектуалы, один за другим покидавшие родину на протяжении всей первой половины XV в., не теряли надежды на возвращение. Но, к сожалению, их отъезд на Запад оказался в действительности настоящим исходом, движением без обратно-

го направления [497, С. 76], не предполагавшим возвращения. Византийские эмигранты, покидая родину, уносили с собой не только знания и греческие рукописи, но и нечто гораздо более важное – греческий дух, благодаря которому даже после падения империи ее культура продолжала жить [498, S. 14].

Таким образом, в рамках решения поставленной в проекте был исследован блок вопросов, относящихся к характеристике культурного и интеллектуального климата поздней Византии. Проведенное исследование выявило своеобразие культурных процессов, протекавших на фоне постепенного угасания империи.

Характеризуя основные тренды политического и социального развития Византии в палеологовское время, особое внимание было уделено рассмотрению характера политико-дипломатических контактов Византии и Запада, которые стали ведущими в политической жизни империи. Подведены итоги разработки проблемы латинофильства в контексте идейно-политической ситуации поздней Византии, его влияния на политический курс в условиях внешнеполитической нестабильности и значения дипломатических контактов латинофилов с Западом.

Осознание невозможности собственными силами противостоять мощи молодого турецкого государства, жаждавшего новых завоеваний и территориальных приобретений, вынуждало византийцев искать помощи извне. Угроза с Востока подталкивала часть общества обратить свои взоры на Запад. Однако в сознании византийцев глубоко укоренилось враждебное отношение к Западу. Историческая память о схизме 1054 г. и IV Крестовом походе 1204 г. во многом определяла неприязненное и подозрительное отношение поздневизантийского общества к латинянам. Греки не могли забыть того унижения, которое они испытали во времена латинского владычества. Латинян упорно продолжали отождествлять с варварами и противопоставлять ромеям как в официальных документах, так и в литературе разных жанров. Господствующая политическая доктрина подпитывала подобные настроения, находя идеологическое обоснование превосходства греков над остальным миром в культивируемой веками идее великодержавности, хотя та уже и не соответствовала поздневизантийским реалиям [421, S. 86; 341, S. 6].

Между православным Востоком и католическим Западом пролегла почти непреодолимая пропасть, которая не только исключала церковное общение, но и затрудняла политический и культурный диалог. Спор об истинном понимании веры, затянувшийся на столетия, стал существенным элементом религиозной, интеллектуальной и даже политической жизни обеих противоборствующих сторон. Антилатинская риторика, не прекращавшаяся в Византийской империи и в палеологовское время, имела, в частности, целью под-

держат укоренившийся в сознании византийцев «образ врага», который для истинного православного олицетворяли собой латиняне.

Тем не менее, на фоне всеобщей нелюбви к европейцам и высокомерного отношения к Западу в Византийской империи 60-х гг. XIV в. сформировалось идейное течение, доказывавшее возможность и необходимость сближения с латинянами. Его представители обладали значительным влиянием в силу своей близости к императорскому двору, особенно в правление Мануила II Палеолога, разделявшего подобные умонастроения.

Латинофильство позднепалеологовского времени было своего рода реакцией на распространение в Византии исихазма [499, Р. 55; 500, Р. 153-174]. Оно изначально опиралось на теологическое основание. Сторонниками его были преимущественно представители интеллектуальных кругов [501, С. 267], интерес которых к Западу сложился в результате глубокого изучения трудов западноевропейских авторов.

Одним из первых византийцев, увлекшихся западной схоластикой, был Димитрий Кидонис [376, S. 733; 502, Р. 113; 503, Р. 14]. Поступив на службу к Иоанну Кантакузину в 1347 г., он должен был принимать просителей, среди которых находилось много пребывавших в столице европейцев: послов, ученых, купцов [504, Р. 363.39-44]. Поскольку найти хорошего переводчика даже при дворе было трудно, Кидонис решил самостоятельно освоить латинский язык, чтобы общаться с иностранцами без посредников. С помощью доминиканского монаха Кидонис начал изучать латынь [504, Р. 364.34-44]. Его наставник избрал для чтения труд Фомы Аквинского «*Summa contra gentiles*». Это произведение так увлекло Кидониса, что он решил сделать перевод, дабы и его друзья могли ознакомиться с мыслями и идеями одного из столпов западной схоластики [503, Р. 14]. В итоге Кидонис не только перевел целый ряд сочинений Аквината [426, Р. 264-284; 376, S. 733–736; 505, Р. 134-135], но и проникся уважением к богословию и интеллектуальной культуре Запада.

Хотя Кидонис был не первым греком, знавшим латынь (можно вспомнить, к примеру, переводческую деятельность Максима Плануда) [465, S. 65], но именно с него в интеллектуальной среде позднепалеологовской Византии проснулся интерес к изучению латинского языка и к переводу латинских авторов. Ученики Кидониса, Максим Хрисоверг и Мануил Калека, под влиянием своего наставника принялись осваивать теологические тонкости томизма сначала по переводам, а затем приступили к изучению латинского языка, ведь их учитель считал, что если кто-то желает «наслаждаться преимуществами европейцев, должен знать их язык» [368, Vol. 1. Ep. 35.46].

Последователи Кидониса, увлеченные западной схоластикой, изучали латынь не только для того, чтобы читать и переводить интересующие их тексты теологического содержания. В условиях становления контактов с итальянскими коллегами, знание визан-

тийцами латинского языка открывало для них возможность живого общения с западными учеными. Кидонис поощрял изучение латинского языка своими подопечными. В одном из писем Максиму Хрисовергу он так порадовался его успехам: «Получить твое запоздалое письмо мне было приятно, и то, что оно составлено на латыни, усилило мою радость, не потому что я предпочитаю этот язык греческому, а потому что, как я вижу, ты выучил и аттический и этот язык [...] То, что ты за такое короткое время смог сделать, доказывает, что ты скоро заслужишь репутацию Зенона. Ибо любой сможет оценить твои способности, и твои собеседники станут звать тебя двуязычным, ведь ты владеешь двумя языками. Если учесть еще и твое рвение, то ты заработаешь равное уважение и у эллинов, и у латинян: тебя будут все хвалить, ибо ты сможешь понимать и тех, и других» [368, Т. II. Ер. 428. 4-13]. Изучение латинского языка открывало для византийских писателей новые интеллектуальные возможности: это было и общение с западными коллегами, и знакомство с достижениями западной мысли, и открытие для себя античных авторов, чьи труды сохранились в латинских переводах или чьи идеи получили развитие в сочинениях средневековых богословов: «Польза, которую приносит мудрость Италии, может оказаться еще более выгодной для всех. Но я думаю, она мало принесет пользы, если применять ее в торговой деятельности или в общественных делах. Ее значение на самом деле проявляется в возможности читать античных авторов, приобщаться к их мудрости и беседовать с ними» [368, Т. II. Ер. 428.15-20].

Интеллектуалы, овладевшие латинским языком, взялись за переводы не только сочинений западных богословов, но и богослужебной литературы. Мануил Калека перевел сочинения латинских теологов Ансельма Кентерберийского, Фому Аквинского и Боэция, а также литургические тексты [376, S. 741]. Максим Хрисоверг с помощью Мануила Хрисолоры перевел на греческий язык доминиканский миссал [376, S. 742].

Увлеченные новым знанием, некоторые молодые интеллектуалы отправились за границу учиться у западных коллег. Максим Хрисоверг побывал в Италии: в Венеции он изучал философию, в Падуе – теологию. Его младший брат Андрей Хрисоверг также штудировал теологию в Падуе. Свободное владение языком и компетентность в богословских вопросах позволили ему быть переводчиком на соборе в Констанце 1414 г. Он также стал автором ряда сочинений на латинском языке [376, S. 743].

Знакомство с западным богословием определило готовность некоторых интеллектуалов не только признать культурное превосходство Запада и согласиться с уступками по ключевым религиозным вопросам, размежевавшим христианский мир, но и перейти в лоно католической церкви. В среде образованной части общества распространялись не только латинофильские настроения, но появились случаи смены религии. Димитрий Кидонис,

который не только открыто декларировал свои пролатинские убеждения, собственным примером продемонстрировал готовность признать главенство римского понтифика, приняв крещение по западному образцу. Вслед за своим учителем Максим и Андрей Хрисоверги, Мануил Калека, Мануил Хрисолора, Димитрий Скаран перешли католичество [376, S. 740-751]. Мануил Калека и братья Хрисоверги стали доминиканскими монахами [506, P. 83-88]. Всего нам известны имена 17 византийских интеллектуалов второй половины XIV – первой половины XV вв., которые сменили свое вероисповедание. Переход в католичество большинства латинофилов был определен идейными соображениями, хотя, по мнению многих современников, они совершали это «ради почести и даров» [488, Ер. 30.32].

Путь каждого, кто сделал столь судьбоносный выбор и отважился на религиозную конверсию, индивидуален. Диссидентство ученых было следствием разных причин, и переход в лоно католической церкви мог стать результатом увлечения западным богословием, погружения в переводческую работу, влияния латинофильствующего учителя или же следствием личного знакомства с Западом и общения с представителями западной культуры. Личный опыт внутреннего духовного борения, поиск и обретение собственного ответа на жизненно важные вопросы вели интеллектуалов к религиозному инакомыслию, к открытому конфликту с общественными устоями, однако переход в католичество не ставил их в оппозицию власти, которая довольно лояльно относилась к конвертитству.

Внешнеполитическая ситуация, осложнившаяся во второй половине XIV в. в связи с активизацией турок в Малой Азии и на Балканах, ставила на повестку дня проблему выживания империи. В этих обстоятельствах латинофильское крыло постепенно приобретало также и политическую направленность, видя в союзе с западными правителями и папством спасение империи от нарастающей турецкой угрозы. Борьба за принятие унии и против него составляла главное содержание политической жизни империи этого периода [507, S. 113]. Вопрос об унии, которая рассматривалась как плата за военную помощь Запада в борьбе с турками, вызвал в Византии широкую полемику об отношении к латинянам [508, С. 141]. Соединение разделенных церквей при подчиненном положении православия не казалось ученым прозападного крыла непомерной ценой за поддержку, которую Запад мог оказать Византийской империи. По убеждению латинофилов, только совместными усилиями единого христианского мира, прежде всего организацией крестового похода, можно было остановить продвижение турок. Ради этой прагматической цели многие считали оправданным не только политическое, но и религиозное сближение с Западом. Латинофилы понимали, что турки являют угрозу не только их родине, но представляют опасность для других христианских государств [509, С. 48], хотя Запад еще не осознавал в

полной мере всю серьезность положения дел на Востоке и не представлял себе последствий турецких побед для европейских стран.

Общество подозрительно относилось к сторонникам Запада в силу традиционно настороженного восприятия чужеземцев, отягощенного к тому же историческим опытом конфликтных отношений. Позиция же правящей элиты в этом вопросе была более сдержанной. Если верхушка общества во второй половине XIV в. еще не приветствовала подобные идеи, то в XV в. у латинофилов оказалось много сторонников при дворе. Сами же императоры не только не препятствовали распространению латинофильских взглядов, но отчасти и провоцировали подобные умонастроения своей прозападной политикой и покровительством латинофильствующим ученым.

В самой же интеллектуальной среде появление этого течения привело к идейному расколу, размежевавшему латинофилов и их противников. Они полемизировали друг с другом на страницах сочинений, вели прямую научную дискуссию, углублялись в тонкости богословской проблематики, стараясь опровергнуть доводы противоположной стороны. Так, в 1400 г. на Крите состоялась дискуссия, на которой Иосиф Вриенний и Нил Дамила полемизировали с латинофилами Максимом Хрисовергом, Мануилом Калекой, и Димитрием Скараном. Свою аргументацию Иосиф Вриенний изложил в диалоге против латинского учения об исхождении Св. Духа [376, S. 749; 395, С. 140]. В одном из писем этого периода Вриенний писал Хрисовергу: «Проводя время в одиночестве и пытаюсь углубиться в себя, я получил письмо, написанное твоей рукой. Просмотрев его внимательно, хвалю композицию, ибо составлено искусно. Смысл же отвергаю, потому что изобилует всякими заблуждениями. Что за слово выскользнуло из твоих уст? Лучше бы тебе стричь льва, писать на воде, стрелять из лука в небо, петь впустую и погонять неподвижное, чем пытаться оторвать меня от сонма православных» [395, С. 138-139]. Интересно отметить, что свое послание Вриенний начал с похвалы стиля полученного письма (эпистолярный этикет!) и только потом перешел к критике его содержания. Несмотря на идейные разногласия и непримиримые религиозные позиции, обе стороны старались не нарушать правила интеллектуального общения.

Латинофильское крыло, несмотря на свою малочисленность, обладало значительным влиянием в политической жизни. Среди тех, кто с дипломатическими миссиями отправлялся ко дворам западных правителей, были латинофилы Димитрий Кидонис, Мануил Хрисолора, Мануил Калека, Иоанн Ласкарис Калофер [437, Р. 593-604; 510]. Особую роль сыграли латинофилы на Ферраро-Флорентийском соборе, поддержав решение об унии церквей [511, С. 17].

Если во второй половине XIV в. латинофильское течение сложилось на основе увлечения западным богословием, то в XV столетии латинофильство стало прибежищем тех, кто сделал ставку на унию церквей не только из религиозных соображений, но и из политических мотивов, видя в сближении с Западом средство спасения империи. Латинофилы, в адрес которых летели обвинения в предательстве, в действительности оставались истинными патриотами, стремившимися найти путь спасения своего отечества. Любовь к родине для них оставалась высшей ценностью.

В латинофильской среде, представители которой вступили в диалог с Западом, сложилось свое представление о западных соседях и европейском мире в целом, отличавшееся в ряде случаев от традиционных для византийцев и широко распространенных взглядов и оценок.

Эпистолярные сочинения византийских авторов пролатинского направления – Димитрия Кидониса, Мануила Калеки, Мануила Хрисолоры, Мануила II Палеолога, содержавшие замечания оценочного характера о Западе и европейцах, отражают достаточно противоречивое восприятие латинян латинофилами.

Понятие «латиняне» (λατῖνοι) для византийских писателей второй половины XIV в. служило, как и в предыдущие столетия, прежде всего собирательным именем для всех европейцев. А.П. Каждан отмечал, что с XII в. византийские писатели стали употреблять понятие «латинянин» как собирательное название народов Европы, Запад же они начали с этого времени рассматривать как единое пространство [512, Р. 86]. Безусловно, византийцам были известны и самоназвания европейских народов. В сочинениях, где аттические понятия порой подменялись реальными этнонимами, часто встречались упоминания об итальянцах, испанцах, французах. Тем не менее, интеллектуалы продолжали воспринимать Запад как некое единое пространство, противопоставляя его, прежде всего в религиозном отношении, православной империи ромеев.

Водоразделом между Западом и Востоком оставались религиозные разногласия. Димитрий Кидонис перечислял те обвинения, которые католический Запад выдвигал против византийцев: «Ведь римляне обращают наше внимание на наши ложные взгляды в теологических вопросах и на наши нововведения в церковной сфере и в религиозной практике, и считают агрессивность варваров (турок) наказанием за это» [368, Т. I. Vol. 1. Ер. 39.37-39]. Подобные упреки и с таким же пафосом звучали и с другой стороны. Но именно латинофилы пытались преодолеть эту глухую стену взаимных обвинений в ложности религиозных убеждений, хотя путь, ими избранный, казался большинству соотечественников унижительным вероотступничеством.

Латинофилы предприняли попытку преодолеть эти многовековые противоречия между греками латинянами. Поскольку в основе подобного противостояния ромеев и латинян лежали прежде всего религиозные расхождения, латинофилы пытались устранить этот барьер, акцентируя внимание на христианском единстве Запада и Востока. В условиях агрессии мусульманских народов им казалась очевидной необходимость сплочения христиан перед лицом общего врага. Еще Никифор Григора, питавший неприязнь к латинянам, считал, что византийцы должны забыть о своей враждебности к Западу для объединения усилий всех христиан в борьбе с турками [513, С. 81]. С этой точки зрения, латиняне были безусловно союзниками греков в «священной войне» с неверными. Дж. Деннис полагает, что византийцы не знали концепции «священной войны», которая на Западе имела форму крестовых походов, а для мусульман реализовывалась в идеи джихада [514, Р. 32-34]. Главной задачей всей поздневизантийской дипломатии станет вопрос об унии церкви и организации крестового похода против турок для спасения империи [515, С. 133; 516, Р. 88]. Более того, сторонники латинофильских взглядов заявляли о своей готовности признать преимущества католической веры. Мануил Калека отмечал, что латиняне «в безмолвии, порядке и благоговении совершают таинства, которые нисколько не уступают нашим гимнам и чтениям, и в чем-то даже превосходят их» [488, Ер. 30.37-39]. Мнение Мануила Калеки передает Мануил II Палеолог с явным осуждением, так как он усматривал в этом предательство собственной веры. Стоит заметить, что отношение императора к конвертитам было достаточно неоднозначным, поскольку, порицая переход в католичество своих подданных, он тем не менее поддерживал близкие отношения с многими прозелитами. Подобными высказываниями латинофильствующие авторы наносили удар по традиционной позиции, исполненной высокомерия, в отношении западной догматики и культа.

Особую роль в воссоздании единства христианской ойкумены должен был сыграть римский понтифик. Именно на него уповал Кидонис, полагая, что папа «снова соединит вместе рассеянных детей Бога» [368, Т. II. Ер. 190.56]. Латинофилы выражали готовность признать примат папы, называя его наместником Христа [488, Ер. 8.17-18], «общим отцом» [368, Т. II. Ер. 167.49; 190.54], человеком, «руководящий всеми» [368, Т. I. Vol. 1. Ер. 23.27]. Однако эти высказывания имели весьма конкретный политический расчет. С папой они связывали надежды на предоставление византийцам помощи от всех христиан мира в борьбе с турецкой опасностью. Папа, с точки зрения латинофилов, должен был стать духовным главой и лидером объединенного христианского мира.

Однако латинофилы отчетливо понимали и то, что папский престол в большей степени увлечен идеей унии западной и восточной церкви с подчиненным положением православных, нежели планом объединения сил всех христиан в противостоянии туркам.

В политических планах папства признание восточными иерархами примата римского понтифика должно было стать средством решения внутрицерковных проблем, связанных с «Авиньонским пленением пап» и последовавшим за ним великим расколом католической церкви, а также средством усиления позиций святого престола в христианском мире на фоне возраставшей независимости светских правителей.

В одном из писем Мануилу II Палеологу Димитрий Кидонис ясно дает понять, что весьма трезво оценивает причины интереса понтифика к Византии: «С посольством в Рим всегда связаны теологические вопросы [...] Ведь представители церкви не удовлетворяются ни деньгами, ни брачными связями или другим благим союзничеством, но лишь речи о догме им приятны; они только тогда склоняются выслушать предложения, если могут надеяться на заключение соглашения, в обмен на что они готовы даже отдать свои души» [368, Т. II. Ер. 302.69-76]. Кидонис прозрачно намекал на тот факт, что только подписание унии рассматривалось папой в качестве предварительного условия для оказания любой помощи. В ходе многочисленных переговоров византийцев с папским престолом легаты выдвигали «смену веры» (τὴν τῆς πίστεως καὶνοτομίαν) как обязательное условие, как встречный подарок за военный союз [368, Т. II. Ер. 327.29-30]. Никакие увещания или рассказы о бедах империи не могли заинтересовать понтифика византийской проблемой сильнее, чем согласие византийцев признать примат папства.

Столь же неоднозначно высказывались латинофилы об европейских правителях, с которыми также связывали надежды на помощь империи. Во время путешествия на Запад 1399–1403 гг. в поисках союзников византийский император Мануил II Палеолог познакомился с некоторыми европейскими правителями [517, С. 41-78; Т. 6. С. 260-304]. Он высоко оценил благородство, дружелюбие и усердие в вопросах веры французского короля Карла VI Валуа [488, Ер. 37], хотя, возможно, подобные высказывания в письмах императора носили характер всего лишь жеста вежливости по отношению к слабому и душевно нездоровому монарху. Английского короля Генриха IV Ланкастера Мануил II награждал многими эпитетами, которые в традиции византийской официальной лексики скорее приличествовали василевсу ромеев, нежели «варварскому» монарху: «Правитель Великой Британии, второй, можно сказать, ойкумены, окруженный многими благами и изобилующий различными добродетелями [...] Он самый блестящий как по внешнему виду, так и по своим убеждениям, удивляет всех силой, делает всех друзьями, протягивает всем руку, предоставляет помощь тем, кто нуждается в ней» [488, Ер. 38.20-29]. Столь лестные характеристики, данные европейским монархам, были связаны с ожиданием от них помощи против турков, но когда иллюзии относительно ее получения рассеялись, кардинально изменились и высказывания византийцев в адрес «латинских» королей. Мануил II в пись-

ме к Мануилу Хрисолоре пишет о своем глубоком разочаровании, когда стало очевидно, что западные правители не спешат выполнять заключенные договоренности [488, Ер. 55]. Политический расчет не оправдался, зато традиционные представления о латинянах получили новое подтверждение.

Определение «латиняне» в собирательном значении, безотносительно к конкретной персоне, порой приобретало в оценках латинофилов пренебрежительный оттенок. Пользуясь устоявшейся терминологией, даже они позволяли себе назвать латинян варварами. По наблюдению Г. Диттена, на протяжении столетий жители Запада обозначались византийскими писателями как βάρβαροι. Но в XV в. поздневизантийские историографы (Дука, Сфрандзи, Критовул, Халкокондил) называют их латинянами, итальянцами, французами и др. Для них европейцы больше не были «варварами» [518, S. 283-287]. Византийские эпистолографы второй половины XIV– начала XV вв. хоть и в исключительных случаях, но все же еще прибегали к определению европейцев как варваров. В последующем из арсенала риторических оборотов термин «варвары» в отношении латинян будет исключен. Под варварами будут понимать исключительно турок. Это относится даже к Кидонису, у которого отождествление жителей Италии с варварами встречается, правда, крайне редко, поскольку он восхищался западной культурой и высоко оценивал интеллектуальные достижения европейцев [519, Br. 76. А. 7]. Но тем не менее и он отдал дань подобным представлениям. В письме 1371 г. к Мануилу II в пору пребывания того в Италии Кидонис удовлетворенно замечает, что его ученик своим «благородным образом мысли взял верх над варварами» [368, Т. I. Vol. 1. Ер. 21.18-19]. Возможно, столь высокомерное отношение к итальянцам было связано с недовольством венецианцами, которые удерживали у себя за долги делегацию Иоанна V Палеолога. Итальянские территории Кидонис неоднократно называл землями варваров в письмах Энеотису [368, Т. I. Vol. 1. Ер. 36.20], Георгию Философу [368, Т. I. Vol. 1. Ер. 32.30-31] и Елене Палеологине [171, Ер. 222.94]. Кидонис был убежден, что именно империя ромеев остается гораздо лучшим гарантом для закона, чем все варварские правители [519, Br. 57.27-35, А. 14].

Напротив, характеризуя культурный уровень европейцев, в первую очередь итальянцев, латинофилы расставляли акценты несколько иначе. Для византийских интеллектуалов, ориентированных на научные контакты с латинянами, происходило «новое открытие Запада» [499, Р. 61].

Образованные византийцы отмечали тягу латинян к освоению античного наследия. Кидонис писал в одном из своих писем, что «у варваров накопились многие плоды мудрости» [368, Т. II. Ер. 328.10-11], которые были созданы древними авторами и которые переживали свое второе рождение благодаря интересу гуманистов к античности. Византийцы

восхищались стремлением европейцев освоить греческий язык, открыть для себя забытые сочинения, приобщиться к новому знанию. Жители Италии восхищенно взирали на труды древних философов и стремились учиться у «великих учителей Стои и Перипата» [368, Т. II. Ер. 435.12-13]. Рекомендую знакомому образованному аббату некоего миланца по имени Павел, прибывшего в 1386 г. в Константинополь для изучения греческого языка, Кидонис отмечал его рвение к наукам и интерес к трудам классических авторов: «Я отправляю тебе этого молодого человека, чтобы он, как и многие другие, получил твое содействие; окажи одолжение ему в том, что он просит [...] Он окажет тебе благодеяние, но и заодно проявит высшее уважение к общности эллинов, поскольку станет передавать дальше их язык, который есть желающие изучать. Считая язык эллинов выдающимся и прекрасным, он не верил, что мог бы довольствоваться только своим родным языком, если бы не изучил наш, хотя он благодаря своему знанию риторики и своим способностям считался среди латинской молодежи достаточно великим, чтобы произносить прекрасные речи» [368, Т. II. Ер. 360.6-14]. Интеллектуалы с воодушевлением отзывались о том, каким почетом и уважением пользуются образованные люди в Италии: «Если красота нуждается в зрителях, то Рим имеет “театр” для тех, кто упражняется в красоте, там понимают в этом толк, приветствуют соревнующихся за красоту золотом и аплодисментами» [368, Т. II. Ер. 169.50-52].

Культурный подъем на Западе, отмечавшийся греческими учеными, контрастировал с состоянием дел на ниве образования в Византии [425, S. 273-275]. Стремление европейцев к знаниям, их увлеченный поиск древних текстов, интерес к сокровищам античной культуры ярко контрастировали со спадом интереса к науке в Византии. Кидонис, характеризуя упомянутого выше миланца, замечал: «Он ищет истину; но ныне ею владеет народ, для которого нет ничего дешевле ее» [368, Т. II. Ер. 360.30-31]. Византийские писатели, еще сохранявшие чувство гордости своей культурой и прошлым ее величием, вынуждены были согласиться с тем, что из византийских источников «потoki мудрости утекают к варварам» [368, Т. II. Ер. 435.15]. Итальянские гуманисты, по признанию Кидониса, «выказывают великий интерес к прогулкам по лабиринтам Аристотеля и Платона, к которым наши люди не проявляют интереса» [504, Р. 365.83-84]. В условиях повышенной тяги гуманистов к научным занятиям латинофилам казалась весьма печальной ситуация в их собственном отечестве. С горечью им приходилось констатировать, что византийцы утратили уважение к интеллектуальному труду: «Если для македонцев и византийцев нет ничего бесславнее философствующего человека, то Рим не страдает такой болезнью, и люди литературы будут там в чести» [368, Т. II. Ер. 177.35-37]. Пристальный взгляд на латинскую культуру убеждал латинофилов, что по уровню интеллектуального развития Запад постепенно начал опережать Византию, и разрыв этот только рос в условиях упадка образова-

ния и науки в их собственном отечестве. А знакомство с литературными успехами своих итальянских коллег заставляло писателей-латинофилов открыто признавать очевидное превосходство Запада [520, Р. 176-177].

Именно в оценках культурного развития латинян стереотипы восприятия византийцами европейцев подверглись наибольшей ломке, хотя до конца изжить высокомерное отношение к «варварам» с Запада не удалось даже латинофилам. Византийские писатели, хоть и признавали достижения западной науки, тем не менее, твердо были убеждены, что Запад должен учиться мудрости и знаниям у византийцев, которые являлись хранителями древней культуры. Одно из посланий Тарханиоту, написанное по дороге в Италию, Кидонис завершал весьма примечательным пассажем, извиняясь за простоту стиля своего письма: «Поскольку я ныне плыву к варварам (под дорогой к варварам подразумевается поездка автора в Венецию), то могу писать по-варварски» [368, Т. II. Ер. 435.47-48]. Его высказывание, пусть и не лишенное иронии, отражает устоявшееся представление об уровне развития риторики на Западе с точки зрения искушенного в этой области византийца.

Понятие «латиняне» применялось не только к людям Запада в целом, но и для обозначения конкретных выходцев из Европы. Персонафицированный образ латинянина складывался у византийских интеллектуалов в результате их личных контактов во время визитов на Запад или общения с прибывающими в Византию европейцами. И этот образ выгодно отличался от представлений о европейцах в целом. На смену умозрительным характеристикам, порой весьма стереотипным для византийского сообщества, на первый план выходили оценки личных качеств того или иного индивида.

Пролатинские настроения некоторых интеллектуалов подвергались резкой критике и осуждению со стороны соотечественников. В среде тех, кто упорствовал в своих предубеждениях относительно Запада [377, Ер. 29.12-14], открыто демонстрировать свои латинофильские взгляды было чревато обвинением в предательстве и пренебрежении родиной.

Итак, анализ высказываний латинофилов о людях Запада позволяет говорить о неоднозначном отношении к латинянам даже среди тех, кто демонстрировал свое расположение к западным соседям. Несмотря на признание достоинств западной культуры и богословия, на стремление к более тесному культурному сближению, на готовность к уступкам в вопросах веры, представители прозападного течения в своих оценках подчас руководствовались традиционным подходом ко всем невизантийцам, называя в рамках традиционного дискурса латинян «варварами», подчеркивая свое снисходительное отношение к ним, проявляя политический снобизм.

Таким образом, даже те, кто заявлял о своей толерантности к латинянам, находились под влиянием идеологических и психологических стереотипов в отношении Запада. Это определяло двойственность оценок византийских авторов прозападного крыла, когда признание равенства и возможности партнерства с латинянами сочеталось порой с нескрываемым высокомерием и пренебрежением.

Г) Проблемы кризиса Византийской империи, нарастание внешнеполитической угрозы и попытки диалога с Западом являются ключевыми при обращении к истории последнего столетия Византии. С середины XIV в. история Византии в сфере внешней политики представляла собой непрерывную цепь военных поражений под возрастающим натиском османо-турецкой экспансии. Ответным импульсом стало формирование ориентированного на Запад внешнеполитического курса, который был призван поддержать гибнущее государство за счет сил христианской Европы. В 1399 г. византийский император Мануил II Палеолог лично отправился в свой знаменитый вояж на Запад в надежде добиться от него реальной помощи. Однако в 1402 г. ситуация на Востоке внезапно изменилась: в битве при Анкаре военные силы османов были разгромлены армией монгольского полководца Тимура. Это событие на полстолетия отсрочило гибель Византийского государства [521, С. 364].

В научной литературе уже сделана попытка связать битву при Анкаре, благодаря которой Византия получила определенный резерв времени, с динамикой ее внутреннего развития в последовавшие за этим годы и, следовательно, с шансами на ее политическое выживание. Наступившая пауза в борьбе с внешним врагом требовала усилий по созданию эффективных механизмов обороны в будущем. Однако подорванные ресурсы Византийского государства были не в состоянии решить эту задачу. На первое место по своему значению, как и прежде, выходили отношения с Западом, с помощью которых Византия отчаянно пыталась создать гарантии своей внешней безопасности.

Практическим результатом развития этих отношений стало заключение церковной унии на Ферраро-Флорентийском соборе 1439 г. Таким образом, на политические контакты наложила жесткий отпечаток церковно-религиозная ситуация, а византийцы в конечном итоге связали перспективы получения военной помощи от Запада с папством. Проблема унии и причин ее несостоятельности всегда была и остается объектом повышенного внимания исследователей. Политический подтекст этого события, пожалуй, ни у кого не вызывает сомнения. Но не все аспекты проблемы получили достаточное освещение, особенно если смотреть на нее под углом зрения европейской политики. В целом сохраняет свою значимость вопрос о том, насколько оптимально были использованы ресурсы отношений

между Византией и Западом в целях защиты империи от грозящей ей катастрофы. Обращение к этой теме, безусловно, способствует формированию более глубокого взгляда на поздневизантийскую историю и, в частности, на факторы, обусловившие ее трагический финал.

Первая половина XV в. – время оживленных дипломатических контактов между Византией и латинским Западом. Главным обсуждаемым в них вопросом постепенно стала уния восточной и западной церквей. Но уния всегда была не более чем инструментом для достижения целей, которые стороны могли понимать по-своему. Воссоздавая картину политических взаимоотношений Византийского государства с латинским миром в этот период, резонно поставить вопрос о том, каким представляли себе с обеих сторон возможный результат переговорного процесса.

Хорошо известно, что Византия искала на Западе помощи против надвигавшихся на империю турок, и в этом состояла ее главная, если даже не единственная цель. Вместе с тем едва ли возможен простой ответ на вопрос, в каких именно формах византийцы видели эту спасительную для своего государства помощь. Если говорить о Западе, то здесь ответ на данный вопрос обычно лежал на поверхности – этим ответом был крестовый поход. Приписывать же аналогичное видение ситуации со стороны Византии нет почти никаких оснований. Формируя свои отношения с Западом, византийцы, как бы часто они ни слышали рассуждения на эту тему от латинян, сами никогда прямо не озвучивали идею крестового похода. К этому никак не располагал, например, трагический опыт прошлого, который подсказывал, что подобный поход может увенчаться успехом, но следствием победы станет лишь новая волна ожесточения между православными и католиками. В 1422 г. Константинополь посетил бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа. По просьбе английского и французского королей, Генриха V и Карла VI, он должен был оценить шансы для очередного крестового похода против турок, но вернулся с убеждением в слабой возможности этого мероприятия [522, Р. 56-57].

Возможно, поэтому уровень реальных запросов, с которыми византийские дипломаты отправлялись в Европу, может показаться более чем скромным. Если речь действительно шла о конкретной помощи, то под этим подразумевались, как правило, либо финансовые пожертвования, либо поддержка весьма ограниченных по своим масштабам военных операций. Таким, к примеру, был план императора Мануила II в 1409 г., сводившийся к тому, чтобы при помощи венецианского военного флота блокировать проливы и перерезать коммуникации турок между Европой и Азией [523, Nr. 3327]. Настоящие же потребности Византии были несоизмеримо выше.

Если проследить серию многочисленных дипломатических контактов, то нетрудно выявить одну закономерность поздневизантийской внешней политики. Она состоит в последовательных и настойчивых попытках Византии играть по отношению к Западу роль посреднической и консолидирующей силы. Это хорошо видно на примере усилий византийского императора Мануила II Палеолога (1395–1425), который своим вмешательством пытался урегулировать политические конфликты между Венецией и Генуей и, в особенности, между Венецией и Венгрией [523, №. 3315, 3335, 3378]. В том же миротворческом духе неизменно выражалась позиция греков на переговорах о церковной унии. В XV в. они происходили на фоне продолжавшегося с 1378 г. церковного раскола на самом Западе. Византийцы проявили тогда живую заинтересованность в скорейшем преодолении этого обстоятельства на Констанцском соборе (1414–1418). Впоследствии они аналогичным образом вели себя в ситуации жесткого противостояния между папой Евгением IV и церковным собором в Базеле (30-е гг. XV в.). В качестве неременного условия переговоров об унии греки требовали наведения мира и порядка внутри самой римской церкви [524, Р. 46–84; 363, S. 35–71]. Показательно в этом отношении и выступление аббата Исидора, участника византийского посольства, приехавшего для переговоров на Базельский собор в июле 1434 г. В своей приветственной речи перед депутатами Исидор главный упор сделал на осуждении внутренних войн и конфликтов, раздиравших Запад [526, №. XXIX. Р. LXXX–LXXXVII]. Возможно, не в крестовом походе видели спасение византийские императоры, но находили минимум возможного в том, что внутреннее единство христианского мира, включая примирение посредством унии католиков и православных, поставит предел дальнейшему распространению османской агрессии.

Между тем есть немало примеров того, как среди латинян в церковной унии с Византией усматривали фактор формирования политического и религиозного климата на самом Западе. Необходимо в этой связи отметить, что политическая система западного мира в XIV–XV вв. находилась под воздействием разнонаправленных тенденций интеграции и дезинтеграции [527, S. 190–224]. Наиболее ярким выражением последней тенденции стала великая европейская схизма 1378–1417 гг. Своеобразным ответом на этот вызов стали универсалистские церковные и политические проекты, направленные – хотя бы внешне – на консолидацию и мобилизацию христианского сообщества. Довольно часто необходимость этого напрямую обосновывалась турецкой угрозой с Востока. Идея общеевропейского мира и политического единства Запада перед натиском с Востока, действительно, становится в этот период характерной чертой публицистики и распространенной темой выступлений на общественных форумах [528, S. 45–73].

Одним из наиболее мощных проектов подобного рода в религиозной сфере можно считать концилиаризм – движение за реформу римской церкви «в главе и членах», развернувшееся на европейских церковных соборах в первой половине XV в. Первым был Констанцкий собор (1414–1418), серьезно ограничивший власть римского понтифика. Затем последовали соборы в Павии – Сиене (1422–1423) и, наконец, в Базеле (1431–1449). По своим внешним признакам концилиаризм имел много общего с движением в сторону национальной церкви. Однако, скорее всего, данный проект призван был примирить интересы формирующихся наций в этой области с принципом сохранения единой вселенско-католической церкви [529, S. 41]. Средством реализации этого должен был стать церковный собор как выразитель идеи религиозного единства Запада на фоне его национально-государственного размежевания.

Концилиаризм в этом качестве сомкнулся с институтом империи, который также являлся носителем универсалистской идеи [530, S. 529-583]. К тому же упадок папства открыл для императорской власти на Западе перспективы нового подъема. Это хорошо можно видеть на примере германского короля и императора Сигизмунда Люксембургского (1410–1438). Утверждая себя в роли покровителя церкви и западного христианства, Сигизмунд своей политикой пытался взять под контроль точки наиболее сложных конфликтов, подрывавших внутренний мир на Западе и делавших его неспособным дать отпор наступлению турок. В 1412 г. он сообщал английскому королю Генриху V о своих намерениях урегулировать противоречия между Польшей и Ливонским Орденом, положить конец войне между венгерской короной и Венецией, а на ближайшем рейхстаге обсудить возможности прекращения конфликта между партиями бургиньонов и арманьяков во Франции. Наконец, на этом же рейхстаге предполагалось рассмотреть последний миротворческий проект, а именно назначить церковный собор, призванный провозгласить унию православных и католиков [531, Bd. I, Nr. 21, S. 88-92]. Вопрос об отношениях с Византией, таким образом, был осмыслен в общей цепочке мероприятий, направленных на умиротворение и консолидацию Запада под руководством Сигизмунда. Конечной целью, конечно же, был объявлен крестовый поход против турок. Не случайно в том же 1412 г. Сигизмунд напрямую обратился к византийскому императору Мануилу II с предложением политического объединения и восстановления института единой империи в духе традиций позднеримской государственности [531, Bd. II, Nr. 112, S. 397]. К этому можно добавить, что в протоколах Констанцкого собора за февраль 1415 г. зафиксирована реплика неизвестного автора, согласно которой Сигизмунд, вступивший в распоряжение Священной Римской империей, по его собственному признанию, отречется от императорской короны и передаст ее императору греков, если только тот пожелает со своими подданными вернуться к

католической церкви [531, Bd. III, S. 89]. Похожий пассаж есть и у Сиропула. Этот византийский автор истории флорентийской унии приводит слова императора Иоанна VIII о том, что в 1423 г. во время его визита в Венгрию и личной встречи с Сигизмундом, последний обещал сделать византийского монарха своим наследником в случае успешного заключения церковной унии [532, II.44].

Можно обратить внимание на то, что тема церковной унии с Востоком неоднократно использовалась, когда речь заходила об установлении религиозного мира в Европе. В 1415 г., когда решался вопрос о преодолении раскола в латинской церкви, перспектива объединения с греками явилась одним из аргументов, убедивших арагонского короля отказаться в поддержке антипапе Бенедикту XIII [533, P. 29]. Избранный впоследствии на Констанцском соборе папа Мартин V (1418–1431) дважды, по договоренности с греками, назначал эмиссаров в Константинополь. Они, правда, так и не приступили к своей миссии, но оба, сохраняя это официальное назначение, выполняли поручения понтифика соответственно в Богемии и Испании [524, P. 23]. Как известно, именно там имела место оппозиция официальной церкви (в первом случае речь идет о гуситах, во втором – о последних рудиментах западной схизмы). Ее устранение, по всей видимости, призвана была облегчить косвенная пропаганда унии с восточными христианами.

Наиболее последовательно значение унии с греками было осмыслено в концилиаризме. Как уже было отмечено, западный концилиаризм имел вполне универсалистскую направленность. В условиях политической дезинтеграции он стремился сохранить, хотя и в своеобразной форме, универсализм церкви и папства. В этом смысле особенно большую опасность должны были представлять ереси, имевшие национальную окраску и способные стать фундаментом национально-ориентированной церкви. Не случайно Констанцский собор осудил учение Джона Виклифа и так сурово расправился с Яном Гусом. Противовес подобного рода тенденциям конциляристы нашли в попытке утверждения католической веры, свободной от каких-либо искажений, во вселенских масштабах. В наиболее радикальном варианте предполагалось охватить ею не только восточных христиан, но и – как будет видно дальше – исламский мир. С этой точки зрения, уния с Востоком, но лишь на условиях римской церкви, призвана была создать для последней дополнительные ресурсы жизнестойкости и укрепить ее иммунитет к ересям. Подтверждением этому является тот факт, что борьба с ними была поставлена в один ряд с решением вопроса о греках.

Переговоры с греками, как известно, стали важным местом в работе Базельского собора (1431–1449). Последний, правда, не сразу занялся данной проблемой. В планах собора были две основных задачи – реформа церкви и искоренение гуситской ереси. Едва ли Базельский собор вообще не помышлял в тот момент о контактах с Византией, так как еще

в октябре 1431 г. он предложил папе Евгению IV отправить посольство в Польшу и Литву, чтобы в дальнейшем обсудить возможность унии в отношении православного населения этих стран [534, S. 89]. Однако именно последнее и могло побудить депутатов заняться вопросом о греках, так как в январе 1433 г., после первых контактов с гуситами, собор уже по собственной инициативе отправил посольство в Константинополь [525, S. 37]. Иными словами, какая-то часть собрания считала этот вопрос частью целой программы по консолидации латинской церкви. В этом случае можно было предположить, что переговоры с греками будут способствовать примирению с гуситами, а союз с православием создаст предпосылки для искоренения опасной смуты в западном христианстве. Возможно, этими соображениями, а отнюдь не желанием указать на еретическую сущность ортодоксального вероучения, руководствовались депутаты, когда в договоре с византийским посольством от 1434 г. записали о своем намерении преодолеть «старый раскол с греками и новый – с богемами» [535, S. 478]. Именно такой подход к делу затем стал причиной скандала. В Константинополе после ознакомления с текстом договора посчитали, что подобная формулировка ставит православных греков на одну доску с откровенными еретиками.

Таким образом, церковная уния с Востоком подавалась как логическое продолжение политики Базеля в отношении гуситов. Впрочем, ряд обстоятельств, окружавших переговоры с греками, не только подтверждает данный вывод, но также указывает на то, что замышлявшаяся уния с Византией порождала и более серьезные планы.

3 сентября 1434 г. специальная комиссия Базельского собора согласовала и утвердила текст договора с византийским посольством относительно унии. Вслед за этим было озвучено мнение о том, что решение вопроса о греках дает такую же надежду в связи с жителями Боснии, которые «отравлены манихейской ересью» [536, Col. 748]. Официальный историограф Базельского собора Хуан Сеговианский упоминает в своем сочинении, что в июне следующего года один из активистов собора Иоанн Рагузанский настоял на отправке соответствующего посольства в Боснию [536, Col. 750]. Характерно то, что этот же человек через несколько дней выехал с дипломатической миссией в Константинополь для продолжения переговоров с греками, его миссия продлилась с сентября 1435 по октябрь 1437 г. [537]. Между тем 7 сентября XIX сессия Базельского собора официально огласила договор с византийцами, в котором оговаривалось поэтапное решение всех вопросов, связанных с подготовкой униатского конгресса. Но уже следующим актом той же самой сессии стал декрет «о евреях и неофитах» [536, Col. 757-759]. Судя по его содержанию, в недрах собора созрел исключительный проект. Речь шла о необходимости принятия жестких мер в отношении всех иноверцев с целью их поголовного крещения по католическому обряду. В качестве крайних способов принуждения предусматривались особая форма одеж-

ды и создание резерваций. Под действие декрета попадали не только евреи, но и все представители иных конфессий. Во всяком случае, миссионерам для поставленной задачи требовалось знать один из четырех языков – еврейский, арабский, греческий или халдейский. Таким образом, православные греки косвенно были поставлены в один ряд с нехристианами.

Подготовка обоих декретов должна была идти одновременно. Последний декрет появился на фоне начавшихся переговоров о церковной унии с византийцами и, скорее всего, его реализацию предполагалось начать после ее успешного заключения. Таким образом, объединение с восточными христианами должно было, по мнению авторов проекта, подготовить почву для последовательной унификации Запада в религиозном отношении. Но подобный универсализм пытался выйти и за естественные конфессиональные границы христианства. Теоретически считалось возможным крещение мусульман и распространение христианской религии на исламский мир. Вышеупомянутый Иоанн Рагузанский, который два года провел в качестве базельского посла в Константинополе, всерьез рассуждал о такой возможности. В одном из писем президенту собора кардиналу Чезарини он убеждал последнего, что на фоне мира и единства среди христиан мусульмане сами готовы будут отказаться от своей прежней веры [526, № LXXVIII, Р. CCVIII-CCIX]. Отметим также, что один из крупнейших идеологов концилиаризма профессор Парижского университета Жан Жерсон еще в 1409 г. написал французскому королю Карлу VI трактат, в котором обосновывал необходимость унии католиков и православных. В связи с перспективой унии автор прямо указал на неизбежность распространения христианства на весь остальной мир.

В рамках западного концилиаристского проекта церковная уния едва ли означала что-то иное, чем превращение византийской церкви в структурно-национальное звено католической вселенской церкви, предельно унифицированной в догматическом отношении. Концилиаристы, которые преобладали в Базеле над сторонниками папы, едва ли относились к грекам мягче, чем к еретикам. Впоследствии одно из главных обвинений, выдвинутых против папы со стороны отколовшегося от него Базельского собора, состояло как раз в том, что римский понтифик вообще позволил византийцам на переговорах во Флоренции вести свободные дискуссии с латинянами по вопросам вероучения.

Позитивное значение унии оценивалось в этих кругах с точки зрения большой программы консолидации западно-христианского сообщества, которая к тому же содержала в себе элементы большого универсалистского проекта. Но в 1438 г. переговоры о церковной унии с Византией пошли не по сценарию Базельского собора, а папы, являвшегося его идеологическим противником. Результатом этого стало поражение не только самого концилиаризма, но и связанных с ним церковно-политических конструкций.

Таким образом, в рамках этого направления исследования был собран значительный источниковый материал, дан историографический обзор отечественной и зарубежной литературы, глубоко проработаны как общие вопросы, так и частные сюжеты, связанные с изучением политических и социокультурных процессов в Византии в кризисный период ее истории.

6.2. Обобщение результатов исследований в публикациях статей. Подготовка диссертаций по тематике проекта и предоставление их для обсуждения

6.2.1. Обобщение результатов исследований в публикациях статей

Основными научными темами НИР являлись: «Византийская империя в периоды расцвета (на примере эпохи Македонской династии, середина IX – первая половина XI в.)» (далее – Исследовательская тема № 1) и «Кризисные периоды в византийской истории (на примере эпохи Палеологов, XIV – первая половина XV в.)» (далее – Исследовательская тема № 2). Результаты исследований по данным темам нашли отражение в научных публикациях, кандидатских и докторских диссертациях. Всего за время выполнения НИР участниками проекта было подготовлено 188 научных публикаций (статей, тезисов докладов на конференциях, рецензий и пр.). 48 из них были опубликованы в высокорейтинговых отечественных журналах (из списка ВАК) и в зарубежных научных изданиях. Ниже приведен аналитический обзор данных публикаций по этапам выполнения проекта.

I этап (23 марта – 31 августа 2010 г.) – 2 публикации:

1. Охлупина И. С. Эволюция представлений о женской святости в византийской агиографии VIII–XII вв. // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2010. № 1(72). С. 118-125.

Исследовательская тема № 1, проблема «Религиозный фактор и государственная идеология». В статье, на материале византийской агиографической литературы VIII–XII вв., рассматриваются основные модели женской святости. Через анализ исторического контекста предпринимается попытка выделить набор факторов, которые должны были оказать определенное влияние на женские образы житий.

2. Kushch T. V. The beauty of the city in late Byzantine Rhetoric (Красота города в поздневизантийской риторике) // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. Bd. 1: Welt der Ideen, Welt der Dinge / Hrsg. F. Daim, J. Drauschke // Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 84/1. Mainz, 2010. P. 173-181.

Исследовательская тема № 2, проблема «Византийские интеллектуалы в эпоху Палеологов». В статье исследуется использование в риторической литературе образа красоты при описании города. Поздневизантийский период богат образцами риторических восхвалений города, составленными в гуманистическом стиле. С помощью чрезмерного употребления риторического топоса городской kalos авторы пытались сохранить визуальный образ идеального города, прославляемого византийской риторикой на протяжении столе-

тий. В поздневизантийский энкомий городу авторы включают в традиционную схему описания городских красот два новых элемента: описание красоты церквей и красоты и мощи фортификационных сооружений. Если воспевание красоты церквей и святых мест связано с идеей христианского величия, то восхищение крепостными стенами объясняется осознанием современниками значимости обороноспособности города в условиях постоянной военной угрозы. Но, несмотря на имевшие место новации в создании образа города, литературная традиция оставалась верной классическому канону, и восхваляемая красота византийского города являлась лишь риторическим образом, находившимся в конфликте с объективной реальностью.

II этап (1 сентября – 15 ноября 2010 г.) – 6 публикаций:

1. Комлева Ю. Е. Кризис современного университетского образования // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2010. № 3 (79). С. 248-255.

Исследовательская тема № 2, проблема «Византия после Византии» – трансляции имперских традиций и идеологии». В статье рассматривается роль европейских университетов в сохранении античной и византийской гуманистической традиции.

2. Мохов А. С. Микроструктуры византийской военно-административной системы в X–XI вв.: фема Сервия // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2010. № 3 (79). С. 19-30.

Исследовательская тема № 1, проблема «Макро- и микроструктуры византийской военно-административной системы». В статье рассматривается структура провинциального управления Византии на Балканах в период правления Василия II, устанавливаются основные этапы истории «малой» фемы Сервия, входившей в состав дуката Фессалоника.

3. Поляковская М. А. Мир поздневизантийской бюрократии // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2010. № 3 (79). С. 6-18.

Исследовательская тема № 2, проблема «Византийский церемониал как средство политической стабилизации в условиях кризиса империи». Статья посвящена византийской бюрократии, которая имела уходящие в эпоху домината традиции. В эпоху Палеологов, когда империя переживала глубокий экономический и политический кризис, бюрократия являлась тем каркасом, на котором еще держалось общество. Поздневизантийская система централизованного управления, создавая иллюзию наличия в империи сильной власти, представляла собой закрытую корпорацию, в которую входили аристократы, бюрократы и интеллектуалы. Эти группы, образующие социальную триаду, были глубоко диффу-

зированы между собой, о чем определенно свидетельствуют материалы просопографии. Церемониальные «спектакли», в которых каждодневно участвовали люди власти, имели целью поддерживать идею богатства и могущества империи.

4. Семенов О. В. Восстановление системы регулярного сообщения в Тюменском уезде в конце 20-х гг. XVII в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2010. Вып. 3. С. 63-72.

Исследовательская тема № 1, проблема «Центр и периферия: способы политической и социокультурной коммуникации». Рассматривается сложный период в истории Тюменского яма, сыгравшего значительную роль в деле укрепления позиций Москвы на территории Западной Сибири. Анализируются причины его восстановления, особенности устройства и первых месяцев существования, показывается большая роль воеводских властей в деле упорядочения ямской гоньбы.

5. Степаненко В. П. Новые исследования культа Бориса и Глеба. [Рец.]: Borisoglebiana. Vol. 1: Occasional monographs-II / Ed. K. Zuckerman. Paris, 2009. 364 p. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2010. № 3 (79). С. 270-275.

Исследовательская тема № 2, проблема «Культурное взаимодействие Византии, Запада и Руси».

6. Степаненко В. П. К атрибуции печати кесаря Варды из собрания Государственного Эрмитажа // Византийский временник. 2010. Т. 69 (94). С. 256-261.

Исследовательская тема № 1, проблема «Особенности политической борьбы в Византии между провинциальной военной знатью и столичной бюрократией». В статье анализируется расстановка политических сил в Византии, предшествующая приходу к власти Македонской династии (50–60-е гг. IX в.).

III этап (1 января – 30 июня 2011 г.) – 7 публикаций:

1. Куш Т. В. Сакральные образы в профанной литературе (по материалам поздневизантийской эпистографии) // Nomos. Kwartalnik Religioznawczy. Kraków, 2010. Nr. 71/72. С. 147-156.

Исследовательская тема № 2, проблема «Византийские интеллектуалы в эпоху Палеологов». В светских сочинениях можно обнаружить образы, связанные с религиозной тематикой. Анализ сакральных образов в корреспонденции известного поздневизантийского интеллектуала Димитрия Кидониса (1324–1397) позволил определить характер использования элементов христианской культуры в этом жанре профанной литературы. Христианский компонент в корреспонденции представлен образами, фразеологией, сюжетами

и реминисценциями, взятыми из Священного Писания. В целом, можно говорить, что в эпистолографии сакральным образам была также отведена роль метафоры или сравнения, а не прямой цитаты. Сакральные образы в корреспонденции заметно уступают античным реминисценциям. Органическое сосуществование в тексте писем Димитрия Кидониса образов и сравнений, почерпнутых автором как из библейских текстов, так и из древнегреческих и римских сочинений, свидетельствует об уравниваемости античного и христианского компонента в византийской образованности.

2. Мохов А. С. Военная политика Константина X Дуки // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. Вып. 1 (96). Вып. 17. С. 58-66.

Исследовательская тема № 1, проблема «Особенности политической борьбы в Византии XI в. между провинциальной военной знатью и столичной бюрократией». В статье анализируется военная политика византийского императора Константина X Дуки (1059–1067). Этот император был выразителем интересов высшей столичной бюрократии, его политика была направлена на ослабление провинциальной военной знати. С этой целью правительство Константина X (кесарь Иоанн Дука, Константин Лихуд, Иоанн Ксифилин, Михаил Пселл) сократило финансирование вооруженных сил, расформировало многие военные подразделения, увеличило численность наемных отрядов. Результатом политики Константина X стал кризис императорской армии и тяжелые поражения византийских войск от сельджуков, норманнов и печенегов.

3. Мохов А. С. Византийские ктиторские монастыри XI–XII вв. (К вопросу об основании монастырей военачальниками) // Nomos. Kwartalnik Religioznawczy. Kraków, 2010. Nr. 71/72. С. 157-170.

Исследовательская тема № 1, проблема «Особенности политической борьбы в Византии XI в. между провинциальной военной знатью и столичной бюрократией». Статья посвящена проблеме развития монастырской собственности на землю в Византийской империи XI – начала XII века. Основное внимание уделено вопросу об основании монастырей византийскими военачальниками. Анализ источников позволяет сделать вывод: значительное число новых ктиторских монастырей появляется в балканском регионе в конце XI–XII вв. Это можно объяснить переселением многих аристократических семей из Малой Азии после ее турецкой оккупации к 1072 г. Византийские военачальники, получая земельные владения на Балканах, основывали монастыри в соответствии с традицией, существовавшей на Востоке с IX в. Императорская власть в лице династии Комнинов способствовала данному процессу, предоставляя основателям новых монастырей различные льготы и привилегии.

4. Семенов О. В. «От ямской гоньбы велено отставить» // Родина. Москва, 2010. № 10. С. 74-75.

Исследовательская тема № 1, проблема «Центр и периферия: способы политической и социокультурной коммуникации». В статье исследуется ряд вопросов, связанных с организацией сообщения, коммуникаций, военной логистики между центральными районами и отдаленными пограничными регионами Российского государства в XVI–XVII вв.

5. Семенов О. В. О времени возникновения системы регулярного сообщения в Сибири // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Политология. Барнаул, 2010. № 4/2 (68). С. 198-200.

Исследовательская тема № 1, проблема «Особенности формирования и функционирования органов государственного управления в отдаленных пограничных регионах империи в условиях постоянного увеличения ее территории (на примере восточных границ Российского государства в XVII в.). В статье рассматривается процесс зарождения профессиональной ямской гоньбы «за Камнем». Анализируются причины отказа от подводной повинности коренного населения, сделан вывод об огромной роли ямщиков в деле укрепления позиций Москвы в Сибирском крае.

6. Семенов О. В. Правительственные планы по ликвидации системы профессиональной ямской гоньбы в Нижнем Прииртышье в конце 30 – 40-х гг. XVII в. // Клио. Санкт-Петербург, 2011. № 1 (52). С. 91-94.

Исследовательская тема № 1, проблема «Центр и периферия: способы политической и социокультурной коммуникации». В статье рассматриваются вопросы организации сообщения и военной логистики между столичными городами (Москвой и Санкт-Петербургом) и отдаленными пограничными регионами Российского государства в первой половине XVIII в.

7. Семенов О. В. Ямские приказчики в Западной Сибири в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2011. № 1. С. 7-10.

Исследовательская тема № 1, проблема «Соотношение гражданских и военных структур управления в материально-техническом обеспечении органов государственной власти в периферийных регионах» (на примере северо-восточные и восточные территорий Московского государства в XVII–XVIII вв.).

IV этап (1 июля – 15 ноября 2012 г.) – 14 публикаций:

1. Bardaschowa T. Byzantinische Ehediplomatie (X. – XII. Jahrhunderte) // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies (Sofia, 22-27 August 2011). Vol. III: Abstracts of free communications. Sofia, 2011. P. 235-236.

Исследовательская тема № 1, проблема «Изучение политико-дипломатических контактов Византии Руси и Запада»

2. Боровков П. С. О кооптации к выборам: реформирование способа избрания понтификов в Римской республике (политико-правовой аспект) // Вестник древней истории. 2011. № 2 (277). С. 109-122.

Исследовательская тема № 1, проблема «Религиозный фактор и государственная идеология».

В статье рассматривается проблема трансформации способа избрания римских понтификов, связанная с введением специфического комициального голосования. По мнению автора, учреждение подобного порядка выборов, сопровождавшихся острой борьбой, существенно повлияло на изменение политико-правового значения и ценности понтификата в глазах римской знати.

3. Бородина Е. В. Служилые люди Урала и Западной Сибири в судебных конфликтах (1720-е гг.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2011. № 3 (32). С. 73-79.

Исследовательская тема № 2, проблема «Проблема рецепции византийского гражданского права в законодательстве Российского государства, выявление способов и форм заимствования (трансляция, интерпретация и пр.). Статья посвящена изучению проблемы судебной активности сибирских детей боярских и подьячих в первой четверти XVIII в. Данные трансформации рассматриваются на примере служилых урало-сибирского региона в контексте реформ государственного управления в целом и проводившейся в 1717–1727 гг. судебной реформы. В ходе работы над статьей автором были обработаны документальные массивы, отложившиеся в результате деятельности судебных канцелярий урало-сибирских дистриктов. Основное внимание было сфокусировано на анализе судебносудебных дел, возбужденных на почве «бытовых» конфликтов. Установлено, что служилые люди принимали активное участие в общественной жизни. Они стали исполнителями государственных преобразований Петра Великого и часто использовали новые судебные структуры в своих интересах.

4. Kushch T. Gifting as an Attribute of the Late Byzantine Epistolary Etiquette // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies (Sofia, 22-27 August 2011). Vol. III: Abstracts of free communications. Sofia, 2011. P. 150.

Исследовательская тема № 2, проблема «Византийские интеллектуалы в эпоху Палеологов».

5. Куш Т. В. Внутридинастическая борьба в поздней Византии (по «Диалогу о браке» Мануила II Палеолога) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2011. № 3 (32). С. 35-40.

Исследовательская тема № 2, проблема «Византийские интеллектуалы и императорская власть в эпоху Палеологов». В статье, на материале «Нравственного диалога, или о браке» (1394–1396), рассмотрен конфликт между византийским императором Мануилом II Палеологом и его племянником Иоанном VII. Как показывает анализ внутридинастической борьбы, нечеткий порядок передачи византийского престола и вмешательство турок во внутренние дела империи делали власть императора в поздней Византии уязвимой. Отсутствие у правителя семьи и наследников ослабляло его позиции, создавая почву для притязаний его соперников. В «Диалоге» Мануил II дает оценку длительной конфронтации со своим племянником, четко определяет проблемы, которые стоят перед императором. Задача правителя, как ее понимал Мануил II, – являть своим подданным образец для подражания, сохранять мир в империи, гарантировать преемственность власти и обеспечивать стабильность политического курса в неблагоприятных для страны условиях. Изучение этой междоусобицы в контексте политической истории поздней Византии позволяет нам не только представить характер внутридинастического конфликта, но и показать, как сам император осознавал и оценивал эту проблему.

6. Куц Т. В. Турки в восприятии интеллектуалов (религиозный аспект) // XIII Międzynarodowa Religioznawcza Konferencja Naukowa «Symbolizm religijny jako światowe dziedzictwo kulturowe» (Kraków, Zakopane, 10-15 października 10.2011 r.). Kraków, 2011. S. 28-29.

Исследовательская тема № 2, проблема «Византийские интеллектуалы и императорская власть в эпоху Палеологов».

7. Mokhov A. The Imperial chancery during the reign of Basil II (976–1025) // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies (Sofia, 22-27 August 2011). Vol. III: Abstracts of free communications. Sofia, 2011. P. 232-233.

Исследовательская тема № 1, проблема «Столичные органы власти Византийской империи в XI в.: особенности функционирования и попытки реформирования центральных структур управления».

8. Мохов А. С. «Хозяин Востока» магистр Никифор Уран // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2011. № 3 (32). С. 41-49.

Исследовательская тема № 1, проблема «Проблема военных и административных реформ в Византийской империи периода правления Македонской династии, IX–XI вв.». В статье рассматривается политическая карьера Никифора Урана, влиятельного чиновника в правление императора Василия II. Он начал службу в императорской канцелярии и долгое время являлся личным секретарем императора (каниклием). Он принимал активное участие в административных реформах Василия II. Целью этих реформ было уменьшение

влияния придворных ведомств и возвращение гражданского управления государственным структурам. После 996/997 г. Никифор Уран перешел на службу в армию. С 999 по 1007 гг. он занимал пост дуки Антиохии. С минимальными военными силами Никифор успешно оборонял границы Византии на Востоке. Это позволило императору направить основные военные силы против Болгарии и разгромить ее. Кроме того, в эти годы было завершено формирование новых византийских фем в Северной Сирии и Месопотамии.

9. Мохов А. С., Боровков Д. С. Логофеты стратиотиков в Византии VII–XI в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2011. № 2 (90). С. 6-19.

Исследовательская тема № 1, проблема «Столичные органы власти Византийской империи в XI в.: особенности функционирования и попытки реформирования центральных структур управления». В статье, на материале нарративных и сигиллографических источников, рассматривается ряд вопросов, связанных с эволюцией ведомства логофета стратиотиков в Византии VII–XI вв. Основное внимание уделено выявлению лиц, возглавлявших военную логофетию и составлению их *cursus honorum*. Установлено 23 лица, занимавших пост логофета стратиотиков в период с 680 по 1088 гг.

10. Мохов А. С. Агиографические сочинения Никифора Урана (начало XI в.) // XIII Międzynarodowa Religioznawcza Konferencja Naukowa «Symbolizm religijny jako światowe dziedzictwo kulturowe» (Kraków, Zakopane, 10-15 października 2011 r.). Kraków, 2011. S. 33-34.

Исследовательская тема № 1, проблема «Религиозный фактор и государственная идеология».

11. Pashkin N. The Objectives of Byzantium's Foreign Policy in the first half of the 15th Century and the Problem of Crusade // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies (Sofia, 22-27 August 2011). Vol. III: Abstracts of free communications. Sofia, 2011. P. 259.

Исследовательская тема № 2, проблема «Византия, поствизантийский мир и Священная Римская империя германской нации».

12. Polyakovskaya M "Oriental trace" in the late Byzantine ceremonial: Parastasis // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies (Sofia, 22-27 August 2011). Vol. III: Abstracts of free communications. Sofia, 2011. P. 75-76.

Исследовательская тема № 2, проблема «Византийский церемониал как средство политической стабилизации в условиях кризиса империи».

13. Stepanenko V. To the prosopography of the Tao's aristocracy in Byzantium 11th Century // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies (Sofia, 22-27 August 2011). Vol. II: Abstracts of round table communications. Sofia, 2011. P. 110.

Исследовательская тема № 1, проблема «Проблема организации системы провинциального управления в отдаленных пограничных регионах империи».

14. Stepanenko V. The Sts. Apostles Peter and Paul in Byzantine Sigillography // Proceedings of the 10th International Symposium of Byzantine Sigillography (Ioannina, 1-3 October 2009) / Ed. by Ch. Stavrakos and B. Papadopoulou. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. P. 317-325.

Исследовательская тема № 2, проблема «Культурное взаимодействие Византии, Запада и Руси».

V этап (1 января – 30 июня 2012 г.) – 14 публикаций:

1. Белоруссова С. Ю. Кириако из Анконы: путешественник эпохи Возрождения // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2011. № 4 (33). С. 124-130.

Исследовательская тема № 2, проблема «Культурное взаимодействие Византии и Запада в XIV–XV вв.». В статье анализируется деятельность итальянского путешественника Кириако Анконского с целью определить основные мотивы его заморских странствий. Будучи потомственным торговцем, Кириако занимался дипломатией, а также увлекался поиском античных древностей. Автор приходит к выводу, что подвижничество Кириако было мотивировано прежде всего самой идеей путешествия. С одной стороны, Кириако был путешественником в пространстве: его привлекали поездки по морям в незнакомые страны, к чужим народам. С другой стороны, он путешествовал во времени: созерцая руины, он восстанавливал в своем воображении величие прошлых времен, и старался причаститься к античным и византийским древностям.

2. Боровков П. С. Понтифики и искупление prodigий в Римской республике в IV–II вв. до н.э.: политико-правовой аспект // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 1 (99). С. 156-167.

Исследовательская тема № 1, проблема «Религиозный фактор и государственная идеология». Исследовательская тема № 1, проблема «Религиозный фактор и государственная идеология». В статье анализируются политически значимые функции римских понтификов, а также исследуется влияние деятельности понтификов на формирование универсальных политико-правовых механизмов и норм в области регулирования религиозного церемониала.

3. Комлева Ю. Е. Роль позднеримских и византийских традиций в формировании социально-правового статуса профессоров XV–XVIII вв. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2011. № 3 (93). С. 73–85.

Исследовательская тема № 2, проблема «Культурное взаимодействие Византии, Запада и Руси». В статье рассматривается социальный статус университетских преподавателей в «доклассическую» эпоху истории европейского университета. Сложившиеся в императорском Риме и Византии представления о правах и привилегиях преподавателя и его месте в обществе оказало существенное влияние на формирование социально-правового статуса университетских профессоров в Европе в период позднего Средневековья и раннего Нового времени, накануне коренной перемены модели и самой идеи европейского университета.

4. Куц Т. В. Дары как элемент поздневизантийского эпистолярного этикета // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2011. № 4 (96). С. 286–294.

Исследовательская тема № 2, проблема «Византийские интеллектуалы и императорская власть в эпоху Палеологов». Дары являются непременным атрибутом общения византийских интеллектуалов, часто сопровождая письмо. Письма содержат разнообразную информацию о характере даров, отзывы, благодарности и критические высказывания по поводу полученных подарков, описание ситуаций, в которых происходил обмен дарами. Собранные воедино факты, свидетельствующие о характере и содержании такого явления жизни, как дар, дают представление еще об одном аспекте византийской культуры.

5. Куц Т. В. Античный след в интеллектуальной жизни Византии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород, 2012. № 1 (120). Вып. 21. С. 65–70.

Исследовательская тема № 2, проблема «Византийские интеллектуалы, власть и общество в условиях упадка империи». Проблема античного наследия в культуре Византии рассматривается на примере изучения интеллектуальной жизни времени палеологовского Возрождения (XIV–XV вв.). Византийские интеллектуалы подражали античности как на содержательном (в контексте литературного творчества), так и на формальном уровнях (в образе их жизни). Античный след присутствовал в форме интеллектуального общения и в системе образно-эстетических и этических представлений византийских писателей.

6. Куц Т. В. Матримониальный путь укрепления императорской власти: рассуждения Мануила II Палеолога о браке // Средние Века. Москва, 2012. Вып. 1–2 (73). С. 73–91.

Исследовательская тема № 2, проблема «Византийские интеллектуалы, власть и общество в условиях упадка империи». В статье анализируется сочинение византийского императора Мануила II Палеолога «Нравственный диалог, или о браке». Автор статьи исследует характер междоусобицы в Византии второй половины XIV в. и положение императорской власти в условиях внутридинастической борьбы. Не определенный правовыми нормами порядок наследования византийского престола порождал конфликты между претендентами на корону и предоставлял внешним силам, прежде всего туркам, повод для вмешательства во внутренние дела Византии, что серьезно угрожало прочности императорской власти и стабильности политической системы. Брак василевса, открывающий перспективу передачи престола от отца к сыну, рассматривался Мануилом II как необходимое условие разрешения политического кризиса и укрепления императорской власти.

7. Лазарев Я. А. Киевская губерния и Гетманская Украина в период первой и второй губернских реформ Петра I // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 2 (102). С. 133-145.

Исследовательская тема № 1, проблема «Особенности формирования и функционирования органов государственного управления в отдаленных пограничных регионах империи в условиях постоянного увеличения ее территории». В статье рассматривается проблема соотношения правового статуса Гетманской Украины (Гетманщины) и Киевской губернии в годы губернских реформ Петра I. На основе анализа практик управления Малой России демонстрируется ограниченный характер полномочий царской администрации в регионе к началу XVIII в. Доказывается, что создание Киевской губернии не затрагивало территорию Гетманской Украины, и не ограничивало украинской автономии.

8. Мохов А. С. Ведомство τοῦ ὀξέου δρόμου в конце X – XI в. (по данным сфрагистики) // Оттука започва България. Материали от Втората национална конференция по история, археология и културен туризъм „Пътуване към България“ (Шумен, 14-16.05.2010 г.). Шумен, 2011. С. 360-370.

Исследовательская тема № 1, проблема «Столичные органы власти Византийской империи в XI в.: особенности функционирования и попытки реформирования центральных структур управления».

9. Мохов А. С. Ведомство δρομα в X–XI вв. // Византийский временник. Москва, 2011. Т. 70 (95). С. 25-36.

Исследовательская тема № 1, проблема «Столичные органы власти Византийской империи в XI в.: особенности функционирования и попытки реформирования центральных структур управления». В статье рассматривается история Ведомство οχους δρομος было создано в Византии в конце X – начале XI веков. Данные письменных источников сви-

детельствуют о подчинении этой административной структуры логофету дрома. По сфрагистическим данным известны: хартуларии *oxys dromos*, кураторы *oxys dromos* и ек про-сопу *oxys dromos*. Большинство опубликованных моливдовулов датируются первой половиной XI в.

10. Мохов А. С. Военная политика Исаака I Комнина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 1 (120). Вып. 21. С. 52-60.

Исследовательская тема № 1, проблема «Военные и административные реформ в Византийской империи X–XI вв.». В статье анализируется военная политика византийского императора Исаака I Комнина (1057–1059). Он являлся лидером политической группировки малоазийской военной знати, которая привела его к власти. Исаак I восстановил структуру византийских вооруженных сил, существовавшую при императоре Василии II (976–1025). Для увеличения финансовых расходов на армию он повысил налоги и провел частичную конфискацию церковного имущества. Итогом этих преобразований стало улучшение внешнеполитического положения Византии.

11. Охлупина И. С. Образ святой мирянки в византийских житиях X–XIII вв. // *Sacrum et Profanum*. Севастополь, 2012. Вып. V: Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. Сб. науч. тр. С. 123-132.

Исследовательская тема № 1, проблема «Религиозный фактор и государственная идеология».

12. Романчук А. И. Коллекционеры Голубцовы, или Феномен историк-непрофессионала // Вестник Уральского отделения РАН. Екатеринбург, 2011. № 3 (37). С. 102-110.

Исследовательская тема № 1, проблема «Византийский провинциальный город: социокультурный аспект».

13. Степаненко В. П. Архонт Хазарии – стратиг Херсона? // Херсонесский сборник. Севастополь, 2011. Вып. XVI. С. 153-161.

Исследовательская тема № 1, проблема «Особенности формирования и функционирования органов государственного управления в отдаленных пограничных регионах империи в условиях постоянного увеличения ее территории».

14. Степаненко В. П. Евлогии – филактерии – моливдовулы // *Sacrum et Profanum*. Севастополь, 2012. Вып. V: Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. Сб. науч. тр. С. 185-191.

Исследовательская тема № 1, проблема «Религиозный фактор и государственная идеология».

VI этап (1 июля – 10 октября 2012 г.) – 3 публикации:

1. Мохов А. С., Куц Т. В., Капсалыкова К. Р. «Византия без границ». XXII Международный конгресс византийских исследований (София) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 2 (102). С. 279-282.

Исследовательские темы № 1 и 2. В статье анализируются основные итоги XXII Международного Конгресса византийских исследований, который прошел в августе 2011 г. в Софии.

2. Мохов А. С. «Страж» или «казначей»? Состав византийской императорской свиты по данным военных трактатов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 2 (102). С. 100-109.

Исследовательская тема № 1, проблема «Военно-административная система Византийской империи в период наивысшего расцвета (середина X – начало XI в.)». В статье, на материалах византийских военных трактатов второй половины X в., рассматривается состав походной свиты византийского императора. В частности, на основании трактата *De castrametatione* установлено, что в число сопровождавших императора должностных лиц входил *φύλακος* («казначей»). В конце X – XI в. *филак* являлся чиновником из ведомства *идика* (императорских имуществ), что подтверждается свидетельствами нарративных и сфрагистических источников.

3. Пашкин Н. Г. Падение Константинополя и кризис идеологии имперского универсализма на латинском Западе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 2 (102). С. 109-117.

Исследовательская тема № 2, проблема «Проблема «*translatio imperii*» в контексте средневековой европейской истории (германский вариант)». В статье анализируется реакция Латинского Запада на гибель Византийской империи в 1453 г. с позиций двух его институтов – церкви и империи – претендовавших на вселенский характер. Папский престол сделал попытку консолидации Европы. Напротив, Священная Римская империя не последовала принципам христианского универсализма, фактически разорвав со средневековой концепцией «*translatio imperii*».

Подводя итоги, отметим, что в статьях, опубликованных в высокорейтинговых отечественных журналах (из списка ВАК) и в зарубежных научных изданиях отражены основные итоги НИР. За время работы над проектом статьи были подготовлены всеми участ-

никами проекта, имеющими ученые степени к.и.н. и д.и.н. Необходимо также указать, что ряд публикаций был подготовлен молодыми исследователями.

6.2.2. Подготовка диссертаций по тематике проекта и предоставление их для обсуждения

За время выполнения НИР участниками проекта были подготовлены три кандидатских и две докторских диссертации.

Боровков Павел Сергеевич 27 марта 2010 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Коллегия понтификов в политико-правовой структуре римской *civitas*». Специальность – Всеобщая история (07.00.03), Диссертационный совет – Д 212.198.03. Степень кандидата исторических наук П. С. Боровкову присуждена 18 июня 2010 г.

Охлупина Ирина Сергеевна 11 ноября 2011 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Образы святых женщин в Византии VIII–XII вв.: становление, эволюция, типология». Специальность – Всеобщая история (07.00.03), Диссертационный совет – Д 212.285.16. Степень кандидата исторических наук И. С. Охлупиной присуждена 20 апреля 2012 г.

Лазарев Яков Анатольевич подготовил к защите диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Организация коронного управления в Малороссии в 1709–1725 гг.». Специальность – Отечественная история (07.00.02). Диссертация Я. А. Лазарева прошла экспертизу в Диссертационном совете Д 212.285.16 при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», ее защита назначена на 09 ноября 2012 г.

Куш Татьяна Викторовна подготовила к защите диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Византийские интеллектуалы второй половины XIV–XV вв.: социокультурное измерение». Специальность – Всеобщая история (07.00.03). Диссертация Т. В. Куш была обсуждена на заседании кафедры истории древнего мира и средних веков УрФУ, и рекомендована к защите. В настоящее время текст диссертации передан на научную экспертизу в Диссертационный совет Д 212.285.16 при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». По плану Совета защита диссертации Т. В. Куш назначена на 21 декабря 2012 г.

Мохов Антон Сергеевич подготовил к защите диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Византийская армия и провинциальная ад-

министрация во второй половине X – XI в.». Специальность – Всеобщая история (07.00.03). Диссертация А. С. Мохова была обсуждена на заседании кафедры истории древнего мира и средних веков УрФУ, и рекомендована к защите. В настоящее время текст диссертации передан на научную экспертизу в Диссертационный совет Д 212.285.16 при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». По плану Совета защита диссертации А. С. Мохова назначена на 25 января 2012 г.

Полученные при подготовке диссертационных исследований результаты будут использоваться при разработке лекционных курсов по истории Средних веков, истории Византии, истории России.

6.3. Подготовка макетов статей для сборника материалов XIV Международных научных Сюзюмовских чтений

XIV Международные научные Сюзюмовские чтения «Византия: государство, общество, культура» планируется провести в Уральском Федеральном университете им. Б.Н.Ельцина в ноябре 2012 г. Они будут посвящены памяти выдающегося ученого, основателя Уральской школы византиноведения, профессора Михаила Яковлевича Сюзюмова (1893–1982 гг.). Организаторами Чтений являются кафедра истории древнего мира и средних веков УрФУ и научный коллектив НОЦ «Византиноведение», проводящий в настоящее время исследования в рамках НИР «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение».

На конференции предполагается обсуждение широкого спектра проблем экономической, политической, духовной истории, сигиллографии, археологии, истории искусства Византии и стран византийского культурного круга. Планируется, что в работе конференции примут участие ведущие специалисты по византийской истории из России, Украины, Болгарии и Польши. Основная цель конференции состоит в том, чтобы предоставить возможность ведущим специалистам и молодым исследователям обсудить актуальные проблемы византийской истории, ознакомиться с новейшими результатами научных исследований.

К XIV Международным научным Сюзюмовским чтениям «Византия: государство, общество, культура» планируется издание сборника научных трудов. Коллективом НОЦ для данного научного издания были подготовлены статьи, которые соответствуют основным направлениям, и получены во время выполнения НИР «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение».

В рамках научной темы «Кризисные периоды в византийской истории (на примере эпохи Палеологов, XIV – первая половина XV в.)» статьи были подготовлены руководителем НИР д.и.н., проф. М. А. Поляковской, к.и.н., доц. Т. В. Куш и магистрантом А. М. Кадниковой.

В совместной публикации М. А. Поляковской и Т. В. Куш «Итальянцы глазами византийских авторов середины XIV в.: сфера культуры и политики» отмечается, что культуры средневековой Италии и Византии были весьма близки. Близки по своему происхождению от Древнего Рима, по своей полисной генетике и даже по языку (латинскому), пока в Византии в эпоху «темных веков» на гребне политики грецизации язык эллинов не стал официальным языком империи. С началом крестовых походов судьба столкнула Византию и итальянские города в соперничестве за гегемонию в Восточном Средиземноморье. Ве-

неция и Генуя, у которых Империя оказалась в долгу за помощь в овладении Иерусалимом, получили от императоров династии Комнинов значительные торговые льготы на ее территории, прежде всего в Константинополе. После IV крестового похода, в период существования на прежней византийской территории Латинской империи, позиции итальянцев еще больше упрочились, а с реставрацией Византийской империи были вновь закреплены Палеологами [538, Р. 81-91, 147-154; 539, Р. 112-113]. Итальянцам принадлежало торговое преимущество в империи, а генуэзцы вовсе получили в Константинополе свой квартал – Галату [540, С. 225], раскинувшийся вдоль северного берега бухты Золотой Рог.

Как же византийцы эпохи Палеологов относились к итальянцам – самым близким для них представителям католического Запада в тот момент, когда все отчетливей вырисовывалась для империи турецкая опасность, справиться с которой без сторонней помощи Византии было невозможно. Мы выбрали для наблюдений середину XIV в., когда уже ощущался кризис империи, но до падения Византии осталось примерно сто лет. Это было время, когда грекам уже пришлось смириться с итальянским присутствием в политико-экономической жизни империи, но они еще не вступили с латинянами в культурный диалог, интерес к которому тогда только начинал просыпаться в определенных кругах византийского общества.

Нашими «информаторами» станут три византийских автора, разные по уровню культуры и своему социальному положению. Прежде всего, это ученый и политический деятель (премьер-министр трех византийских императоров), блестящий эпистолограф, автор 450 писем Димитрий Кидонис [364, С. 19-151; 541, S. 4-52; 427]. Вторым из выбранных нами авторов является Алексей Макремволит – учитель, в прошлом землемер, литератор скромного масштаба, не проявивший особого риторического изыска, но в то же время написавший сочинения, в которых отразилась жизнь людей и империи [364, С. 209-243; 542, Р. 188-194]. И, наконец, третий наш автор, надо полагать, был чиновником, протоколистом, неплохо знавшим обычаи двора и составившим поздневизантийскую церемониальную книгу. Исследователи мало о нем осведомлены. Вначале его сочли Георгием Кодиноном, жившим в конце XIII в., однако, поскольку некоторые фрагменты обрядника упоминают о событиях середины XIV в., автора нарекли Псевдо-Кодином [340, Р. 25-29]. Под этим именем сей безвестный автор и фигурирует в современных научных исследованиях.

Итак, как же названные византийские авторы относились к итальянцам? Димитрий Кидонис был страстным почитателем итальянской культуры. Это увлечение пришло с началом изучения латинского языка, который к этому времени в Византии знали лишь единицы. Изучение Кидонисом латыни сначала преследовало чисто практические цели [503, Р. 14]. Будучи премьером правительства, он часто общался с иностранными гостями, одна-

ко не доверял мастерству переводчиков, которые зачастую не чувствовали, как ему казалось, тонкостей языка [504, Р. 360. 39 – 361.52]. Тогда он нашел себе учителя, магистра богословия, жившего в латинском квартале Константинополя. Начав с азов, Кидонис вскоре перешел к философским текстам – и это его захватило. Он напишет потом: «Отведав логоса, я не смог не утвердиться в этом и полностью наполнил себя языком Италии» [504, Р. 360.30-35]. Стремясь поделиться с друзьями и коллегами своим восхищением Италией, он решил перевести на греческий ряд латинских сочинений, прежде всего труды Фомы Аквинского [416, Р. 264-284; 543, Р. 175-186]. Погрузившись в мир латинских текстов, Кидонис с восторгом открывал для себя западную философию, которая, на его взгляд, гораздо больше почерпнула из трудов древних классиков, нежели византийская литература. По наблюдению Кидониса, латиняне, которые учились у «великих учителей Стои и Перипата» [368, Vol. 2. Ер. 435.12-13], гораздо с большим рвением и большим успехом овладевали достижениями классической древности, нежели его соотечественники. Он видел в работах латинских схоластов результат труда «людей, в поте лица трудившихся над лабиринтами Аристотеля и Платона, которые нашим никогда не были интересны» [504, Р. 363.95-96].

Овладев латинским языком в такой степени, что мог свободно изъясняться, Кидонис стал самостоятельно переводить на императорских приемах иностранных послов, общался с прибывающими в Византию европейцами, завязывал и поддерживал с ними знакомства. Кидонис испытывал глубокое расположение к латинянам и латинской культуре, что укрепляло его латинофильские взгляды и убеждения.

Свое восхищение западной наукой он открыто демонстрировал не только в кругу своих друзей, но и в придворной среде, далекой от интеллектуальной толерантности. Вскоре посыпались, как и следовало ожидать, обвинения Кидониса в предательстве. Его младший брат Прохор, подвизавшийся в 50-е гг. XIV в. в монастыре Лавры на Афоне, вслед за Дмитрием увлекся латинской философией (прежде всего теологией), что вызвало не только недовольство афонского монашества, но и осуждение высших церковных иерархов. После долгих разбирательств Прохор был в 1368 г. предан церковным собором анафеме [504, Р. 49-50]. Димитрию Кидонису же пришлось писать пространную «Апологию» [504, Р. 519] в защиту своей позиции [544, S. 209-225, 264-282].

Перечисляя достоинства латинской философии, Кидонис выделял присущую ей логику и четкую систему доказательств, в то время как греки, обращаясь к философским сюжетам, чаще использовали лишь силу красноречия. По этому поводу он заметил, что греки в интеллектуальном бою не стреляют, а танцуют, имея лишь щит из листьев [504, Р. 393.71 – 72; 400.74].

По долгу службы Кидонис бывал в Италии, сопровождая императора или выполняя дипломатические поручения [438, С. 193-204; 545, Р. 495-502]. В письмах домой он печалился, что основную часть времени проводит в деловых переговорах, а не в общении с итальянскими учеными – ему хотелось прильнуть к источнику латинской мудрости и жадно пить из этого родника. Он сравнивал себя с тем, «кто торопится из дома к источнику и сидит у него, но затем забывает утолить жажду и только считает пьющих, а затем возвращается, унося с собой неудовлетворенное желание» [368, Vol. 1. Ep. 39.20-23]. В конце концов – в силу различных причин – византийский премьер-министр станет конвертитом, приняв римский Символ веры «Te Deum». Правда, в этом поступке, пожалуй, было больше политической мотивации, но в целом обращение в католическую веру было созвучно его горячей мечте жить в Италии, быть ближе к манящему очагу латинской культуры. В конце жизни Кидонис, отойдя от политических дел, будет удостоен звания почетного гражданина Венеции [546, Р. 125]. Но это не принесло ему особой радости – то ли уже было слишком поздно, то ли Венеция при близком рассмотрении не показалась Кидонису желанным местом, где бьется пульс истинной науки – и он вернулся в Константинополь...

Посмотрим, какими представлял себе итальянцев Алексей Макремволит, учитель и писатель не высшего ранга, представитель средних слоев общества. Этот автор, которого И. Шевченко отнес к «полуинтеллектуалам» [520, Р. 172], выражал мнение об итальянцах, бытовавшее среди основной массы столичного населения. В его сочинении «Λόγος ἱστορικός» итальянцы отождествляются прежде всего с генуэзцами. Поводом для написания этого трактата явилась Галатская война, разгоревшаяся в конце 40-х гг. XIV в. (август 1348 – март 1349 гг.). Генуэзцы, жившие в Галате, выступили против императора Иоанна VI Кантакузина, намеривавшегося изменить таможенную политику и немного урезать их торговые льготы [547, Р. 43-45]. Алексей Макремволит считает генуэзцев «народом дерзостным и неумолимым», а название их родного города Генуя ассоциируется в его представлениях с библейским понятием «геенна» (геенна огненная) из-за внешнего сходства слов Γεννοῦα и γέεννα [548, Р. 144.3-6].

Алексей Макремволит с негодованием пишет, как генуэзцы сожгли и уничтожили прекрасные здания Константинополя, представлявшие собой украшение залива, уничтожили в порту корабли, шлюпки, баржи [548, Р. 147.5-15], проявив неблагодарность по отношению к императору, который не раз оказывал им покровительство. Сравнивая генуэзцев с турками, Макремволит замечает, что жители Галаты «превзошли в жестокости всякого варвара и нечестивого» [548, Р. 147.28-29]. Он осуждает неблагодарность, которой латиняне ответили на все благодеяния, совершенные для них греками, и возмущается их не-

справедливым отношением к византийцам, которое «не превзошли бы ни скифы, ни агаряне» [548, Р. 147.29-31].

Внешнеполитическая ситуация, в которой находилась империя в середине XIV в., сталкивала византийцев не только с итальянцами, но и с другим опасным врагом – турками. Проявляя враждебность по отношению и к тем, и другим, Макремволит более категоричен в оценках именно генуэзцев. Для него выходцы из Италии воплощают вероломство, ведь они подняли руку на братьев по вере. Он обвиняет их в неуважительном и даже кощунственном отношении к Богу и неприглядном поведении католических священнослужителей [548, Р. 148.19-21].

Алексей Макремволит отражал настроения простого люда, видевшего своими глазами результаты военного конфликта с генуэзцами. Эти настроения были порождены не только этой войной, но и прежде всего событиями 1204 г. – событиями IV крестового похода. Раскол между византийцами и латинянами произошел не в 1054 г. – современники схизмы сочли ее не более, как очередным скандалом, не более того, – а с установлением на территории Византии латинского владычества в 1204 г. По словам Алексея Макремволита, западные священники тогда высмеивали православных и вели себя недостойно [548, Р. 148.24-27]. Именно память о IV крестовом походе вызывала на протяжении веков в народном сознании неприятие Запада. Алексея Макремволита не трогали, как Димитрия Кидониса, заслуги итальянцев в словесности, он отражал настроения «людей улицы».

Обратимся к третьему из наших авторов, составителю церемониальной книги середины XIV в. – Псевдо-Кодину. Отраженное в обряднике отношение к итальянцам, несомненно, отражало позицию не автора этого сочинения, а скорее – правящих кругов империи, что, кстати, также представляет немалый интерес. В различных придворных ритуалах, описанных Псевдо-Кодином, упоминаются генуэзцы и венецианцы. Как известно, и те, и другие принимали активное участие в политических коллизиях, имевших непосредственное отношение к Византии или даже инициированных ею. Правители империи оказывали предпочтение то генуэзцам, то венецианцам (порой даже намеренно вызывая их соперничество). Отраженное Псевдо-Кодином отношение правящих кругов империи к итальянцам ярко проявляется на примере ритуала праздника Рождества Христова.

На императорском приеме по случаю этого праздника присутствовали и генуэзцы, и венецианцы [549, С. 226]. В обряднике автор несколько раз отмечает, что в церемониальных действиях генуэзцы приравняются к византийским архонтам. Поскольку во время приема архонты, согласно протоколу, делились на группы, Псевдо-Кодин отмечает, что генуэзцы, прибывшие как из Галаты, так и из Генуи, входят в Триклиний после третьей группы, которая завершается великим друнгарием флота [340, Р. 208.27 – 209.1].

В канун праздника Рождества Христова подеста Галаты был отмечен честью присутствовать на церемонии прокипсиса (прославления императора на площади между Влахернским дворцом и храмом) [550, С. 157-173] вместе с другими архонтами и находиться во дворце вплоть до трапезы [340, Р. 208.19-24], что являлось проявлением большой милости, так как многие из архонтов покидали дворец уже после процедуры приветствия. На императорском приеме группа генуэзцев во главе с подестой, войдя в зал, провозглашала по-латински пожелание долгой жизни императору и преклоняла колени. Император, в свою очередь, желал им долгих лет. После приема генуэзцы оставались на праздничную трапезу во дворце.

Генуэзцы как участники торжественного приема во дворце упомянуты автором обрядника и в день Великого Воскресения. Ритуал этого приема отличала церемония аспасма (целования). Подеста вместе с прибывшими на празднование генуэзцами, войдя в Триклиний, как и другие византийские архонты, целовал правую ступню императора, правую руку и правую щеку. После этой церемонии они покидали Триклиний. По прибытии в Константинополь кораблей из Генуи генуэзцы, находившиеся на них, оглашали эвфимию (прославление) византийского императора [340, Р. 236.10-13]. Таким образом, в церемониальном приеме генуэзцев мы наблюдаем такие же элементы ритуала, как и в сценарии приема византийских сановников высокого ранга: поклон (проскиниза), полихроний (пожелание многолетия), аспасм и эвфимия.

Венецианцы же, прибывавшие на рождественский прием, присутствовали только на церемонии прокипсиса [340, Р. 209.21-25]. Им не оказывалась честь участвовать в церемониях полихронии и проскинизы, проходивших в тронном зале дворца, кроме того случая, когда байло Венеции впервые прибывал в столицу империи. Когда же он и сопровождавшая его группа венецианцев в дальнейшем вновь посещали дворец, то они лишь снимали свои головные уборы, не преклоняя колен. Согласно установившемуся порядку, они не оставались на церемонии полихронии и поцелуя. На торжественный пир венецианцы также не приглашались. Кроме того, на кораблях венецианцев не устраивалась эвфимия в честь императора, как это было принято у генуэзцев [340, Р. 236.27 – 237.4].

В целом, среди приглашенных венецианцы упоминаются в обряднике после четвертой (а не третьей, как генуэзцы) группы архонтов. Иными словами, если исчислять, вслед за Псевдо-Кодином, место лица или группы лиц на должностной лестнице архонтов, то генуэзцы стояли на 17 ступеней выше, чем венецианцы (равно, как и представители Пизы). Эти различия Псевдо-Кодин объяснял тем, что византийско-генуэзские отношения вполне отвечали заключенному между двумя странами мирному договору [340, Р. 235.14-19], а во взаимоотношениях с венецианцами назревал серьезный конфликт. Псевдо-Кодин

даже сообщает, что Византия предполагала тогда начать войну [340, Р. 236.14-21], которая, правда, так и не состоялась.

Специфика данного источника, сухо протоколирующего правила придворной жизни и церемониального поведения ее участников, исключает личные оценки, лишая нас тем самым возможности увидеть эмоционально окрашенное отношение автора к представителям Италии. Несмотря на это, обрядник, показывая место, отведенное итальянцам в церемониальном пространстве императорского дворца, выражает отношение к ним правящей верхушки. Это отношение, варьировавшееся в зависимости от того, о представителях какого итальянского города шла речь, зависело прежде всего от политической ситуации и стратегических приоритетов империи, а также определялось византийской идеологической доктриной. Политическая элита Византии косвенно демонстрировала свое отношение к жителям Италии, предоставляя им в церемониальном спектакле роли второго плана с ограниченным количеством выходов или роли статистов, лишенных даже права приветственного возгласа.

Таким образом, на примере трех авторов мы можем видеть различное восприятие византийцами итальянцев: это и восхищение интеллектуала латинской культурой (Димитрий Кидонис), и неприязнь к латинянам со стороны народа (Алексей Макремволит), и неустойчивая, дипломатически дифференцированная позиция политических верхов (Псевдо-Кодин). Три разные мнения, представленные в высказываниях этих византийцев, отражают противоречивое отношение в империи к выходцам из Италии. Низы византийского общества, равно как и верхние его слои, в середине XIV в. видели в итальянцах если не врагов их отечества, то, по крайней мере, чужаков, которым не стоит ни в коем случае доверять. Эти преобладавшие в обществе настроения имели не только идеологические основания, но и опирались на печальный исторический опыт взаимоотношений с западным миром. Именно они определяли подозрительность и враждебность к итальянцам. Но, несмотря на устоявшийся негативизм и неприятие западных соседей, правящая верхушка, в отличие от основной массы населения, могла проявлять снисходительность к итальянцам, искать их дружбы и содействия, руководствуясь политическими соображениями. Интеллектуальная же элита оказалась единственной силой в Византии, способной отринуть прежние стереотипы, отрешиться от идеологических штампов, проявить интерес к достижениям западной цивилизации и открыто заявить о своем преклонении перед другой культурой.

В целом, эти «портреты» итальянцев, вышедшие из-под пера византийских авторов середины XIV в., отражают не столько истинное лицо Италии, сколько проблемы самой Византии, которая замкнулась в своей культуре, считая ее самодостаточной; противопос-

ставляла свою религию всем другим (особенно западно-христианской) и по-прежнему считала себя властительницей Средиземноморья, что давным-давно не соответствовало действительности. Труды же Димитрия Кидониса, Алексея Макремволита и Псевдо-Кодина отражали эти проблемы Византии в том ракурсе, в котором их воспринимали различные слои некогда могущественной империи.

М. А. Поляковской также была подготовлена статья «Церемония парастасиса как форма презентации власти василевса». Автор считает, что во все века существования Византии ее политическая идеология была ориентирована на фигуру императора, олицетворявшего извечность данной от Бога власти, стабильность и благополучие страны [353, S. 49-83]. Наряду с трактатами и речами, наиболее полно «императорскую идею» отражал дворцовый церемониал [339].

Основными церемониальными формами трансляции «императорской идеи» были «явление», «возвышение», «отдаление» василевса. Разумеется, церемониальные ритуалы развертывались не в каком-то изолированном пространстве. Они были рассчитаны на восприятие их зрителями – народом на площади либо придворными в залах дворца, одновременно являвшимися участниками церемониала.

Одной из самых массовых сцен «театра власти» был парастасис (ἡ παράστασις) – построение архонтов по рангам перед василевсом. В обряднике Псевдо-Кодина, относящемся к середине XIV в. [340], парастасис упомянут не менее 18 раз [340, P. 130. 21; 140. 3-2; 174-179; 186. 254. 190. 16; 195. 28; 208. 18. 26; 212. 2; 238. 15; 240. 25; 222. 2; 238.15; 240. 13-14; 241. 7. 20; 274. 6; 282.25-26; 293]. Наиболее подробно ритуал рассмотрен в главах IV («О порядке праздников в честь Господа и обычаях при них»), VII («О коронации василевса») и в X («О выдвижении патриарха»). Название глав свидетельствует, что парастасис проводился в связи с самыми торжественными в жизни дворца событиями.

Попробуем реконструировать сценарий парастасиса на основе текста III главы обрядника («О должностных обязанностях каждого из чинов») с тем, чтобы далее обратиться к реалиям этого ритуала, применительно к различным придворным празднествам.

Развитие сценарного действия основано на последовательном представлении императору всего придворного чиновного корпуса. Целью этой презентации было стремление продемонстрировать стабильность и основательность всей системы управления страной.

Поводом к изложению сценария парастасиса в III главе церемониальной книги Псевдо-Кодина явилась его информация относительно должностных функций главного распорядителя всей церемониальной процедуры – протовестиарита двора, а также великого этерпарха и примикирия двора, архонтов более низких ступеней иерархии.

Названные архонты-распорядители до начала ритуала уже находились в парадном зале Влахернского дворца – триклинии. Василевс к этому времени уже восседал на своем троне [340, Р. 176.17-23] в ожидании церемонии.

Смысл предполагаемого действия заключался в постепенном, медленном входе в зал отдельных групп архонтов и выстраивании их согласно статусу каждой группы в общей иерархии чинов.

Протовестиарит начинал церемонию, выйдя из зала и пригласив войти архонтов самого высокого ранга [340, Р. 176.25-27]. К ним относились деспоты, севастократоры и кесари [359, С. 226-236], составлявшие элиту двора. Многие из представителей этой группы были родственниками императора.

Затем функции распорядителя переходили к великому этариарху, который – вслед за протовестиаритом – приглашал в зал архонтов первого разряда [340, Р. 176.28-29; 161, С. 161-168], верхние ступени которого были представлены влиятельными архонтами, должности которых содержали зачастую определение «великий».

Далее примикирием двора приглашались те, кто занимал более низкие ступени в рамках первого разряда архонтов.

После завершения акта входа в зал следовал ритуал передачи василевсу его диканикия. После этого этериархи вызывали тех, кто еще оставался из носивших красные скараники и тех, кто был ниже их (эти две группы были представлены архонтами второго разряда) [340, Р. 176.30 – 177.9; 161, С. 168-173; 360, Р. 60-62].

Заметим, что с каждой из приглашаемых в триклиний групп архонтов – в соответствии со снижением ее статуса в чиновной иерархии – менее весомым становился и чин лица, выполнявшего церемониальные функции: протовестиарит занимал 19-е место в иерархии, великий этериарх – 25, примикирий двора – 33, этериарх – 63. Таким образом, ранжирование архонтов в ходе церемонии подчеркивалось и статусом распорядителей.

Вернемся далее к вопросу о включенном в церемонию парастасиса ритуале жезла [549, С. 194-195]. Диканикий являлся одним из важнейших символов власти василевса (переводчик трактата Псевдо-Кодина Ж. Верпо передает во французском тексте греческое слово «диканикий» как «скипетр», но поскольку автор обрядника использует не это греческое слово, а называет жезл диканикием, будем следовать именно греческому тексту церемониальной книги). На всех парадных портретах император, облаченный в праздничный саккос, держал в правой руке жезл-диканикий [551]. Ритуал диканикия, составлявший центральную часть церемонии парастасиса, начинался после входа третьей группы архонтов. Честь передачи императору жезла принадлежала великому примикирию (11-ое место в иерархии). Получив жезл из рук слуги, великий примикирий проносил его, сделав пол-

круга по залу, и передавал его василевсу. Ритуал передачи императору диканикия и – после парастасиса – возвращения императором этого символа власти великому примикирию представлял собой церемониальные рамки приема.

Включение ритуала жезла в сценарий парастасиса до входа последней, четвертой, группы архонтов – самой низкой статусно и самой большой количественно, несомненно, можно считать проявлением строгого ранжирования придворных.

Функции деления архонтов на ранги выполнял также их официальный костюм. Не случайно в сочинении Псевдо-Кодина глава «Об одежде каждого из сановников и каждого из чинов» [340, Р. 141-166] располагается ранее, чем глава «О должностных обязанностях архонтов» [340, Р. 167-188]. Официальный костюм был, пожалуй, наиболее ярким индикатором статуса участников «театра власти». Для архонтов всех 80-ти ступеней иерархической лестницы был определен цвет платья, его декор, украшения [360, Р. 92-93]. Каждая деталь в наряде, включая обувь и жезл чиновника, должны были засвидетельствовать его статус. Наиболее значимым элементом убранства был головной убор архонта. В толпе придворных, собиравшихся почти ежедневно в парадном зале дворца он был виден прежде всего. По нему можно было определить группу, к которой относился архонт, а затем уже по цвету и декору платья определялась ступень, на которой стоял чиновник внутри статусной группы. Нельзя не упомянуть доклад А. Грабара, справедливо заметившего сходство парастасиса – по его строгому делению на чины и унифицированной одежде – с чисто военной организацией [344, Р. 206].

Как видим, прием архонтов василевсом был ориентирован на соблюдение принципа дифференцирования внутри придворного корпуса чинов. Ставя, таким образом, каждого из архонтов «на свое место» и этим усиливая их зависимость от правителя, правила церемониала повышали степень устойчивости власти монарха.

Этой же цели служило и то, что вся церемония парастасиса проходила в абсолютном молчании. Василевс не произносил даже той единственной реплики, которую ему позволял церемониал: «Мой диканикий!». Молчание, сопровождавшее церемонию, в значительной степени усиливало некую священную магию момента.

Отметим также подчеркнутую замедленность церемонии, что, надо полагать, имело целью создать ощущение значимости акта.

Завершив описание презентации власти василевса в контексте эталонного (протокольного) сценария парастасиса, заметим, что не все приведенные Псевдо-Кодином примеры этой церемонии совпадают с протоколом. При включении парастасиса в сценарии других церемоний всегда отсутствует ритуал жезла, поскольку в соответствующих торже-

ственных ситуациях василевс уже имел все инсигнии власти. В подобных случаях парастасис был лишь церемонией входа и построения архонтов по рангам.

Одним из наиболее подробных описаний церемонии парастасиса, совмещенной с другим ритуалом, является приведенный Псевдо-Кодином порядок проведения торжественной трапезы, проходившей во дворце пять раз в году – по случаю самых больших религиозных праздников. Преамбулой трапезы являлся вход архонтов в обеденный зал, когда василевс уже восседал за своим императорским столом. Церемонией входа руководили, как и в протокольном варианте церемонии парастасиса, протовестиарит, великий этериарх и примикирий двора.

Деление на группы в названной ситуации совпадает с протокольным вариантом, но текст сценария был дополнен указаниями автора обрядника, названиями конкретных должностей архонтов и упоминаниями относительно их головных уборов. Это является некоторой расшифровкой недосказанного в протокольном варианте церемонии парастасиса.

Явно новым моментом, соответствующим церемонии торжественного обеда, было то, что во время входа групп в пиршественный зал несколько архонтов выстраивались непосредственно возле императорского стола: это были пинкеры (виночерпий) из второй группы архонтов, а также доместик стола и трапезит, входившие в третью статусную группу. В их функции входило исполнение ритуала императорской трапезы.

Каждая из групп, входя в зал, громко приветствовала василевса. Это также являлось отличительным признаком этого вида парастасиса по сравнению с протокольным его вариантом. Что же касается раздачи блюд с императорского стола вошедшим в зал архонтам, то она была подчинена присущему церемонии парастасиса – во всех ее вариантах – статусному принципу.

Церемония парастасиса по случаю праздников проводилась примерно по той же схеме, что и вход архонтов во время торжественной трапезы. Отличием было то, что, помимо приветствий в адрес василевса, присутствовал в дифференцированном виде ритуал коленопреклонения (проскинизы). Он считался особой честью и до него допускались не все чины. Кроме того, тип поклона также определялся местом архонта в чиновной иерархии. В ходе праздничных торжеств на фоне парастасиса архонтов проходил обычно и прием иностранных послов. Присутствие архонтов имело целью создать атмосферу особой харизмы императорской власти. Иностранные послы принимались, в зависимости от их достоинства в глазах императора, после второй или третьей группы архонтов. Этим, кстати, подчеркивалось достоинство элиты византийского двора.

Парастасис мог проходить и за стенами дворца. Так, он был неременной составляющей одной из самых торжественных церемоний – «явления» императора на сцене (прокиписе) [550, С. 157-173; 552, С. 477-479], возводившейся пять раз в году в связи с великими религиозными праздниками, на площади между храмом Влахернской Богоматери и императорским дворцом.

Хотя в данном случае отсутствовало замкнутое пространство дворцового зала, парастасис сохранял присущий ему сценарный рисунок.

Архонты, выйдя из храма после завершения божественной литургии, замедленным шагом направлялись к площади, постепенно заполняя ее, и выстраивались по рангам – так же, как во дворце. Псевдо-Кодин четко это оговаривает [340, Р. 197.18-19]. Между первым рядом архонтов и прокиписом вставляли музыканты, должные – по ритуалу «явления» василевса – сопровождать церемонию, соответствующими празднику, мелодиями гимнов. Над рядами архонтов реяли фламулы (хоругви) [340, Р. 195.29 – 196.11].

Перечисляя вариативные формы парастасиса, можно было бы назвать еще ряд дворцовых церемоний, а также тех, которые проходили в храме. Во всех подобных вариантах к «чистому» парастасису добавлялись не присущие ему, согласно протоколу, элементы сценарного действия, которые усиливали эффект презентации власти. Это были пожелания многолетия, возгласы приветствий, коленопреклонения, музыка, фламулы. Но при этом парастасис не был вспомогательной, сопровождающей церемонией. Напротив, он являлся одним из центральных актов «театра власти». По сути дела, участники парастасиса представляли своим построением могучую опору императорской власти. В какой-то степени архонты являли «народ» как силу, поддерживающую императора. Разумеется, это форма презентации власти не являлась исключительно византийской. Глубинные корни парастасиса уходят в дворцовый церемониал древневосточных монархий [553, Р. 75-76]. Некоторые аналоги можно наблюдать и в современной политической сфере.

Рассмотрев различные варианты церемонии парастасиса – от протокольного, полного его сценария до ритуалов построения, включенных в другие церемонии, подведем некоторый итог. В любом варианте церемония парастасиса была подчинена идее таксиса (порядка). Общий рисунок ритуала, заложенный в церемониальном действии, являлся по сути дела неременным правилом, азбукой ритуального поведения архонтов. Все сценарии «театра власти» должны были проходить в строгом соответствии с регламентом – так, как вчера, позавчера, год, десять или более лет назад. Таксис соответствовал политической идеологии с ее концептом извечности империи и императорской власти.

Композиционным центром церемонии парастасиса был император: в пределах «сценарного поля» все было сфокусировано именно на фигуре василевса [549, С. 56-95].

Парастасис, являясь самостоятельной церемонией, мог быть также составной частью любого ритуала, центром которого являлся василевс. Построение по рангам всего корпуса архонтов призвано было демонстрировать неколебимость власти императора.

В статье А. М. Кадочниковой «Политика Феодора I Палеолога в условиях турецкой агрессии на Пелопоннесе» рассматривается один из аспектов византийско-турецкого противостояния. Султаны Османской империи, созданной в 1299 г., к XIV в., одновременно с завоеваниями в Малой Азии, начали проводить экспансионистскую политику в Европе, перейдя Геллеспонт и утвердившись на полуострове Галлиполи (1354 г.) [554, Р. 839-853]. Мурад I (1359–1389) начал с покорения единокровных сельджукских племен, завоевания Ангоры и горных пастбищ караманского эмира, чтобы, обеспечив тыл, двинуться на опустошенную Фракию, которая в результате оказалась под его властью. К 70-м гг. XIV в. уже вся Восточная и Южная Македония была завоевана войсками Мурада [555, Р. 820]. Новый султан Баязид I (1389–1402) начал проводить захватническую политику как на Балканах, так и в Центральной и Южной Греции [521, С. 423; 556, Р. 771; 554, Р. 853-856; 557, Р. 240; 558, Р. 291]. В связи с этим турецкий вопрос в политике деспота Мистры встал очень остро. Влияние турок на дела Пелопоннеса значительно усилилось. Сначала выгодное как Коринфу, так и Мистре, оно должно было иметь страшные последствия, особенно для Феодора, со вступлением Баязида на османский трон. Новый султан был недоволен потерей вассальных связей, которыми обладал его отец с византийскими и балканскими правителями, и был намерен установить более жесткий контроль над ними [559, Р. 132.13-20].

Важным событием в проникновении турок на полуостров было, по мнению исследовательницы Н. Несипоглу, уже упоминавшееся приглашение Феодором турецких наемников в 1388 г. для разрешения ситуации с греческими архонтами и наваррцами. В начале 1380х гг. деспотат Мореи был огражден от широкомасштабных набегов османов, от которых страдали другие византийские владения во Фракии и Македонии. Не считая турецких пиратов из анатолийских эмиратов, которые регулярно совершали набеги на побережье Пелопоннеса [560, V, Р. 821-838], и турецких наемников, к которым обращались время от времени греки и латиняне, на полуострове еще не было турецкого (османского) присутствия до прихода войск Эвренос-бея по просьбе Феодора. Благодаря присутствию Эвреноса деспот смог достичь своей цели по подчинению восставших архонтов [557, Р. 240].

Мануил II в «Надгробном слове», однако, начинает изложение событий, касающихся отношений деспотата и турок, с сюжета собрания в Серрах, которое происходило предположительно осенью 1393 – зимой 1394 гг. [559, Р. 136.4-6; 561, Р. 114-122; 562, Р. 243]. Этот город в южной части Македонии был захвачен войсками Айраддина по заданию Мурада I в ходе похода на Фессалонику в 1383 г. [558, Р. 286]. В соответствии с речью Ма-

нуила, замысел султана заключался в том, чтобы одновременно призвать к себе в Серры как императора, так и деспота Мистры, а также других «лидеров христиан» [559, Р. 136.8-9]. Дж. Баркер уточняет имена двоих правителей Балкан, также «приглашенных» на встречу в Серрах – это два сербских лорда: Стефан Лазаревич, чей отец погиб на Косовом поле, и Константин Деянович, или Драгаш, тесть Мануила [561, Р. 117; 558, Р. 301]. По все видимости, планировалось убить их и беспрепятственно занять территории [559, Р. 136.10-11]. Для видимой правомерности такой «встречи» нужен был серьезный повод. Им стало высказанное султану недовольство Феодором и Мануилом их подданными [559, Р. 132.1-12]. Баязид не преминул воспользоваться возможностью продемонстрировать свою власть, и решил произвести над ними суд.

Главным предателем Мануил метафорически, путем риторических намеков, называет своего племянника, сына Андроника IV, Иоанна VII [558, Р. 301]. Но кроме него была и значительная оппозиция самому Феодору в виде восстания архонтов. В ней выделяется фигура Павла Мамона, отпрыска знатного рода, который был возмущен попытками Феодора лишить крепость Монемвасию независимости. В 1384 г. Феодор I даровал Монемвасию Пьетро Гримани, кастеляну Корона и Модона. Передача города венецианскому служащему была компенсацией за службу, которую он вел ранее в качестве байло Константинополя, Иоанну V и Мануилу II и самому Феодору во время восстания Андроника IV [563, Р. XXXVI]. Передачей Монемвасии из-под контроля Мамона в руки Пьетро Гримани деспот в первую очередь стремился дисциплинировать Мамона и других архонтов Мореи, а во-вторых, он, вероятно, надеялся сохранить поддержку Венеции на случай будущих конфликтов с пелопоннесцами. Феодор и других архонтов лишил их территорий, которыми они пытались управлять независимо [557, Р. 244-245]. Это и послужило поводом для их обращения к султану [561, Р. 114-117]. Обращение архонтов к султану показывает их хорошее знание совещательной политики, которую проводили турки по отношению к христианам на Балканах. Вторжение османов во Фракию и Македонию проводилось мирными средствами за счет обещания определенных гарантий и привилегий местным жителям. В соответствии с исламскими принципами, османы обещали мир, процветание и религиозную свободу тем, кто согласится признать их суверенитет. Таким образом, они расположили к себе аристократов-землевладельцев [557, Р. 247-248].

Хотя Мануил не называет конкретных людей в своем «Надгробном слове», он предоставляет информацию относительно мотивов и социального подтекста действий пелопоннесцев, которые пригласили Баязида в Грецию. Во-первых, их главным стимулом было желание освободиться из-под контроля деспота [559, Р. 128.5-6]. Более того, они ожидали, что их связь с османами принесет им личные выгоды. Из-за таких ожиданий, продолжает

Мануил II, они не только желали назначить османов своими правителями, но также и признать Мухаммеда [559, Р. 128.8-24]. Они пригласили Эвреноса-бея войти в Истмус и обещали снабдить его армию необходимой провизией [559, Р. 132.6; 158.5-6]. Мануил II подчеркивает, что пелопоннесцы, которые были заодно с османами, в целом имели высокое социальное положение. Это были члены аристократии, которые верили, что их материальное благосостояние будет улучшено при османском правлении [557, Р. 242-243]. Этот аспект дает ряду исследователей возможность говорить скорее о влиянии внутриимперских противоречий на взаимоотношения империи с султанатом на данном этапе, нежели о негативном отношении Баязида к византийцам [564, С. 30; 565, С. 215].

С обоими братьями султан обращался с преднамеренной грубостью. Феодору было сказано восстановить в правах Мамона и, по просьбе наваррцев, отказаться от Аргоса. Из угроз султана стало ясно, что он намеревался задолго до этого уничтожить обоих братьев [566, Р. 136]. Но Али, сын Хараддина, которому было поручено убить Мануила, Феодора и других правителей [561, Р. 117], не выполнил задания, а сам султан, по словам Мануила, раскаялся и отпустил всех, кроме Феодора [559, Р. 140.8-16]. Дж. Баркер, исходя из такого резкого изменения султаном своего решения, делает вывод о том, что весь его хитрый план был ничем иным, как «варварской прихотью»; исследователь Д. Николь же пишет о сумасшествии султана [561, Р. 117; 558, Р. 301]. Мотивы поведения султана остаются неясными. Освобожденные христианские правители решили объединиться против султана [561, Р. 118].

Феодор между тем оставался в заточении [559, Р. 140.25-27]. Причина этого кроется в заинтересованности султана в тот момент в завоеваниях в Греции [561, Р. 119]. Так, деспот вынужден был сопровождать Баязида в походе на Фессалию и Фокиду в январе-феврале 1394 г. [559, Р. 18, 142.9-10; 558, Р. 301]. Баязид за его освобождение потребовал сначала крепость Монеувасия с окружающей ее территорией. Монеувасия была передана туркам, но султан тут же потребовал «сдачу Аргоса и еще нескольких мест». Аргос был передан туркам, но султан не сдержал своего обещания [559, Р. 142.16-21; 144.1-6]. Требования Баязидом Аргоса, должно быть, основывались на том факте, что после признания сюзеренитета Мурада I и благодаря помощи турецких войск, в декабре 1388 или январе 1389 г. Феодор занял город, как было описано выше [557, Р. 256].

В сложившейся ситуации Феодор принял решение бежать, что и было осуществлено. Он вернулся в Морею вовремя, чтобы предотвратить передачу Аргоса султану [557, Р. 256]. Так, по словам Мануила, он отомстил Баязиду, который, положившись на стражников, не мог подумать, что Феодор сбежит [559, Р. 144.7-11].

По утверждению Мануила, результатом побега стало то, что Феодор спас свой народ от турецкого подчинения, а также победил (в особенности, морально, психологически) своего противника – Баязида, подорвав его уверенность в возможности легкого захвата пелопоннесских территорий: «Как только тот высокомерный человек узнал об этом, он был в отчаянии: что ему оставалось делать, и он убрал свою гордыню самым гнусным образом, он бросил это высокомерие, какое было вскормлено многими трофеями... Он был тогда смиренным созданием, обернувшись из дикого зверя в блеющего ягненка» [559, Р. 154.19-26]. Безусловно, приведенная цитата свидетельствует о крайней субъективности «Слова...». Нельзя не согласиться с автором, что побег Феодора был неожиданным для Баязида. Но как показало время, султан даже не думал оставлять этот акт непослушания безнаказанным.

По мнению Мануила, Баязид был настолько обескуражен побегом деспота, что усомнился в своих силах по подчинению Феодора, на что незамедлительно придумал оправдание. Он притворился, будто бы получил письмо с Востока с обращенной к нему просьбой прийти на помощь от нападений монгольского правителя Тимура. Как утверждает Мануил, «этот Тимур был тем человеком, в чьих руках Баязид вскоре испытал наказание за несправедливости, которые совершил. Однако наказания, в самом деле, были справедливыми» [559, Р. 156.6-9].

К этому времени Тимур захватил ряд крепостей в Месопотамии и Сирии и угрожал турецким владениям. Возможно, поэтому Баязиду понадобилось собирать во Фракии армию, что объясняет временную «снисходительность» султана к Феодору.

Мануил в «Надгробном слове» говорит, что письмо султана было только предлогом: Баязид притворялся, что ему срочно нужно перейти Геллеспонт. Мануил заверяет, что султан задержался во Фракии в действительности для того, чтобы собрать армию для поддержания тех крепостей и городов на Пелопоннесе, которые он захватил и которые терпели осаду от пелопоннесцев [559, Р. 156.20-24].

Но главной причиной, по которой султан собирал «лучшую, насколько он мог, армию», было окончательное подчинение полуострова [559, Р. 156.24-26]. Баязид отправил ее «грабить все владения моего брата», чтобы только не сдаться и «наслаждаться кровью своих собственных людей». Слова Мануила подтверждаются тем фактом, что оборона Пелопоннеса длилась в течение лета 1394 г. [558, Р. 303]. Это наступление на полуостров и было «карательной экспедицией» за побег деспота из турецкого плена [561, Р. 120]. Как бы то ни было, это был первый крупномасштабный поход турок на Пелопоннес, который положил начало череде набегов.

К февралю 1395 г. у султана вновь появилась возможность совершить рейд на Пелопоннес [557, Р. 240]. На этот раз обострилась внутривосточная ситуация на полуострове, что было вызвано принадлежностью этих земель подданным различных европейских государств. Поэтому столкновение территориальных интересов не было здесь редкостью. Обострению ситуации в сентябре 1394 г. способствовала смерть владельца Коринфа и тестя деспота Феодора – Нерио Аччайуоли. Вопреки всем ожиданиям Феодора, большую часть наследства и в том числе важный город Коринф он оставил своей младшей дочери [567, С. 544]. Выражая свое несогласие с этим, деспот решил осадить Коринф [559, Р. 168.17-18]. Однако этот шаг подтолкнул Феодора к столкновению с ахейским князем Сан-Супераном, который с 1394 г. состоял в союзе с Баязидом. У султана появилась возможность выступить против деспота под предлогом выполнения союзнических обязательств.

Главкомандующим турок был Эвренос-бей, эмир завоеванной султаном Фракии. Пройдя вдоль западного побережья полуострова на юг, войска Эвренос-бея повернули на север. Достигнув Коринфа, эмир предпринял ночное нападение на армию деспота, которые осаждали город. 25 февраля 1395 г. развязалась ожесточенная битва. Феодор понес значительные потери и чуть не попал в плен. Он был вынужден отступить, но преследовался турецкой армией и был вытеснен с данной территории [568, Р. 88-90].

Точная дата следующего похода неизвестна в связи с деконкретизацией, присущей «Надгробному слову» Мануила. Оценивая силы обеих сторон, Мануил говорит о том, что у Феодора они были менее значительны, чем у Баязида. Ситуация осложнялась тем, что многие жители Пелопоннеса просились под вассалитет турок, поскольку они, в отличие от латинян, гарантировали сохранение веры [516, Р. 75]. Кроме того, население обещало снабдить их продовольствием, что подкрепляло дух турецкой армии [564, С. 30].

Но, как бы то ни было, поход для турок закончился неудачей, т.к. пелопоннесцами были заняты «перевалы в местах с узкими проходами». Поэтому все города, которые до этого были оккупированы турками и к которым они не были подпущены, возвращались Феодору. Кроме того, эти города отошли деспоту вместе с турецкими гарнизонами в них [559, Р. 158.14-17].

Вероятно, речь идет о походе турок, который был прерван внезапным появлением за Дунаем значительного западного войска под предводительством венгерского короля Сигизмунда в союзе с Францией и Германией. Султан был вынужден двинуться навстречу так называемому Крестовому походу, результатом чего стала его победа при Никополе 1396 г. Этот успех сделал султана нераздельным повелителем земель на Балканах [567, С. 549; 569, С. 478; 566, Р. 143].

Мануил же связывает вынужденный перерыв в нападениях на Пелопоннес с неудачами турок и говорит, что они тем не менее были настроены на разгром Пелопоннеса и отказывались подписывать мирное соглашение. Положение Феодора было тяжелым: он мог рассчитывать только на Мануила. Но в это же время шла длительная осада турками Константинополя (1394–1402), и Мануилу пришлось отправиться в Италию, Францию и Британию с просьбами о помощи. Это путешествие длилось четыре года [517]. Как бы то ни было, Мануил был очень обеспокоен положением брата и по прибытии своем в Венецию попросил Сенат предоставить убежище брату и его собственной семье, когда в этом появится необходимость, поскольку перед своим отъездом император перевез свою жену и двоих сыновей в деспотат. Сенат на эту просьбу ответил лишь 27 февраля 1400 г., пообещав в случае турецкого вторжения в Морею вывезти императорскую семью и деспота через свои порты Корон и Модон в Венецию [559, Р. 164.5-7; 561, Р. 170-171].

По данным И.П. Медведева, стремясь лишить деспота Мистры возможности оказать помощь осажденному Константинополю, султан Баязид отправил в 1397 г. на Пелопоннес 60-тысячное войско под управлением Якуб-паши и Тимурташа [564, С. 30; 567, С. 549]. Феодор призывал венецианцев присоединиться к нему в защите Пелопоннеса. Его послу, Димитрию Софианосу, были даны полномочия предложить им город Коринф в обмен на военную и морскую помощь. Это было тщетно. Сенат принял решение не рисковать открытым разрывом с султаном. Посол был еще в Венеции, когда две большие турецкие армии вступили на Коринфский перешеек. Волна турецкого нашествия захлестнула полуостров.

Турецкие армии разделились [566, Р. 136]. Одна из них, управляемая Якуб-пашой, быстро двинулась на юг к их городу Аргосу. Но спустя несколько дней турки прорвали оборону. Весь город был разграблен. Многие тысячи людей были вырезаны; и сообщалось, что 30000 несчастных пленных были вывезены назад на север с войсками Якуб-паши, чтобы быть проданными в Анатолии.

Вторая армия под управлением Эвренос-бея повернула в Аркадию. Феодор попытался перехватить ее у Леонтариона, но потерпел поражение; и Эвренос-бей дошел до стен венецианских крепостей на юге Корон и Модон, разрушая все на своем пути, хозяйства и сады, принадлежащие венецианским подданным. После разграбления страны турки удалились в Фессалию [564, С. 30; 566, Р. 139].

В результате турецкого наступления 1397 г. оплотом венецианцев на полуострове осталась только Навплия (3 июня 1397 г. Аргос сдался), а франкская Морея во главе с Супераном (наваррцы) стала данником султана. Деспоту Феодору удалось избежать страш-

ной участи быть разгромленным Баязидом, поскольку турецкие силы были недостаточны. Ограбив захваченные крепости, турки ушли обратно за Истм [567, С. 550; 558, Р. 306].

Зачастую походом 1397 г. в литературе заканчивается сюжет о турецких вторжениях на Пелопоннес, вероятно, из-за его крупномасштабности и невероятных разрушительных последствий. Однако доподлинно известно, что в августе 1400 г. Баязид находился в Центральной Греции, готовясь напасть на Морею. Стоит отметить, что Мануил II в «Надгробном слове» ничего не упоминает об этом. Информацию мы получаем из источника венецианского происхождения – письма Алозио да Канала из Модона своему тестю, Кастелляно Минотто, подесте и капитану Каподистрии (на Истрском полуострове на юге Триеста), датированном 2 января 1401 г. [570, XX, Р. 5-7]. Да Канал пишет, что в Модон пришло письмо из Константинополя от 4 октября, в котором сообщается, что султан самолично с войнами численностью 50 тысяч человек направляется в Морею [570, XX, Р. 5.6]. Автор письма говорит и о другом событии: турки вторглись в Морею и большая их часть дважды совершала нападения на Навплию. Войска Навплии отчаянно сражались, битва длилась долго. Погибло около 1500 турок и только 100 навплийцев [570, XX, Р. 6.9]. Такие данные кажутся маловероятными, являясь проявлением типичной эпистолярной риторики. Кроме того, распространился слух о смерти султана, однако даже сам да Канал в это не поверил [570, XX, Р. 6.9]. Султан, вероятно, лишь намеревался вторгнуться в Морею, для чего и собирал силы в Центральной Греции, но в конце сентября ему пришлось вернуться в Бруссу, чтобы подготовить войска для сражений с монголами [570, XX, Р. 12]. На этот раз турецкая угроза не коснулась деспота напрямую.

Хотя все это были грабительские набеги, которые заканчивались быстрым изгнанием османов, тем не менее, территории деспотата подвергались постепенному разорению. Османские набеги 1395 и 1397 гг. принесли значительные разрушения и людские смерти, многие жители обращались в рабство.

Остановимся теперь на истории Коринфа в данный период. Начиная с захвата его Гийомом Шамплиттом и Оттоном де ля Рошем в 1209–1210 г. город переходил из рук в руки разных правителей, пока не попал во владение флорентийского банкира Нерио I Аччайуоли [566, Р. 142]. Нерио умер в сентябре 1394 г., завещав своему единственному внебрачному сыну Антонио города Фивы и Левадию. Остальные же владения, включая Коринф и пелопоннесские крепости, были переданы его младшей дочери, Франческе. Она была женой Карло Токко, герцога островов Кефаллинии и Лефкаса, наиболее влиятельного латинского сеньора в Греции. Карло I Токко происходил из знатного итальянского рода, и его брак с Франческой служил установлению союзнических отношений между владельцем Коринфа и Токко [567, С. 544]. Своей старшей дочери, Бартоломее, жене деспота, он

оставил лишь 9700 дукатов, сумму, которую ее муж занимал у него, чтобы выплатить долг венецианцам. Феодор и Бартоломея, которым было обещано, когда они поженились, что в случае смерти Нерио они получают Коринф, решили захватить их ожидаемое наследство силой оружия. Еще при жизни Нерио отрицал слухи о возможности такого наследства [571, Р. 126.81-94]. Решение о передаче наследства Нерио в руки Карло Токко было принято еще в 1389 г. и объясняется стремлением, при неимении законных наследников мужского рода, сохранить владения внутри семьи, в то время как Карло Токко приходился Аччайуоли дальним родственником [571, Р. 122].

Однако Коринф по завещанию не был передан и Франческе. Нерио получил город в 1371 г. от его родственника Ангело Аччайуоли, великого сенешаля Сицилий, в качестве залога за ту сумму денег, которую ранее Ангело занял у него. В своем завещании Нерио изъявил волю, чтобы сыну Ангело, Роберту, было предложено вернуть долг и этим выкупить Коринф. Но Франческа предпочла оставить город в качестве своего наследства [568, Р. 85].

Сразу после смерти Нерио Феодор вторгся на территорию кастелянства Коринфа [559, Р. 168.16-17]. Первоначально оборона города велась под руководством Франчески [571, Р. 75-94; 114-122; 129-140; 211-217; 240-253]. Ее муж Карло Токко был в Кефаллинии, но в ноябре 1394 г. он приплыл в порт Коринфа с намерением занять город в качестве части наследства его жены. Однако столкнулся с армией деспота и вынужден был отправиться к наваррцам, чтобы просить их помощи, а также помощи турок, с которыми правитель Ахейи состоял в союзе с 1394 г. Именно с помощью его устрашающих союзников Токко в конце концов смог войти в город. Свидетели, которые давали показания в судебном деле Кремолиси, утверждали, что герцог Кефаллинии вошел в Коринф в то же самое время, когда турки атаковали деспота, осаждавшего город [571, Р. 140-141, 217-219; 558, Р. 303]. Как было уже отмечено, Феодор был вынужден отступить. Поход турок был недолгим: Эвренос-бей вскоре покинул Пелопоннес.

Победа Токко над деспотом не имела длительного эффекта. Сразу после того, как Эвренос-бей и его армия ушли, Феодор вернулся на территорию Коринфа. И хотя он потерпел неудачу в захвате города, ему удалось все же занять окружающую местность, превратив для себя оборону Коринфа в дорогостоящее предприятие [566, Р. 144]. Возможно, именно это окончательно заставило Токко решиться продать как Коринф, так и Мегару, которые он предложил венецианцам. Однако, после неудачи продать Венеции два города, следующим вероятным покупателем был Феодор I. Но деспот смог купить только Коринф. Дата, когда город был передан Феодору, не известна, но, должно быть, она приходится своей ранней границей на конец сентября – октябрь 1395 г., а поздней – на октябрь – де-

кабрь 1396 г. Деспот купил Коринф за сумму, равную 6000 золотых дукатов, плюс ежегодные выплаты в 600 дукатов. Эти территории включали в себя замок и окрестности Коринфа [571, Р. 70-72, 101-104, 302-319; 559, Р. 168-170; 568, Р. 91-96; 558, Р. 303]. Таким образом, Истм вновь соединился с Пелопоннесом. Согласие Карло Токко передать кастелянство Феодору было вызвано потерей его интереса к городу и возросшей заинтересованностью в завоевании Аргоса [567, С. 544; 566, Р. 146].

Коринф в связи с вышеописанными событиями изначально играл значительную роль в обороне Пелопоннеса ввиду его географического положения: он расположен на границе Центральной Греции и Пелопоннеса на Истмийском перешейке, образуя с укрепленной стеной Гексамилий оборонительную систему на северо-востоке полуострова.

Феодору же удачно осуществленный побег из плена султана придал сил и уверенности в своем положении. Казалось, это время было лучшим в период его правления на Пелопоннесе: успешным побегом от султана в 1394 г. он показал своим подданным, что будет стремиться к освобождению от турецкого господства.

Образ, созданный Мануилом, говорит о том, что Феодор стал значительной угрозой для своих врагов. Мануил, явно преувеличивая значимость брата в описанных событиях, подчеркивал, что... «Не захватывал ли он города своих врагов, одни осадой и блокадой, другие криками войны, но не ожидала ли большая часть из них атаки и сдавалась сама?» [559, Р. 170.14-16]. Ситуация, судя по описанию Мануила, разворачивалась стремительно, позиции врагов нового деспота кардинально изменились, и теперь они уже оказались поверженными, их охватил страх перед могуществом Феодора. Такая оценка событий иллюстрирует самоощущение византийских правителей (Мануила и Феодора) в тот период: они были ослеплены кажущимся успехом, возможно, не замечая, объективной реальности, которая была не такой радужной.

Изложенный выше вывод подтверждается исследованиями в области византийской дипломатии последних веков существования империи. Византийская дипломатия конца XIV в. базировалась на крайне нереалистичных традициях, выражавшихся в преувеличенном представлении византийцев о могуществе империи. И внешняя политика здесь выступает ярким примером [516, Р. 74].

Вероятно, эта уверенность подтолкнула Феодора на ведение агрессивных действий по отношению к соседним правителям. Ю. Хризостомидис даже утверждает, что это было время, когда Феодор чувствовал себя уверенно и стремился к тому, чтобы подняться как доминантная сила на Пелопоннесе [563, Р. XXXVI]. По мнению Ю. Хризостомидиса, даже обстоятельства складывались в его пользу: в сентябре 1394 г. умер владетель Коринфа и герцог Афинский Нерио I Аччайуоли. Однако стройную схему английской исследователь-

ницы нарушает подтвержденный источниками факт о так называемой «карательной экспедиции» Баязида I летом 1394 г., принесшей значительные разрушения территории деспотата и вряд ли способствовавшей уверенности деспота в своих силах.

Как бы то ни было, но в ситуации 1396 г. турецкая опасность актуализировала проект заграждения Коринфского перешейка сплошной стеной, заставив участвовать в этом деле все силы Пелопоннеса: деспот Феодор, Венеция и даже наваррцы [566, Р. 147].

В силу отмеченного, стремление деспота во что бы то ни стало получить Коринф в свое управление, который уже тогда называли «ключом к территории» полуострова, а также последующее обращение Феодора к помощи венецианцев при восстановлении оборонительной стены Гексамилей, разделяющей Среднюю Грецию от Южной, не оставляют сомнений в осознании Феодором всей угрозы, исходящей от войск Баязида. Очевидно, деспот ожидал очередного нападения, которое не заставило себя ждать (поход начала 1396 г.). Поэтому намерения Феодора приобрести Коринф носили скорее стратегический характер. Коринф мог использоваться в качестве оборонительной крепости с целью недопущения турок на полуостров. Но нельзя отрицать и возможности экспансионистского подтекста в действиях деспота. Несмотря на все трагические события этого периода, правители Византии не оставляли надежды вернуть утерянные территории. Это касается как Фессалоники, так и земель на Пелопоннесе, некогда всецело принадлежавших империи. В таком случае, Коринф являлся главной целью Феодора на севере полуострова, после достижения которой подчинение Пелопоннеса стало бы задачей внутритерриториального характера.

Период 1393–1400 гг. был насыщен событиями, лейтмотивом которых так или иначе была нависшая турецкая угроза. Ряд авторов указывают на то, что в данный период турки еще не воспринимались как смертельная опасность для существования византийских владений на полуострове: набеги османов имели характер краткосрочных и грабительских и могли заканчиваться для султана неудачей. На наш взгляд с этим нельзя согласиться: несмотря на краткосрочность набегов, их масштабность и разрушительность невозможно недооценить. Сюжеты напрямую могли не касаться турок, но мотивами действий Феодора всегда оставались взаимоотношения деспотата с султанатом в виду турецкой опасности. Об этом говорят как условия заключаемых соглашений: предоставление убежища в экстренных случаях семье деспота и даже императора (с Венецией), а также стремление овладеть «ключом к территории» Пелопоннеса, Коринфом, с целью объединить разрозненные силы полуострова для защиты его территорий. Так, можно наблюдать, что Феодор использовал различные методы для борьбы с турками, однако в целом они были неэффективными: поддерживая ту или иную сторону в борьбе между правителями Пелопоннеса, османы достигли самых южных гаваней полуострова, Корона и Модона.

В рамках научной темы «Византийская империя в периоды расцвета (на примере эпохи Македонской династии, середина IX – первая половина XI в.)» статьи были подготовлены д.и.н., проф. В. П. Степаненко, к.и.н., доц. А. С. Моховым, к.и.н., инженером-исследователем НОЦ «Византиноведение» И. С. Охлупиной, магистрантом К. Р. Капсалыковой.

В статье А. С. Мохова «К вопросу об эволюции придворных должностей в Византии X–XI вв.: domestik и пургии» на материале византийских военных трактатов второй половины X – начала XI в. исследуется состав и функции τὴν βασιλικὴν ὑπηρεσίαν – свиты, сопровождавшей византийского императора во время военного похода. Особое внимание уделено должностным обязанностям ἐπὶ τῆς τραπέζης и δομέστικός τῆς ὑπουργίας.

Во второй половине X – начале XI в. в Византии было создано несколько практических военных руководств, которые в историографии принято называть «военными трактатами». В эту группу источников обычно включают сочинения Praecepta militaria, De velitatione, De castrametatione и Taktika Никифора Урана [572, Р. 369-373]. Почти одновременное появление данных текстов обусловлено тем, что к середине X в. византийскими военачальниками был накоплен значительный опыт ведения боевых действий против арабов и болгар, и возникла необходимость его обобщения. Кроме того, активизация византийской внешней политики привела к увеличению численности вооруженных сил и формированию новых подразделений. Высший и средний командный состав императорской армии необходимо было готовить к новым войнам, и военные трактаты были незаменимы при обучении и подготовке войск [235, Р. 129-140].

Авторы военных трактатов второй половины X – начала XI в. не стремились охватить все аспекты стратегии и тактики. Напротив, в этих сочинениях рассматривается достаточно узкий круг вопросов, связанных с боевым применением императорских вооруженных сил. В Praecepta militaria основное внимание уделено подготовке армии к большому походу против арабов. Автором подробно рассмотрено множество связанных с этим вопросов – от индивидуальной подготовки рядовых солдат до организации религиозной службы во время военной экспедиции [48; 51, Р. 3-78]. Трактат De velitatione посвящен особенностям ведения боевых действий против арабов. В нем анонимный автор обобщил уникальный опыт, накопленный несколькими поколениями византийских военачальников, руководивших фемными контингентами в «малой» пограничной войне на восточной границе империи [49; 50, Р. 137-239; 573, С. 7-230]. В сочинении De castrametatione основное внимание уделено организации крупного похода против болгар, обустройству походных

военных лагерей, разведке и осаде городов [574; 79, С. 63-90; 51, Р. 241-335; 573, С. 233-390].

Taktika в значительной степени отличается от практических военных руководств, перечисленных выше. Автором этого сочинения являлся магистр Никифор Уран, служивший в 997–1007 гг. на высших военных должностях доместика схол Запада и дуки Антиохии [575, С. 41-49]. Известно также, что «Тактика» была написана им по указанию императора. В итоге, Никифор Уран составил объемную компиляцию из военных трактатов IX–X вв., но добавил к ней несколько оригинальных глав, обобщающих военный опыт, накопленный за годы правления Василия II (976–1025) [576, Р. 281-312; 51, Р. 79-167].

Военные трактаты второй половины X – начала XI в. неоднократно публиковались, но издатели, как правило, отказывались от их подробного комментирования, ограничиваясь лишь объяснением наиболее важных терминов. А. Дэн указывал, что, в трактатах содержится «специальная военная терминология», которая использовалась исключительно в армейской среде [572, Р. 378]. С этим мнением можно согласиться лишь отчасти. Действительно, анонимных авторов *Praecepta militaria* и *De velitatione* сложно сравнивать с Филитом Синадином или Михаилом Пселлом. Однако трактат *De castrametatione* создавался не в «армейской среде», а в ближайшем окружении Василия II. Автор «Тактики» Никифор Уран был учеником Симеона Метафраста, его следует считать одним из наиболее ярких представителей византийской интеллектуальной элиты конца X – начала XI в. [53, Р. 45-48].

Необходимо признать, что специальная терминология военных трактатов исследована в недостаточной степени. В первую очередь, это касается названий должностей, воинских формирований, служб тылового обеспечения и органов гражданского управления. Данная статья посвящена рассмотрению ряда терминов, использованных анонимным автором *De castrametatione*.

Трактат был написан в последние годы X в. Фактически, в это время Василий II управлял Византией из армейского лагеря. Он годами не возвращался в Константинополь, и лично командовал полевой армией, проводившей военные операции на Балканах, в Северной Сирии и Закавказье. При императоре постоянно находились чиновники из императорской канцелярии (протоасикрит или каниклий), ведомства императорских имуществ (препозит идики или филак), сакеллы, военной логофесии и т.д. С одной стороны, эти должностные лица занимались привычной для себя деятельностью: готовили для императора различные документы, вели переписку со столичными и провинциальными органами управления, выполняли разнообразные поручения. С другой стороны, они должны были вместе с армией совершать длительные переходы и вести походный образ жизни.

С середины 90-х гг. X в. император начал уделять особое внимание скорости перемещения войск. Быстрая передислокация больших армейских контингентов с одного «театра военных действий» на другой стала основной тактической установкой Василия II. В течение нескольких лет была проведена реорганизация ряда гражданских ведомств, отвечавших за снабжение войск. В результате, регулярные тагмы получили возможность совершать длительные переходы, не обременяя себя большими обозами. Все необходимое они получали по пути следования в митатах, аплектах или императорских кураториях. В приграничных районах необходимое для войск продовольствие приобретались за деньги. Поставки материальных ресурсов должны были обеспечить гражданские чиновники, сопровождавшие армию [577, С. 314-315].

Для создания эффективной системы материального обеспечения полевой армии потребовались долгие годы и значительные денежные средства. Между тем, сам Василий II вел аскетический образ жизни. Михаил Пселл писал, что к придворной роскоши император относился с презрением, а сам довольствовался лишь самым необходимым [287, Vol. I, P. 12.4.1-4, 47.32.1-14]. Он значительно уменьшил количество нонкомбатантов, сопровождающих армию [574, P. 26.3-26]. Известно, что во второй половине IX – первой половине X в. βασιλικὴ ὑπηρεσία достигала 200 человек. Отметим, что термин βασιλικὴ ὑπηρεσία неоднократно встречается в De Ceremoniis и обозначает совокупность лиц, обслуживавших императора во время похода [58, P. 88, 98, 167]. При Василии II численность «императорской свиты» сократилась. Сведения об этом, в частности, сохранились в De castrametatione.

В первой главе этого военного трактата содержится подробная инструкция по обустройству походного лагеря. В ней говорится о том, как выбирать место для стоянки войска, как возводить полевые укрепления, в каком порядке армейские подразделения должны располагаться на территории лагеря и т.д. [50, P. 248-254; 573, С. 319-333]. Значительное внимание автор уделяет размещению императора и его свиты: «ἐκτὸς δὲ τοῦ τοιοῦτου χωρίου κατὰ τὸ εὐώνυμον μέρος πηγνύσθω ἡ τοῦ πρωτοβεστιαρίου σκηνή, κατὰ δὲ τὸ δεξιὸν τοῦ ἐπὶ τῆς τραπέζης ὀπισθεν δὲ τοῦ πρωτοβεστιαρίου ἡ τοῦ φύλακος καὶ καθεξῆς κοιτωνιῶν καὶ ἐβδομαρίων καὶ λοιπῶν τῶν διακονούντων οἰκείως τῇ βασιλικῇ ὑπηρεσίᾳ...» («За пределами этого пространства слева следует разбить палатку протовестиария, справа – ἐπὶ τῆς τραπέζης; позади протовестиария – палатку филака и затем – китонитов, евдомариев и прочих слуг из императорской ипересии») [574, P. 5.14-19].

Следует отметить, что в этом отрывке не упоминаются чиновники столичных ведомств (логофесии геникона, стратиотиков, дрома и т.д.). Перечислены только должностные лица различных придворных служб, отвечавших за организацию походного быта василевса. Например, филак (φύλακος) являлся служащим личного императорского казна-

чейства. Известно, что в конце X – начале XI в. личное императорское казначейство входило в состав ведомства императорских имуществ (ἐπὶ τοῦ εἰδικοῦ λόγου) [248, Р. 310-311 and n. 262; 61, Р. 276-277]. Во время военной экспедиции он и его подчиненные (ἐβδομάριοι τοῦ εἰδικοῦ) отвечали за перевозку и сохранность войсковой казны [58, Р. 118, 128, 167]. Функции протовестиария (πρωτοβεστιάριος, «хранитель императорского гардероба») также хорошо известны. Это была вторая по значимости должность в иерархии придворных евнухов после паракимомена [578, Р. 185-225]. Помимо выполнения своих прямых обязанностей, протовестиарий, как правило, был влиятельной политической фигурой и входил в число ближайших советников императора. Известно также, что после отставки в 985 г. паракимомена Василия Лакапина, Василий II долгое время никого не назначал на этот пост. Следовательно, подчиненные паракимомену придворные евнухи (китониты, евдомарии и пр.) временно оказались под началом протовестиария [579, Кн. I, С. 155-156, Кн. II, С. 7-11; 36, Р. 130, 305-306].

Еще одно должностное лицо, упомянутое в *De castrametatione* – это ἐπὶ τῆς τραπέζης. Происхождению этой дворцовой службы посвящена обстоятельная статья В. Зайбта. По мнению австрийского исследователя, византийская должность ἐπὶ τῆς τραπέζης происходила от позднеантичной *sacri castrensis palatii* (греч. καστρήσιος) [580, S. 34-38; 241, Р. 567-569]. Функции ἐπὶ τῆς τραπέζης известны из «Книги церемоний» Константина Багрянородного. Они состояли в организации и проведении праздничных трапез в императорском дворце (обеды во время пасхальной недели, встречи василевса с синклитом, военачальниками и духовенством, приемы иностранных послов) [171, Vol. I, Р. 293-294, Vol. II, Р. 742-744]. Однако в этом источнике ἐπὶ τῆς τραπέζης упоминается всего несколько раз. Значительно чаще в *De Ceremoniis* говорится об его заместителе – доместике ипургии (термином ὑποურγία в источниках обозначается группа дворцовых слуг самого низкого ранга; они не имели придворных титулов и набирались на службу, в основном, из окрестностей Константинополя) [581, Р. 182-183].

Δομέστικος τῆς ὑποურγίας упоминается в источниках с первой половины IX в. [36, Р. 61.11, 306]. Его должностные обязанности были весьма разнообразны. Как в мирное время, так и в военном походе он отвечал за обеспечение императорского стола качественными продуктами и вином. Для закупки необходимого продовольствия ему выделялись деньги из личной императорской казны. Кроме того, он руководил кухонной и столовой прислугой, отвечал за перевозку императорского багажа, продуктов, мебели, посуды и пр. [171, Vol. I, Р. 463-464; 58, Р. 102-104, 120, 200-201].

Отметим также, что доместику ипургии приходилось постоянно взаимодействовать с другими чиновниками: куратором Манган (поставки продовольствия к императорскому

столу), препозитом идика (получение λογάριον, денег для закупки продуктов и вина), протовестиарием (руководство императорской прислугой во время военного похода), доместиком Оптиматов (организация перевозки императорского багажа и других грузов) [582, Σ. 88-89, 97-99]. По мнению В. Лорана, должность δομέστικός τῆς ὑποურიᾶς была незначительной и подчиненной. Однако она давала возможность общения с влиятельными людьми, что могло способствовать продвижению по службе [583, Р. 39]. В качестве примера французский исследователь приводит карьеру протоспафария Константина Липса, который при Льве VI (886–912) служил доместиком ипургии, а позже стал анфипатом, патрикием и великим этериархом [19, Vol. I. Р. 190.43-45].

По сфрагистическим данным могут быть установлены еще три доместика ипургии:

1. «Андрей, императорский спафарокандидат и доместик ипургии христолюбивого деспота». По сфрагистическому типу моливдовул датируется второй половиной X – первой половиной XI в. [583, Р. 39-40, по. 4].

2. «Константин, протоспафарий, доместик ипургии и аколуж». Печать конца X – первой половины XI в. [205, Р. 236, по. 429].

3. «Феодор Хрисилий, протоспафарий и доместик ипургии». Булла датируется первой половиной XI в. [584, S. 84, Anm. 75].

Судя по моливдовулам Константина и Феодора Хрисилия, можно не согласиться с В. Лораном, считавшим доместика ипургии «малозначительным и зависимым» должностным лицом. Титул протоспафария в конце X – первой половине XI в. считался высоким, именно такой ранг был у большинства фемных стратиггов. Константин, кроме того, совмещал службу в императорской ипургии с военной должностью аколужа (командира отряда императорской этерии). Отметим также, что определенная связь доместиков ипургии с некоторыми элитными воинскими формированиями существовала. Известно, что на время военного похода доместик Оптиматов должен был передать во временное подчинение доместику ипургии часть своих солдат для охраны императорского обоза и присмотра за погонщиками [58, Р. 116-118].

Подводя итоги, отметим, что эволюция должностей ἐπὶ τῆς τραπέζης и δομέστικός τῆς ὑποურიᾶς во многом совпадает с теми изменениями, которые происходили с другими, более высокими, чинами придворных евнухов. С середины X в. наблюдается значительное увеличение властных полномочий паракимомена и протовестиария. Во многом это связано с субъективным фактором. В 50–80-е гг. X в. данные посты занимали Иосиф Вринга и Василий Лакапин. Первый из них фактически правил Византией за императора Романа II (959–963) [641, Σ. 87-115], а второй возглавлял органы гражданского управления империей при Иоанне I Цимисхии и Василии II (до 985 г.) [202, Р. 199-234]. В то время, когда пара-

кимомеи или протовестиарий занимались общегосударственными делами, их обязанности при дворе стали исполнять заместители. Фактически, посты протовестиария, паракимомеи, а в более позднее время – орфанотрофа, превращаются в личные почетные титулы [133, Р. 128-130]. Должность ἐπί τῆς τραπέζης также стала почетным титулом к концу XI в., а присущие ей функции постепенно перешли к доместику ипургии.

И. С. Охлупина, автор статьи «Парадигмы мужской и женской святости в византийской агиографии» считает, что жития святых, несмотря на их традиционное подражание более ранним моделям святости, непосредственно отражали систему представлений, социальных приоритетов византийского общества, в рамках которого они были созданы. Стандартный набор качеств святого человека, будь то мужчина или женщина, распространялся с целью унификации социального поведения мужчин и женщин и установления контроля церковных институтов над его различными формами. Поэтому исследование принципов моделирования образа святого позволит частично реконструировать стереотипы восприятия святости и навязываемые социумом модели поведения мужчин и женщин в Византии.

Агиография средневизантийского периода сгенерировала несколько типов святости, с которыми соотносились жития, как святых мужчин, так и женщин: а именно тип монашеского благочестия или отшельничества, промежуточный тип святости – святого (святой), побывавшего в браке, и тип мирской святости. В данной статье нашей задачей будет выборочно проанализировать в рамках обозначенных выше типов святости в социально-культурном аспекте жития святых мужчин и женщин средневизантийского периода для того, чтобы реконструировать и сопоставить образы святости мужчины и женщины.

Монашеский тип святости в изучаемый период можно рассмотреть на примере житий святых женщин Феоктисты с о. Лесбос [45, Р. 101-116], Афанасии Эгинской [45, Р. 142-158], Ирины из Хрисоволанта [585] и святых мужчин Михаила Иерусалимского (IX в.) [586, С. 242-290], Симеона Юродивого (VII–IX вв.) [586, С. 125-184], Симеона Нового Богослова (XI в.) [587, 9, С. 151-208; 10, С. 264-302], Никиты Мидийского (IX в.) [588, С. 156-179], Николы Чудотворца (IX в.) [586, С. 291-321]. Монашеский идеал святого определял добродетели, тесно связанные с практиками аскезы, трудом, бдениями, молитвами, послушанием, постоянными излияниями слез, символизировавшими акт очищения души, и часто был связан с «апостольским даром святого», проповедничеством.

Монашеский идеал мужской и женской святости предполагал отречение от всего мирского, отрицание ценности семейных уз и родственных связей. «Ибо ни любовь матери, ни отца, ни толпы братьев, ни богатство, ни слава, ни брачные узы, ни привязанность

детей не смогут смягчить судию, а только добродетельная жизнь, труды и подвижничество во славу Божию» [586, С. 134].

Жития святых мужчин и женщин демонстрируют характерный набор топосов, используемых для подтверждения совершенства и избранности святого, в частности, уподобление святого образу Христа, апостолов или же ранее прославившихся подвижников. Идеал аскетической жизни, борьбы против искушения и греха всегда описывался мужскими метафорами [589, Р. 95]. Так, монахиня, подвизавшаяся в совершении аскетического подвига, сравнивалась с атлетом, бесстрашно боровшимся на арене, игуменья уподоблялась генералу, который возглавил монахинь в битве против демонов, угрожающих им [590, Р. 9]. Подражание святых женщин мужским добродетелям привело к появлению святых женщин, подстригшихся и одетых как монахи, и подвизавшихся в мужских монастырях или монастырях для евнухов [591, Р. 141-148; 592, Р. 597-625]. В рассматриваемый период образы таких женщин встречаются редко (Анна/Евфимий, Евпраксия Олимпийская), однако тенденция описания подвига монахини в мужских метафорах и эпитетах сохраняется [593, Р. 85]. Так, святая Фомаида «была мужественной в добродетели и старалась превзойти над своей природой (т. е. полом) через усердную работу ради добродетели» [45, Р. 305].

Искушения дьяволом, описываемые агиографами по образцу искушений, которым подвергся Христос, являлись одним из способов открыть святость праведника [594, С. 81]. Так, святая Ирина из Хрисоволанта противостояла бесам, хулившим ее за благочестивый образ жизни [585, Р. 44]. Святых мужчин часто одолевало дьявольское плотское искушение. Слепыми орудиями дьявола в житиях святых мужчин часто выступали безликие женщины-искусительницы и развращенные грешницы [595, С. 234; 596, С. 104; 586, С. 320].

Идеал святости, представленный в житиях святых монахов и монахинь, утверждает полную отрешенность от мира и неприемлемость для состояния духовного самосовершенствования приверженности семейным узам и природной любви. «Реестр достоинств» святого, прославляемый в житии, служил своеобразным ориентиром в достижении духовного совершенства для людей, подвизавшихся в монашеском образе жизни, и церковного клира. Святые монахи и аскеты, достигшие превосходства над силами тьмы, вызывали восхищение и трепет и у благочестивых мирян, утверждая значимость христианских ценностей. Наставления святой игуменьи Ирины из Хрисоволанта монахиням, приведенные в житии [585, Р. 38], могли служить поучительным руководством воспитания добродетелей не только для монахинь вообще, но и для мирян.

Мужчины в византийском обществе рассматривались как более приспособленные природой к совершенствованию на пути добродетели, чем женщины [192, Р. 20]. В связи с

этим очень часто принадлежность к слабому полу служила литературным фоном для создания похвал героине, которая превзошла мужчин, несмотря на то, что была женщиной, мужествовала в аскетическом или мученическом подвиге. Этот противоречивый мотив жития святой побуждал к духовному самосовершенствованию не только женщин, но и самих мужчин [597, Р. 323-324].

В агиографической традиции рассматриваемого периода в ранг святости возводились также мужчины и женщины, побывавшие в браке: Евфимий Новый (IX в.), Феофан Сигрианский (IX в.), Феодора Солунская (к. IX в.), Афанасия Эгинская (IX в.). В житиях святых этого типа брак толковался как неизбежное испытание на жизненном пути святого. Жизнь в браке Афанасия Эгинская рассматривала как препятствие к монашеской и богоугодной жизни, поэтому она «убедила своего (второго) супруга после нескольких лет супружества покинуть мир и вступить на святой путь монахов» [45, Р. 144]. Святой Феофан Сигрианский по воле матери женился на знатной невесте. Однако святой от брачных обязательств совершенно воздерживался [598, С. 91]. Святой Евфимий Новый, женатый на благородной девушке Евфросинии, в 18 лет решил удалиться от мира. Воспоминания о матери, жене и друзьях он воспринимал как мирскую привязанность, которую подавлял евангельским словом [598, С. 470].

Другой тип святости, а именно святости в миру, можно проанализировать по житиям византийских женщин-святых – Марии Новой (X в.), Фомаиды с о. Лесбос (X в.), царицы Феофано (к. IX–X вв.) и святых мужчин Филарета Милостивого (VIII в.), Евстафия Плакиды [586, С. 419-450], Антония Нового (к. IX–н. X вв.), Илии Нового (X в.). Главное внимание в житии мирянина (мирянки) агиограф уделял не сверхъестественной природе достоинств святого, не религиозному подвижничеству в строгой аскезе в соответствии с идеалами монашеского поведения, но его личным добродетелям, внутренней интенции и душевному стремлению к моральному совершенствованию, особо подчеркивая его социальную ответственность. Так, святая Мария Новая заботилась, главным образом, о душе в женском теле, не останавливалась в праведном пути, пока ей не препятствовало серьезное заболевание [45, Р. 257]. Другая святая Фомаида с о. Лесбос также демонстрировала мужскую выдержку в следовании благочестивому поведению, несмотря на то, что муж жестоко бил ее [45, Р. 308]. Святой Филарет жертвовал все, что имел, ибо считал богатство тяжким бременем, за что получал упреки и брань со стороны жены и домочадцев [586, С. 221]. Добродетель нестяжательности в быту и милосердия была прославлена и в образах святых женщин. Мария Новая никогда не оставляла с пустыми руками нуждающихся [45, Р. 257], однако на дела милосердия она не расточала имущества ее мужа [45, Р. 261].

Жития некоторых святых мирян и жития святых мирянок освящали узы брака и родственные связи. Так, родители Фомаиды были «золотой командой» [45, Р. 299], Феодора Солунская «была опорой своего мужа в малодушии его» [599, С. 43], жена Евстафия – Феоктиста была «истинной помощницей и доброй советчицей» [586, С. 424] своего мужа. Семья святого Филарета Милостивого, несмотря на чрезмерную щедрость святого, однако, в итоге удостаивается богатства и чести [586, С. 214].

Жития святых мирян и мирянок помимо традиционных монашеских добродетелей восхваляли и иные добродетели, которые были тесно связаны с миром. В житиях святых женщин-мирянок прославляется внешняя красота святой, «поскольку ее внутренняя красота была отражена в красоте ее тела» [45, Р. 256], мудрое ведение домашнего хозяйства, материнство. В житиях мужчин-мирян – мужественность, практичность, воинские и государственные заслуги. Житие святого Евстафия Плакиды прославляет святого воина, который «научил варваров бояться возмездия за совершенные злодеяния» [586, С. 442]. Житие Антония Нового прославляет мужественность тела святого, ум и практичность [595, С. 218]. Среди других качеств святого мирянина и мирянки также прославляются трудолюбие, умение «своими руками добывать себе каждодневное пропитание и давать нуждающимся то, что им необходимо» [586, С. 217].

Индикатором особой избранности святого или святой служат сверхъестественные способности святого, в том числе и неподвластность земным законам, которые составляют особый аспект святости, харизматический. В житии Филарета Милостивого особая благодать неподвластности земному закону старения переносится на семью Филарета. Жена его, хотя в преклонных годах, блистает красотой, тоже самое касается его двух дочерей, и трех внуков [586, С. 229]. Земная красота служила маркером особой благодати, которая лежала на большом семействе святого. Сам блаженный Филарет умирает глубоким старцем, дожив до девяноста лет, однако, «ни зубов его, ни лица, ни десен не тронуло время: он был свеж, цветущ и светел ликом, как яблоко или роза» [586, С. 238].

Таким образом, жития святых, прославившихся в миру, несли в себе отражение нормативных этических установок византийского общества, в рамках которого они были созданы, в частности, особой ценности для византийцев семьи. Эти установки также позволяют судить о предполагаемом адресате, на которого нацелено житие, мирянах, для которых святой мирянин – идеал поучительного примера христианской жизни. Показательно поучение Филарета его детям: «будьте странноприимны, заступайтесь за вдов, опекайте сирот, не оставляйте страждущих, не отриньте содержащихся в темнице, не пропускайте служб церковных, не желайте чужого добра, не радуйтесь несчастью врага» [586, С. 236].

С просьбой об исцелении к мощам святых обоого пола обращались в равной степени как мужчины, так и женщины. К примеру, святая Афанасия Эгинская исцелила 5 мужчин и 6 женщин; Феодора Солунская – 7 мужчин и 9 женщин; Мария Новая – 21 мужчину и 11 женщин; Фомаида с о. Лесбос – 8 мужчин и 5 женщин. Однако стоит отметить, что святые мужчины предпочитали целить женщин благопристойных, почтенных матерей семейств или монахинь [600], тогда как святые женщины не брезговали исцелением проституток от специфических женских болезней, однако делали это при условии дальнейшего отказа от богопротивного образа жизни.

Святые женщины средневизантийского периода совершали множество чудес после своей смерти: являлись людям во сне, карали за непочтительное отношение к мощам, исцеляли различные недуги, содействовали установлению их почитания. Однако, женская святость, выраженная в посмертных чудесах у мощей святой, в противоположность мужской, реже была связана с публичной, общественной сферой деятельности, сверхъестественными деяниями в масштабе целого города или даже империи. Это было связано с тем, что культ как мужчин, так и женщин святых, пропагандируемый церковью, нес дидактические, культурно обусловленные функции в византийском обществе. Место в общественной жизни, политике и на воинском поприще в таком обществе принадлежало мужчинам, что нашло отражение и в посмертных чудесах святых. Мощи святых мужей после смерти могли «побороть силу целого народа, обличить безумие варваров, прекратить смертоубийство, остановить зверство» [600, С. 28], помочь разбить сарацин [600, С. 65]. Хотя некоторые святые женщины играли значительную роль в религиозном сообществе и в жизни благочестивых мирян, делали они это скорее по божественному призванию, чем по собственной инициативе [601, Р. 43]. Святая Ирина из Хрисоволанта выступала против несправедливости, чинимой самим императором, и даже угрожала ему, что в случае невыполнения ее распоряжения: «она настроит Господа против императора, грянет война, и тело императора станет пищей для животных и птиц» [585, Р. 90]. Этот сюжет был общим местом византийской агиографии [586, С. 313].

Агиограф при написании жития святой женщины или святого мужчины опирался на ранние образцы агиографической литературы, а также подражал универсальным примерам из Святого Писания, так как традиция освещала право святого на прославление; с другой стороны, сами святые в религиозном подвижничестве ориентировались на записи подвигов их предшественников, подвизавшихся на религиозной стезе. В сфере агиографического осмысления образ святого наиболее часто характеризовался через добродетели благочестия, богобоязненности, милосердия, скромности, трудолюбия, кротости, божий дар совершать чудеса и способность предвидеть свою кончину.

В изучаемый период идеал святости как мужчин, так и женщин, эволюционирует. С конца IX в. происходит возрастание этических аспектов святости, в том числе выходящих за рамки формальных требований специфической монашеской аскезы. Тенденция актуализации образа святого мирянина (мирянки) была связана с повышением внимания общества и церкви к ценностям крепкой семьи.

Таким образом, анализ наполнения добродетелями и признаков святости в образах святых мужчин и женщин обнаружил безусловные элементы сходства, связанные с каноном агиографического жанра и подражанием универсальным примерам благочестия из Святого Писания. Замеченные расхождения же в презентации святого мужчины и святой женщины были обусловлены, прежде всего, разными социальными ролями мужчин и женщин в византийском обществе, которые накладывали свой отпечаток на видение идеала праведности.

Святого мужчину до воцерковления отличают образованность и ум, тогда как женщина святая славится красотой, набожностью и благоразумием, трудолюбием, умением прясть. Эти качества могли бы сделать святых людей успешными в светском образе жизни, однако они выбирают духовное самосовершенствование и таким образом отказываются от своих преимуществ в миру. В образе святой женщины особый акцент делается на девственность как знак особой чистоты и непорочности, святая рассматривается как невеста во Христе.

В образе святого мужчины особый акцент делается на мудрость, грамотность, преуспевание в науке – владение «грамматикой, риторикой, философией» [586, С. 249]; демонстрацию силы святого – св. Симеона Богослова не может одолеть обезумевшая братия [587, 9. С. 171]. Образ святого мирянина в отличие от образа святой мирянки был связан не только с положительным отношением к семье, но и с успехами на светском поприще и на стезе войны, что было связано с патриархальным характером византийского общества.

Образ святой женщины связан с большей экзальтированностью, большей эмоциональностью, тогда как мужская святость связана с даром бесстрастия. Образ святой строится на противопоставлении природной женской слабости и мужских качеств – твердости и бесстрастия в вере. Показательно, что ориентиром праведности и благочестия для женщин-святых часто служили жития святых мужчин. С появлением житий святых мирян связаны новые вариации в мужском и женском идеале святости. Мужчина-святой часто остается оторванным от проблем семьи, тогда как женщина-святая заботилась о воспитании детей, таким образом, освящая новую добродетель святости – материнство, которая была тесно связана с образом Богородицы.

В статье К. Р. Капсалыковой «Ангел Сатаны»: Иван Владислав в средневековой историографии» рассматривается литературный образ болгарского царя Ивана Владислава (1015–1018). Автор считает, что последний правитель Первого Болгарского царства никогда не пользовался расположением исследователей. Если с Самуилом, основателем державы, который стойко боролся с Византией на протяжении почти сорока лет, связывается становление и величие государства, то с его племянником, Иваном Владиславом, ассоциируется его быстрое и трагическое, в том числе, и для современного болгарского самосознания, падение.

В конце X в. четверо братьев – Аарон, Моисей, Давид и Самуил – воспользовавшись смертью царя Петра, захватили власть на территории Болгарии. Наиболее удачливый и талантливый из них, Самуил, сумел победить византийскую армию в битве при Штипо-не в 986 г. К этому же году относится начало семейной трагедии Ивана Владислава. Его отец, Аарон, был убит Самуилом июльским днем в местечке Раметаница. Византийский хронист Иоанн Скилица объяснял это тем, что Самуил «заподозрил брата в связях с ромеями» [11, Р. 329]. Сторонники примирения с Византией среди болгарской знати были. В частности, на прекращении войны против Василия II настаивал даже сын Самуила Гавриил Радомир.

Судя по хронике Скилицы, именно Гавриил Радомир спас Ивана Владислава от гибели, причем это был едва ли не первый самостоятельный политический шаг наследника Самуила. Другой источник, Летопись Дуклянского Анонима, созданный в союзных Византии сербских землях, также указывает на то, что Гавриил Радомир стремился нормализовать отношения с империей. Примечательно, что тон Летописи сразу смягчается, когда речь заходит о «храбром, сильном Радомире» [602, Р. 131].

Отметим, что в эти годы Гавриил Радомир и Иван Владислав объективно были союзниками, их политические позиции во многом совпали. Оба они считали, что время завоевательных походов и кровопролития подходило к концу. К 1001 г. Византия разрешила наиболее острые проблемы на Востоке и была готова вести долгую войну на Балканах. Болгария же, не обладавшая столь мощными экономическими и военными ресурсами, вынуждена была искать себе союзников. Особенно важными в этом отношении становились контакты с богатым сербским Поморьем.

Союз Болгарии с сербскими землями мог уравновесить ситуацию на Балканах. Однако жесткая военно-административная система, созданная царем Самуилом, не допускала подобной политики. Как известно, Самуил опирался на могущественные аристократические кланы, настроенные продолжать войну против Византии. Полководцы болгарского царя, получившие обширные полномочия и контроль над приграничными с империей кре-

постями, желали продолжать грабительские набеги на территорию Византии. Наиболее верные сторонники «военного человека» Самуила – Кракра, Гавра, Драгшан и др. – не хотели менять привычный образ жизни.

Противоречия в военно-политической верхушке Болгарского царства только приближали его гибель. После битвы при Беласице и смерти Самуила в 1014 г. Гавриил Радомир пытался прекратить войну с императором Василием II, отправляя ему письма с предложением мира. Однако эта инициатива слишком запоздала. Верный установкам византийской дипломатии, император продолжал вносить раскол в окружение Гавриила Радомира. В Летописи Дуклянского Анонима приводится текст письма Василия II к Ивану Владиславу: «Почему бы тебе не отмстить за кровь отца? Возьми золото и серебро у меня, сколько нужно, и замиришься с нами, и прими царство Самуила, который убил твоих отца и брата. Если это удастся, убей его сына Радомира, который в настоящее время управляет царством» [602, Р. 130]. Данное предложение показалось Ивану Владиславу дельным; уже к концу лета 1015 г. Гавриил Радомир был убит во время охоты близ Острова. Хартофилакс Иоанн Ставракий писал, что «измученный... народ благодарил за убийство Гавриила Радомира» [603, С. 127-128].

После смерти сына Самуила наступила очередь его союзников. В 1016 г. погиб сербский князь Иван Владимир, муж сестры Гавриила Радомира по имени Тодора Косара. Известно, что этот, впоследствии канонизированный, сербский правитель всегда был лоялен к Византии. Более того, одно время он даже был пленником Самуила, и избежал участи византийского военачальника Иоанна Халда, который находился в болгарском плену двадцать два года (986–1018) [11, Р. 357] только благодаря женитьбе на Тодоре Косаре.

Устранив наиболее серьезных соперников, Иван Владислав, тем не менее, не сумел удержаться на престоле, и вскоре погиб сам. В Летописи Дуклянского Анонима содержится баснословное описание этого события: «Во время обеда... вдруг появилась фигура святого Владимира [Ивана Владимира – *К.К.*]... Царь принялся громко кричать: «Скорее, воины, князь сейчас убьет меня!», а после хотел было бежать, но ангел ударил его, и царь рухнул замертво... Порочный убийца, превративший Владимира в мученика, сам погиб только лишь затем, чтобы сделаться ангелом Сатаны» [602, Р. 139]. Примечательно, что в Летописи этот сюжет является прологом к рассказу об окончательном завоевании сербского Поморья византийскими войсками. В 1018 г. царица Мария, жена Ивана Владислава, сдалась на милость Василия II, а держава Комитопулов прекратила свое существование.

История, напоминающая библейский рассказ о Вальтасаре, стала зеркалом, отражающим оценки Ивана Владислава в средневековой историографии. Отметим, что как самостоятельного политика, в отличие от Самуила или Аарона, его не рассматривает ни один

автор. В западных хрониках (Адемар, Луп Протоспафарий) Иван Владислав вообще не упоминается. Сведения о его потомках в средневековых хрониках легендарны и отрывочны. Исключением является дочь Екатерина, которая была выдана замуж за Исаака Комнина, будущего византийского императора. Отметим также, что болгарские полководцы, не смирившиеся с гибелью державы Комитопулов, и продолжавшие отбивать атаки византийских войск в горном районе Тмора, воспринимались средневековыми авторами как самостоятельные политические фигуры, а не подданные Ивана Владислава.

Таким образом, непродолжительное правление Ивана Владислава отражено в средневековой историографии схематично. Пытаясь укрепить свою власть и престиж среди подданных, он вынужден был постоянно подчеркивать родство с «Самуилом, царем самодержным» [604, С. 123-133]. Однако в политике Ивана Владислава не прослеживается какая-либо преемственность с политическим курсом Самуила. По сути, единственным самостоятельным деянием последнего болгарского царя стало убийство сербского князя и византийского союзника Ивана Владимира. Популярности болгарскому правителю это не прибавило, а напротив, только ускорило падение болгарской державы.

В статье д.и.н., проф. А. И. Романчук «Юбилейные страницы уральской Херсониады» дан анализ отражения идей М. Я. Сюзюмова о византийском городе в процессе раскопок археологической экспедиции Уральского государственного университета в Херсонесе. Статья также посвящена 185-летию начала археологического изучения Херсонеса Таврического. К 1827 г. относится первый «археологический сезон» на территории Херсонесского городища. В течение длительного периода исследований Херсонеса – Херсона – Корсуни многими поколениями историков были получены материалы, позволяющие восстановить некоторые страницы истории этого города. Во второй половине XX столетия к изучению этого Северо-Причерноморского центра присоединились историки Свердловска. В 1961 г., когда были получены первые результаты раскопок, М. Я. Сюзюмов, заведующий кафедрой тогда еще Всеобщей истории Уральского университета, написал: «Изучение истории Херсонеса занимает особое место. Этот город является в исторической науке как бы соединительным звеном истории античной, средневековой и ранней истории СССР. Проблемы города стали изучаться в широком плане особенно после того, как на основании заключенного соглашения о научном сотрудничестве между кафедрой Всеобщей истории и Херсонесским музеем ежегодно стали организовываться экспедиции в Херсонес...» [161, С. 320-323]. Данное обращение к некоторым памятным датам, отражающим научные результаты раскопок и страницы истории непосредственно Крымской экспедиции, является долгом памяти тем, кто стоял у ее истоков. Кроме приведенных выше имен следует добавить имена – Виталия Николаевича Даниленко (1936–2007), который в 1963 г. стал асси-

стентом кафедры и в последующем воспринял эстафету руководства Крымской экспедицией у Е. Г. Сурова. Сам Е. Г. Суров после окончания семилетки в г. Ельце поступил в педагогическое училище, затем в Московский педагогический институт им. В. И. Ленина. В годы учебы в институте заинтересовался экономической историей Херсонеса. Его работа на соискание ученой степени кандидата исторических наук посвящена виноделию Херсонеса античного периода [605, С. 93-128]. Следует упомянуть также С. Ф. Стржелецкого, сотрудника Херсонесского музея, который в 1941 г. сопровождал Херсонесские древности на Урал. Необходимо отметить, что некоторые из упоминаемых в данной заметке фактов уже приводились ранее в наших работах. И все же, если расширять «тематику» памятных дат, отражающих участие уральцев в воссоздании истории Херсонеса следует упомянуть имя создателя на Урале первого музея, посвященного древностям Северного Причерноморья, коллекционера из с. Александровское В. В. Голубцова-старшего (1856–1892). Научная значимость его коллекции представлена в недавно опубликованной статье [606, С. 102-110]. Появление домашнего музея Голубцовых и создание ими представительной коллекции «антиков» является свидетельством давнего интереса к истории Херсонеса Таврического, о раскопках в котором научная общественность Екатеринбурга была осведомлена – первый заведующий Херсонесским городищем и музеем К. К. Косцюшко-Валюжинич (1847–1907) являлся почетным членом-корреспондентом Уральского общества любителей естествознания с 1901 г. [607].

Страница первая: 1941/1942–1947 г. Эвакуированный в октябре из Севастополя груз – архивные дела и некоторые археологические находки, – только в самом конце декабря прибыли в Свердловск. О перипетиях двухмесячной дороги говорится в путевом дневнике С. Ф. Стржелецкого, который описал и задержки вагона с грузом из Херсонеса, и причины нарушения целостности ящиков, в которые он был помещен. Однако, это другая страница из истории Херсонеса, для данной нас интересует запись в начале 1942 г., где сказано «Из уральцев особо выделяем Евгения Георгиевича Сурова, доцента Свердловского педагогического института, который не только сам лично включился в работу по проверке вывезенного имущества, но привлек к этому делу и своих студентов. В нетопленном помещении, при температуре ниже нуля эти добровольцы самоотверженно трудились на благо музея» [608]. Работа по приведению в порядок пострадавших от дождя и снега, бомбежек материалов – это начало первой страницы Уральской Херсониды. Завершением ее стала подготовка в 1947 г. исследования Е. Г. Сурова о рыбозасолочном промысле Херсонеса. Оно построено на статистической обработке имеющихся в отчетах о раскопках данных, что позволило исследователю сделать вывод, кардинально отличающийся от изложенного другими историками, полагавшими, что развитие рыбозасолочного промысла в Херсонесе

было обусловлено нахождением в Крыму римских легионеров и промысел перестал носить товарный характер после IV в. (их ухода из Таврики). Подсчет возможного количества изготавливавшегося в цистернах продукта (соуса) привел Е. Г. Сурова к выводу, что цистерны существовали не только в первые четыре столетия нашей эры, но и позднее [609, С. 3-47.].

Страница вторая: 1957/1958–1962 гг. Вывод о товарном характере производства рыбного соуса в цистернах, построенный на не во всех случаях точных и полных данных, особенно это касалось материалов раскопок XIX столетия, требовал подтверждения. Это стало одной из задач созданной по инициативе Е. Г. Сурова и М. Я. Сюзюмова экспедиции, начавшей в 1958 г. раскопки одной из цистерн, а затем и территории, прилегающей к ней.

Для М. Я. Сюзюмова раскопки в Херсонесе представляли интерес, поскольку в отличие от других византийских городов, имевших территориальный континуитет (возникших в античное время и сохранивших значение в средние века), значительная часть Херсонеского городища не была затронута строительством в Новое время. Далее, город пережил эпоху Великого переселения народов. В письменных источниках упоминались некоторые события VII – VIII вв., которые касались Херсонеса, в период, который из-за малочисленности свидетельств в научных штудиях именовался как период «темных веков». В дискуссиях со сторонниками теории дезурбанизации Византии, М. Я. Сюзюмов придерживался тезиса о том, что византийские города в отличие от городов Западной Европы, сохранили присущие им функции в середине VII – середине IX вв., допуская при этом наличие кризисных явлений в переходное от Античности к Средневековью время [610, С. 38-70; 611, С. 91-130].

Раскопки Херсонеса, полагал исследователь, позволят выявить причины малочисленности археологических свидетельств. Спустя почти 10 лет была опубликована монография В. Б. Блаватского, в которой он показал, что обыденная жизнь фактически не находит отражения в стратиграфии, мощный культурный слой образуется в результате чрезвычайных обстоятельств (пожаров или природных катаклизмов), менее насыщенные находками являются слои строительства [612, С. 191-192]. Не останавливая внимания на всех наблюдениях Е. Г. Сурова 1958–1961 гг., отмечу только то, что значительным итогом раскопок первых лет работы стало изменение представлений о времени развития рыбозасолочного промысла. Раскопки показали, что раскапываемая уральцами рыбозасолочная цистерна была построена не ранее конца V – начала VI в. (одна из ее стен перекрыла склеп, что позволило получить данные о времени ее возникновения). Вероятно, в середине VI в. (или несколько позднее) началось возведение базилики, и участок, где находилась цистерна подвергся нивелировке. Действующим храмом базилика была, судя по находкам

монет, по крайней мере, до первых десятилетий XI в. [613, С. 65-102; 614, С. 67-70]. Так в результате стратиграфических наблюдений и находок была «заполнена» одна из хронологических лакун археологии византийского Херсона. Но раскопки, хотя они привели к существенным результатам, производились на небольшом участке. Так появилась новая задача: выявить последовательность строительства на территории целого квартала. Это обусловило создание Объединенной экспедиции.

Страница третья: 1963–1976 гг. Инициатором создания Объединенной экспедиции (Уральский и Харьковский университеты и Херсонесский заповедник) выступил С. Ф. Стржелецкий. Объектом исследований был избран один из кварталов в портовом районе городища, где мощность культурного слоя являлась наиболее значительной (ок. 8 м) в сравнении с другими районами.

Раскопки квартала (площадь его 2,5 тыс. кв. м) выявили эллинистический комплекс, прекративший существование около IV в. н. э., рыбозасолочную цистерну, засыпанную в начале VII в., слой разрушения этого же времени с многочисленными находками, датированный монетами; цистерну, использовавшуюся в течение IX в.; была прослежена планировка (и количество) жилых усадеб двух периодов поздневизантийского периода; получены целостные комплексы керамических изделий и разработана их классификация. Безусловно, отмеченное выше не исчерпывает всех наблюдений и результатов, но на одном следует остановиться более подробно: значении нумизматического материала при создании концепции развития византийского города VII–IX вв. Тем более, что именно благодаря тщательной фиксации археологического контекста нумизматических находок Е. Г. Сурову удалось показать непрерывность обитания на изучавшемся до 1963 г. участке. Наблюдения Е. Г. Сурова подтверждали тезис М. Я. Сюзюмова о том, города византийские (Херсонес – Херсон в том числе) переживали в переходный период кризисные или стагнационные явления [66, С. 264-269], но не «обезлюдели» (гипотеза об «обезлюдении» Херсонеса, переживавшим аналогичную другим византийским городам «судьбу», повторялась фактически во всех работах до 1969 г.).

Значение находок монет при выявлении особенностей развития города отмечали многие византинисты. В частности, сербский историк Г. Острогорский, взгляды которого относительно развития византийского города периода «темных веков» были близки концепции М. Я. Сюзюмова, писал о большом внимании к проблеме города среди других фундаментальных вопросов истории Византии, подчеркивая, что отсутствие прямых свидетельств о состоянии экономического развития делает особенно значимыми нумизматические материалы. Г. Острогорский отмечал, что у византийских авторов с их вниманием, устойчиво направленным к столице и имперскому суду, содержатся немногочисленные

данные о других городах; в официальных документах аналогичное положение – очень редко названы конкретные центры, как для ранневизантийского, так и для более позднего периода, именно поэтому находки монет столь значимы при изучении города [615, Р. 47].

В данном случае небезынтересно мнение специалистов в области нумизматики. Так киевский историк В. А. Анохин отметил, что «факт прекращения собственной чеканки не может быть использован как довод в пользу тезиса об упадке городской экономики», поскольку в период правления Ираклия (610–641) были проведены меры по упорядочению денежного обращения: массовая надчеканка на монетах IV–V вв. «Эта реформа обеспечила стабильность денежного обращения на длительный отрезок времени... поскольку это связано с политическими задачами» [616, С. 106–108]. Это мнение специалиста в области нумизматики объясняет малочисленность находок монет VII–VIII вв., на основании чего, как правило, делается вывод о кризисном развитии городской экономики. В данном случае следует подчеркнуть, что при демонстрации экономического развития византийского города привлекаются статические данные, в которых монеты распределяются по годам выпуска, а не по длительности их обращения.

Влияние концепции М. Я. Сюзюмова и его логики в доказательствах выдвигаемых гипотез привели к тому, что при анализе нумизматических свидетельств из раскопок Объединенной экспедиции было обращено внимание на некорректность выводов на основании статистики, создаваемой без учета археологического контекста и состава совместных находок, в которых наряду с монетами VII в. имелись и более ранние, что изменило отношение к тезису о единичности находок монет для периода «темных веков». Не останавливаясь подробно на конкретных результатах и их публикациях, приведу только оценку, которая была дана раскопкам Уральского университета зарубежными коллегами. Так, английский историк Д. Смидли, отметив богатейшие возможности археологического изучения Херсонеса в сравнении с другими центрами Византии, писал, что недостатком раскопок до 1950 г. являлось отсутствие «дробной» стратиграфии». При изучении раскапываемых до середины XX в. кварталов в северном районе городища были выделены следующие слои: V–VI вв., IX–X вв., XII–XIII вв. С 1958 г. меняется направление и характер исследований [617, Р. 173].

Страница четвертая: 1977–2002 гг. В 1976 г. отряд уральцев завершил изучение участка квартала, который был объектом его раскопок согласно планам Объединенной экспедиции. И экспедиция университета приступила в 1977 г. к раскопкам соседнего квартала. Задачами их являлись: проверка данных, прежде всего стратиграфических наблюдений, уточнение датировки находок и, безусловно, выявление особенностей топографии квартала – выявление микромира его обитателей. Обобщение полученных в процессе исследова-

ний археологических свидетельств еще не завершено, поэтому представим только некоторые наблюдения.

Портовый квартал 2 расположен к северо-востоку от квартала 1 и отделен от него улицей. На юго-востоке границей, как и в соседнем квартале, являлась оборонительная стена, возведенная в римское время. С юго-запада расположена продольная уличная магистраль.

1. Исследовать наиболее ранние слои (римского времени) из-за поступления грунтовых вод не удалось (сказалась близость моря). Однако было выявлено значительное по размерам здание, возведенное в позднеантичный период и погибшее в результате пожара (или природных катаклизмов) не ранее начала VII в. (об этом свидетельствовали находки монет на полах некоторых из его помещений). Во внутреннем дворе комплекса стояло несколько пифосов, около которых (и непосредственно в их заполнении) найдены фрагменты около 50 амфор. Еще два небольших помещения использовались в качестве складских, где также находились пифосы и амфоры. В данный хронологический период территория была ограничена стеной (ширина ее ок. 2,0 м). Со стороны города около стены до XI в. располагалось незастроенное пространство шириной до 3,0 м., превращенное в последующем в переулок.

2. Следующий период разрушения приходится на время не ранее 30-х гг. XI в. [Ранее в публикациях предполагалось, что подобные слои разрушения являлись следствием Корсунского похода Владимира]. Очередное строительство, относящееся в поздневизантийскому периоду, изменило структуру внутриквартальной планировки: по обеим сторонам внутриквартальной улицы располагались жилые усадьбы, имевшие П- и Г-образную планировку, некоторые стены их были возведены непосредственно на кладках здания, существовавшего до XI в. (начала XII в.) и на стене, ограничивавшей квартал. На трети площади квартала открыто 7 жилых комплексов. Один из них, вероятно, принадлежал рыбаку (в небольшой каморке при доме выявлено скопление грузил – керамических и свинцовых – от двух сетей). В одном из помещений другого дома обнаружено 2 креста-энколпиона (один из них со славянской негативной надписью). Уникальными являются находки в расположенном неподалеку от возможного жилища священника комплексе: стеатитовая иконка и заготовки (?) стеатита в виде брусков, имевших прямоугольное сечение. О занятиях обитателей еще одной усадьбы позволяет судить скопление особой глины – кила, используемой в гигиенических целях.

Под сгоревшими балками и упавшей кровлей на полах помещений лежали разнообразные сосуды, некоторые из которых относятся к производству мастерских Эгеиды (аналогичные встречены при раскопках замка Саранда-колонес на Кипре, который был разру-

шен во время землетрясения ок. 1222 г.) [618]. Предположить время гибели (в пожаре) домов этого периода позволили нумизматические находки: на полах помещений обнаружены монеты: Тохты (1290–1313), а в слое, перекрывавшем пожарище – бутовом камне от разрушившихся стен – Узбека (1313–1339) и Джанибека (1339–1357).

3. Выявить полную картину последней застройки не представилось возможным из-за повреждений стен зданий: в XIX в. здесь пролежала грунтовая дорога, ведущая к созданному в XIX в. музею – Складу Древностей, кроме того во время Великой Отечественной войны из-за попадания снаряда пострадало одно из помещений другого позднего дома. Вместе с тем следует отметить, что наиболее поздние материалы были обнаружены в двух плохо сохранившихся помещениях, в стене одного из них найдена золотоордынская монета с надчеканкой начала XV в. (определение С. А. Яниной) [619, С. 93].

Приведенные выше наблюдения свидетельствуют: прогноз М. Я. Сюзюмова о том, что изучение памятников Херсонеса позволит выявить следы непрерывного существования города и ответить на вопрос, каковы причины малочисленности археологических свидетельств, оказался правомерным: стратиграфические наблюдения, анализ нумизматических находок и сопоставление находок из Херсонеса с материалами раскопок других византийских центров доказали наличие непрерывного обитания в городе, отсутствие резко-го сокращения его территории в период, который являлся наиболее дискуссионным в 60 – 70 гг. прошлого столетия.

Безусловно, заслуга в «воссоздании» истории Херсона во второй половине двадцатого столетия принадлежит не только уральцам. Однако показательно то, что именно их работы в Херсонесе и интерпретация материалов раскопок, на что оказали большое влияние идеи М. Я. Сюзюмова и тщательность фиксации находок, характерная для Е. Г. Сурова, были высоко оценены коллегами, работавшими в Херсонесе. Историк из Харьковского университета следующим образом оценил значение исследований Уральской школы византинистов, представителям которой «удалось поколебать, казалось бы, незыблемый пьедестал... Зерна серьезных сомнений были посеяны и ждали всхода. Облик угрюмого, неприютного, нищего, обессиленного, захолустного, отрезанного от цивилизованного мира Херсона стал постепенно уступать иным, более оптимистичным и прагматичным контурам» [620, С. 58]. Можно допускать, что увлеченность идеями создателя Уральской школы византистики отразилась на некоторых выводах (прежде всего в преувеличении значимости Херсонеса – Херсона). Однако главным является то, что именно идеи М. Я. Сюзюмова заставили «кинуть иной взгляд» на хорошо известные письменные источники, с позиций его концепции подойти к интерпретации археологических свидетельств.

Многие эпизоды из научной и практической деятельности Крымской экспедиции университета не были упомянуты. В данном случае «выбраны» только те, которые можно отнести к юбилейным. В одном из писем крупнейший византинист XX в. А. П. Каждан писал: «Не так давно один западногерманский профессор сказал мне в ответ на мои упрёки в скучности лекций западной профессуры. Мне было сказано примерно так: – Во-первых, у нас только скучное считается за науку, а во-вторых, профессора говорят только банальности, опасаясь, что слушатели украдут у них оригинальные идеи. У нас, мне кажется, господствует другой принцип – живой обмен мнений, который, по-моему, обогащает обе стороны, и это может быть приятнее, чем видеть воплощение твоих идей или обогащение другой нивы твоими соображениями. В конце концов, мы все делаем общее дело, если только делаем дело, а не спекулируем на деле» [161, С. 383].

И этот «иной принцип – живой обмен мнений» являлся характернейшей чертой общения и М. Я. Сюзюмова, и Е. Г. Сурова с молодыми коллегами и студентами; и именно это привело к научному отражению их идей при обращении к анализу материалов раскопок экспедиции университета в Херсонесе, как и при изучении других объектов раскопок уральцев в Крыму, но эта страница истории экспедиции заслуживает особого внимания.

Таким образом, в предоставленных материалах нашли отражение результаты исследований в рамках тематики НИР. Следует также отметить активное участие молодых исследователей, подготовивших большую их часть.

6.4. Обобщение итогов исследования по темам: «Образ Византии в восприятии Запада» и «Проблема «византийского наследия» в политике и идеологии Священной Римской империи германской нации XV–XVII вв.»

Одним из направлений НИР стало изучение широкого круга вопросов, связанных с влиянием византийского политического, идейного и культурного наследия на европейскую историю. Византия сыграла значительную роль в сохранении и последующей трансляции античных ценностей, обогатив тем самым европейскую цивилизацию. Правовая система, унаследованная от древнего Рима, была адаптирована Византией, и стала основой правовой культуры империи. Именно через нее Запад в эпоху позднего Средневековья получил римское право, которое легло в основу правовых норм многих современных государств. Кроме того, византийская государственная модель, ее идейное содержание и идеологическое наполнение, стала примером для сопредельных стран. Византийская титулатура, структура органов власти, церемониальная практика была воспринята рядом стран, находящихся под непосредственным влиянием империи.

В XIII–XV вв. на юге Балканского полуострова, на островах Эгейского и Ионического морей сформировались многочисленные латинские политические образования. Большинство из них представляли собой небольшие феодальные владения. Однако часть бывших византийских территорий оказалась под контролем Венеции, Генуи и военномонашеских орденов. Контакты империи с венецианцами и генуэзцами неоднократно становились предметом исследования византинистов, тогда как отношения с орденами изучены в меньшей степени. Между тем, рыцари Ордена св. Иоанна Милостивого были гораздо более надежными союзниками в борьбе против турок, чем североитальянские торговые республики. Иоанниты неоднократно оказывали Византии помощь в борьбе с общим врагом – османами. Однако помощь их не была бескорыстной. Орден стремился получить свою долю «византийского наследия» – острова, крепости в стратегически важных пунктах, контроль над проливами.

Одним из эпизодов, оказавших достаточно серьезное влияние на расстановку политических сил на юге Балканского полуострова, является продажа деспотом Феодором I Палеологом Ордену госпитальеров города Коринфа. В хронике Псевдо-Сфрандзи говорится, что Феодор Палеолог, «видя, что дела ромеев находятся в таком плачевном состоянии, что Мистра в это время подвергается опасности быть изолированной и испытать великий голод, подобно тому, как это было во время Пелопоннесской войны, что никто из христианских властителей не пожелал прийти им на помощь, совершенно растерявшись, переправился на триере на о. Родос и продал Мистру братству пророка и крестителя Иоанна».

По этим же причинам им были проданы и другие места в Морее. В частности – Коринф [564, С. 31]. Отныне Феодор I Палеолог и госпитальеры становились невольными союзниками перед лицом все возрастающей турецкой угрозы.

Орден госпитальеров (иоанниты, Родосские рыцари, Орден св. Иоанна Милостивого) возник около 1080 г. В 1309 г. иоанниты перенесли штаб-квартиру Ордена на богатый и плодородный о. Родос. После уничтожения и официального роспуска в 1312 г. братства тамплиеров Госпиталь получил бывшее имущество храмовников в Морее [621, С. 29]. Султан Сулейман (1494–1566) позже так отзывался о братии госпитальеров: «Пираты, увенчанные знаменем Христа и превозносящие себя как оплот христианства» [621, С. 35], подчеркивая этим, что их помыслы были далеки от каких-либо добрых намерений.

Госпитальеры обладали мощными военными возможностями, и Византия зачастую вынуждена была обращаться к их помощи. Причем рыцари привлекались не только к решению внешнеполитических задач, но и при ведении династических споров. Так, например, в 1390 г. Мануил, отстаивая престол у своего племянника Иоанна, заручился поддержкой рыцарей, благодаря чему наследовал власть [559, Р. 6]. Случалось также и то, что Орден использовал династические распри в своих личных целях, чтобы увеличить свои территории. В литературе встречаются упоминания о том, что в 1379–1380 гг. госпитальеры провозгласили свою власть в Ахее и делали попытки распространить влияние дальше на территорию этого полуострова, пытаясь свергнуть здесь Палеологов, в то время как решался вопрос о наследнике деспотата между Феодором Палеологом и Матфеем Кантакузином [559, Р. 17]. Однако тогда реализации их намерений помешала большая сила, прибывшие наваррцы.

Византийцы к этому времени особенно остро осознали политическую значимость родоссцев в регионе и решили в условиях турецкой опасности продать Коринф именно им. Продажа Коринфа госпитальерам обсуждалась между Мануилом II, Феодором I и Еленой Кантакузиной несколькими месяцами ранее смерти императрицы (где-то между октябрём и декабрем 1396 г.) [559, Р. 166.21-22]. Тогда же было принято решение о продаже всех византийских владений на Пелопоннесе госпитальерам [564, С. 31]. С. Рансимен ошибочно предполагал, что Феодор советовался с женой брата, Еленой Палеологиней, которая настаивала на принятии решения; а Мануил, узнав об этом, также дал свое согласие [566, Р. 142]. Первоначально Палеологи намеревались продать город республике св. Марка, однако их предложение было отклонено Сенатом.

Мануил объясняет такое решение тем, что «из двух зол они выбрали наименьшее». Если бы они не отдали город госпитальерам, которые были способны его защитить от турецкой угрозы, то он попал бы в руки турок [559, Р. 166.24-26]. Помимо этой причины,

Мануил называет и другие: госпитальеры хорошо относились к византийцам и имели репутацию «тех, кто не нарушает данной ими клятвы» [559, Р. 168.1-3]. Лучше было отдать один город, чем потерять многие другие под натиском турок [559, Р. 170.23].

Может показаться странным, что Феодор, достигнув своей цели в овладении Коринфом, решается продать его. Но так или иначе положение деспота было безнадежно: после последнего турецкого набега он обязался платить султану дань [567, С. 550]. Возникновение намерения о продаже стало непосредственным следствием победы османов под Никоподем над участниками Крестового похода в 1396 г., в составе войск которого действовали также отряды и корабли госпитальеров, проявив при этом значительную храбрость [621, С. 45-46]. Следует помнить, что тяжесть положения византийских владений в Морее заключалась не только во внешнеполитической опасности, но и во внутренних раздорах, творимых сепаратно настроенными архонтами [561, Р. 232].

Поводом, ускорившим принятие решения о продаже был слух о скором нападении турок, что и произошло в конце весны – ранним летом 1397 г., когда Якуб-паша вторгся в Морею и захватил Аргос [559, Р. 170.29-31].

Передача города произошла в 1397 г. вскоре после того, как венецианцы отвергли такое же предложение Феодора 29 апреля 1397 г. Однако мнения исследователей по вопросу о датировке этого события расходятся. Ф. Григоровиус и С. Рансимен относят продажу Коринфа к 1400 г., уже после наступления войск Якуб-паши на полуостров [567, С. 550; 566, Р. 145]. Вероятно, они считают продажу Коринфа и всех византийских владений в Морее одновременными событиями. Но большинство исследователей указывают на их разновременность [559, Р. 21].

Ни один документ относительно продажи Коринфа не уцелел. Но по поводу условий передачи города можно безошибочно предположить, что кастелянство было передано госпитальерам на условиях, схожих с теми, которые были оговорены Феодором в соглашении с венецианцами в марте 1397 г. В том случае, исключая финансовую составляющую, Феодор настаивал на продаже Коринфа, формирующего неотъемлемую часть оборонительного военного союза против турок для охраны византийских территорий в Морее [559, Р. 172.1-3]. Поэтому главным результатом продажи кастелянства стало то, что Феодор «обзавелся союзниками в его войне против турок» [559, Р. 170.28].

Отказ венецианцев от покупки города и согласие на этот акт со стороны госпитальеров отражают фундаментальные различия в отношениях двух политических субъектов с исламским миром. Прежде всего венецианцы интересовались выгодой торговли. Война для них являлась последним средством, и использования его следовало избегать любыми

путями [621, С. 43]. А покупка Коринфа предполагала необходимость ведения войны с турками.

Взаимоотношения же госпитальеров с мусульманами (турками) были однозначными. Их вражда объяснялась конфессиональными различиями и стремлением католиков овладеть Гробом Господним, а также агрессивными действиями османов в лице султана Баязида I. Венецианцы же предпочитали заключать договоры даже с неверными, дабы избежать войны, а следовательно, ущерба торговле.

Продажа города, по сообщению Мануила II, положила конец нападениям турок, т.к. им необходимо было собрать более мощную армию для борьбы с таким сильным противником, как рыцари-госпитальеры. Но такой возможности у султана не было [559, Р. 168.6-13]. Этот своеобразный перерыв в военных действиях способствовал собиранию пелопоннесцами сил.

До перехода Коринфа в руки Госпитальеров его укрепления были в плохом состоянии. Без сомнения, госпитальеры восстановили его. В результате Коринф стал хорошо укрепленным большим городом, контролирующим пролив и снабженным оборонительными сооружениями. У госпитальеров появилась жажда владеть всем Пелопоннесом [559, Р. 174. 3-4].

Как предполагал Мануил, «они все бы отдали для защиты Пелопоннеса во имя Христа, и поэтому народ их поддерживал; своими подвигами они хотели остаться в истории; рыцари могли созвать силы по всему миру, т. к. они были рассредоточены [621, С. 163-164]; это были люди благородного духа, которые предпочитали умирать в славе и плюс ко всему обладали значительными средствами» [559, Р. 174.6-10].

Помимо благородных целей защиты и распространения истинной веры на земле, у ордена была вполне практическая цель – расширение патримониальных владений, ведь в условиях средневекового мира «они были не только монахами и колонизаторами, но и сеньорами» [622, С. 240].

В целом, для госпитальеров это было привычной практикой – выкупать захиревшие крепости и опустошенные территории, пользуясь нестабильностью в том или ином регионе. Зачастую цены на такие объекты недвижимости были низкими, что позволяло им без особых затрат расширять свои владения и возводить новые укрепления [621, С. 56].

В условиях того, что европейские страны не выказывали интереса к Пелопоннесу, госпитальеры начали свободно проникать сюда. Коринф они использовали в качестве начальной точки, а потом планировали продолжать продвижение под предлогом борьбы с неверными. Повод к этому появился вовремя: зимой и весной 1399 г. возобновилось турецкое наступление. Это заставило госпитальеров пересмотреть их военные возможности.

В попытке укрепить как первую, так и вторую линии обороны они планировали отвоевать Мегару у Франчески Токко и восстановить Гексамилон. В достижении обеих целей они потерпели неудачу. Военным путем им не удалось получить весь Пелопоннес. Тогда они решили приобрести его посредством денег. Как пишет Мануил, они бы этого не предложили, будь дела пелопоннесцев лучше [559, Р. 176.18-20].

21 февраля 1400 г. Филиберт де Найяк, магистр госпитальеров, доверил пяти полномочным представителям вести переговоры о приобретении деспотата по цене в 60000 дукатов. Филиберт де Найяк известен тем, что сыграл ведущую роль на соборе в Пизе в 1409 г., на котором разрешилась схизма, и был избран единый папа. Когда раскол официально закончился (1417 г.), именно де Найяк фактически возвел на апостольский престол папу Мартина V [621, С. 36]. Мануил Палеолог подробно описывает этот сюжет. Он говорит о прибывшем к Феодору посольстве. У послов магистра было к нему три просьбы: во-первых, «чтобы он судил их добродушно»; во-вторых, чтобы «он хранил в секрете все, что бы они ему ни рассказали»; и, в-третьих, «чтобы он ответил им настолько скоро, насколько это возможно» [559, Р. 176-178].

Феодор согласился на такие условия. Мануил утверждает, что госпитальерам важно было понять, насколько успешно развиваются государственные дела, чтобы выбрать определенную тактику поведения. Но им этого сделать не удалось и пришлось раскрыть все замыслы перед Феодором. Главным из них был, конечно, замысел получить контроль над Пелопоннесом. Они предлагали ему постепенно отказываться от региона, тем более что у него все равно не было сил контролировать его. Взамен они обещали заплатить значительную сумму и помочь его семье при необходимости. Феодор пообещал дать им ответ на следующий день [559, Р. 178.23-25].

Мануил говорит, что Феодор был рад, что госпитальеры первыми начали этот разговор, т.к. он хотел им предложить то же. Иначе получилось бы, что госпитальеры исполняют его просьбу, хотя и сами были в этом не менее заинтересованы.

Причины, по которым Феодор склонялся к соглашению, заключались в том, что, во-первых, государство было истощено конфликтами, главным образом, с турками; во-вторых, турки опасались госпитальеров, т. к. последние были тесно связаны с Западом. Необходимо учитывать, что в 1399 г. Баязид возобновил наступление на Пелопоннес. И. П. Медведев пишет, если учесть, что папство всячески поддерживало стремление госпитальеров утвердиться на Пелопоннесе [621, С. 36], то продажа владений ордену могла рассматриваться как своего рода маневр, чтобы повлиять на результаты поездки Мануила на Запад [564, С. 31]. Однако подобное логическое построение не представляется до конца убедительным.

Деспот Феодор вел переговоры с послами магистра у себя в Мистре. По всей вероятности, это были те пять полномочных представителей ордена – Паламед Джованни, Доминик Германский, Готье Грендон, Жерар Фужероль и Раймон де Лескюр, – которые были посланы к Феодору в феврале 1400 г. магистром ордена Филибертом де Найяком [564, С. 31]. Однако Ф. Грегоровиус утверждает обратное: «он [Феодор] отплыл в галере со своими сокровищами на Родос» [567, С. 550], что подтверждается данными Псевдо-Сфрандзи [564, С. 31].

В историографии остается спорным вопрос, принимал ли решение о продаже деспотата Феодор самостоятельно или советовался с Мануилом. Ю. Хризостомидис настаивает на совещательном характере принятия данного решения Феодором [559, Р.18]. Однако С. Рансимен утверждает, что деспоту тогда не с кем было советоваться: император был на Западе, а императрица вернулась в Константинополь [566, Р.151]. Тем не менее известно, что Мануил на время своей поездки в Европу оставил свою семью – жену Елену Драгаш и сыновей – под защитой деспота Феодора в Мистре. Более убедительным представляется мнение о совещательном решении, поскольку это относится ко времени обсуждения продажи Коринфа.

Соглашение между Феодором и госпитальерами было заключено. Обе стороны остались довольны. Ни даты, ни самого договора не сохранилось. Но, должно быть, он был подписан вскоре после 21 февраля 1400 г., т. к. Мануил ясно говорит, что соглашение было заключено в краткие сроки [559, Р. 182.15-17]. Итак, переговоры завершились передачей главной цитадели деспотата – Мистры, что означало, по сути дела, потерю Феодором всех византийских владений на Пелопоннесе.

Правители Родоса приплыли к Пелопоннесу и заняли несколько городов, перед этим дав необходимые клятвы и выплатив определенную сумму денег. Точную сумму ни Мануил, ни какой-либо другой известный источник не называют. Среди занятых ими кастелянств были Калаврита, Мистра и Ватика. Феодор вынужден был перенести свою администрацию в Монемвасию, принадлежавшую венецианцам [559, Р. 21].

Автор слова далек от того, чтобы называть госпитальеров спасителями. Людям Пелопоннеса пришлось выбирать из двух зол наименьшее: устав латинян оказался для них предпочтительнее устава неверных. Как сообщает Мануил: «они только избавили нас от ига врага, чтобы поставить нас против нашей воли под их власть» [559, Р. 200.4-25]. Мануил говорит о том, что необходимо было заранее выработать курс по отношению к госпитальерам и отдать им власть задолго до того, как в этом появилась острая необходимость. А так как пелопоннесцы находились в тяжелой ситуации, то они не могли ослабить возрастающее влияние госпитальеров на полуострове.

Несмотря на передачу Пелопоннеса рыцарям, Феодор, по-видимому, планировал осуществлять контроль за деятельностью госпитальеров на полуострове. Мануил в конце своего повествования об этом сюжете замечает, что все сложилось не совсем так, как планировал Феодор: «Автор сюжета, кажется, думал, что дело остановится на этом месте» [559, Р. 184.15].

Мануил неясно говорит о том, что Феодор вдохновил жителей Пелопоннеса на борьбу с госпитальерами. Очевидно, в результате передачи полуострова моральный дух жителей упал. Но когда Феодор в своем обращении к ним указал на то, что они могут потерять Пелопоннес, они воодушевились на борьбу. Жители полуострова начали готовить войну против госпитальеров, «и они приняли большинством голосов общественную резолюцию, подкрепленную клятвами либо изгнать госпитальеров из страны, либо умереть и вернуть своего любимого деспота, хотя они никогда не отказывались от него» [559, Р. 202.25-29].

Феодор отправился к госпитальерам, чтобы убедить их в прекращении военных действий, к которым прибегли рыцари для установления порядка. Эти события, вероятно, происходили осенью 1400 г.

В то же время, важно отметить, что соглашение между Феодором и госпитальерами было заключено, не учитывая воли народа. Таким образом, план деспота породил ряд новых проблем. Л. Халкокондил свидетельствует, что население Мистры восприняло акцию правительства как предательство: «Узнав о предательстве своего правителя и находясь под влиянием архиерея Спарты, спартиаты собрались вместе и договорились, что никому из назареев не позволят войти в город, а также дали слово, что вытерпят все, что бы ни случилось, но не покорятся латинянам-назареем» [564, С. 32; 561, Р. 233]. Халкокондил, следовательно, подчеркивает, что действия населения Мистры были инспирированы архиепископом города еще до появления госпитальеров. Однако, по сообщению современника этого события, императора Мануила, восстание совершилось, когда госпитальеры уже занимали (неизвестно, сколько времени) цитадель города: «Открыто вспыхнула война с родосцами, и было вынесено общее решение, скрепленное клятвами, или изгнать братьев из города, или умереть».

Для госпитальеров же было очень важно заручиться поддержкой местного населения, поскольку именно простые люди служили первостепенным источником поступления «денежных и земельных даров». Известно, что для ордена была характерна не только военная деятельность, но и экономическая: они были собственниками садов, виноградников и необрабатываемых земель [621, С. 56]. Но на непринятие новой власти местными жителями оказала непосредственное влияние побледневшая репутация «воинов-монахов» в це-

лом. После вытеснения их мамелюками из Акры в мае 1291 г. и окончательного перехода Святой Земли в руки неверных необходимость в существовании военно-монашеских орденов отпала, их существование перестало соответствовать цели создания [622, С. 13, 327]. Неприятие общественности обострялось неслыханными богатствами братии и отклонениями от уставной жизни [621, С. 54-56].

Наконец, госпитальеры, «увидев, что они ничего не достигли, что шум и возмущение становились все больше и что их жизни угрожала опасность, подгоняемые (страхом), повернули домой», а мистриоты «постановили, чтобы их епископ был также и дукой, и пожелали, чтобы они управлялись и судились им в гражданском и церковном отношении» [564, С. 32-33].

Безусловно, продажа Коринфа, а затем и всей Мореи является многогранным и противоречивым событием. Сам автор «Слова...» говорит об этом. С одной стороны, продажа была обусловлена объективными причинами (угроза нападения турок). Но с другой стороны, и здесь проявляется критическое отношение Мануила к происходящему, передача владений госпитальерам имела и отрицательное значение из-за стремления рыцарей к дальнейшему проникновению на Пелопоннес и усиления их власти там. Но в целом, позиция автора «Слова...» очевидна: Мануил выступает в защиту действий деспота. Хотя, учитывая известную реакцию населения переданных крепостей, можно говорить об обратной оценке этого поступка современниками.

После продажи территорий деспотата госпитальерам перед Феодором встал вопрос о разрешении мирным путем конфликта с турками. Он не переставал запрашивать мира у султана, хотя последний и не принимал его послов. Для деспота важно было сделать все, что в его силах, до последнего не прибегать к посторонней помощи [559, Р. 198.23].

По словам Мануила, убедившись в том, что турецкий султан был категорически против подписания мира, Феодор решил прибегнуть к хитрости. Он рассчитывал, что как только султан услышит о намерении госпитальеров приобрести Пелопоннес, он запросит мира под предлогом того, что полуостров должен контролироваться византийцами, а не латинянами. В действительности же он был бы движим страхом перед могуществом Рыцарей [559, Р. 184.13-14].

Ожидания Феодора оправдались. До этого султан отказывался принимать посольства от него с целью заключения мира. Но, услышав о достигнутом соглашении, он сам, как пишет Мануил, «отправил посольство из Малой Азии к моему брату в Спарту, предлагая мир» [559, Р. 186.17-23], и долгожданный мир с турками был заключен.

Такими словами о заключении мира с турками писал Мануил II Палеолог. Вероятно, он преувеличил, когда приписал внезапному изменению политики султана исключи-

тельно установление власти Ордена в деспотате. Безусловно, Баязид рассматривал госпитальеров в качестве угрозы, но большее значение здесь сыграла надвигающаяся опасность со стороны монголов Тимура [559, Р. 22].

Мануил упоминает об альтернативном плане, который был составлен Феодором на случай, если бы султан не отреагировал на угрозу госпитальеров. Он заключался в том, чтобы собрать всех приближенных к Феодору людей и объяснить им первоначальный план. Это делалось бы с целью сохранить вокруг деспота верное окружение. В соответствии с планом, Феодор должен был после этого «поднять их дух всеми возможными поощрениями, и побудить их в любом случае не продаваться неверным» [559, Р. 190.25-34]. Однако этого не понадобилось.

В действительности же, по заключении договора о продаже земель между деспотом и Орденом, Феодор продолжил приготовления к войне с турками. Хотя, из-за новостей о нападении Тимура на Малую Азию, Баязид был вынужден прервать свою кампанию против Морей осенью 1400 г. и поторопиться обратно, чтобы встретить противника, турецкое наступление на Пелопоннес продолжилось [570, Р. 5-7]. Однако неожиданно послы султана прибыли к деспоту и заключили мир. По словам Мануила: «Они дали много обещаний, но ничего не потребовали взамен, кроме того, что госпитальеры должны вернуться назад на свою территорию» [559, Р. 206.1-4]. Дж. Баркер сообщает еще об одном условии заключения мира. Деспот Феодор должен был выдать свою дочь султану, но произошло это только в 1409 г., когда, как известно, Мануил лично привез племянницу в Константинополь, чтобы при встрече с султаном передать ее [561, Р. 233-234]. Дата этого события неизвестна. Ю. Хризостомидис предполагает, что это посольство пришло из Бруссы, турецкой столицы, и что это событие могло быть в первых месяцах 1401 г., когда Баязид вернулся в Бруссу из армянской кампании и до того, как он уехал из Адрианополя. Кроме того, посольство в Бруссу могло иметь место зимой 1401/1402 г. Баязид в то время вновь был в столице, готовясь к нападению на Константинополь. Более вероятно, что посольство к Феодору было отправлено в это же время, когда Баязид считал политически целесообразным улучшить отношения с его прошлыми врагами, чтобы защитить свои западные владения. Страхи султана, кажется, были оправданы, т. к. известно, что венгры и татары Западной Валахии подготовились к нападению на турецкие владения [559, Р. 22].

Наибольшее значение в снятии на некоторое время турецкой угрозы сыграло уже упоминавшееся поражение Баязида от войск Тимура в 1402 г. Армия Тамерлана появилась на рубежах государства османов в 1400 г. После захвата крепости Сивас и разграбления Малой Армении и Северной Сирии монголы двинулись в Анатолию. Они не щадили никого. О чинимых ими зверствах распространялись невероятные слухи. Под Анкарой османы

были разгромлены, а Баязид с одним из своих сыновей попал в плен, где умер через несколько месяцев [632, С. 523-524].

Правитель монголов, несмотря на значительность своих сил, не мог угрожать спокойствию империи, поскольку не обладал даже незначительным флотом, чтобы переправиться через проливы [632, С. 542]. Тимур не пошел на Константинополь и удовлетворился данью и номинальным подчинением императора, как было при Баязиде. Это объясняется переговорами Мануила с Тимуром до Ангорской битвы.

В 1403 г. Тамерлан вернулся в Самарканд, а между сыновьями Баязида развернулась борьба за власть [632, С. 524]. Многие исследователи отмечают, что именно тогда западные правители могли воспользоваться слабостью османов и прогнать их из Европы. Однако они были заняты внутренними проблемами своих государств, и упустили этот, по сути, исторический шанс. Государство османов пережило этот «смертельный кризис», а с приходом к власти султана Сулеймана византийские правители поспешили подтвердить свою вассальную зависимость от турок [567, С. 555; 556, Р. 774; 558, Р. 313-314].

Тем временем решался вопрос о возвращении византийских земель из-под власти госпитальеров Феодору. 7 ноября 1400 г. гротсмейстер Ордена поручил послам вести переговоры о передаче деспотата и требовать с Феодора возвращения денег, драгоценностей и всех других вещей, которые были выделены. Они также должны были запросить выплату денег, потраченных Орденом свыше соглашения [559, Р. 208.10-13]. Отметим, что Орден передал не все территории, оставив под своим контролем стратегически важные пункты, включая Коринф, Калавриту и цитадель Мистры. Такое развитие событий было обусловлено тем, что Феодор не имел возможности вернуть обратно все деньги. Кроме того, сохранялась необходимость в поддержании союза с госпитальерами против турок [559, Р. 22].

1401 г. был потрачен на переговоры между иоаннитами и Феодором, который, как они полагали, подвел их. Деспот возобновил переговоры с рыцарями о возвращении назад деспотата весной 1402 г. Такая возможность появилась благодаря поражению Баязида при Анкаре [567, С. 555; 624, Р. 827; 555, Р. 823; 554, Р. 839, 857]. Но переговоры пришлось отложить, т.к. деспоту не удалось собрать необходимые финансовые средства.

Отношения между Феодором и Орденом в дальнейшем были осложнены, когда спасенный сербами от монгольского плена сын Баязида Сулейман I, в начале 1403 г. отдал в дар госпитальерам графство Салона [623, С. 523]. Феодор Палеолог также претендовал на эти земли как наследник последней графини Салоны, кузины Елены Кантакузины. К апрелю 1403 г. отношения между Феодором и Орденом стали настолько напряженными, что среди греческих жителей Родоса распространились слухи о подготовке карательной

экспедиции против деспота за нарушение договора. До войны, в конечном итоге, дело не дошло, к следующему году переговоры возобновились. 5 апреля 1404 г. великим магистром было поручено Доминику Аламании вести переговоры с Мануилом II о передаче деспотата [449, Р. 208.15-16].

Соглашение о покупке деспотата было подписано Доминико де Аламанией и Мануилом в Константинополе 5 мая 1404 г. Возможность выкупить византийские земли у рыцарей появилась благодаря финансовой помощи, собранной Мануилом в ходе его поездки на Запад [623, С. 524]. От лица брата Мануил II согласился заплатить 46500 дукатов. Из них 43000 предназначались для возврата кастелянств Коринфа и Калавриты; 3000 дукатов – за расходы госпитальеров на содержание крепостей. Чтобы облегчить сделку, сумму в 46500 дукатов договорились выплатить в три части. Феодор должен был отдать владение двумя кастелянствами для уплаты первой части в 16000 дукатов, одним из которых было кастелянство Салона [566, Р. 155]. В соответствии с условиями, первая выплата была произведена у Василиопотамо на галере «Аламания» 14 июня 1404 г. В тот же день Коринф и Калаврита были возвращены деспоту [559, Р. 210].

Понимая значение случившегося, Феодор не решился сразу прибыть в Мистру, а провел своего рода рекогносцировку, отправив в город посольство, чтобы узнать, примет ли его народ. Но «народ не пожелал принять его, а дерзко и сильно разбранил» [564, С. 33]. Только после того как архиепископ Мистры «своим посредничеством положил конец всем многочисленным словам и возмущениям и после длительных увещаний добился того, чтобы жители снова приняли и восстановили его в тех же правах, что и прежде» [564, С. 33], Феодор Палеолог вернулся в Мистру. Однако перед тем как принять деспота, народ заставил его торжественно поклясться никогда больше не прибегать к подобным сделкам и объявить амнистию участникам событий. Условия, на которых народ Мистры признал деспота своим правителем, были для последнего достаточно унижительными [564, С. 33].

Мирное урегулирование отношений с госпитальерами и возвращение своих владений открыли для Феодора возможность участвовать в военных действиях в союзе с Орденом против растущей турецкой активности. Предполагалось, что союз будет длиться 30 лет и в нем будут участвовать, помимо Феодора, императоров Мануила и Иоанна, герцог Кефалинии Карло Токко. Целью союзников было сохранение контроля над эпирским побережьем и Пелопоннесом. Кроме того, предполагалось усилить оборону островов Эгейского моря [559, Р. 24].

Вторая выплата в 15000 дукатов была передана Питеру Хольту 20 декабря 1404 г. Хольт также получил часть третьей выплаты, исчисляемой в 10500 дукатов в порту Мо-

немвасии 28 ноября 1405 г. Остаток в 5000 дукатов был выплачен Мануилом уже после смерти Феодора. Предположительно, долг был окончательно погашен 15 февраля 1408 г.

Как пишет Мануил, после ухода иоаннитов, экономическая жизнь в Морее была восстановлена в короткие сроки [559, Р. 206.28]. В 1404 г. Феодору даже удалось присоединить к византийским владениям на Пелопоннесе всю франкскую Морею [567, С. 561]. Начинался недолгий период спокойствия. От разгрома империю в очередной раз спас случай. Но, несмотря на успех политики деспота и стабилизацию положения его владений, кризисное состояние империи и бесперспективность внешнеполитического положения становились все более очевидными. Этот беспрецедентный акт продажи имперских владений, пусть и не «варварам», но христианам, характеризует критическое положение империи в данный момент.

Орден госпитальеров, отказавшись от владений на Пелопоннесе, сосредоточил усилия на укреплении своих владений в Восточном Средиземноморье. С 1415 г. иоанниты начали проводить реконструкцию оборонительных сооружений на островах Родосе, Косе, Карпатосе. Кроме того, они вновь обосновались на малоазийском побережье, захватив Смирну и крепость св. Петра (Бодрум). В общественном мнении Запада также происходит значительная перемена. Уже к середине XV в. Орден госпитальеров стал восприниматься как единственная сила, благодаря которой христиане удерживают позиции на Востоке. Отказ от участия в разделе «византийского наследия» в Греции позволил иоаннитам выдерживать осаду Родоса в 1480 г. и сохранять присутствие в Восточном Средиземноморье вплоть до 1526 г.

События, связанные с падением в 1453 г. Константинополя, имели всемирно-историческое значение, поскольку резко изменилась этнополитическая ситуация в регионе. На европейской политической карте появились новые игроки, обострились старые противоречия, резче обозначилось религиозное противостояние между христианским Западом, православным миром и мусульманским Востоком. Вопрос раздела «византийского наследия» становится основополагающим, в него оказались втянуты как римская церковь, так и многие европейские государства.

Однако на первых порах, сразу за крахом империи, необходимо было дать оценку произошедшему. Такое явление, как реакция европейского сообщества на гибель Византийского государства в первые месяцы и годы после падения Константинополя, имело многогранный и сложный характер. Отдельным феноменом стал целый массив литературы, возникшей в гуманистических кругах Запада в связи с этим событием. Давая ему оценку, можно утверждать, что интеллектуальный ответ был вполне соизмерим с масштабом политического реагирования на катастрофу 1453 г., а в чем-то даже и превосходил его.

Внимательное изучение этого феномена показывает, что если политический резонанс так и не вышел за рамки эгоистических интересов различных политических сил, то в духовном аспекте крушение Византийской империи было осмыслено именно как цивилизационный вызов.

Борьба христианского Запада с Османской империей, получившая мощный импульс после падения Константинополя, нашла свое отражение в жизни и творческом наследии римского папы Пия II (1458–1464), ставшего известным задолго до понтификата благодаря своей литературной, церковной и политической деятельности под именем Энея Сильвия Пикколомини. Биография этого человека стала редким примером соединения изысканного писательского мастерства и бурной общественной практики, направленной на решение актуальнейшей для того времени проблемы отношений христианства и ислама. Ярким доказательством того и другого стало последнее сочинение гуманиста-папы «Записки о достопамятных деяниях», написанное в жанре автобиографического повествования на классическом латинском языке и посвященное непосредственно периоду понтификата [625]. Ведущей нитью в нем стала история бесконечных попыток, предпринятых папой за довольно короткий период с целью поднять европейские нации на крестовый поход. Первой из них стал созыв собрания, известного как конгресс в Мантуе 1459–1460 гг.

На самом деле задача объединения государств Запада для борьбы с турками через организацию общехристианского политического форума стала центральной в жизни Энея Сильвия задолго до его понтификата. Первоначальным воплощением этой идеи стали «антиюрецкие» рейхстаги в Германии, состоявшиеся один за другим в Регенсбурге, Франкфурте и Винер-Нойштадте в 1454–1455 гг., когда будущий папа трудился в качестве личного секретаря императора Фридриха III Габсбурга (1439–1493). Однако работа этих съездов прошла почти впустую: участие в них крупных политических фигур оказалось минимальным, а провозглашенные планы крестового похода остались простой декларацией [626, С. 363–375]. Эней напрасно взывал тогда к имперскому достоинству немецкой нации в духе средневековой концепции «*translatio imperii*», из которой следовало, что император выступает как общехристианский политический лидер – *defensor religionis Christianæ*. Реальная политика императора продемонстрировала очевидное пренебрежение этой миссией. В результате первые два упомянутые собрания прошли в его отсутствие, и сам факт их проведения стал исключительной заслугой самого Энея. Очевидно, полученный таким образом опыт заставил его искать другой путь к поставленной цели: светский по характеру европейский форум должен был созвать и возглавить уже не император, а папа. К тому же папство, в отличие от Империи, по крайней мере, внешне гораздо энергичнее отстаивало не-

обходимость активных и экстренных мер в турецком вопросе [627, Р. 31-56; 628, Р. 138-195; 629, S. 1-22].

Очень скоро, взойдя на Апостольский престол, Эней смог реализовать свой проект. Сразу после избрания под именем Пия II, состоявшегося в августе 1458 г., он поставил крестовый поход на первое место в своей программе и в октябре издал буллу, которой призывал европейских государей через год собраться в итальянском городе Мантуе [627, Р. 57-58]. Официально открытие съезда было запланировано на 1 июня 1459 г., но единственным, кто прибыл к указанной дате, оказался сам папа. В дальнейшем собрание по сути представляло собой череду сменявших друг друга посольств. Первыми лишь осенью начали собираться итальянцы. В сентябре в Мантую лично приехал Миланский герцог Франческо Сфорца (1447–1466), а также послы из Венеции, Флоренции, Пизы, Сиены, Феррары, Неаполя. Тогда и состоялась официальное открытие конгресса, после которого вся практическая работа сводилась уже к переговорам папы с национальными делегациями по мере их появления. При этом основная тема переговоров нередко отступала, и конгресс скорее напоминал не кропотливую работу по подготовке крестового похода, а площадку для выяснения многочисленных противоречий, взаимных претензий и подозрений, царивших среди христианских государств.

Раньше всего состоялась итальянская секция конгресса. На ней герцог Миланский предложил собрать средства, на которые затем следовало сформировать войска в сопредельных с турецкими владениями христианских странах. Среди таких стран подразумевалась в первую очередь Венгрия. Герцог советовал также не посылать в Венгрию войска тех христиан, которые могли бы развязать войну с ней самой [630, S. 66-67]. Намек был явно направлен против императора Фридриха III, который враждовал с венгерским королем Матвеем Корвином (1440–1490). Император в свою очередь благосклонно относился к притязаниям Анжуйской династии на Неаполь, которые вынуждали неаполитанского короля Фердинанда I (1458–1494) вместе с Миланом совместно выступать против угрозы французского вмешательства в итальянскую политику. Зато Францию поддерживала Венеция, и потому предложение отказаться от непосредственного участия в военной кампании диктовалось еще опасением герцога Франческо Сфорца, что основные результаты кампании в случае успеха достанутся этой морской республике. Неудивительно, что его выступление поддержал посол из Неаполя, а высказались против него представители Венеции. Последние, впрочем, не имели даже статуса официальных послов. Республика св. Марка перед этим заключила мир с турками и не спешила присоединяться к конгрессу. Таков был сложный узел противоречий, среди которых папе приходилось лавировать, чтобы добиться какого-нибудь результата.

Мнение герцога Миланского не было поддержано Пием II. По его предложению был принят проект введения чрезвычайного налога на войну с турками. Размер был установлен в одну десятую часть с доходов для духовенства, одну двадцатую для иудеев и одну тридцатую для мирян. Под этим подписались все, кроме венецианцев, которые вскоре выставили предварительные условия. Республика соглашалась поддержать линию папы, требуя взамен передачи ей командования всеми морскими силами будущей коалиции с правом собственности на военные трофеи. Условия предусматривали также выделение средств на содержание не менее 80 боевых судов с командой из восьми тысяч человек и выдвижение на венгерско-турецкую границу сухопутной армии численностью не менее 70 тысяч человек. Пий II объявил выставленные требования чрезмерными и обрушился на венецианцев с критикой, обвинив их в предательстве веры. Резкую характеристику венецианской политики на конгрессе он запечатлел в мемуарах: «Их речи далеки от образа их мыслей: на словах они были за войну с турками, а в душе отвергали ее. Они не принадлежат к тем народам, которые стремятся к подвигам; более всего они торговцы, природа которых, движимая наживой, сторонится добрых дел, требующих издержек. Венецианцы обдумывали, чтобы в случае начала войны с турками вся восточная торговля, от которой они живут, была бы уступлена им, чтобы при освобождении Греции не вступали туда государи Запада, и чтобы народ венетов завладел Далмацией и Восточной империей. Они опасались также и того, как бы герцог Миланский не напал на них, если сами будут заняты войной с турками, ибо один человек в другом подозревает то, что чувствует в себе. Вот и поручили они своим послам, чтобы те вели переговоры, давали бы надежду на благополучный исход, но ничего бы твердо и ясно не обещали» [625, III, 35].

Ничего не дали переговоры с французами. Посольство французского короля Карла VII (1422–1461) появилось в Мантуе 14 ноября. Как оказалось, его интересовал вовсе не вопрос о турках. На приеме французской делегации речь пошла по неаполитанской проблеме. Королевский посол призвал папу пересмотреть свою итальянскую политику и передать неаполитанскую корону, считавшуюся его ленным владением, Анжуйскому дому, который с 1442 г. оспаривал ее у Арагонской династии. Разногласия на этой почве завели переговоры в тупик [625, III, 37–38]. Французы уклонились от конкретных предложений, сославшись еще на противоречия с англичанами. На вопрос о том, что может дать их король для войны с турками, посол ответил, что нужен мир в родном доме, прежде чем воевать на чужбине [625, III, 40]. Наконец в декабре прошла встреча с немецкой миссией. Представители императора Фридриха III не нашли ничего лучше, как подтвердить решения Франкфуртского рейхстага 1455 г., где еще папе Николаю V (1447–1455) было обещано от немецких земель войско в сорок две тысячи человек. Причем окончательное реше-

ние о выделении этих сил вновь переносилось на обсуждение рейхстага, который немцы обещали созвать в будущем году [630, S. 76; 628, P. 213]. Конгресс завершился в январе 1460 г. двумя папскими буллами. Первая из них объявляла о трехлетней войне с турками и о подготовке крестового похода. Не изменяя традиции, папа вновь объявлял предводителем христианского ополчения императора. В качестве первоочередной меры для покрытия расходов на войну предусматривалось введение экстраординарных сборов по вышеупомянутой схеме. Словно предвидя вероятные протесты против последнего пункта, папа выпустил вторую буллу. Получившая название «*Ehescrabilis*», она воспрещала любые апелляции на решения папы в адрес вселенского собора [628, P. 213]. Предусмотрительность была не лишней, так как в Германии еще сохраняли влияние решения Базельского собора (1431–1449), ограничивавшие права папы в финансовых делах. Еще хуже для него ситуация в этом вопросе была во Франции, где такого рода ограничения были формально закреплены Буржской Прагматической санкцией 1438 г. На переговорах с французами Пий II подверг ее критике, но уступок так и не добился. Принятые папой меры, очевидно, не дали ожидаемого эффекта. Через три года он жаловался кардиналам, что десятины с клира на войну не собирались, и это прикрывалось апелляцией к будущему собору [625, XII, 31].

Перед тем как покинуть Мантую папа назначил своим легатом в Германию грека-эмигранта кардинала Виссариона Никейского. Ему поручалось от имени курии взять под контроль поступление церковной десятины на войну с турками, а также выполнение князьями и императором плана комплектования войска. С миссией кардинала Пий II связывал и надежду на достижение мира между императором Фридрихом III и королем Венгрии Матвеем Корвином, в отсутствие которого все предпринимаемые им усилия грозили обернуться фарсом. Виссарион сначала провел переговоры с князьями в Нюрнберге и Вормсе, которые должны были стать основой для имперского съезда в Вене. С большим опозданием этот съезд удалось открыть в сентябре 1460 г. На нем император подтвердил верность обещаниям, данным в Мантуе, но дальше формальных деклараций дело не пошло. У многих делегаций не было никаких инструкций от своих князей, чтобы принимать практические решения. В результате участники настаивали на проведении более широкого совещания и поставили вопрос о проведении повторного собрания [628, P. 216–218]. Фактически один к одному повторялся сценарий «антитурецких» рейхстагов 1454–1455 гг., ответом на которые собственно и был конгресс в Мантуе. Главный вывод, который мог из этого извлечь Пий II, заключался теперь в том, чтобы более не ставить реализацию своей антитурецкой программы в зависимость от Империи. Если, созывая конгресс в Мантуе, папа вместо императора брал на себя роль организатора крестового похода, то после конгресса и уже окончательно после Венского рейхстага 1460 г. он решится принять на себя и

роль его непосредственного предводителя. Через три года, ведя мемуары буквально по следам идущих событий, он запишет: «Есть решение идти войной на турок и как словом, так и делом убедить христианских государей следовать за нами. Возможно, когда они увидят, как их отец и наставник, римский понтифик, наместник Христа, будучи старым и больным, идет на войну, то устыдятся оставаться дома; тогда они возьмутся за оружие и, став сильными духом, встанут на защиту святой веры. Если и этот путь не заставит христиан подняться на борьбу, то никакого другого мы уже не знаем [625, XII, 31]».

До начала понтификата Эней придерживался традиционного взгляда на императорскую власть, которая в его глазах наряду с папской обладала универсалистской природой [631, Р. 471-487]. В его первых после падения Константинополя выступлениях, сделанных с трибуны именно рейхстагов, особо подчеркивалось имперское достоинство немцев как народа, на который ложилась главная миссия в деле защиты всей христианской Европы от нашествия турок [632, S. 678-689]. С такой точки зрения, провозглашение о намерении лично возглавить крестовый поход после событий 1459–1460 гг. означало еще и то, что главной его силой теперь не могли рассматриваться немцы. У папы как политика реальные шансы собрать войско имелись только в Италии. В этом свете нельзя не обратиться вновь к одному из самых интересных сочинений Пия II. Речь идет о памятнике, выполненном в форме письма турецкому султану, завоевателю Константинополя Мехмеду II (1451–1481) [633]. Текст был создан после 1460 г., и его центральной идеей была попытка убедить правителя исламского Востока принять христианскую веру. Со стороны автора, убежденного противника турок, поступок выглядит неожиданным. Впрочем, нет и доказательств того, что данный текст на самом деле предназначался адресату. Если исходить из тех мотивов, которыми начал руководствоваться Пий II после конгресса в Мантуе и провалившейся миссии Виссариона в Германии, то смысл его так называемого «Письма к Магомету» видится совсем другим. По крайней мере, к такому выводу позволяет прийти анализ первой, «политической» части послания. Текст ее представляет собой своеобразный срез Европы как сообщества различных государств и народов, которые по установившейся на церковных соборах традиции сгруппированы в четыре нации – немецкую, французскую, испанскую и итальянскую. С одной стороны, автор использовал этот прием, чтобы в очередной раз подчеркнуть необходимость консолидации Запада. В письме этот призыв облечен в форму предупреждения правителю турок: «Не верь, что разъединение христиан пойдет на пользу твоим желаниям, не полагайся на это: все христиане объединятся, едва услышат, что ты угрожаешь поразить самое сердце христианского мира» [633, S. 5.4]. Однако тут же мы находим утверждение, что хватит и четверти христиан, чтобы дать отпор туркам. Этим мощным оплотом оказывается Италия, которая вместе с Римом и есть центр христианства.

«Из четырех наций, – грозит автор письма султану, – будет более чем достаточно одной, чтобы разбить твои армии. Мы полагаем, при дворе у тебя найдется немало людей, которые видели Италию, знают ее силы и дух. Именно таких людей послушай и спроси, по силам ли тебе Италия, можно ли ее победить твоим оружием и подчинить твоей власти. Для римлян труднее было завоевать Италию, чем остальную часть мира» [633, S. 5.5]. За этим следует красноречивое описание военной и духовной мощи итальянских городов и государств. Многозначительным выглядит и утверждение о том, что «в сознании итальянцев никогда не охладевала тоска по Римской империи» [633, S. 3.3]. Оно явно отражало стремление Пия II затушевать имперское достоинство немцев и представить итальянцев как замену им в качестве главной опоры христианства. Именно их папа, заменяя не проявившего волю императора, теперь надеялся увлечь за собой в крестовый поход и выполнить миссию, с которой не справились немцы. Не случайно, обещая турецкому правителю в случае принятия им христианства провозгласить его императором Востока, он ничего не говорит о том, кто на Западе будет подобно ему носить такой же титул.

Намерения папы самому повести войско крестоносцев укрепились под влиянием перемен, которые вскоре произошли во внешнеполитическом курсе Венеции. В июле 1463 г. эта морская республика, столкнувшись с угрозой полной утраты своих опорных баз на Пелопоннесе, вступила в войну с Османской державой. Силы ее возросли благодаря союзу с королем Венгрии Матфеем Корвином, в результате чего первые операции против турок давали надежду на успех [634, S. 210]. Это позволило папе полностью пересмотреть свое прежнее отношение к венецианцам, тем более что без участия венецианского флота его идея крестового похода была обречена на провал. Однако попытка собрать им в помощь войско из других итальянских государств обернулась крайне неприятной для него реакцией с их стороны. Картина теперь выглядела полностью противоположной той, которая была во времена конгресса: если там папа давал венецианцам самую нелестную характеристику, то теперь ему приходилось отчаянно защищать их имидж. В 1463 г. на переговорах с итальянскими посольствами о планах войны с турками представитель Флоренции обратился к нему с такими словами: «Что ты делаешь, понтифик? Неужели ты хочешь вести войну с турками так, что загонишь Италию под венецианское ярмо? Все что ни будет после изгнания турок добыто в Греции, достанется венецианцам, которые после покорения Греции замахнутся на остальную Италию. Ты знаешь гордыню этого народа и его ненасытную жажду власти: они говорят о себе, что идут по следам римлян и что полагается им власть над миром. В этом ты помогаешь им, создавая военный союз против турок, и не видишь, что тем самым увлекаешь Италию в пропасть. Вечное рабство сплетаешь ты своему отечеству. Умолчим о вреде для Италии? Чем будет римская церковь под властью венетов?

Полагаешь ли ты, что честь твоя не будет служить венецианскому дуке. Венецианцы не из тех, кто дела господни ставят выше дел людских; мирская власть для них важнее воли церкви ... Благоразумием твоим будет встать на пути этой напасти, которая не меньше той, которой грозят нам турки ... И что может быть лучше для нас, если не борьба турок с венецианцами до взаимного их истощения, благодаря чему они оставили бы нас в покое?» [625, XII, 30].

Так рушился миф об общеиталийской солидарности, который папа пытался воздвигнуть на месте рухнувшего ранее мифа о солидарности общехристианской. Напрасно он доказывал, что венецианцы одумались после конгресса в Мантуе, а их самих не следует уподоблять римлянам [625, XII, 30]. Ничего не помогло. В результате вместо сильной коалиции государств понтифику удалось увлечь идеей крестового похода в основном лишь случайных волонтеров, которые по его призыву летом 1464 г. собрались в Анконе в ожидании венецианского флота [634, S. 197]. Он сам прибыл туда в августе, находясь уже в предсмертном состоянии, и через несколько дней скончался. Поступок папы, вопреки его последним надеждам, не вдохновил правителей Запада. Поход не состоялся, а крестоносная идея была окончательно дискредитирована.

Среди множества последствий, которыми отреагировал западный мир на гибель Византийской империи и падение Константинополя в 1453 г., отдельного рассмотрения заслуживают те, которые лежали в плоскости политической идеологии. Несмотря на сложную и полную драматизма историю взаимоотношений Византии и Запада, на протяжении всего средневековья сохранялись идейные стереотипы, хранившие память об их общем историческом прошлом, уходившем своими корнями к античным временам. Именно там брал свое начало один из таких стереотипов, известных под названием «*translatio imperii*» (перенос империи). На нем, как известно, основывалось представление об исключительном праве византийских государей как правопреемников старого Рима на императорское достоинство, претендовавшее на универсальный характер. Появление империи на Западе во времена Карла Великого (742–814), а затем при Оттоне I (912–973), хотя и вызвало острую реакцию на Востоке, не разрушило этот стереотип. Основанная в результате Священная Римская империя претендовала на тот же источник правопреемственности [635, S. 30]. Не случайно даже в 1415 г. германский император Сигизмунд Люксембург (1410–1437) напоминал византийскому правителю Мануилу II (1391–1425), что традиция сосуществования двух императоров, соответственно на Западе и на Востоке, берет свое начало в римскую эпоху [636, S. 375]. В средние века идея универсальной империи существовала вместе с родственной ей идеей вселенской христианской церкви. Разобшение между православием и католицизмом с обеих сторон представлялось противоестествен-

ным. Последней безуспешной попыткой преодолеть его стала церковная уния, провозглашенная на Флорентийском соборе в 1439 г.

Завоевание Константинополя турками поставило среди прочего вопрос о дальнейшем существовании этих стереотипов. В поствизантийской реальности они приобретали значение мобилизующих идеологем, позволяющих Западу глубоко осознать и защитить свою идентичность, как и само свое существование перед лицом турецких нашествий. Таким образом, должна была непременно проявить себя и реакция их носителей – империи и церкви. Хотя крушение Византии вызвало противоречивые отклики на Западе – оно воспринималось как тяжелая для христиан утрата и как закономерное наказание грекам-схизматикам, – было очевидно, что христианский мир вернулся к изначальному моноцентризму. Итальянский гуманист Эней Сильвий Пикколомини писал по этому поводу, что «из двух глаз один закрылся, из двух рук одна оторвана» [632, S. 679]. У христиан снова был только один император. Согласно идеологии римского универсализма, на него теперь и возлагалась роль их главного защитника.

Однако в политической действительности универсализм императорской власти на Западе был чистой идеей. По-видимому, последним императором, пытавшимся всерьез реализовать этот идеал в политической практике путем возвышения церковного собора и императора над папой, был Сигизмунд Люксембург. В этом ему способствовал кризис западной церкви, начавшийся с «великой схизмы» 1378 г. и вылившийся затем в движение за ее реформу на соборах первой половины XV в. – Констанцском в 1415–1418 гг., Павиано-Сиенском в 1422–1423 и Базельском в 1431–1449 гг. [530, S. 552]. Несмотря на приобретенный им размах, соборное движение потерпело крах, так и не сумев разрушить папский абсолютизм. После многолетних переговоров о церковной унии с Византией папа Евгений IV (1431–1447) получил возможность в 1438 г. созвать свой независимый собор, вошедший в историю как Ферраро-Флорентийский. Это позволило ему формально закрыть последний реформаторский собор в Базеле. Но так как поначалу действия папы не получали признания за пределами Италии, Базельский собор продолжался. После смерти императора Сигизмунда сменивший его Альбрехт Габсбург (1438–1439) и немецкие курфюрсты в обстановке церковного раскола объявили нейтралитет, хотя при этом склонны были принять постановления Базельского собора, как сделал, например, французский король Карл VII (1422–1461) [637, S. 79-84]. В обоснование нейтралитета они провозгласили, что «если империя вслед за церковью будет задета расколом, то сила обоих мечей, светского и духовного, будет надломлена, и ни один из них тогда уже не придет на помощь другому» [530, S. 569]. От папы князя впоследствии потребовали созыва нового собора в одном из германских городов. Так у империи еще сохранялся шанс принять активное участие в ре-

форме церкви. Однако новый император Фридрих III (1440–1493), усмотрев в поведении курфюрстов посягательство на свои права, начал принципиальный разворот этой политики. Ставший его секретарем Эней Сильвий Пикколomini, впоследствии вошедший в историю не только как гуманист, но и как папа Пий II (1458–1464), был противником нейтралитета. Он сумел убедить императора вступить в переговоры с Римом. В результате в 1448 г. между ним и папой Николаем V (1447–1455) был заключен Венский конкордат, который отменял многие постановления недавних соборов и предоставлял папскому престолу значительные права в области немецкой церкви. Спустя год Базельский собор, лишенный последних шансов на поддержку, закрылся.

Эпоха соборов закончилась, не позволив империи ни выступить верховным арбитром в ходе церковного кризиса, ни увеличить свое влияние на Рим, чтобы тем самым поднять свое международно-политическое значение на Западе, ни получить каких-либо привилегий для своей церкви по образцу французской Прагматической санкции. Венский конкордат был подготовлен и заключен лично императором без участия курфюрстов, и Фридрих III мог рассматривать его как свой личный успех во внутриимперских делах [530, S. 569; 638, S. 634]. В 1452 г. успех был закреплен тем, что он был, наконец, коронован папой. Между тем обратной стороной этого процесса было восстановление авторитета папского престола, который не позволил поставить себя под контроль соборов, управляемых светской властью. Но прежнее средневековое восприятие папства на пороге нового времени тоже стремительно менялось. Привыкая строить отношения с формирующимися национальными монархиями – после провала соборной доктрины это происходило не через механизм соборов, а через двусторонние конкордаты – папский Рим все сильнее становился символом Италии, отчужденным от заальпийских *nationes ultramotanes*. В сознании многих итальянских гуманистов это стимулировало патриотические чувства в политически раздробленной стране [639, S. 33-37]. На практике же наблюдалось абсолютное преобладание итальянцев в персональном составе курии. Причем, по относительным меркам, численность кардиналов немецкого происхождения страдала сильнее всего [638]. Нить, связывающая курию со Священной Римской империей, в действительности становилась все тоньше.

Ситуация, сложившаяся после крушения Византии, поставила вопрос о взаимодействии и мобилизации сил против наступавших на континент турок. Призывы церкви к единству христиан и проповедь крестового похода требовали адекватного ответа со стороны политического носителя универсализма на Западе, т. е. Империи. Но о том, насколько ее политический потенциал был пригоден для этого, говорит тот факт, что за организацию конкретных мер взялся не столько сам император, сколько вышеупомянутый Эней Силь-

вий, который в тот момент возглавлял императорскую канцелярию в австрийском Граце. О взглядах этого гуманиста на империю можно судить по его сочинению «*De ortu et auctoritate imperii Romani*», написанному еще в 1445 г. [631, Р. 480-481]. В нем он отстаивает привычную идею универсальности императорской власти, которая возвышается над властью остальных государей и предназначена к общественной пользе. В вопросе ее отношения к власти духовной автор утверждает принцип взаимозависимости двух властей, и невмешательства их в дела друг друга. Однако, как известно, реальный характер императорской власти был очень далек от этого идеала. Через четыре месяца после падения столицы Византии Эней Сильвий, терзаемый сомнениями в авторитете этой власти, писал своему соотечественнику из Сиены Леонардо Бенвольенти: «Сам Император, – чтобы тебе было понятно, как обстоят дела, – не тот, кто сможет противостоять мощи врага, если все христиане не изъявят готовность подчиниться власти одного вождя. Не буду говорить о других народах. Меньше всех Германия подчиняется своему королю. Кесарь же мало что может сделать сам, если христианские государи не объединятся и общими силами не отбросят врага от наших границ. Но князья не те люди, которые захотят явиться по зову кесаря, и не знаю даже, послушают ли они главу римской церкви» [640, S. 38].

Замысел Энея сводился к организации общеевропейского политического конгресса для обсуждения военных мероприятий против турецкой угрозы. Разумеется, председательствовать на нем полагалось императору Священной Римской империи, выступавшему как *defensor religionis Christianae*, поэтому для самого конгресса лучше всего подходила форма имперского собрания (рейхстага) с приглашением ведущих западных государей. Скорее всего, Эней лично склонял императора Фридриха III к мысли о его необходимости. В августе 1453 г. гуманист сообщал папе, что после многочисленных переговоров нашел понимание со стороны монарха, но возможности его находил недостаточными и просил Святой Престол первым подтолкнуть его к действиям своими предложениями и помощью. Одновременно сам Фридрих III, побуждаемый своим секретарем, просил папу призвать светских правителей принять участие в имперском съезде. Какое значение он лично придавал ему, показали позднейшие события [640, S. 31-35].

В декабре 1453 г. созрело решение провести намеченный рейхстаг на берегах Дуная в Регенсбурге. Приглашения на него были разосланы европейским монархам, в том числе королям Франции, Англии, Польши, Шотландии, Дании. Все они впоследствии проигнорировали конгресс. Но настоящим конфузом стал отказ от личного прибытия самого императора, о котором внезапно было объявлено весной 1454 г., когда до съезда оставался один месяц. Поводом для этого послужили напряженные отношения с венграми, заставившие Фридриха III беспокоиться за безопасность своего австрийского домена. Такое решение,

характер вызвавших его причин подрывали саму идею форума и дискредитировали империю в роли основного защитника христианства. Эней Сильвий Пикколомини, как главный вдохновитель рейхстага, напрасно доказывал, что миссия императора выше любых местных интересов. «Если там не будет тебя, – взывал гуманист, – то ради благого дела не придут и не отправят посольства ни курфюрсты империи и никто из благородных. Смешным будет такое собрание. За отсутствие все обвинят тебя в беспечности, ибо ты пренебрежешь защитой христианской веры... К тому же кто вознамерится беспокоить твои владения, пока ты будешь трудиться на общее благо. Ведь пока тебя держат Австрия со Штирией, то по ним о тебе и судят как о герцоге Австрии и Штирии. Но когда ты проводишь время с курфюрстами, то тогда все признают и почитают в тебе цезаря». Зная реальный авторитет императора, он доказывал, что лишь его забота об империи заставит тех, кто ее составляет, изменить свое отношение и к самому ее главе: тогда, по его словам, «курфюрсты поймут, что неприлично принижать своего правителя, когда остальные народы своих государей превозносят» [640, S. 128-130]. Впрочем, реакция на все доводы выглядела окончательной профанацией имперского форума. Император ответил Энею, что хотя и подобает трудиться на общее благо, ему не известно, чтобы кто-то был готов ради него пренебречь своим собственным [640, S. 131].

Несмотря ни на что, рейхстаг в Регенсбурге все же открылся в апреле 1454 г., но представительным так и не стал. Из крупных фигур империи прибыли лишь герцоги Бургундии, Баварии и маркграф Бранденбургский. В вопросе турецкой угрозы собрание в основном ограничилось риторическими заклинаниями о борьбе с турками и обсуждении туманных перспектив крестового похода. Фактически по такому же сценарию через несколько месяцев прошел еще один рейхстаг, созванный во Франкфурте, и точно так же не удостоенный личного присутствия императора. На обоих съездах его полномочным представителем снова был Эней Сильвий. Отношение формального главы государства к тем обязанностям, которые вытекали из идеальных представлений о нем, стало дополнительным фактором, пробудившим на рейхстагах голоса о необходимости имперской реформы. Гуманист оставил свидетельства о них. К примеру, некий франконский рыцарь обратился к собранию в Регенсбурге со следующей речью: «Не понятно, что за народ мы – немцы. Мы отвергаем как свои права, так и общее благо. Преуспевают те, кто живут по собственным законам, а мы не знаем ни законов, ни границ своего государства. Французы во имя своей короны бьются с оружием в руках; англичане предпочтут скорее смерть, чем потерпят какой-либо урон своей короне; венгры дерутся за права своей короны, чехи спорят с саксонцами о коронных границах; поляки требуют для своей короны Пруссию. А что нам сказать о нашей короне. Никому нет дела до нее». Известный немецкий философ и карди-

нал римской церкви Николай Кузанский, также присутствовавший на Регенсбургском рейхстаге, утверждал там же: «Можно только сожалеть о положении нашего народа. Мы не умеем жить по человеческим законам, так как не ценим своего правителя» [640, S. 280].

В приведенных суждениях обращает на себя внимание соотношение представлений об империи с немецким народом. На самом деле, когда антитурецкая пропаганда со стороны церкви и гуманистов усиленно апеллировала к идее европейского единства, необходимо было, с одной стороны, поддерживать идею универсализма империи как главного защитника христиан, а с другой – считаться с тем, что христиане разделены на множество государств и народов. Именно после падения Константинополя понятие *Imperium* начинает устойчиво фигурировать вместе с упоминанием о немецком народе (*natio Germanica*, *natio Theutonica*), как носителя имперского достоинства [642, S. 566]. В контексте такого употребления за ним еще сохранялся универсальный смысл, не позволявший трактовать империю как национальную государственность. Решения Регенсбургского рейхстага, преподносившиеся от имени всех христиан, были провозглашены «в честь Римской империи, во славу германской нации» (*pro honore Romani Imperii, pro gloria nationis Germanicae*) [640, S. 268]. Таким же смыслом Эней Сильвий усиленно старался связать эти понятия в своей знаменитой речи «О Константинопольской катастрофе и войне против турок» (*de Constantinopolitana clade et bello contra Turcos*), произнесенной на Франкфуртском рейхстаге осенью 1454 г. В ней, обращаясь к немцам и выделяя их из остальных наций, он замечает: «Тот, кто вручил Вам Империю, поставил Вас впереди всех народов и племен» [643, S. 683]. Но имперское достоинство означало в словах автора именно универсальную миссию, имеющую внациональный смысл: «Если Вы, Тевтоны, имеете мудрость, то последуйте примеру своих предков, которые всегда вели войны за пределами своей страны и охраняли границы соседей не меньше, чем свои собственные. Если сейчас, германцы, Вы оставите погибать венгров, то не сможете впредь положиться на французов, как и те в свою очередь не найдут помощи у испанцев. Чтобы не померк свет веры Христовой, надлежит Вам, если Вы владеете Империей, защитить остальные народы, именно Вам, великие и славные Германцы, которым вверено это достоинство» [643, S. 683-684].

Однако результаты Франкфуртского рейхстага оказались такими же ничтожными, как и предыдущего собрания в Регенсбурге. Сомнения, которыми поделился Эней Сильвий в первом письме к Леонардо Бенвольенти, через год в очередном послании превратились для него в горькое убеждение: «У христиан нет вождя, за которым все готовы последовать. Ни императору, ни понтифику не подчиняются, как положено. В каждом городе свой государь. Количество князей сравнимо с количеством домов. И как можно такое их количество, что правит христианами, призвать к оружию. Даже если все короли соберутся в поход,

то кто поведет их? Какой порядок будет в этом войске? Кто уразумеет множество языков, и кто обуздает разнообразие нравов? Кто помирят англичан с французами, соединит генуэзцев с арагонцами, а немцев – с чехами и венграми?» [643, S. 455-457]. Итак, мы имеем здесь дело с осознанием того, что христианский Запад не имеет универсальной политической силы, способной и стремящейся возглавить его. Гуманист больше не полагался на авторитет империи. Последним оплотом европейского универсализма в его глазах оставалось папство. В 1458 г. Эней сам становится понтификом под именем Пия II и уже в следующем году созывает еще один «антитурецкий» конгресс в Мантуе, светский конгресс под председательством папы [630, S. 46-81]. Его результаты оказались почти такими же, как и предыдущих рейхстагов. Несмотря на это, ценой личных усилий Пия II импульс для подготовки к походу против турок был дан, и надежду лично возглавить его он питал до последнего дня жизни.

Примечательно, что вскоре после конгресса в Мантуе из-под пера гуманиста-папы вышло одно из самых известных его сочинений, имевшее форму письма к турецкому султану Мехмеду II (1451–1481), завоевавшему Константинополь. Центральной темой послания являлась попытка убедить правителя исламского Востока принять христианскую веру. Со стороны автора, убежденного противника турок, поступок выглядел неожиданным. У исследователей и сегодня нет единого мнения о мотивах появления данного текста, как нет доказательств того, что он был вообще отправлен адресату. Но в свете изложенных выше фактов многое в нем объяснимо. Во-первых, в обращении к Мехмеду Завоевателю снова поднимается тема единства Запада: «Не верь, что разъединение христиан пойдет на пользу твоим желаниям, не полагайся на это: все христиане объединятся, едва услышат, что Ты угрожаешь поразить самое сердце христианского мира» [633, S. 5.11]. С другой стороны, по его словам, хватит и четверти христиан, чтобы дать отпор туркам. Этим мощным оплотом является Италия, которая вместе с Римом и есть центр христианства [633, S. 3.3, 5.5].

Подводя итоги, отметим, что из двух столпов средневековой западно-христианской идентичности, каковыми являлись Империя и Церковь, лишь последний в лице папства отреагировал на крушение Византии в духе своей универсальной миссии [629, S. 21]. Падение Константинополя обнаружило, что Римской империи на Западе как воплощения принципа универсализма больше нет. Император вел себя как обычный национальный правитель. Когда религиозная антитурецкая пропаганда, в том числе и на рейхстагах, подчеркивала связь империи с немецкой нацией, то при этом еще срабатывал древний стереотип об универсальности империи. Но когда реальные процессы окончательно превратили ее в *Sacrum Imperium Romanum nationis Germanicae*, то в этой формуле *natio Germanica* значилась уже не как носительница универсальной имперской миссии, а как признак на-

циональной принадлежности государства. Все свидетельствовало о том, что после падения Византии история мифа «*translatio imperii*» на латинском Западе закончилась.

6.5. Обобщение итогов исследований по проблеме организации системы провинциального управления в отдаленных пограничных регионах империи

Византийская империя IX–XI вв. была крупнейшим государством своего времени, при этом на протяжении 200 лет – с середины IX до середины XI в. – ее территория постоянно увеличивалась. Следовательно, проблема взаимоотношений Константинополя и отдаленных пограничных регионов со временем становилась все более актуальной. В итоге, императорами Македонской династии была выработана достаточно сложная и многоступенчатая система управления периферийными территориями, причем для разных приграничных регионов можно выделить свои локальные особенности. Политика императорской власти в закавказских фемах серьезно отличалась от той, которая проводилась, например, в Северной Сирии или в Таврике [205, С. 21-26].

В периферийных регионах Византии одновременно действовали центробежные и центростремительные силы. Отдельные кланы (группировки) местной знати традиционно ориентировались на Константинополь и стремились сохранять свое господствующее положение с помощью императорских войск и чиновного аппарата. Преданность этих аристократических групп вознаграждалась высокими придворными титулами, пожалованиями земельных владений во внутренних фемах, должностями в армии и провинциальной администрации. Их политические оппоненты, сторонники независимости от империи, не имели достаточно сил для открытой и длительной вооруженной борьбы. В связи с этим, они искали поддержку правителей соседних государств, активно использовали религиозный фактор, стремились привлечь на свою сторону рядовое население, недовольное налоговой политикой Константинополя [644].

Можно констатировать, что в X–XI вв. империя была «опоясана» очагами локальной напряженности. В Закавказье, в Месопотамии, на Адриатическом побережье Балканского полуострова, в Южной Италии десятилетиями «тлели» подобные конфликты, периодически разгораясь и превращаясь в широкомасштабные войны. Империя вынуждена была размещать в этих районах крупные группировки регулярных войск, тратить значительные средства на их содержание и снабжение. Как следствие, во всех приграничных регионах в конце X – первой половине XI в. наблюдается полное преобладание военной администрации над гражданской.

Другой особенностью византийской политики по отношению к периферийным регионам является явное стремление к выкачиванию ресурсов данных территорий. Ежегодно из приграничных фем в Константинополь поступали значительные налоговые выплаты и таможенные пошлины. Местная знать, причастная к мятежам против императорской вла-

сти, лишалась имущества и земельных владений. Конфискованная собственность передавалась ведомству государственных имуществ. В X–XI вв. в приграничных провинциях возникает система императорских кураторий, которые напрямую не были подчинены правителям фем [84, Р. 85–95]. Помимо этого, широко применялась традиционная для Византии практика переселения значительных групп населения из внутренних провинций в пограничные и наоборот. Известно о перемещении больших масс армянского населения на Балканы и в Малую Азию, болгар в Васпуракан, арабов в Каппадокию и т. д. Однако чаще всего переселения затрагивали греческое население (и греческую провинциальную знать). Таким образом правительство в Константинополе пыталось сформировать в периферийных регионах постоянную опору для провинциальных структур управления.

В ходе выполнения НИР были проведены исследования, которые позволяют внести существенные коррективы в историографическую традицию, восходящую к работам византинистов конца XIX – начала XX в. (Г. Шлюмберже, Ф. И. Успенский, Г. Острогорский). Образ «классической фемы», который был сформирован в работах данных исследователей, сводится к следующему: в военном отношении фема представляла собой территориальный округ, разделенный на две, три или четыре турмы (административных района). В военное командование фемой входили стратиг, турмархи и должностные лица из штаба стратига (например *κόμης τῆς κόρτης* – «начальник штаба» стратига). Гражданская администрация фемы была представлена судьями, анаграфевсами (чиновниками налогового ведомства), протонотарием, должностными лицами из секретов логофета стратиотиков и логофета дрома, императорскими кураторами. Принято считать, что гражданские чиновники находились в подчинении у стратига, но назначались из Константинополя. В итоге, византийская фема VIII–X вв. представляла собой достаточно развитую военно-бюрократическую структуру. Командный состав и чиновный аппарат, несмотря на свою многочисленность, находились в едином подчинении у стратига фемы.

Однако количество фем, которые подходят под эту «идеальную» схему, невелико. Это крупнейшие малоазийские провинции – Анатолик, Армениак и Фракисий, а на Западе – Фракия, Эллада и Сицилия (до первой трети IX в.). Остальные фемы, созданные в IX–X вв. под данную схему, в той или иной степени, не подходят. Например, Харсианон, Колония, Селевкия, Каппадокия отличались системой военной организации. В составе этих провинций находились особые административные единицы – клисурархии (гарнизоны стратегически важных крепостей). Структура т. н. морских фем (Авидос, Хиос, фема Эгейского моря) изначально отличалась от всех прочих. Среди должностных лиц провинциального гражданского управления IX в. почти не упоминаются судьи фем, мало известно императорских кураторов, хартулариев фем, анаграфевсов и пр.

Учитывая, что «классическая» схема византийской фемы не находит подтверждения для большинства провинций, необходимо рассматривать каждую пограничную фему по отдельности. В большинстве периферийных регионов имелись свои особенности, обусловленные как его историческим развитием, так и перипетиями присоединения данных территорий к Византии. Действительно, в небольших приграничных военно-административных образованиях структура, характерная для старых малоазийских фем, созданных в ходе «фемной реформы» во второй половине VII – VIII в., была не нужна. Более того, для ее формирования потребовались бы большие финансовые средства, значительное число чиновников и армейских офицеров. Учитывая эти факторы, императоры Македонской династии старались использовать возможности местной аристократии, лояльной Константинополю, а также церковные структуры.

Исследование истории отдельных пограничных фем позволяет не только выявить особенности военно-административной организации провинций, но и обобщить полученные для разных регионов данные. В качестве объектов исследований нами были избраны относительно небольшие по территории и численности населения фемы Диррахий и Херсон, а также дукат Италия – одна из наиболее важных в военно-политическом отношении провинций Византии X–XI вв.

Вопрос о времени основания фемы Диррахий остается дискуссионным. Одни исследователи датируют данное событие правлением императоров Никифора I (802–811) или Льва V (813–820) – Я. Ферлуга, Т. Василевски. Согласно другой точке зрения, фема Диррахий появилась при Михаиле II (820–829) или Феофиле (829–842), а первое упоминание стратига Диррахия в «Тактиконе Успенского» относится к 842–843 гг. (А. Пертузи, Г. Острогорский, Н. Икономидис). О внутренней структуре фемы Диррахий можно судить по немногочисленным и разрозненным упоминаниям в исторических хрониках, эпистолографическим источникам и по данным сфрагистики [36, Р. 352; 191, S. 108-109].

Большая часть должностных лиц фемы Диррахий, упомянутых в источниках – это стратиги. Опубликованы печати стратигов: Константина, Феофила, Адриана, Феодосия (все IX в.). Еще несколько моливдовулов датируются X в.: Анастасия, Михаила и Петра. Известна также печать Льва, спафарокандидата и *ἐκ πρὸς ὧλου* Диррахия (IX/X в.). Единственное упоминание о стратиге Диррахия в письменных источниках относится к 915–917 гг.: о протоспафарии Льве Равдухе сообщает Константин Багрянородный. Никаких свидетельств о подчиненных стратигу должностных лицах военной администрации (турмархи, комиты и пр.) в источниках не сохранилось [645, С. 23-25].

О гражданской администрации фемы Диррахий в IX–X вв. также известно крайне мало. Можно констатировать, что в настоящее время говорить о существовании здесь по-

стоянно действующих судебных и налоговых структур, а также императорских кураторий и таможен не представляется возможным. Единственное упоминание о гражданских чиновниках в Диррахии содержится в письмах Феодора Студита (около 823 г.) [646]. В этих текстах упоминаются нотариий Георгий и его начальник хартуларий Фома. Однако к каким структурам, провинциальным или столичным, они принадлежали – не ясно.

В источниках сохранились также свидетельства об архонтах Диррахия: в письмах Феодора Студита архиепископу Антонию и игумену Дионисию (20-е гг. VIII в.), в «Тактиконе Успенского» (842–843 гг.), в сочинениях Константина Багрянородного и Продолжателя Феофана. Г. Законом была издана печать Фомы, архонта Диррахия (вторая половина VIII в.) [205, Р. 678, по. 894]. Можно констатировать, что архонты, представители местной знати, активно участвовали в политической жизни, в судебных процессах, привлекались для ведения международных переговоров. Лишь военные функции архонтов в источниках никак не отражены.

В феме Диррахий не фиксируется устойчивой военной структуры, нет каких-либо свидетельств о существовании здесь государственных судебных или налоговых органов. При этом большую роль в гражданском управлении играли представители местной знати (архонты, протевон и др.). Вопрос о полномочиях архонтов и степень их интеграции в государственные структуры управления остается дискуссионным. В Диррахии, как и во многих других пограничных регионах империи военно-административные структуры формировались крайне медленно, а численность военных и гражданских должностных лиц была невелика. Государство привлекало фемных архонтов для исполнения разнообразных функций, прежде всего, в сфере гражданского управления. Однако со второй половины X – начала XI в. роль провинциальной знати в местных органах власти начинает уменьшаться. Например, в Диррахии в правление Василия II (976–1025) был создан дукат [72, S. 236–239].

Изучение истории фемы Херсон затруднено из-за незначительного числа достоверных письменных свидетельств об администрации этой византийской провинции. По этой причине традиционные методики исторических исследований уже не могут привести к получению новых данных. В связи с этим нами был использован метод контент-анализа большого массива византийских свинцовых печатей (моливдовулов), имеющих отношение к феме Херсон и городу Херсону (совр. Севастополь, Украина). Применение данного метода позволило проанализировать две крупные коллекции византийских печатей: собрание свинцовых булл из Национального заповедника «Херсонес Таврический» [647] и т.н. херсонского архива моливдовулов. Необходимо отметить, что херсонский «архив» представляет собой закрытый археологический комплекс, сформировавшийся в течение короткого

промежутка времени. Он был обнаружен в середине 90-х гг. XX в. в море у северного берега Херсонесского городища. Основная масса печатей была извлечена подводными археологами с глубины 2-3 м в 20-25 м от береговой черты. Все это позволило предположить, что первоначально «архив» находился в каменной постройке, расположенной у северной (приморской) оборонительной стены. После ликвидации византийской фемы в Херсоне (конец XI – начало XII в.) здание постепенно разрушалось. Впоследствии, из-за обрушения части береговой линии остатки сооружения, а вместе с ними и печати херсонского архива оказались в море. На настоящий момент археологами обнаружено около 300 моливдовулов, причем в последние годы находки стали достаточно редкими. Большая часть печатей херсонского архива была опубликована крымским исследователем Н. А. Алексеенко, а сами моливдовулы находятся в украинских и российских частных коллекциях [648, С. 122-133; 649].

Херсонский архив, по большей части, состоит из печатей местных стратигов, архонтов и должностных лиц органов местного самоуправления. В нем почти нет моливдовулов военачальников других фем или командиров полевых армий Востока и Запада. Из военных функционеров можно отметить лишь буллы друнгариев флота (командующий императорским флотом) и некоторых офицеров, ему подчиненных. Действительно, военная активность на Крымском полуострове в X–XI вв. была существенно ниже той, что наблюдается на Балканах или в Закавказье. Упомянем только поход киевского князя Владимира Святославича (988/989 г.), несколько печенежских набегов и восстание местной знати во главе с Григорием Цулой (1016/1017 г.).

Печати гражданских чиновников из Херсонского архива также не отличаются большим разнообразием. Большая их часть – моливдовулы логофетов геникона (империя получала из Таврики налоговые выплаты) и руководителей императорских коммерций (таможен). В Херсоне велась масштабная торговля с Русью, Кавказом, Северным Причерноморьем, здесь постоянно находились представители таможенных органов, взимавшие пошлины с византийских и иностранных купцов. Сохранились и печати самих купцов, в частности, торговца шелковыми одеждами. Еще один уникальный памятник, о котором следует упомянуть особо, это моливдовул архонта (начальника) «переправы». Этот мелкий чиновник руководил, по всей видимости, переправой через Керченский пролив (Боспор большую часть XI в. входил в состав фемы Херсон).

Особую группу моливдовулов из Херсонского архива составляют печати должностных лиц местного самоуправления (архонты, потевоны, экдик, кир). Они были представителями местной (городской, полисной) знати, занимались судебными и финансовыми вопросами, активно взаимодействовали с администрацией фемы. Пример Херсона показыва-

ет, что на отдаленных окраинах Византии вплоть до начала XI в. сохранялись некоторые формы самоуправления, восходящие к позднеантичному времени [650, С. 145-160; 651, С. 98-104; 652, Р. 75-83; 653, С. 174-205; 654, С. 201-213;].

По всей видимости, фема на территории Херсонеса – Херсона была создана в первой половине IX века при императоре Феофиле (829–842). Однако в письменных источниках об этом сохранилось только отрывочные свидетельства. По причине недостатка информации в нарративных источниках неоценимую помощь при изучении административной истории Византии предоставляют свинцовые печати – моливдовулы. Изучение сфрагистического материала позволяет создать модель структуры управления, а также выделить определенные этапы ее развития.

Самые ранние находки византийских печатей на Херсонесском городище относятся к 1827 г. – первому году регулярных археологических раскопок этого уникального памятника античной и византийской цивилизации [655, С. 117]. Всего известно более 800 моливдовулов, происходящих с территории Херсонесского городища и его ближайшей округи [656, С. 384]. Печати из Херсонеса находятся в собрании Государственного Эрмитажа, в Государственном Историческом музее, Одесском археологическом музее, в частных коллекциях России и Украины, но наибольшим является собрание Национального заповедника «Херсонес Таврический» (НЗХТ).

На настоящий момент коллекция моливдовулов Национального заповедника «Херсонес Таврический» является самым крупным музейным собранием византийских свинцовых печатей на Украине. Всего она насчитывает 276 свинцовых моливдовулов, 34 свинцовые заготовки и 11 бронзовых булл. В составе коллекции можно выделить несколько групп печатей: императорские печати (6 экземпляров), печати высших должностных лиц византийской церкви (7 экземпляров), моливдовулы чиновников столичных гражданских ведомств (22 экземпляра), печати офицеров императорской армии и флота (5 экземпляров), моливдовулы должностных лиц фемы Херсон (34 экземпляра). Самую большую группу составляют печати частных лиц (86 экземпляров).

Ценность херсонесской коллекции византийских печатей состоит в том, что на ее основе представляется возможным проследить эволюцию органов местного самоуправления Херсона (печати архонтов, 6 экземпляров), церковных деятелей (26 экземпляров), а также изучать основные этапы истории византийской фемы в Таврике (19 экземпляров печатей стратигов и 2 ек *prosôrou*). Помимо этого, известны также печати коммеркиариев Херсона (5 экземпляров) и 36 булл должностных лиц столичной и провинциальной администрации, титулованных особ. К сожалению, далеко не все печати из коллекции НЗХТ подлежат прочтению и расшифровке информации, которую они содержат. Немало печатей

из данного собрания сильно повреждены, другие пока не поддаются расшифровке в силу различных причин. Стоит заметить, что в фондах музея находятся около сорока заготовок для печатей. До настоящего времени они не были опубликованы и не исследовались. Заготовки происходят, в основном, из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича начала XX в. [657, С. 89-90; 658, С. 277].

Моливдовулы чиновников Херсона известны практически с самого начала исследования Херсонского городища. В настоящий момент опубликовано не более 150 моливдовулов из коллекции Национального Заповедника «Херсонес Таврический». Впервые печати Херсона (8 экземпляров) были опубликованы французским ученым Г. Шлюмбердже в конце XIX в. [203, Р. 235-238, по. 1-8]. Позднее моливдовулы из херсонесской коллекции публиковались В. Н. Юргевичем [659, С. 1-21; 665, С. 9-11], И. И. Толстым [660, С. 28-43], А.Ф. Вешняковой [661, С. 121-133], Н. и В. Зайбт [662, С. 91-97], В. А. Анохиным [663, С. 66-75], Н. А. Алексеенко [666, С. 174-205].

Работы большинства указанных авторов были посвящены отдельным административным должностям или введению в научный оборот новых источников. Кроме того, существует ряд исследований по истории средневековой Таврики и Херсона, в которых затрагиваются отдельные аспекты административной организации города [620; 664, С. 40-48]. Необходимо специально акцентировать внимание на исследовании И. В. Соколовой [654]. Автором впервые предпринята попытка обобщить материал по некоторым административным должностям Херсона, опубликована (републикована) большая группа печатей стратигов (32 экземпляра) из Херсонеса, уточнены многие датировки и чтение легенд моливдовулов, предложена периодизация развития административного аппарата Херсона. Большое значение имеют и комментарии И. В. Соколовой об эволюции административной системы Херсона в IX–XI вв.

Большинство исследователей считают, что создание фемы на территории Херсонеса произошло около 840–842 гг. Изначальное название этого нового военно-административного образования было «фема Климатов». Однако первые шаги Византии на пути ограничения деятельности муниципальных должностных лиц предпринимались и ранее. Учреждение фемы в Таврике привело к ликвидации там архонтии – небольшого административно-территориального образования, главой которого был архонт (греч. ἄρχων, «начальник, правитель, глава») [667, С. 567-568]. Архонтия являлась административной единицей меньшего порядка чем фема и была независима от нее. Военные функции архонтии на сегодняшний день остаются дискуссионными. Превращение архонтии в фему – не уникальный случай в истории Византии. Подобная тенденция неоднократно проявляла себя в различных областях империи (Диррахий, Крит, Родос).

Должность архонта зародилась в античную эпоху. Они ежегодно избирались в коллегию, которая осуществляла управление полисом. Архонты делились внутри своей группы в зависимости от функций, которые они исполняли (архонт-басилей исполнял религиозные функции, архонт-полемарх командовал войсками и т.д.) [139, Р. 96-97]. Такая коллегия существовала и в античном Херсонесе и состояла в середине II в. из шести человек во главе с «первым архонтом» [667, С. 568].

Во многих городах, находящихся в сфере влияния Рима коллегии архонтов исчезли к IV в. н.э. Однако периферийный Херсон сумел сохранить это наследие предшествующей эпохи. Печати архонтов Херсона датируются первой половиной VIII – 80-х гг. IX в. Всего в коллекции «Национального заповедника «Херсонес Таврический» находится 6 печатей этих чиновников.

В источниках сохранилось первое упоминание об архонте Херсона Зоиле в связи с восстанием против Юстиниана II. Правда, нет информации о том, был ли Зоил первым человеком занимавшую эту должность в центре северных владений Византии [668, С. 312].

Наверное, нет ни одной должности в истории Херсона, которая была бы настолько сложна для реконструкции, как должность архонта. Прежде всего, это связано с тем, что она не была универсальной для всех областей Византии. Это подтверждают следующие данные. Во-первых, число архонтов в различных провинциях не было одинаковым (так, например, на Кипре, Крите и в Далмации их было по одному, а Диррахии – несколько) [669, С. 56-59]. Во-вторых, архонты различных регионов помещаются в различные разряды Тактиконов, что может расцениваться как показатель различной значимости этих территорий в жизни Византии, так и как свидетельства различных обязанностей, которые исполняли эти архонты. Кроме того, необходимо отметить различное положение самих архонтий. Наиболее ярким примером может служить Кипр, где правителю приходилось учитывать интересы арабских властей, введу особого статуса острова [668, С. 315].

Проблема изучения должности архонта Херсона во многом осложняется также противоречивостью данных письменных источников. Так Константин Багрянородный [20, С. 318] и Продолжатель Феофан [4, С. 84] упоминают архонтов наряду с протевонами и патерами – несомненными членами администрации города, т.е. называя тем самым конкретную административную должность. Однако эти же источники архонтом называют тудуна – хазарского «ставленника» в Херсоне. Безусловно, хазарский представитель не мог быть членом византийской администрации и в данном контексте архонта следует понимать как «начальника», «командира» или «правителя». Таким, образом, одновременно авторы используют одно и то же слово сразу в двух смыслах, что в значительной степени осложняет процесс исследования должности.

Кроме того, архонты у этих авторов противопоставляются представителям императорской власти, а значит, считаются представителями муниципального (полисного) управления. Однако официальные списки гражданских чиновников, например, Тактикон Успенского, помещают архонтов в число византийских чиновников, причем, они, а не протевонны, указываются как главы городов [669, С. 111-124]. Кроме того, архонты имели печати византийского образца (право иметь печати имели немногие представители государственной власти), и некоторые из них носили титул «императорский». Все это указывает на принадлежность должности к центральному аппарату управления. Исходя из вышесказанного, можно сделать предположение, что архонты были промежуточным звеном, «компромиссом между муниципальной властью и центральной администрацией» [670, Р. 318-323]. Следовательно, можно сделать два предположения. Первое: кандидат на эту должность, мог выдвигаться членами самоуправления Херсона, после чего утверждался императором. И второе: император назначал архонтом человека из среды местной знати. И в том и в другом случае новоизбранный архонт становился лицом ответственным непосредственно перед императором, но при этом сохраняет прочные связи с городской знатью. При этом срок пребывания одного человека на должности архонта мог составлять достаточно продолжительный период времени.

Дискуссионным остается вопрос о том, какое количество архонтов присутствовало в Херсоне одновременно. В произведениях Константина Багрянородного и Продолжателя Феофана указывается на нескольких архонтов: «если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упустить из своих рук, избери своего стратига и не доверяй их протевонам и архонтам» [20, С. 286]. В Тактиконе Успенского также содержится указание на нескольких представителей этой должности в Херсоне. О точном количестве архонтов речь не идет ни в одном источнике. Однако некоторые исследователи допускают наличие ошибки, допущенной переписчиком. В этом случае можно сделать предположение о неточной интерпретации первоисточником и недостатке данных об этой проблеме [666, С. 174-205], следовательно, изначально в «Тактиконе» было указание на присутствие в городе лишь одного архонта [654, С. 112].

В ходе изучения этого вопроса исследователями неоднократно высказывались и другие варианты объяснения данного отрывка Тактикона Успенского. Интересное предположение об архонтах Херсона высказывает Дж. Бюри. В Тактиконе Успенского он видит анахронизм, который переписчик документа, используя более ранний источник, забыл удалить, хотя должность в его время уже не существовала [63, Р. 113]. Однако это лишь предположения, тем более, что в рассматриваемое время существование архонтов подтверждается многими данными. Н. А. Алексеенко приходит к выводу, что здесь речь идет

о нескольких правителях-архонтах, под руководством которых находились укрепленные центры – архонтии Таврики, в том числе и Херсона [666, С. 171-173]. В дальнейшем, после образования фемы Климаты эти центры были объединены под началом стратига. В самом же Херсоне, как и в других бывших архонтиях, некоторое время продолжала существовать должность архонта. В подтверждение одновременного наличия в Херсоне лишь одного архонта он также приводит количественные данные. За период существования должности архонта – примерно 150 лет – по сфрагистическим данным известно не более 10-12 обладателей этих должностей (6 печатей хранятся в фондах Национального Заповедника «Херсонес Таврический»), т. е. слишком мало представителей для коллегиального органа. Здесь статистические данные не могут быть неоспоримым подтверждением предположения автора. Во-первых, часть печатей представителей этой должности могут быть до сих пор не обнаружены. Во-вторых, большинство известных печатей относится к первой половине IX века, в то время как для предшествующего периода количество известных печатей значительно меньше, что также вызывает сомнения в правомерности использования количественных методов. Кроме того, нельзя не учитывать, что правом обладания печати мог обладать только глава совета архонтов [666, С. 173].

Таким образом, предположение о коллегиальности института архонтов нельзя с уверенностью отвергать. Однако, исходя из тезиса о положении архонта в качестве промежуточного звена между гражданской властью и городским самоуправлением, наличие нескольких чиновников подобного рода выглядит сомнительным. Вероятно со временем, необходимость в коллегии архонтов пропадает. Влияние архонтов в Херсонесе уменьшается, а их количество в составе коллегии сокращается. Можно предположить, что ряд прежних функций архонтов переходит в руки других чиновников. В связи с этим пропадает необходимость в одновременном присутствии в городе нескольких архонтов.

Теперь во главе города стоит совет из сорока первенствующих во главе с протевонном. Возможно, что большая часть прежних полномочий архонтов перешла именно к протевону.

Неопределенные данные письменных источников сформировали противоречивые взгляды на сущность должности архонтов. Как уже было сказано, Дж. Бюри определяет время существования архонтов «дофемным периодом» [63, Р. 112]. Г. А. Острагорский, полагал, что архонты Тактикона Успенского – реальные представители фемной администрации: местные чиновники, подчиненные после учреждения фемы византийскому стратигу» [63, Р. 112-113]. Я. Ферлуга называет их представителями муниципалитета. Е. Гликаци-Арвейлер видит в этих чиновниках начальников армии и флота [671, С. 46-47].

Количество архонтов, а так же и их титулы в различных областях империи не были одинаковым, кроме того, нельзя забывать о том, что с течением времени сущность должности архонта могла эволюционировать.

Сфрагистический материал из коллекции НЗХТ фиксирует у архонтов Херсона титулы стратора и спафария. Известны печати архонтов изучаемой фемы, обладавшие титулами ипат и, вероятно, спафарокандидат [666, С. 175]. Невысокие титулы владельцев печатей могут расцениваться как свидетельства невысокого положения области Херсон в «дофемный период» [666, С. 175]. В первой половине IX в. (к этому времени относятся все печати архонтов из собрания НЗХТ) большинство архонтов стали носить титул спафария. Возможно, с этого времени на должность архонта назначались преимущественно обладатели этого титула, или же он автоматически присваивался человеку с назначением на эту должность.

С преобразованием Херсона в одноименную архонтию в VIII в. [666, С. 174-175] функции и сущность должности архонта меняется. Если раньше архонты были представителями муниципальных властей, то теперь они превратились в имперских чиновников, представлявших гражданскую власть в провинции. Возрождение этой должности (характерной для времен самоуправления) с новыми функциями чиновника центральной власти говорит об осторожной политике Константинополя по отношению к Херсону, о готовности учитывать интересы города.

Архонта часто характеризуют как главу местной администрации, который координировали свои действия с органами самоуправления (прежде всего, в военной сфере). В Тактиконе Успенского упоминаются также «отставные архонты Далмации, имеющие ранг спафариев» [669, С. 111-124]. Не исключено, что подобная должность существовала и в Херсоне. Упоминание в официальном Тактиконе об отставных архонтах позволяет предположить, что они выполняли в городе определенные функции (возможно, судебные).

Как известно, в период существования архонтии на территории Херсона город не имел постоянного гарнизона. Не сохранилось каких-либо упоминаний о византийских чиновниках Херсона осуществлявших военные функции [668, С. 314-315]. Учитывая напряженные отношения города с Хазарией в VIII в. [672, С. 51-65], несложно предположить, что в городе не могло располагаться большое византийское войско, возглавляемое специальным должностным лицом. В то же время нельзя забывать про стратегическую важность Херсона для Константинополя. Отсюда можно предположить, что наряду с административными функциями архонт мог иметь дипломатические обязанности, а так же должен был в случае необходимости осуществлять контролировать небольшой воинский контингент Херсона.

Существует версия, что архонт представляет собой командующего военным флотом [668, С. 314-315]. Но в этом случае пребывание архонта в Херсоне выглядит нецелесообразно, так как нет никаких данных свидетельствующих о наличии у Херсона этого времени, несмотря на развитый торговый флот, военной эскадры.

Согласно данным сфрагистики должность архонта продолжала существовать и в период фемы Климатов. Однако с преобразованием фемы Климатов в фему Херсон происходит исчезновение печатей архонтов [647, С. 93, 96, 99-100, 119], одновременно появляются моливдовулы стратигов Херсона. Вместе с тем, должность архонта не упоминается ни в одном Тактиконе более позднего времени. По мнению Н. А. Алесеенко, должность архонта не была упразднена, но «переименована» в стратига фемы. Однако более распространенным является мнение о том, что стратиг был поставлен над существующей местной администрацией. Постепенно он концентрировал всю власть в своих руках, в том числе и военную. Таким образом, функции архонтов постепенно перешли к стратигу и его окружению. Этот процесс был типичным для всех фем Византии. В X–XII вв. архонтами нередко называли высший слой провинциального общества [672, С. 51-65].

Стратиги Херсона. Среди печатей, относящихся к периоду существования фемы, археологами часто обнаруживаются именно печати стратигов Херсона. Они известны практически с начала исследования Херсонского городища. Первые печати стратигов Херсона были опубликованы еще Г. Шлюмбердже [203, Р. 235-238, по. 1-4, 7].

Стратиги (от греч. *στρατηγός* – полководец, военачальник), первоначально, лица, командовавшие отдельными армиями или частями армий. В Афинах с 508/507 года до н.э. стратигами называли членов выборной коллегии из 10 человек, осуществлявшей верховное командование армией и флотом [674, С. 89]. В его ведении также находился контроль над судебной и финансовой сферой жизни фемы [139, Р. 1964]. Срок их деятельности равнялся году, допускалось неоднократное переизбрание. С V в. до н. э. они оказывали большое влияние на общую политику государства и часто правили им [674, С. 89].

В VIII в. или, возможно, ранее данная должность появилась в Византии. Ею обозначался правитель фемы, который также управлял местной финансовой и судебной администрацией. Стратиги малоазийских фем были самыми могущественными фигурами в империи в начале VIII в., когда они боролись друг с другом за престол в Константинополе. Постепенно их власть была ограничена столичной бюрократией и они стали руководить только фемами. Стратиг стал одновременно военным и гражданским правителем провинции, подчиненный лично императору. Он являлся высшей юридической инстанцией области, подписывал и скреплял своей печатью все юридические документы. В штате у него находился весь чиновный аппарат фемы. При этом данные сфрагистики позволяют рекон-

струировать только гражданскую часть этого аппарата. О военных функциях стратига известно большей частью из письменных источников. В задачи стратига входило, прежде всего, обеспечение безопасности фемы, предупреждение военных нападений и информирование Константинополя о возникновении военной угрозы о действиях врага, которыми могли быть многочисленные соседи – печенеги, болгары, половцы, русские, аланы – не раз совершавшие нападение на Херсон. Также стратиг выполнял полицейские и налоговые функции, был судьей по гражданским делам, о чем свидетельствуют данные печатей. Военные функции стратига, так же как и фемы Климатов пока остаются малоизученными [645, С. 23-25].

Первым кто занял должность стратига был протоспафарий Петрона Каматир – один из инициаторов создания фемы [662, С. 91]: «... а протевону и всем другим велел безоговорочно ему подчиняться... Так начали посылать стратигов в Херсон» [4, С. 82-83]. Петрона назван первым стратигом Херсона, но Ф. И. Успенский сообщает, что первое упоминание о старатиге Херсона относится только к 842 году, при необычных обстоятельствах «посылка стратига в Херсон была вызвана необходимостью усилить административный элемент в Крыму, и равно недоверием к херсонскому сенату и городскому главе... херсонесский стратиг был тогда убит жителями города» [673, С. 461]. Ф. И. Успенский допускает, что миссия Петроны была вызвана именно этим инцидентом. Упоминание в источниках о создании фемы при Фиофиле автор предположения связывает с политическими намерениями создателя источника. Однако другие источники относят создание фемы в Крыму к более раннему времени [675, С. 701-704].

Стратиги, как и другие византийские чиновники, назначались на службу в ту или иную фему на определенное время, после чего переводились на новое место службы или уходили в отставку. Время пребывания на должности стратига доподлинно неизвестно. Так Н. А. Алексеенко [675, С. 714] основываясь на статистических данных, называет средний срок службы стратигов Херсона в шесть или семь лет (причем, в каждом отдельном случае временные рамки срока могли колебаться). В данном случае применение статистических методов должно быть использовано с большой осторожностью. Во-первых, к сожалению, мы не можем говорить о том, что археологами были обнаружены печати всех стратигов фемы (это подтверждается письменными источниками, сообщающих о стратигах Херсона, неизвестных по данным сфрагистики). Во-вторых, одной из целей создания фемы было стремление государства поставить провинции под полный контроль [4, С. 82-83], и предотвратить возможность формирования в них оппозиционных или сепаратистских движений. В то время как длительный срок службы на одном месте увеличивал возможность сближения стратигов с представителями местной верхушки. Постепенно, вокруг

стратигов начала бы концентрироваться власть над подконтрольным им округом, авторитет их возрастает, а вместе с тем расширяется и сфера влияния. В конечном итоге, постепенно складываются условия для возможности формирования оппозиции центру, а также стремление к независимости от императора, что расходилось с задачами центральной власти. Таким образом, по крайней мере, на начальном этапе создания фемы, срок службы стратига предположительно был ограничен несколькими годами. Возможно, в дальнейшем срок пребывания на должности стратига мог быть увеличен.

Письменные источники сообщают о назначении стратига на должность непосредственно императором. Подтверждают этот факт и некоторые сфрагистические материалы. Обнаружены печати членов известных византийских родов – таких как Каматиры, Катафлороны, Алиаты и др. – исполнявших должность стратигов Херсона [676, С. 70]. Однако две печати Михаила Херсонита, патрикия и стратига Херсона конца X – начала XI в. [677, С. 247] свидетельствуют о том, что со временем главой фемы мог стать не только ставленник Константинополя, но и представитель местной власти, так как прозвище Михаила указывает на происхождение обладателя печати из среды местной знати. Для этого времени характерно появление печатей стратигов Херсона с малоизвестными фамилиями (например, Цула, Вога).

Н. П. Лихачев обратил внимание на то, что моливдовулы византийских стратигов X в. имеют одну существенную особенность. В легендах печатей стратигов отсутствует приставка к титулу «императорские». Из этого делается вывод, что стратиги Херсона не присылались из Константинополя (о чем сообщает Продолжатель Феофана) [4, С. 82], но были представителями местной знати. Вероятно, византийский император преследовал идеологические цели во время написания своего труда, и следовательно, стремился продемонстрировать свою власть в крымских владениях более прочной нежели она была в действительности. С другой стороны, Константин Багрянородный писал свои труды в середине X века, когда, вероятно, описанный порядок назначения стратигов в Херсон еще существовал. Факт назначения на должность стратига из среды жителей Херсонеса порой рассматривается в качестве подтверждения предположения ряда исследователей об особом положении города, возникшем благодаря лояльности Херсона к столице и постепенному возрастанию роли города в жизни страны.

Большинство стратигов выдвигалось из младших командиров, отличившимися на военной службе. Кроме того, две печати Сергия спафокандидата Херсона, относящиеся к концу IX – началу X века, свидетельствуют, что их обладатель занимал сначала должность коммеркиария, а потом и стратига [675, С. 732], что говорит о появлении новых путей продвижения на эту должность [678, С. 256-266].

Как упоминалось выше первый стратиг новообразованной фемы имел титул протоспафария. У его приемников титул был уже ниже – спафарий. Е. В. Степанова отмечает эту особенность и пишет, что в сравнении с другими фемами, это очень низкий титул для чиновника такого уровня [679, С. 97-109]. Стратиги же имели обычно более высокое звание императорского протоспафария или патрикия. Это вполне соответствует общей картине относительно низкого положения Херсонской фемы, что подтверждается и другими источниками. Только, с 80-х гг. IX в. – после создания фемы Херсон – на должность стратига Херсона назначаются протоспафарии [662, С. 91-97]. Стоит однако заметить, что это все же ниже титулов стратигов большинства других фем – патрикиев.

На настоящий момент известно три печати, владельцы которых могут быть предположительно идентифицированы как стратиги фемы Климатов [680, С. 32]. Один из этих моливдовулов хранится в фондах музея «Херсонес Таврический». На данной печати середины IX века указан титул владельца – императорский спафарокандидат. Это достаточно высокий титул (9 из 18 мест в списке византийских титулов) и вполне соотносится с титулами стратигов фем. И. В. Соколова читает часть легенды этого моливдовула с указанием места службы чиновника как «Климатов и Херсона». Таким образом, владельцем данной печати может быть неизвестный стратиг фемы Климатов.

Для периода фемы Херсон известно гораздо больше памятников сфрагистики. В рассматриваемом нами комплексе печатей насчитывается 21 моливдовул стратигов.

В течении XI века происходит снижение влияния стратигов: гражданскую административную функцию передали фемным судьям, и стратиги, как командующие гарнизонами, были поставлены под контроль дук [139, Р. 1964]. Стратигов Херсона в некоторых исследованиях именуют катепанами и топотиритами, выдвигая таким образом на первое место их военные функции. И. В. Соколова среди множества печатей называет одну, принадлежащую Никифору, катепану Херсона. Известно, что должность катепана с IX в. использовалась для обозначения командира отряда регулярных войск (гарнизона крепости). К концу X века этот термин стал обозначать «губернаторов крупных областей, особенно Италии и Месопотамии... После 1100 г., он продолжает существовать как звание местных государственных служащих» [647, С. 112]. Позже должность потеряла значение и превратилась в малозначительный титул [139, Р. 1964-1965].

Коммеркиарии Херсона. Другую многочисленную группу печатей в коллекции НЗХТ составляют моливдовулы коммеркиариев фемы.

Херсонес был главным византийским портом Северного Причерноморья. Через него осуществлялись торговые операции как с различными областями Византийской империи, в том числе с Малоазийским побережьем, так и с народами причерноморского регио-

на [681, С. 42]. О прохождении через Херсон торгового пути нам также сообщает Константин Багрянородный [20, С. 171-177]. Он пишет, что через Херсон проходило два торговых маршрута (сухопутный и морской). Межрегиональная и международная торговля, безусловно, находилась под контролем государства. Однако письменные источники не фиксируют наличие в Херсоне таможни. Пролить свет на экономические связи Херсона помогают данные сфрагистики. Моливдовулы представителей административного аппарата изучаемой фемы свидетельствуют о контактах Херсона с малоазийским и балканскими центрами, такими как Константинополь, Хризополь, Иерон, Амастрида, Абидос, Фессалоника и др. [651].

В связи с этим особый интерес представляют печати коммеркиариев – представителей торгово-таможенной службы. Сфрагистические данные фиксируют существование должности коммеркиария Херсона в период с середины IX по вторую половину X века. В фондах НЗХТ на сегодняшний день хранится 5 печатей коммеркиариев Херсона.

Как пишет Н. А. Алексеенко, впервые коммеркиарии упоминаются в списке чиновников, датируемым около 500 г. Сам термин *kommerkiarios* генетически восходит к античному институту *comes commerciorum*, сборщиков таможенных пошлин. В ранней Византии коммеркиарий занимался надзором за торговлей и производством шелка. В VIII в., в связи с упразднением государственной монополии на торговлю шелком, произошло изменение функций этого чиновника. С этого времени круг обязанностей коммеркиария стал включать сбор коммеркиона (10% налога с ввоза, вывоза товаров и торговли ими на всей территории империи») [682, С 92-102].

Согласно сфрагистическим данным коммеркиарии Херсона имели невысокие титулы, а иногда и не имели вовсе. На эту особенность обращает внимание Н. А. Алексеенко [682, С. 102]. Он пишет, что большинство из них являлись представителями третьего класса – императорскими спафариями. Есть также печати с титулами кандидат и кувикулярый (придворный титул, с IX века не связанный с несением службы при дворце императора) [682, С. 102]. Н. А. Алексеенко также сообщает, что только к концу X века некоторые коммеркиарии имеют титул императорского протоспафария, в то время как данные каталога херсонеского музея называют две печати коммеркиариев, имеющих этот титул и относящиеся при этом к первой половине X столетия. В данном случае датировка указанных печатей требует уточнения.

Начиная с IX века коммеркиарии входили в ведомство логофета геникона [683, С. 120]. В фондах НЗХТ насчитывается 12 печатей представителя этого ведомства. Обилие печатей этого столичного финансового института свидетельствует об интенсивных контактах между Константинополем и Херсоном. Интересно, что появляются и исчезают пе-

чати коммеркиариев и главных логофетов хронологически в одно время, что доказывает связь между этими институтами [684, С. 147].

В X веке значение коммеркиариев уменьшается, что в итоге приводит к упразднению этой должности. Однако в исчезновении института коммеркиариев не стоит видеть освобождение города от налогов. Вероятнее всего обязанности этого чиновника постепенно перешли в руки других административных лиц. И. В. Соколова ищет чиновника с полномочиями архонта в муниципальной администрации города. Она допускает усиление позиций самоуправления вследствие захвата города Владимиром около 989 г. [647, С. 116-117].

Н. А. Алексеенко объясняет причину исчезновения должности коммеркиария переходом его основных функций к стратигу фемы Херсон, которые становятся многочисленными в рассматриваемый период, или же к одному из «муниципальных» должностных лиц [682, С. 100], то есть «кураторам города» (патер полиса, экдик, протевон) [685, С. 368].

Таким образом, созданию фемы в Херсоне предшествовал этап существования архонтии, возглавляемой архонтом. Архонты были выходцами из среды городской знати, а значит имели с ней тесную связь и учитывали ее интересы. В тоже время архонт являлся гражданским чиновником поставленным службу империи. В обязанности архонта входил контроль над муниципальным самоуправлением, вероятно, некоторые фискальные и военные функции. Возможно, именно совмещение в руках архонта военных и гражданских полномочий повлекло упразднение этой должности в период создания фемы и передачи его функций стратигу новой военно-административной единицы. Следует подчеркнуть, что для периода существования архонтии в Херсоне характерно компромиссное сочетание муниципальной и столичной властей в лице архонта.

Образование фемы Климатов над существующей структурой поставило нового чиновника – стратига. Стратиг должен был сконцентрировать в своих руках всю полноту власти в провинции. Насколько успешным оказалось решение этой задачи, неизвестно. Ни письменные, ни сфрагистические источники (известно лишь несколько печатей чиновников фемы Климаты) не сохранили информацию по данным вопросам. Вероятно, одна из причин отсутствия сведений об этом этапе жизни Херсона заключается в непродолжительности существования самой административной единицы.

Вместе с учреждением должности стратига в Херсоне, появляются и печати других столичных ведомств (логофета геникона, хартулария и пр.). На территории Херсонского городища до сих пор не обнаружены печати личного штата стратига. Чиновники, входившие в этот штат, имели невысокое положение в византийской администрации, а большинство из них, вероятно, вовсе не имело печатей.

С образованием фемы Херсон количество печатей гражданских чиновников значительно возрастает. Вместе с тем исчезают печати архонтов и коммеркиариев, что было следствием перераспределения власти и обязанностей в предшествующий период.

Представители муниципальной власти Херсона: протевон, экдик, кир. Дискуссия о наличии институтов и структур муниципальной власти в византийском Херсоне ведется уже не один десяток лет [610, С. 67-70; 647, С. 107-118; 686, С. 21-46]. Однако вплоть до настоящего времени единства мнений среди исследователей данной проблемы нет. Данная ситуация осложняется наличием сравнительно небольшого количества должностей, трактуемым рядом исследователей как «муниципальные» [687, С. 73].

На протяжении всего раннесредневекового периода во главе города стояла местная знать. Представителями наиболее знатных и богатых семей были так называемые «отцы города» и протевоны, наследие античного периода истории Херсона. И. В. Соколова отмечала, ссылаясь на выпуск херсонской монеты, наличие в городе некой муниципальной структуры, которая «не обнаруживает себя на моливдоулах» [688, С. 209].

Существует ряд печатей муниципального управления Херсона, среди которых есть печати патера полиса (первая половина X в.) [689, С. 164, № 13], экдика (конец IX – начало X в.) [689, С. 160-162, № 11-12], протевона (первая половина X – начало XI в.) [647, № 43], кира города (конец VIII – начало IX в.) [690, С. 212]. Из них в херсонесской коллекции присутствуют только одна печать кира. Мы не будем подобно останавливаться на остальных должностях, а дадим им только краткую характеристику.

На настоящий момент известна только одна печать патера полиса Херсона [689, С. 164, № 13]. Патер полиса был высшей муниципальной должностью, известный в администрации многих городов раннесредневекового периода. Он обладал широким спектром обязанностей (от решения ряда хозяйственных вопросов, до полномочий законодательного характера).

Еще одной муниципальной административной должностью Херсона был экдик. Должность зародилась в позднеримскую эпоху, и принадлежала особому духовному лицу или защитнику интересов города (адвокат-дефенсор). На должности гражданского экдика зачастую назначались члены местных знатных родов, знакомые с законом. Н. А. Алексеенко отмечает, что постепенно граница между гражданскими и церковными экдиками исчезает и ими начинают служить исключительно клирики. Исчезновение этой должности в большинстве регионов империи происходит VII в. Вероятно, это связано с переходом функций экдика к епископам [687, С. 69-71].

Однако в составе муниципальных органов власти Херсонеса экдики известны в более поздний период. Большинство исследователей относят три печати экдика Никифора,

найденные на территории Херсона к периоду не ранее конца IX – начала X в. [687, С. 69]. С.Б. Сорочан говорит о эдиктах следующее: «... эти чиновники были государственными служащими, они одновременно представляли власти византийского города» [686, С. 24-25]. Чиновник такого уровня наверняка бы упоминался в Тактиконах, но эдик не значится ни в одном из них. Этот факт можно расценивать в качестве свидетельства принадлежности рассматриваемой должности к местной херсонской администрации. Кроме того, этот чиновник имеет невысокий титул (кандидат), что вполне соответствует титулу муниципального служащего [687, С. 69-71].

Протевон – выборное должностное лицо или синоним влиятельного, облеченного властью человека [674, С. 203], занимающие достаточно высокие ранги византийских савновников [677, С. 754-755]. Примечательно, что по данным сфрагистики, с конца X века стратеги и протевоны могли иметь одинаковые титулы в провинциальной администрации [647, С. 83], что наглядно демонстрирует роль протевонов Херсона в жизни города и снижение значимости в ней стратигов.

Первое упоминание о протевонах Херсона относится к VIII в., то есть ко времени до образования фемы на территории Таврики, хотя сама должность известна в Византии с V в. [689, С. 167].

Протевонов нередко относят к представителям столичного чиновничества, ссылаясь на упоминание этой должности в Тактиконах. Однако не все исследователи придерживаются этой точки зрения. Так Н. А. Алксеенко склонен видеть в этой должности представителей муниципалитета, «эхо прошедшей эпохи городского самоуправления» [689, С. 165-167], сохранившегося вплоть до введения фемного строя. Кроме того, на возрождение муниципальных институтов указывает печать с надписью «полис Херсонес», датированная началом XI в., а также монеты IX столетия с аналогичной надписью [647, С. 112, 117]. С. Б. Сорочан опровергает принадлежность протевонов к категории лиц муниципального управления, в VII–VIII вв., как и самой возможности наличия городского самоуправления в Херсоне. Он аргументирует это тем, что, во-первых, «согласно римскому праву, все проживающие в «римском ареале», если они платили налоги, были христианами, признавали суверенитет императора, т.е. были его подданными, они были обязаны жить в соответствии с нормами римского права и включались в административную структуру империи. Поэтому городские власти в лице архонтов, «отцов города», протополитов, «известных и протевонов», вполне соответствовали облику провинциальных византийских чиновников, подчиненных императорскому центральному управлению» [686, С. 24-25]. Во-вторых, он указывает на то, что постепенно первоначальное значение этого термина отходит на второй план, и его начинают применять к различным понятиям: «чиновничество», «аристо-

кратия», «знать». В-третьих, как свидетельствуют две печати Григория Протефона, термин мог стать родовым именем. В пользу данной теории он также приводит доказательство в виде печати протефона, имеющего титул императорского спафария *epi ton oikeiakon*, который принадлежит к ведомству, управляющему императорским имуществом, а значит, имеет непосредственное отношение к столичной власти [686, С. 25].

При всей стройности данной концепции, ее автор не дает убедительного объяснения наличию надписей «полис Херсонес» на монетах и печатях. Кроме того один из аргументов С. Б. Сорочана опирающийся на традиционное «римское право» не является неоспоримым. Безусловно, Византия жила по «римскому праву», но как показывает исторический опыт, в этом правиле были исключения. Стоит вспомнить такое правовое понятие римского времени как «элевтерия». Элевтерия подразумевала «свободу» полиса внутри Римской империи. Она выражалась в праве самоуправления конкретной социально-политической единицы при сохранении провинциальной администрации, то есть подчинении центру (Риму). Первая элевтерия была дарована Херсону еще в первой половине II в. н. э. Вполне возможно, что Византия не забыла традицию дарования элевтерии за особую лояльность и заслуги перед Константинополем. Правда такая информация не находит подтверждения в письменных источниках, но на наш взгляд, имеет право на существование.

Значение термина «протефон» не всегда было одинаковым. Так в V в. он этот термин совпадал по значению с термином «сенатор» [691, С. 154-163], а с VIII века он получает новое толкование [689, С. 155-170]. Протефонами начинают называть как чиновников, так и зажиточных горожан [692, С. 48].

М. Я. Сюзюмов видел в протефонах VIII в. наиболее влиятельных и состоятельных граждан, участвующих в управлении городом. Они выполняли обязанности по поручению и под контролем административных чиновников. То есть находились на положении «отцов города». При этом протефоны были административными служащими, на что указывает у них наличие печатей. Возможно, протефоны составляли некий совещательный орган Херсона, и выбирали из своей среды кандидатов для утверждения императором на ту или иную должность.

Протефонов иногда называют главами местных администраций [671, С. 46-52]. Вероятно, что с образованием фемы, на протефонов были возложены дополнительные функции. Н. А. Алексеенко делает предположение, что херсонский протефон, имеющий титул императорского спафария *epi ton oikeiakon*, который использовал С. Б. Сорочан для подтверждения гражданского происхождения рассматриваемой должности, мог исполнять какую-либо обязанность при церемониях в Большом дворце или управлять землями, при-

надлежащими непосредственно императору у себя в провинции. Так, протевоны совместно с фемной администрацией, возможно, должны были осуществлять контроль над обороной города, а также снабжать войска всем необходимым из запасов города.

Известно 5 печатей киров Херсона, одна из которых находится в коллекции музея НЗХТ. Это печать Исаака, ипата и кира Херсона. И. В. Соколова датирует эту печать концом VIII – началом IX в. [647, С. 147, № 4]. К этому же в периоду относятся остальные известные печати данного должностного лица.

Должность кира никогда не упоминалась среди чиновников империи. С. Б. Сорочан сообщает, что «аналогичный титул *kuriōs* (или *domnus*) – «господин» фигурировал среди высшего класса ранневизантийских чиновных званий». Кроме того, он указывает на упоминание в письменном источнике первой половины VII века патриарха Александрии, названного киром данной территории. В ведении александрийского кира находились императорские доходы, сбор торговых пошлин, кир имел дипломатические полномочия и был ответственен непосредственно перед императором [690, С. 209]. Вероятно в данном случае использование слово «кир» использовано в значении «господин, правитель». В таком случае, указанного кира Александрии следует рассматривать в качестве наместника данного региона, а не чиновника. Поэтому использовать данный пример в качестве аналогии с кирами Херсона вряд ли возможно.

Другими письменными источниками должность кира не упоминается. Известны и печати представителей этой должности и среди моливдовулов чиновников других фем.

Как указывалось выше, печати кира относятся к рубежу VIII–IX вв. Это хронологически совпадает с возрастанием интенсивности византийско-хазарских отношений и усиления давления каганата на Херсон. Н. А. Алексеенко связывает оба эти события. Он считает, что в связи с возрастанием внешней угрозы произошло учреждение поста кира. Кир обладал как гражданскими, так и военными полномочиями, а возможно и дипломатическими. Причем появление этой должности повлекло за собой упразднение архонтии. Назначался кир, по мнению Н. А. Алексеенко, из числа местных жителей Херсона непосредственно императором. После нормализации византийско-хазарских отношений необходимость в этой должности пропала, пост кира был ликвидирован, а в Херсоне вновь была восстановлена архонтия. Однако на настоящий момент мы не знаем ни одного примера из истории Византии использования подобной практики.

Само название должности кир («господин») предусматривало высокое положение этого чиновника в структуре административного управления Херсона. Однако титул чиновника – ипат – не высок (12 из 18 ступеней в списке византийских титулов). Напомню, что архонты Херсона этого периода имели титул спафария, что на ступень выше должно-

сти ипата. Чиновник с меньшим титулом официально не мог стоять выше чиновника с более высоким рангом, а также заменять его в качестве главы провинции.

Кроме того, опубликована печать кира Херсона датируемая IX веком [690, С. 212], периодом существования фемы, что не укладывается в концепцию Н. А. Алексеенко.

Тем не менее, идея о наличии связи между учреждением должности кира и осложнением отношений Византии с хазарами кажется нам весьма перспективной для дальнейшего изучения рассматриваемого поста.

С. Б. Сорочан склонен видеть в кире Херсона гражданского чиновника (на что, по его мнению, указывает титул ипата) – сборщика налогов, пошлин, в том числе и торговых. В доказательство своего предположения, помимо приведенного выше упоминания александрийского кира, он приводит также печать другого представителя этой должности, на одной стороне которого видны следы грубой ткани [647, С. 146, № 4]. Автор пишет, что данная особенность «единственная путеводная нить, выводящая на представление о возможном круге обязанностей владельца моливдовула» [690, С. 209]. На следы ткани на печати обращает внимание и И. В. Соколова, исходя из чего она делает предположение, что в обязанности кира входил контроль над хозяйственной жизнью города.

Можно предположить, что кир был гражданским должностным лицом, а учреждение этой должности являлось следствием возрастания внешней угрозы. Для Византии военные столкновения были частыми явлениями, не говоря уже об осложнении отношений с различными «варварскими народами» на границах империи. В таком случае правомерно предположить, что данная должность должна периодически появляться в различных областях Византии, где военная угроза была высока. Однако на настоящий момент мы не располагаем подобной информацией. Следовательно, должность кира была характерна только для Таврики, и ее возникновение могло быть ответом на какое-либо историческое событие (например, хазарское присутствие в Таврике). В таком случае кир Херсона может рассматриваться исключительно как представитель городского самоуправления.

Кир был одной из главных должностей и занимался управлением городом [661, С. 121 сл.]. Он контролировал хозяйственную деятельность, в частности, судя по сохранившемуся на печати следам от ткани, кир опечатывал тюки с товарами [647, С. 114]. С.Б. Сорочан указывает в качестве функций кира фискальные полномочия и контроль над торговлей. Он считает, что на должность назначался житель Херсонеса, а подтверждение вступления в должность приходило из столицы [677, С. 745]. Н. А. Алесеенко делает предположение, что в связи с осложнением внешнеполитической обстановки на рубеже VIII–IX вв. Херсон был вынужден ввести особую форму правления во главе с киром. Кир назначался

из местных жителей. Он обладал кроме военных, также и дипломатическими полномочиями.

Создание фемы на территории Таврики не привела к немедленной ликвидации муниципальных структур на территории Херсона. Некоторые институты муниципальной власти, сложившиеся в период архонтии продолжали существовать.

Политическая активность Константинополя по отношению к Херсону на протяжении всей истории взаимоотношений обоих городов не всегда была одинаковой. Тем не менее, Херсон никогда не исчезал из сферы интересов Византии. Он был не просто одним из отдаленных городов империи, а являлся центром северных византийских владений, то есть важным стратегическим пунктом, позволяющим устанавливать контакты с народами, населяющими Северное Причерноморье, а также вести с ними торговлю.

Исходя из анализа данных, полученных в ходе работы над источниковым материалом (коллекция византийских печатей Национального заповедника «Херсонес Таврический»), можно выделить несколько этапов функционирования управленческого аппарата Херсона в VIII–X вв.

1. «Дофемный» период (VIII – 40-е гг. IX в.). В это время сохраняются некоторые элементы городского самоуправления. Во главе Херсонеса находились «отцы города» (совет из «сорока первенствующих»), во главе с протевомом. Протевон – выходец из среды местной знати – осуществляющий контроль над Херсоном, т.е. фактически правил городом.

Помимо этого, по сфрагистическим данным фиксируется с первой половиной VIII до 80-х гг. IX в. присутствие в городе архонтов – еще одно «наследие» предшествующей эпохи. Появление печатей архонтов, вероятно, означало создание на территории Херсона архонтии. В рассматриваемый нами период функции архонтов иные, нежели в античности, а само «возрождение» должности – шаг к централизованному управлению крымскими владениям Византии под контролем из столицы. Теперь архонты – это представители императорской власти, которые координировали свои действия с органами самоуправления (прежде всего, в военной сфере); они возглавляли как гражданскую, так и военную власть в округе. Вполне возможно, что архонты избирались из среды горожан, но впоследствии получали одобрение своего назначения со стороны императора. Это значит, что архонт мог выступать сразу в двух качествах: как член городского органа управления, защищающего ее интересы и как представитель императора. Таким образом, был достигнут временный компромисс между центральной властью и местной знатью.

2. Период создания фемы (40–70-е гг. IX в.). Переход к фемному устройству, безусловно, внес коррективы в состав чиновничества Херсона. Создание фемы подразумевало

распространение власти императора на все сферы жизни города и его округа. Однако данные сфрагистики свидетельствуют о том, что наряду с фемными чиновниками (стратиг, хартуларий, коммеркиарий) присутствуют и прежние представители «муниципального управления» (протевон, кир и др.).

Первоначально, созданная фема получила название Климаты. Теперь управление Херсоном находилось в руках стратига. Но появление нового чиновника, ставшего главой фемы не повлекло за собой немедленную ликвидацию прежних структур, а значит, в ведении последних остались определенные функции по управлению городом. Постепенно стратиги концентрировали в своих руках все больший объем власти. Когда последние полномочия архонтов перешли к стратигам, эта должность с архаичным названием была уничтожена.

С момента образования фемы наиболее распространенными являются именно печати стратигов Херсона. И это не случайно, так как стратиг был высшей юридической инстанцией области, он подписывал и скреплял своей печатью все значимые документы. Стратиг одновременно был военным и гражданским правителем провинции и подчинялся только императору. В подчинении у него находился многочисленный чиновный аппарат. Однако данные сфрагистики позволяют реконструировать только его гражданскую часть (налоговые и судебные функции, протоспафарий фемы). Военные структуры фемы Климатов пока остаются малоизученными.

Значительная часть стратигов выходила из солдат, выдвигавшимися на военной службе. Но и для гражданских чиновников существовали возможности занять эту должность (коммеркиарий, позже стратиг, Сергей). Отметим также увеличение числа моливдулов представителей столичных ведомств – коммеркиариев (таможенные чиновники), хартулариев (финансовые чиновники), хартофилаков (чиновники столичных логофесий) и др.

В период существования фемы Климатов наблюдается ограничение сферы деятельности муниципальных должностных лиц, таких как протевоны и др. Само наличие в это время должности протевона в Херсоне – это не только дань традиции античного самоуправления, но и естественная эволюция форм управления, направленная на упразднение «муниципальных свобод». Примечательно, что по данным сфрагистики, с конца X века стратиги и протевоны могли иметь одинаковые ранги в провинциальной администрации, что наглядно демонстрирует важную роль протевонов Херсонеса в жизни города. Известны случаи когда название чиновничьего поста – протевон – становился родовым именем, из чего можно сделать предположение о том, что в определенный период времени пред-

почтение при назначении на эту должность отдавалось одному знатному роду. Исчезновение печатей протевонов происходит в конце X – первой половине XI века.

3. Период фемы Херсон (третья четверть IX – X в.). В данное время наблюдается еще большее усиление контроля со стороны императорской власти над Херсоном и его округой. Исчезают старые муниципальные должности (архонт, протевон). Однако городское самоуправление не исчезло полностью, появилась должность экдика города.

Подводя итоги, отметим, что в VIII–X вв. в структуре органов управления византийского Херсона произошли серьезные изменения. Данный процесс шел медленно. Новые органы управления не разрушали сложившуюся в предшествующий период систему муниципального управления, а надстраивались над ней. Городские власти постепенно лишались ряда функций, необходимость в них пропадала, и вскоре они переставали существовать. Императорской власти приходилось постоянно идти на компромисс с местной знатью, сохраняя за ней определенное участие в управлении городом. В противном случае действия столицы могли вызвать сопротивление со стороны Херсона и вылиться в восстание – нередкий случай в истории Византии. Таким образом, очевидна тенденция к ликвидации системы муниципального управления и формированию исключительно государственных структур власти. Такое положение сохранялось до 1014–1018 гг., когда после подавления восстания Григория Цулы (представителя местной знати), остатки системы местного самоуправления были уничтожены окончательно.

Известные на сегодняшний день печати представителей церковных структур позволяют предположить, что длительные периоды времени должность главы Херсонской епархии оставалась вакантной или же ею управлял т.н. титулярный епископ, который в Херсоне не находился, оставаясь при патриаршем дворе в Константинополе. На настоящий момент шире раскрыть проблему организации церковной администрации Херсона, выделить структуру или определенные этапы в ее развитии не представляется возможным, хотя она, безусловно, была самым тесным образом связана с общеимперской структурой управления.

Одним из объектов изучения в рамках проблемы «Организация системы провинциального управления в отдаленных пограничных регионах империи» являлись византийские владения в Южной Италии. В IX–XI вв. южноитальянское направления являлось одним из основных во внешней политики Византии. Империи приходилось прилагать значительные усилия, чтобы удерживать под контролем самую западную из своих провинций. Военные действия на юге Апеннинского полуострова велись непрерывно: сицилийские и североафриканские арабы, франкские короли, германские императоры, лангобардские герцоги и норманны в разное время стремились вытеснить византийцев из данного региона.

Кроме того, императорские войска неоднократно предпринимали экспедиции с целью возвращения Сицилии, утраченной в результате арабского завоевания во второй половине IX в.

О военном устройстве фемы Италия известно, прежде всего, из местных исторических хроник (Барийские анналы, «Сицилийско-сарацинская хроника», «Хроника Лупа Протоспафария», «Деяния Роберта Гюискара») [30, 31, 315]. Существенное значение для исследования административной истории византийской Италии имеет сфрагистический и эпиграфический материал. Византийские же письменные источники отражают события в Южной Италии отрывочно, и даже в самом информативном из них, сочинении Иоанна Скилицы [11], имеются длительные временные лакуны, хронологическая и фактическая путаница.

Вопрос удержания под своим контролем Южной Италии был принципиально важен для Византии. При этом империя руководствовалась, в первую очередь, идеологическими соображениями. Обладание хотя бы небольшой частью Италии давало Константинополю право претендовать в дальнейшем на возвращение всех своих бывших владений на Апеннинах, включая Рим. Однако идеологические установки резко контрастировали с реальностью. Империи приходилось прилагать большие усилия, чтобы удержаться в Южной Италии, причем военные и материальные ресурсы для этого приходилось заимствовать из других регионов империи.

Во второй половине IX – первой половине XI в. организация структур управления византийской Италией неоднократно менялась. Перемены объясняются, в первую очередь, внешнеполитической обстановкой. Другим существенным фактором являлось отношение местного населения и, особенно, местной аристократии к византийским властям. Представляется возможным выделить в развитии военно-административных структур южно-итальянской фемы несколько периодов [693, 36, 64, 72, 121, 317]:

I период (середина IX – 50–60-е гг. X в.). В это время сохраняется традиционная административная система. В Южной Италии существовали две фемы, Калабрия и Лонгобардия, каждая под командованием своего стратига.

II период. 969–998 гг. В конце 60-х гг. X в. в Южной Италии был создан катепанат, в состав которого вошли обе старые фемы. Можно предположить, что это произошло вскоре после неудачной военной экспедиции на Сицилию (964/965 г.), в ходе которой погиб двоюродный брат императора Никифора II Мануил Фока. Первым упоминаемым в источниках катепаном Италии является патрикий Евгений (969 г.).

III период. 998–1017 гг. В данный период военная структура катепаната Италия претерпевает значительные изменения. Территория фемы была разделена на ряд террито-

риальных командований (турмы, «малые» фемы, в местных хрониках для их обозначения используется также термин *diakratesis*). Центры подобных формирований находились в Барии, Трикарико (Лукания), Сипонто, Минервино и Ачене. Каждое территориальное командование по мере необходимости предоставляло в распоряжение катепана отряд из местных стратиотов. Источники упоминают ряд командиров данных формирований. Это проксимос Роман, таксиарх Константин Конт, комес тес кортес Петр. Помимо стратиотских отрядов в состав военных сил катепаната Италия в 998–1017 гг. входили также две регулярные тагмы: тагма схол Италии и тагма экскувитов Италии. Из командиров регулярных подразделений известны топотирит схол Трофилий, хартуларий схол Мирон и доместик экскувитов Лев Патиан. Данная военная система на юге Италии просуществовала до 1017 г., когда началось мощное восстание местной аристократии под руководством графа Мело, поддержанное германским императором и норманнами. Византийские войска под командованием протоспафария катепана Кондолеонта Торника были разгромлены в нескольких сражениях и почти полностью уничтожены.

IV период. 1018–1028 гг. Для подавления восстания Мело в Италию был отправлен новый катепан протоспафарий Василий Воиоанн, который прибыл в Бари с большим войском из русских, варягов, болгар, владов, турок и контингентов фем Македония и Эллада. Сухопутную армию поддерживал флот из Константинополя и союзная эскадра из Венеции. Воиоанн разгромил Мело и восстановил порядок на юге Апеннинского полуострова. Воиоанн оставался на посту катепана Италии до 1028 г. и действовал очень эффективно. При нем на севере фемы была создана оборонительная линия по р. Форторе, а также построен порт Катанзаро, который планировалось использовать как основную базу для вторжения на Сицилию. Что касается внутренней структуры катепаната, то, по всей видимости, произошел возврат к старой системе территориальных командований («малых» фем). Однако одно крайне существенное изменение отметить необходимо. Если до 1017 г. основой военного потенциала фемы Италия являлись местные контингенты, то после восстания Мело империи приходилось постоянно пополнять их за счет войск из других районов страны.

В 1025 г. император Василий II решил начать завоевание Сицилии. Для этого в Южной Италии были сосредоточены значительные силы сухопутных войск и флота под командованием придворного евнуха Ореста. Орест и Василий Воиоанн даже высадились на Сицилии, но после смерти Василия II операция была прекращена и войска отозваны.

V период. Конец 20-х – середина 30-х гг. XI в. В данный период военная активность византийцев в южноитальянском регионе значительно снижается. Более того, фема Италия стала подвергаться постоянным нападениям сицилийских и североафриканских арабов. Для эффективной борьбы с ними местных военных сил было не достаточно, и вновь

пополнения прибывали из других фем империи. В 1028–1033 гг. итальянский корпус пополнялся трижды. В 1029 г. катепан протоспафарий Поф Аргир прибыл в Италию с отрядами из Македонии и Эллады. В 1032 г. под началом у катепана Михаила находились контингенты из Анатолика, а катепан протоспафарий Константин Опоc в мае 1033 г. высадился в Бари с большим сухопутным войском, его поддерживал военный флот. Прибывшие войска размещались в стратегически важных крепостях, т.е. старая система территориальных командований продолжает существовать. Об отзыве каких-либо войск из Италии в 1018–1033 гг. ничего не известно.

Можно констатировать, что войны на Сицилии и в Южной Италии истощали военные силы Византии. Необходимость защищать южноитальянские фемы от внешних врагов и неоднократные попытки расширить границы империи в данном регионе требовали привлечения значительных военных сил и серьезных экономических затрат. Контингенты катепаната Италия относительно успешно справлялись с задачей обороны границ, но наступательные операции были невозможны без войск из других фем империи.

VI период. 1037–1042 гг. На данный период приходится новый всплеск военной активности Византии в Южной Италии. Связан он с организацией крупной военной экспедиции на Сицилию. Войско численностью до 30000 человек состояло из тагм восточной и западной полевых армий, стратиотских контингентов из Македонии, тагмы фемы Армениак, отрядов варяго-русского корпуса, контингентов фемы Италия и многочисленных отрядов наемников (Ардуина, Гаральда Гардара и др.). Сухопутное войско поддерживала часть императорского флота из Константинополя и эскадра морской фемы Кивирреотов. Командовал армией патрикий, стратиг-автократор Георгий Маниак. Среди других византийских военачальников источники упоминают Стефана Калафата, друнгария флота и патрикия; архонта (стратига) Кивирреотов Константина Хаге, протоспафария Михаила Докиана, архонта тагмы Армениака Катакалона Кекавмена.

Экспедиция поначалу складывалась удачно для византийских войск. Сицилийские арабы были разгромлены и остатки их сил укрылись в Палермо и Сиракузах. Император Михаил IV приказал создать на Сицилии новый катепанат, руководить им был назначен придворный евнух препозит Василий Педиадит. Однако вскоре положение изменилось. Стратиг-автократор Георгий Маниак был снят с должности и отозван в столицу. Новое командование византийскими войсками не сумело воспользоваться плодами побед Маниака. Арабы перешли в контрнаступление и постепенно вытеснили византийцев с острова. Последние византийские отряды (тагма Армениака) покинули Сицилию в 1040 г. Катепанат Сицилия, таким образом, существовал с 1038 по 1040 гг.

В самой Южной Италии положение также становится угрожающим. Норманны под руководством Ардуина подняли восстание, к которому присоединились южноитальянские аристократы. Византийские войска были разгромлены, и только новое направление в Италию в 1042 г. магистра Георгия Маниака со значительными военными силами позволило стабилизировать ситуацию.

VII период. Середина 40-х – 50-е гг. XI в. В данный период началось мощное наступление норманнов на византийские владения в Южной Италии. Успеху противника способствовало то, что империя была вынуждена вести в 40–50-е гг. тяжелые оборонительные войны на Востоке против сельджуков и на Дунае против печенегов. В этих условиях пополнять контингенты фемы Италия правительство не могло, а самостоятельно справиться с норманнской угрозой они были не в состоянии. В итоге, к середине 50-х гг. XI в. катепанат Италия, по сути, прекратил свое существование как единая военная структура. Силы катепаната были рассеяны по нескольким приморским крепостям, а внутренние районы фемы вышли из-под византийского контроля. Таким образом, система территориальных командований («малых» фем), основа византийского военного контроля над Южной Италией, была ликвидирована.

Постепенная ликвидация на территории Южной Италии императорской военной администрации привело также к исчезновению гражданских органов власти. Уже в 40–50-е гг. XI в. из источников исчезают упоминания о византийских судьях, налоговых чиновниках, должностных лицах императорских кураторий. Государственная собственность была либо захвачена норманнами, либо перешла под контроль местной аристократии. Окончательно византийское административное присутствие в Южной Италии прекращается в августе 1071 г., после захвата норманнами герцога Роберта Гюискара крупнейшего города и порта данного региона Бари [694].

Таким образом, в ходе НИР была проведена систематизация и классификация источникового материала, проанализирована отечественная и зарубежная историография по проблеме организации системы провинциального управления в отдаленных пограничных регионах Византийской империи в VIII–XI вв. На основании полученных данных можно констатировать, что императорами Македонской династии была выработана эффективная многоступенчатая система управления периферийными территориями. Наиболее важными особенностями византийской политики в приграничных регионах являлись: опора на провизантийские группировки местной знати, превалирование дипломатических методов разрешения конфликтов над силовыми, а также явное стремление извлекать из периферийных регионов финансовую и экономическую выгоду.

6.6. Разработка программы внедрения результатов НИР в образовательный процесс

В ходе реализации НИР была разработана программа внедрения результатов, полученных во время исследований в образовательный процесс. Это особенно актуально в период перехода на новые образовательные стандарты (третьего поколения), введения двухуровневой подготовки специалистов, а также в условиях разработки в Уральском федеральном университете профиля «История древнего мира и средних веков» в рамках программы бакалавриата и магистерской программы «Всеобщая история (История мировых цивилизаций)».

В данных условиях результаты исследования будут постепенно интегрированы не только в программу научных разработок научно-образовательных центров гуманитарного профиля, но и станут основой для развития в создаваемом федеральном университете византиноведческих штудий в качестве одного из приоритетных научных направлений, имеющего международное признание. В настоящее время результаты исследований внедрены в образовательный процесс, при этом акцент был сделан на разработку дисциплин профессионального цикла, предназначенных для студентов, которые обучаются по магистерским программам.

Программа внедрения результатов научно-исследовательской работы в учебный процесс включает следующие основные составляющие.

1. Использование результатов НИР по проекту в рамках учебных дисциплин профессионального цикла для студентов, обучающихся по профилю «История древнего мира и средних веков» и магистерской программе «Всеобщая история».

Разработанные в внедряемые в учебный процесс дисциплины:

1. «Византийские источники» (34 академических часа, форма итогового контроля – экзамен). Составители: д.и.н., профессор М. А. Поляковская, д.и.н., профессор В. П. Степаненко, д.и.н., профессор А. И. Романчук, к.и.н., доцент А. С. Мохов.

Целью учебной дисциплины является раскрыть и обеспечить усвоение студентами исторического факультета следующих главных положений:

- Общее и особенное в византийских источниках в сравнении с европейскими средневековыми источниками;
- Охарактеризовать византийские источники как уникальный результат взаимодействия античных и средневековых цивилизаций.

Задачи курса: усвоение студентами следующих основных знаний:

- а) содержательная полнота и формальное многообразие византийских источников;

- б) особенности информации византийских источников;
- в) закономерности эволюции основных жанров византийских источников;

Место курса в системе гуманитарного знания: Курс закрепляет представления студентов о многообразии форм и содержания исторических источников периода средневековья. Он входит в блок специальных дисциплин профессионально-образовательной программы подготовки студентов по специальности 020700 – «история». Тематика курса концептуально и проблемно связана с общепрофессиональными дисциплинами программы подготовки историков, в особенности, с курсами «История древнего мира», «История средних веков», «История философии», «История культуры» и «Методология истории».

Требования к уровню освоения содержания курса:

– усвоение студентами следующих знаний:

- а) античная основа всех основных форм византийских источников;
- б) многообразие форм усвоения содержания массива источников;
- в) роль бюрократической государственности Византии в оформлении источниковых типов;
- г) главные факторы развития основных источниковых типов в Византии;

Методическая новизна курса.

В основу лекционного курса положен системный подход и познавательные процедуры из структурализма и постструктурализма, позволяющие проблематизировать и критически осмысливать мировую источниковедческую и конкретно-византиноведческую традицию, а также сущностные элементы источниковедческой культуры антиковедения и медиевистики.

Содержание курса:

Тема 1. Источник и источниковедение.

Тема 2. Документальные источники.

Тема 3. Византийские исторические сочинения и хроники.

Тема 4. Биография, автобиография и агиография.

Тема 5. Правовые источники.

Тема 6. Письмо как исторический источник.

Тема 7. Материальные (археологические) источники.

Тема 8. Византийские тактики IX–X вв.

Тема 9. Византийская сфрагистика.

Список рекомендуемой литературы:

Безобразов П. В. Византийские сказания. Юрьев, 1917. Ч. I.

Византийская книга Эпарха / Изд. подг. М. Я. Сюзюмов. М., 1962.

- Византийские легенды. / Изд. подгот. С. В. Полякова. М., 1972.
- Винокур Г. Биография и культура. М., 1927.
- Доставалова Р. Византийская историография: характер и формы // Византийский временник. М., 1982. Т. 19.
- История Византии / Под ред. академика С. Д. Сказкина. М., 1967. Т. 1-3.
- Каждан А. П. Из истории византийской хронографии X в. // Византийский временник. М., 1961. Т. 19.
- Каштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988.
- Культура Византии. М., 1984–1991. Кн. 1-3.
- Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976.
- Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1972.
- Лихачев Н. П. Моливдовулы греческого Востока. М., 1991.
- Лопарев Хр. Греческие жития святых VIII–IX вв. Пг., 1914.
- Любарский Я. Н. Сочинение Продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописания // Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб.г, 1992.
- Медведев И. П. Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). Л., 1988.
- Панченко Б. А. Каталог моливдовулов: Коллекция Русского археологического института в Константинополе. София, 1903.
- Романчук А. И. Возрождение античного города. Екатеринбург, 1993.
- Романчук А. И. Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986.
- Романчук А. И., Шандровская В. С. Введение в византийскую археологию и сфрагистику. Екатеринбург, 1995.
- Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.
- Сметанин В. А. Византийское общество XIII–XV вв. (по данным эпистолографии). Свердловск, 1987.
- Сметанин В. А. Галеры Саввы Русского. Екатеринбург, 1994.
- Сметанин В. А. Эпистолография. Свердловск, 1970.
- Сюзюмов М. А. Морской закон // Античная древность и средние века. Свердловск, 1969. Вып. 6.
- Сюзюмов М. Я. Мировоззрение Льва Диакона // Античная древность и средние века. Свердловск, 1971. Вып. 7.
- Удальцова З. В. Законодательные реформы Юстиниана // Византийский временник. М., 1965. Т. 26.

Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974.

Успенский Ф. И. История Византийской империи. Москва, 1996. Т. 1.

Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983.

Чичуров И. С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской исторической традиции (IV – начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1981 г. М., 1983.

Шандровская В. С. Византийские печати в собрании Эрмитажа. Л., 1975.

Эклога / Вступ. статья, пер. и комм. Е. Э. Липшиц. М., 1965.

Яковенко П. А. Исследование в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на острове Хиос. Юрьев, 1917.

Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et XIe siècles. Introd., texte, trad. et comment. Paris, 1972.

2. Дисциплина «Византия и Священная Римская империя» (32 часа, форма итогового контроля – зачет). Составитель: к.и.н., доцент Н. Г. Пашкин.

Программа данной учебной дисциплины предназначена для студентов, специализирующихся по средневековой истории. В структуре этого раздела исторической науки значительное место занимают проблемы, связанные с историей церкви, среди которых в свою очередь выделяется тематика отношений между православием и католицизмом. Знание данного предмета играет, безусловно, большую роль в общенаучной и специальной подготовке студентов исторических факультетов. Его формирование составляет цель предлагаемого курса.

Цель курса – обеспечить фундаментальные знания по истории взаимоотношений Византии и Священной Римской империи, истории возникновения схизмы и попыток ее преодоления

Методическая новизна курса. Программа носит оригинальный характер, разработана с учетом новейших достижений отечественной и зарубежной историографии.

Содержание курса:

Тема 1. Византия и Священной Римской империи в X–XII вв. Понятие православно-католической схизмы, ее роль в истории, современная актуальность проблемы.

Тема 2. Великая схизма 1054 г. и их значение. Роль IV крестового похода в окончательном оформлении раскола.

Тема 3. Первые попытки воссоединения церквей.

Тема 4. Церковные соборы XIII–XIV вв. Ферраро-Флорентийский собор.

Тема 5. Священная Римская империя как наследница Византии.

Список рекомендуемой литературы:

Васильев А. А. История Византийской империи. СПб., 1998. Т. 1-3.

Воейков Н. Н. Церковь, Русь и Рим. София, 2000.

Гергей Е. История папства. М., 1996.

Дворкин А. Г. Очерки по истории Вселенской православной церкви. М., 2003.

История Византии / Под ред. академика С. Д. Сказкина. М., 1967. Т. 1-3.

Лебедев А. П. Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви от середины XI до середины XV в. СПб., 1998.

Лозинский С. П. История папства. М., 1986.

Мейендорф И. Ф. Флорентийский собор: причины исторической неудачи // Византийский Временник. М., 1991. Т. 52.

Поляковская М. А. Общественно-политическая мысль в Византии (60-е гг. XIV в.). Свердловск, 1981.

3. Дисциплина «Византийская армия в V–XI вв.» (36 часов, форма итогового контроля – зачет). Составитель: к.и.н., доцент А. С. Мохов.

Цель дисциплины – усвоение студентами основного материала военной истории Византийской империи в V–XI вв. При изучении данной дисциплины основное внимание уделяется эволюции одного из важнейших институтов византийского государства – вооруженным силам. Кроме того, рассматривается широкий круг вопросов, связанных с организацией, комплектованием и боевым применением византийской армии, проблемам взаимоотношения армии, власти и общества. Задачи дисциплины: изучение проблемы континуитета позднеримской и византийской систем военной организации; изучение различных способов организации и комплектования византийских вооруженных сил на протяжении V–XI вв. (территориально-милиционного, регулярного, наемного и пр.); освоение студентами главных принципов византийского военного искусства (стратегии и тактики); усвоение студентами мысли об общеисторическом значении византийского военно-теоретического наследия.

Содержание курса:

Тема 1. Кризис позднеантичной системы военной организации.

Тема 2. Византийские вооруженные силы в конце V – первой половине VII в.

Тема 3. Византийская армия в первой половине VII в.

Тема 4. Вооруженные силы Византийской империи во второй половине VII – первой половине X в.

Тема 5. Фемная реформа в Византии (вторая половина VII – VIII в.).

Тема 6. Византийская армия в период становления «фемного строя».

Тема 7. Стратиотское землевладение в Византии VIII – первой половины X в.

Тема 8. Византийская армия в первой половине X в.

Тема 9. Византийская армия во второй половине X – XI в.

Тема 10. «Военная реформа» второй половины X в.

Тема 11. Византийская армия в период правления Иоанна I Цимисхия (969–975) и Василия II Болгаробойцы (976–1025).

Тема 12. Византийские вооруженные силы при последних представителях Македонской династии (1025–1055).

Тема 13. Византийская армия во второй половине XI в.

Тема 14. Роль и значение византийской военной истории в истории средневековья.

Список рекомендуемой литературы:

Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. М.В. Левченко. М.; Л., 1953.

Васильев А. А. Византия и арабы. Ч. 1: Аморийская династия. СПб., 1900.

Васильев А. А. Византия и арабы. Ч. 2: Македонская династия. СПб., 1902.

Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // Труды академика Васильевского. СПб., 1908. Т. 1.

Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960.

Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Подг. текста, пер. и комм. Г. Г. Литаврина. М., 1972.

Кулаковский Ю. А. Византийский лагерь конца X в. // Византийский временник. СПб., 1903. Т. 10.

Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001.

Кучма В. В. Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в IX–X вв. // Византийские очерки. М., 1982.

Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия. 976–1081. М., 1977.

Мохов А. С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI в. // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2004. № 31.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Изд. подг. А. А. Чекалова. М., 1993.

Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. СПб., 2009.

Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI в.: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. 2-е изд. СПб., 2004. Кн. 1.

Успенский Ф. И. Военное устройство Византийской империи // Известия Русского Археологического института в Константинополе. София, 1900. Т. 6. Вып. 1.

Хэлдон Дж. История византийских войн. М., 2007.

4. Дисциплина «Византия и Италия в V–XI вв.» (24 часа, форма итогового контроля – зачет). Составитель: к.и.н., доцент А. С. Мохов.

Цель дисциплины – усвоение студентами основного исторического материала, посвященного политике Византийской империи на Апеннинском полуострове в V–XI вв. Задачи дисциплины: изучение проблемы континуитета позднеримской и византийской систем военного и гражданского управления в Италии; изучение различных способов организации административного, военного и судебного управления итальянскими землями в период византийского владычества; освоение студентами главных особенностей итальянской политики империи на разных этапах ее существования; усвоение студентами мысли об общеисторическом значении византийского присутствия в Италии в V–XI вв. В дисциплине основное внимание уделяется разнообразным аспектам истории византийского присутствия в одном из отдаленных пограничных регионов империи – Италии.

Содержание курса:

Тема 1. Византия и Италия в V – середине VIII в.

Тема 2. Византийская политика в Италии в V – середине VI в.

Тема 3. Административное устройство византийской Италии во второй половине VI – середине VII в.

Тема 4. Равеннский экзархат во второй половине VII – середине VIII в.

Тема 5. Фемная система в Южной Италии. Византийская Сицилия в VIII–IX вв.

Тема 6. Южноитальянские владения Византии в IX – середине X в.

Тема 7. Южная Италия во второй половине X в.

Тема 8. Византийская Италия во второй половине 20 – 30-е гг. XI в.

Тема 9. Норманнское завоевание Южной Италии.

Тема 10. Основные итоги пятисотлетнего византийского присутствия в Италии.

Список рекомендуемой литературы:

Бородин О. Р. Эволюция войска в византийской Италии в VI–VIII вв. (военно-организационный аспект) // Византийский временник. М., Т. 46. 1986.

Бородин О. Р. Византийская Италия в VI–VIII вв. Равеннский экзархат и Пентаполь. Барнаул, 1991.

Васильев А. А. Византия и арабы. Ч. 1: Аморийская династия. СПб., 1900.

Васильев А. А. Византия и арабы. Ч. 2: Македонская династия. СПб., 1902.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (Опыт исторической этнографии). СПб., 2003.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

История Италии. М., 1970. Т. 1.

Норвич Дж. История Венецианской Республики. М., 2010.

Норвич Дж. Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание (1016–1130). М., 2005.

Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. СПб., 2009.

Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. Кондратьева. М., 1950.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Изд. подг. А. А. Чекаловой. М., 1993.

Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI в.: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. 2-е изд. СПб., 2004. Кн. 1.

Удальцова З. В. Италия и Византия в VI в. М., 1959.

Успенский Ф. И. История Византийской империи. М., 1996. Т. 1.

Хэлдон Дж. История византийских войн. М., 2007.

Учебные дисциплины базовой (общепрофессиональной) части учебного плана, в которых использованы результаты исследований в рамках НИР:

1. История Средних веков (106 лекционных часов и 70 часов семинарских занятий, форма итогового контроля – экзамен). Составители: д.и.н., профессор М. А. Поляковская, к.и.н., доцент Т. В. Куш, к.и.н., доцент А. С. Мохов.

Цель дисциплины: способствовать формированию исторического видения объекта образования в его целостности, воспитывать историческое мышление с акцентом на логику взаимосвязанности явлений в их континуитетном развитии.

Задачи дисциплины:

– выявить системообразующие признаки средневековой европейской цивилизации;

- за основу интерпретации истории взять принцип типологизации;
- выявить сущность и соотношение понятий «феодализм» и «феодализация» с целью избежать возможной ошибки нивелировки статусов средневековых государств (и – соответственно – средневековых обществ); – рассмотреть динамику основных общественных институтов.

Место дисциплины в системе высшего профессионального образования: лекционный курс сопряжен со всеми историческими дисциплинами, а также с источниковедением, методологией истории, философией и другими гуманитарными дисциплинами.

Требования к уровню освоения содержания курса: достижение высокого уровня общей эрудиции, профессионального подхода к анализу исторических явлений, выработка умения соотнести рассматриваемые общественные явления с общим историческим контекстом, овладение навыками публичной аргументации.

Методическая новизна курса: курс построен не в страноведческом, а в проблемном ключе. Это позволяет соответствующим образом дисциплинировать фактический материал и добиться более высокой степени логичности в его изложении.

Содержание курса:

Тема I. Европа между античностью и средневековьем: типологическая характеристика социально-политических и культурных процессов;

Тема II. Роль варварского элемента в формировании средневекового общества;

Тема III. Понятие «феодализм». Основные феодальные институты;

Тема IV. Средневековое крестьянство: типологический аспект;

Тема V. Место Византии в средневековом мире;

Тема VI. Средневековый город;

Тема VII. Средневековая корпоративность;

Тема VIII. Средневековая европейская государственность: сословно-представительная монархия;

Тема IX. Христианская церковь в средневековье;

Тема X. Типология средневековых войн;

Тема XI. Формирование капиталистических отношений в Европе;

Тема XII. Средневековая европейская государственность: абсолютная монархия;

Тема XIII. Реформация в Европе;

Тема XIV. Международные отношения в период позднего средневековья;

Тема XV. Эволюция ментальности средневекового человека;

Основная рекомендуемая литература:

История средних веков / Под ред. С. П. Карпова. М., 2005. Т. 1-2.

История крестьянства в Европе: эпоха феодализма. М., 1985–1986. Т. 1-2.

История Европы. М., 1992–1993. Т. 2-3.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М., 1986–1991. Т. 1-3.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Москва, 1992. 2-е изд. Екатеринбург, 2005.

Хейзинга И. Осень средневековья. М., 1988.

2. Истории и организации управления в древности и средневековье (24 часа, форма итогового контроля – экзамен). Составитель: к.и.н., доцент А. С. Мохов.

Содержание курса:

Раздел 1. Введение в курс Истории и организации управления в древности и средневековье.

Раздел 2. История древнего мира

Тема 1. Закономерности перехода к классовому обществу и государству.

Тема 2. Возникновение древнейших государств (на примере Древнего Шумера).

Тема 3. Понятие «история античности».

Тема 4. Типы античных полисов.

Тема 5. Эллинистические государства.

Тема 6. Римская республика в V – I вв. до н.э.

Тема 7. Основные проблемы истории Римской империи.

Раздел 3. История средних веков

Тема 1. Введение в историю средних веков.

Тема 2. Основные черты общественного строя раннесредневековой Европы.

Тема 3. Раннесредневековая государственность.

Тема 4. Христианская церковь в период раннего и классического средневековья.

Тема 5. Основные черты общественного строя Европы в XI – XV вв.

Тема 6. Централизация европейских государств.

Тема 7. Зарождение капиталистических отношений в странах Западной Европы.

Тема 8. Государственные структуры в период позднего средневековья.

Тема 9. Католическая церковь в XVI – XVII вв. Реформация в Европе.

Тема 10. Международные отношения в период позднего средневековья.

Список рекомендуемой литературы:

Виппер Р. Ю. История средних веков. Курс лекций. Киев, 1996.

Древние цивилизации / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1989.

История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческих цивилизаций. Ч. I-II. М., 1983–1988.

История Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1986.

История Древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1984.

История Европы. Т. 1-3. М., 1988–1993.

История средних веков / Под ред. С. П. Карпова. Т. 1-2. М., 2005.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

3. История культуры (36 академических часов, форма итогового контроля – экзамен). Составитель – д.и.н., профессор В. П. Степаненко.

Цель дисциплины. Курс «История культуры», является необходимым элементом общего гуманитарного образования, давая студентам общее представление об истории мировой культуры, представленной художественной культурой различных эпох. Применение художественно- исторического анализа культуры дает возможность предоставить студентам систематизированный объем знаний. Исторический подход дает возможность понять общее и специфическое и культуре различных исторических периодов от древности до наших дней. Мировая культура столь необъятна, что ее полное освещение при данном количестве часов не представляется возможным. Как следствие в известной степени оправданным является объективный европоцентризм.

Одной из важнейших задач читаемого курса является создание у слушателей целостного образа каждой эпохи во всей ее полноте и многообразии на основе конкретных ее памятников и проявлений. В качестве основы для данной дисциплины используется курс всеобщей истории.

Содержание курса:

Тема 1. Культура первобытного общества.

Тема 2. Культура и искусство Древнего Востока.

Тема 3. Культура и искусство Древней Греции.

Тема 4. Древнеримская культура.

Тема 5. Византийская культура и искусство.

Тема 6. Культура и искусство раннего Средневековья.

Тема 7. Культура и искусство Западной Европы IX–XI вв.

Тема 8. Западноевропейская культура и искусство XII-XIV вв.

Тема 9. Культура и искусство Западной Европы XV-XVI вв.

Рекомендуемая литература:

- Алпатов М. Художественные проблемы искусства Древней Греции. М., 1987.
- Бартонек А. Златообильные Микены. М., 1991.
- Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: столь жизни, стиль мышления. М., 1978.
- Бенеш О. Искусство Северного Возрождения. М., 1973.
- Вельфлин Г. Классическое искусство. М., 2004.
- Вельфлин Г. Ренессанс и барокко. М., 2004.
- Винничук Л. Люди, нравы и обычаи древней Греции и Рима. М., 1988.
- Виппер Б. Р. Искусство Древней Греции. М., 1972.
- Виппер Б. Р. Итальянский Ренессанс. М., 1977.
- Вулли Л. Ур халдеев. М., 1961.
- Грант М. Римляне. Цивилизация Древнего Рима. М., 2005.
- Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.
- Даркевич В. П. Аргонавты средневековья. М., 1976.
- Даркевич В. П. Пути средневековых мастеров. М., 1972.
- Искусство Раннего Возрождения. М., 1980.
- Каптерева Т. П. Искусство Испании. Очерки. М., 1989.
- Кинк Ч. А. Древнеегипетский храм. М., 1979.
- Колпинский Ю. Д. Великое наследие античной Эллады. М., 1988.
- Культура древнего Египта. М., 1976.
- Культура Древнего Рима Т. 1-2. М., 1985.
- Мартиндэйл Э. Готика. М., 2001.
- Матье М. Э. Искусство древнего Египта. М., 1970.
- Мириманов В. Б. Первобытное и традиционное искусство. М., 1973.
- Муратова К. М. Мастера французской готики XII–XIII вв. М., 1988.
- Нессельштраус Ц. Г. Искусство раннего средневековья. М., 2000.
- Петрусевиц Н. Искусство Франции XV–XVI веков. М., 1973.
- Полевой В. М. Искусство Греции. М., 1984.
- Ротенберг Е. Искусство Италии. Средняя Италия в период Высокого Возрождения. М., 1966.
- Роулинг М. Европа в средние века. Был, религия, культура. М., 2005.
- Рутенбург В. И. Титаны Возрождения. М., 1986.
- Соколов Г. И. Искусство этрусков. М., 1990.
- Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. Л., 1984.
- Тальбот Райс Д. Искусство Византии. М., 2002.

Чубова А. П. Искусство Восточного Средиземноморья I–IV вв. М., 1985.

Чубова А. П. Искусство Европы I–IV вв. М., 1970.

Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI–XIII вв. Эпоха, быт, костюм. М., 1978.

Следует отметить, что студенты обеспечены всем объемом обязательной и рекомендуемой литературы по вышеуказанным общим и специальным курсам.

II. Разработка новых программ подготовки в рамках направления 030600 – История.

Была завершена разработка и начато внедрение нового профиля подготовки «История древнего мира и средних веков» Основной образовательной программы (ООП) бакалавриата (направление подготовки 030600 история) и программы «Всеобщая история (история мировых цивилизаций)» Основной образовательной программы (ООП) магистратуры (направление подготовки 030600 история) с учетом результатов исследований НОЦ «Византиноведение». Включение в учебный план бакалавриата и магистратуры в раздел «Профессиональный цикл. Вариативная часть» учебных дисциплин и факультативов, разработанных в рамках НИР.

В учебный план бакалаврской подготовки по профилю «История древнего мира и средних веков» включен ряд модернизированных с учетом полученных научных результатов НОЦ модернизированные или вновь разработанные дисциплины: «Византийская цивилизация», «Средневековая цивилизация», «Международные отношения в античности и средние века», «Книжная культура Византии», «Византийская армия», «Военное искусство в средние века», «Византия и Восток», «Византийский город». В учебный план магистерской подготовки вошли следующие дисциплины, содержащие материал, полученный в ходе выполнения НИР: «Актуальные проблемы исторических исследований», «Проблемы источниковедения всеобщей истории», «Проблемы историографии всеобщей истории» Междисциплинарные подходы в современной исторической науке», «Всеобщая история: метод, проблемы, перспективы», «История схизмы и униатских соборов», «Античный и византийский город: общее и особенное», «Итальянские республики, Причерноморье и Левант».

III. Привлечение студентов для работы в НОЦ «Византиноведение» и выполнения учебно-научных работ по тематике проекта:

Тематика курсовых работы и выпускных квалификационных бакалавриата и магистратуры определена в соответствии с приоритетами НОЦ и направлениями исследования,

осуществляемыми в рамках НИР. Участниками коллектива были подготовлены и защищены 3 магистерские диссертации: Т. Н. Бардашова – «Матримониальная политика в Византии (IX–XII вв.)», научный руководитель проф. М. А. Поляковская; А. М. Кадочникова – «Византия в контексте международной ситуации по Пелопоннессе, конец XIV – начало XV в.», научный руководитель проф. М. А. Поляковская, Е. А. Гырдазова – «Гражданская и церковная администрация византийского Херсона по материалам коллекции моливдовулов Национального Заповедника «Херсонес Таврический» научный руководитель доц. А. С. Мохов. Также прошли успешную защиту 2 бакалаврские работы: Н. Э. Жигалова – «Образы участников варненской битвы в исторических сочинениях XV в.», научный руководитель доц. Т. В. Куш, К. Р. Капсалыкова – «Держава Комитопулов в контексте международных отношений на Балканах, 969–1018», научный руководитель доц. А. С. Мохов.

В рамках НОЦ работает студенческий семинар, на котором студенты представляют для публичного обсуждения свои доклады, выполненные по теме их исследования. Работа в семинаре позволяет не только обсудить полученные результаты и методику исследования, но и определить дальнейшие направления их работы. Являясь частью учебно-научной составляющей подготовки кадров, студенческий семинар также служит полигоном для апробации научных

IV. *Ориентация аспирантуры* на подготовку кандидатских диссертаций по специальности 07.00.03 «Всеобщая история (Древний мир и Средние века)» в рамках научного направления, представленного в НОЦ «Византиноведение».

V. *Использование докторантуры* УрФУ для подготовки специалистов высшей квалификации в рамках научного направления, представленного в НОЦ «Византиноведение».

VI. *Повышение уровня учебно-методической работы* путем создания учебных и учебно-методических пособий, в том числе на электронных носителях, с использованием результатов НИР по проекту.

VII. *Привлечение студентов к подготовке научных публикаций* по тематике проекта и выступлению на научных конференциях с докладами по тематике проекта.

Результаты научных исследований, осуществляемых студентами под руководством членов коллектива НОЦ, находят отражение в публикациях и выступлениях на конференциях и семинарах.

VIII. *Популяризация научных знаний* и довузовская работа сотрудников НОЦ по профориентации, участие в проведении школьных и вузовских олимпиад, а также научно-практических конференций студентов и аспирантов.

Таким образом, программа внедрения НИР в образовательный процесс предусматривает, с одной стороны, включение результатов научных исследований в тематику лекционных курсов, модернизацию и разработку новых специальных курсов, с другой стороны, активное привлечение студентов и магистрантов к научно-исследовательской работе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На шестом этапе НИР достигнуты следующие *основные результаты*:

1. Обобщены результаты комплексного исследования «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение».
2. Обобщены результаты исследований в публикациях статей. Подготовлены диссертации по тематике проекта и предоставлены для обсуждения.
3. Подготовлены макеты статей для сборника материалов XIV Международных научных Сюзюмовских чтений.
4. Обобщены итоги исследования по темам: «Образ Византии в восприятии Запада» и «Проблема «византийского наследства» в политике и идеологии Священной Римской империи германской нации XV–XVII вв.».
5. Обобщены итоги исследований по проблеме организации системы провинциального управления в отдаленных пограничных регионах империи.
6. Разработана программа внедрения результатов НИР в образовательный процесс.

Результатами работ на шестом этапе явились исследование проблемы военных и административных реформ в Византийской империи периода правления Македонской династии, IX–XI вв.; характеристика особенностей формирования византийской армии и функционирования провинциальной администрации в середине X–XI вв.; изучение особенностей создания и функционирования органов государственного управления в отдаленных пограничных регионах империи в условиях постоянного увеличения ее территории; разработка проблемы взаимодействия византийских интеллектуалов, власти и общества в условиях упадка империи в XIV–XV вв.; анализ динамики и значения культурного взаимодействия Византии, Запада и Руси.

Новизна приемов, использованных в работе на данном этапе, заключается в применении междисциплинарного подхода при проведении исследований отдельных аспектов общей темы, что дает основание для комплексного привлечения разнохарактерных источников, в использовании компаративных методик, позволяющих включать проблему в более широких историографический контекст, а также актуализации малоизученных проблем отечественного и мирового византиноведения. Новизна приемов заключается и в самой постановке проблемы, которая носит оригинальный характер и не имеет аналогов в зарубежных исследованиях, что позволяет осуществлять разработку данной проблематики на мировом уровне.

Особенностью проведения исследования на пятом этапе стало обобщение достигнутых результатов и их концептуальное осмысление, выявление проблемных лакун для дальнейшей разработки различных аспектов византийской истории, а также анализ полученных выводов с точки зрения состояния отечественной и зарубежной историографии по решаемым вопросам. На данном этапе работы осуществлялось комплексное привлечение разнохарактерных источников (письменные и художественно-изобразительные источники, сфрагистический материал и археологические находки), что требовало учета специфики источникового материала. Систематизация, классификация и обобщение данных при разработке отдельных тем проводились на основе применения современных подходов и методов исторического исследования (сравнительно-исторический, просопографический, эвристический, методы ретроспективного и перспективного анализа и др.).

Результаты шестого этапа НИР получили освещение в 7 научных публикациях, в том числе 3 статьи опубликованы в рецензируемых российских изданиях. Также результаты исследований нашли отражение в 5 докладах, представленных отдельными участниками НИР на 3 международных научных конференциях.

Таким образом, полученные результаты выразились в обобщении данных по ряду ключевых проблем современного византиноведения, в разработке отдельных аспектов в рамках заявленной темы и апробации полученных результатов в форме научных публикаций и выступлений на конференциях различного уровня.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия. 976–1081. М., 1977.
2. Культура Византии (вторая половина VII – XII в.) / Под ред. З. В. Удальцовой, Г. Г. Литаврина. М., 1989.
- 3 Theophanes continuatus / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1838.
- 4 Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Пер., статья и комм. Я. Н. Любарского. СПб., 1992.
- 5 Leonis Diaconi Caloensis historiae libri decem / Rec. C. D. Hase. Bonnae, 1828.
- 6 Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко, статья М. Я. Сюзюмова, комм. М. Я. Сюзюмова и С. А. Иванова. М., 1988.
- 7 Michaelis Attaliothae Historia / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1853.
- 8 Michel Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Éd. par É. Renauld. Paris, 1926–1928. Т. I–II.
- 9 Михаил Пселл. Хронография / Пер., статья и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978.
- 10 Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Подг. текста, пер. и комм. Г. Г. Литаврина. М., 1972.
- 11 Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. Berlin, New York, 1973.
- 12 'Η συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτση (Ioannes Skylitzes Continuatus) / ἐκδ. Ε. Τσολάκη. Θεσσαλονίκης, 1968.
- 13 Nicephori Bryennii Historiarum libri quattuor / Éd. P. Gautier. Bruxelles, 1975.
- 14 Никифор Вриенний. Исторические записки (976–1087) // Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2-е изд. М., 1997.
- 15 Annae Comnenae Alexiadis libri XV / Rec. L. Schopenus. Bonnae, 1878. Vol. I–II.
- 16 Анна Комнина. Алексиада / Вступ. статья, пер. и комм. Я. Н. Любарского. М., 1965.
- 17 Ioannis Zonarae Epitome Historiarum libri XVIII / Rec. T. Büttner-Wobst. Leipzig, 1897. Т. III.
- 18 Шевченко И. И. Перечитывая Константина Багрянородного // Византийский временник. М., 1993. Т. 54.
- 19 Constantine Porphyrogenitus De administrando imperio / Ed. by Gy. Moravcsik, transl. by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967. Vol. I.

- 20 Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., комм. Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989.
- 21 Costantino Porfirogenito De Thematibus / Ed. A. Pertusi. Rome, 1952.
- 22 Constantin Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies / Trad. et comm. par A. Vogt. Paris, 1967. Т. I-II.
- 23 Всеобщая история Степаноса Таронаци, Асохика по прозванию, писателя XI столетия / Пер. с арм. и объяснена Н. Эминым. М., 1864.
- 24 «Повествование» вардапета Аристаке́са Ластивертци / Пер. с древнеарм., вступит. статья, комм. и прилож. К. Н. Юзбашьяна. М., 1968.
- 25 Chronique de Matthieu d'Edesse (962–1136) avec la continuation de Grégoire le Prêtre jusqu'en 1162 / Ed. par E. Dulaurier. Paris, 1858.
- 26 Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883.
- 27 Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166–1199) / Éd. et trad. par J.B. Chabot. P., 1905. Т. 3.
- 28 Liutprandi episcopi Cremonensis Antapodosis / Rec. H. Pertz. Hannoverae, 1839.
- 29 Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь / Пер. с лат. и комм. И. В. Дьяконова. М., 2006.
- 30 Guillaume de Pouille. La Geste de Robert Guiscard / Éd., trad., comm. et introd. par M. Mathieu. Palermo, 1961.
- 31 Lupus Protospatarius / Ed. G. Cioffari, R. Lupoli Tateo // Antiche cronache di Terra di Bari. Bari, 1991.
- 32 Липшиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Историко-юридические этюды. Л., 1981.
- 33 Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.
- 34 Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. 1. Teil. 2. HbD.: Regesten von 867–1025. München, 2003.
- 35 Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. 2. Teil: Regesten von 1025–1204. München, 1995.
- 36 Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et XIe siècles. Introd., texte, trad. et comment. Paris, 1972.
- 37 Grumel V. Les Regestes et des Actes du Patriarcat de Constantinople / Ed. par V. Grumel. Vol. I. Fasc. II-III. Paris, 1989.

38 Byzantine Monastic Foundation Documents. A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments / Ed. by J. Thomas, A. Constantinides Hero, G. Constable. Washington, D.C., 2000.

39 Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae / Texte critique, introduction et notes par J. Darrouzès. Paris, 1981.

40 Fedalto G. Hierarchia Ecclesiastica Orientalis. Vol. II: Patriarchatus Alexandrinus, Antiochenus, Hierosolymitanus. Padua, 1988.

41 Actes de Lavra. Part. I: Des origines à 1204 / Ed. par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos. Paris, 1970.

42 Яковенко П. А. Исследования в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на о. Хиос. Юрьев, 1917.

43 Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII–XV вв. Л., 1927.

44 Жития византийских святых / Изд. подг. С. В. Полякова. СПб., 1995.

45 Holy Women of Byzantium / Ed. by A. M. Talbot. Washington, D.C., 1996.

46 Каждан А. П. История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2003.

47 Leonis VI Tactica / Ed. G. T. Dennis. Washington, D.C., 2010.

48 Стратегика императора Никифора / Изд. Ю. А. Кулаковский // Записки имп. Академии наук. Сер. VIII. СПб., 1908. Т. VIII. № 9.

49 Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phokas (963–969) / Ed. par G. Dagron, H. Mihăescu. Paris, 1986.

50 Three Byzantine Military Treatises / Ed. by G.T. Dennis. Washington, 1985.

51 McGeer E. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington, D.C., 1995.

52 Michaelis Pselli Scripta minora magnam partem adhuc inedita / Ed. E. Kurts, F. Drexl. Milano, 1936–1941. Vol. I-II.

53 Darrouzès J. Épistoliers byzantins du Xe siècle. Paris, 1960.

54 The Correspondence of Leo, Metropolitan of Synada and Syncellus / Ed. by M. P. Vinson. Washington, D.C., 1985.

55 Nesbitt J. Sigillography // The Oxford Handbook of Byzantine Studies / Ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. Oxford, 2008.

56 Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867) / Hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. Vorarbeiten F. Winkelmanns erstellt von R.-J. Lilie, Cl. Ludwig, T. Pratsch u.a. Bd. 1-6. Berlin, New York. 1998–2002.

- 57 Кучма В. В. Теория и практика военного дела Византийской империи по данным трактатов X в. // Византийские очерки. М., 1982.
- 58 Constantine Porphyrogenitus: Three Treatises on Imperial Military Expeditions / Ed. by J. F. Haldon. Wien, 1990.
- 59 Glykatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe – XIe siècles // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1960. T. 84.
- 60 Haldon J. F. Recruitment and Conscription in the Byzantine Army (550–950). A Study on the Origins of the Stratiotika Ktemata. Wien, 1979.
- 61 Oikonomidès N. Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe – XIe siècles). Athènes, 1996.
- 62 Успенский Ф. И. Военное устройство Византийской империи // Известия Русского Археологического института в Константинополе. София, 1900. Т. 6.
- 63 Bury J. The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a revised text of the Kletorologion of Philotheos. New York, 1958.
- 64 Ahrweiler H. Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe – XVe siècles. Paris, 1966.
- 65 Ферлуга Ј. Ниже војно-административне јединице тематског уређења // Зборник радова Византолошког института. Београд, 1953. Кн. II.
- 66 Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960.
- 67 Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии // Византийский временник. М., 1960. Т. XVII.
- 68 Сюзюмов М. Я. Деревня и город в Византии IX–X вв. // Actes du XIIe Congrès international des Études byzantines. Beograd, 1963. Vol. 1.
- 69 Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy in Byzantium // Dumbarton Oaks Papers. 1971. Vol. XV.
- 70 Кучма В. В. Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX – X в. // Византийские очерки. М., 1971.
- 71 Haldon J. F. Byzantine praetorians. An administrative, institutional and social survey of the Opsikion and tagmata ca. 580–900. Bonn, 1984.
- 72 Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert: Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1991.
- 73 Guiland R. Contribution à l'histoire administrative de l'empire byzantin. Le drongaire et le Grand Drongaire de la Veille // Byzantinische Zeitschrift. 1950. Bd. 43.
- 74 Лихачев Н. П. Моливдовулы греческого Востока / Сост. и автор комм. В. С. Шандровская. М., 1991.

- 75 Guiland R. Le comte des murs // Byzantion. 1964. Vol. 34.
- 76 Karlin-Hayter P. L'hétériarque: l'évolution de son rôle du De Cérémonies au Traité des Offices // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1974. Bd. 23.
- 77 Guiland R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin, Amsterdam, 1967. Vol. I-II.
- 78 Byvar A. D. H. Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier // Dumbarton Oaks Papers. 1972. Vol. XXVI.
- 79 Кулаковский Ю. А. Византийский лагерь конца X в. // Византийский временник. СПб., 1903. Т. X.
- 80 Amantos K. MARDAITAI // Hellenika. 1932. Vol. 5.
- 81 Византијски извори за историју народа Југославије / Обр. Ј. Ферлуга. Београд, 1966. Кн. 3.
- 82 Antoniadis-Bibicou H. Études d'histoire maritime de Byzance. A propos du «thème de Caravisiens». Paris, 1966.
- 83 Eickhoff E. Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. Das Mittelmeer unter byzantinischer und arabischer Hegemonie (650–1040). Berlin, 1966.
- 84 Guiland R. Les logothètes: études d'histoire administrative de l'Empire byzantin // Revue des Études Byzantines. 1971. Vol. 29.
- 85 Haldon J. F., Kennedy H. The Arab-Byzantine Frontier in the Eighth and Ninth Centuries. Military organization and society in the Borderlands // Зборник радова Византолошког института. Београд, 1960. Кн. XIX.
- 86 Ahrweiler H. Études sur les structures administratives et sociales de Byzance. London, 1971.
- 87 Guiland R. Le Grand domesticat à Byzance // Échos d'Orient. Bucarest, 1938. Vol. 37.
- 88 Guiland R. Études sur l'histoire administrative de l'empire byzantin: le domestique des scholes // Revue des Études Byzantines. Paris, 1950. Vol. 8.
- 89 История Византии / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1967. Т. 2-3.
- 90 Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902.
- 91 Canard M. Histoire de la Dynastie des Hamdanides de Jazira et de Syrie. Paris, 1953.
- 92 Тер-Гевондян А. Н. Арабские эмираты в Армении при Багратидах // Краткие сообщения Института народов Азии АН Армянской ССР. 1961. Т. 47.
- 93 Ahrweiler H. La frontière et les frontières de Byzance en Orient // Actes du XIVe Congrès international des Études byzantines. Bucarest, 1974. Vol. 1.

- 94 Кучма В. В. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX–X вв. по «Тактике Льва» // Античная древность и средние века. Свердловск, 1973. Вып. 9.
- 95 Svoronos N. Les Nouvelles des empereurs macédoniens concernant la terre et les stratiotes. Athènes, 1994.
- 96 Каждан А. П., Литаврин Г. Г. Очерки по истории Византии и южных славян. М., 1958.
- 97 Стратегика императора Никифора / Изд. Ю. А. Кулаковский // Записки императорской Академии наук. СПб., 1908. VIII серия. Т. 8. № 9.
- 98 Kolias T. G. Nikephoros II. Phokas (963–969). Der Feldherr und Kaiser und seine Reformtätigkeit. Athens, 1993.
- 99 Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963.
- 100 Ангелов Д. История на Византия. София, 1963. Т. 2.
- 101 Курбатов Г. Л. История Византии. От античности к феодализму. М., 1984.
- 102 Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London, 1971.
- 103 Oikonomidès N. L'organisation de la frontière orientale de Byzance aux Xe – XIe siècles et le Taktikon de l'Escorial // Actes du XIVe Congrès international des Études byzantines. Bucarest, 1974. Vol. 1.
- 104 Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI в., от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 1884.
- 105 Kolias T. G. The Taktika of Leo VI the Wise and the Arabs // Graeco-Arabica. 1984. T. 3.
- 106 Lilie R.-J. Die zweihundertjährige Reform: zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert // Byzantinoslavica. 1984. Vol. XL.
- 107 Wasilewski T. La disparition des tagmata impériaux à Byzance dans la seconde moitié du XIe siècle // Actes du XVe Congrès international des Études byzantines. Athènes, 1980. Vol. 4.
- 108 Козлов А. С., Мохов А. С. Рец. на: Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert: Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1991 // Византийский временник. М., 1993. Т. 54.
- 109 Kozlov A. S., Mojov A. S. Res.: Kolias T. G. Byzantinische Waffen. Ein Beitrag zur byzantinischen Waffenkunde von den Anfängen bis zur lateinischen Eroberung. Wien, 1988 // Erytheia. Madrid, 1996. T. 17.

- 110 Cheynet J.-Cl. Les Phocas / Dagron G., Mihăescu H. Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969). Paris, 1986.
- 111 Cheynet J.-Cl. Nouvelle hypothèse à propos du domestique d'Occident cité sur une croix du Musée de Genève // *Byzantinoslavica*. 1981. Vol. XLII.
- 112 Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // Труды академика Васильевского. СПб., 1908. Т. 1.
- 113 Miller D. A. Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500–1025 AD // *Byzantinoslavica*. 1971. Vol. XXXII.
- 114 Dédéyan G. L'immigration arménienne en Cappadoce au XIe siècle // *Byzantion*. 1975. T. 45.
- 115 Ferluga J. Le clisure byzantine en Asia Minore // Сборник радова Византолошког института. Београд, 1975. Кн. 16.
- 116 Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия (IX-XI вв.). М., 1988.
- 117 Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.
- 118 Cheynet J.-Cl. Du stratège de thème au duc: chronologie de l'évolution au cours du XIe siècle // *Travaux et mémoires*. 1985. Vol. 9.
- 119 Wasilewski T. Les titres de duc, de catépan et de pronotès dans l'empire byzantin du IXe jusqu'au XIIe siècle // Actes du XIIe Congrès international des Études byzantines. Beograd, 1964. Vol. 2.
- 120 Schlumberger G. L'Épopée byzantine à la fin du dixième siècle. Paris, 1905. T. 3.
- 121 Felix W. Byzanz und die islamische Welt im früheren 11. Jahrhundert. Geschichte der politischen Beziehungen von 1001 bis 1055. Wien, 1981.
- 122 Атанасов Щ., Христов Д., Чолпанов Б. Българското военно изкуство през феодализма. София, 1958. Т. 1.
- 123 Златарски В. Н. История на Българската държава през средните векове. София, 1971. Т. 2.
- 124 Литаврин Г. Г. Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии во второй половине XI в. (По материалам завещаний) // Византийские очерки. М., 1971.
- 125 Каждан А. П. Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI–XII вв. Предварительные выводы // *Byzantinische Zeitschrift*. 1973. Bd. 66.
- 126 Cheynet J.-Cl. Fortune et puissance de l'aristocratie (Xe – XIIe siècles) // *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin*. Paris, 1991. Vol. 2.

- 127 Мохов А. С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI в. // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2004. № 31.
- 128 Каждан А. П. Загадка Комнинов // Византийский временник. М., 1964. Т. XXV.
- 129 Jordanov I. The Collection of Medieval Seals from the National archaeological Museum Sofia. Sofia, 2011.
- 130 Stavrakos Chr. Die byzantinischen Bleisiegel der Sammlung Savvas Kophopoulos: eine Siegelsammlung auf der Insel Lesbos. Turnhout, 2010.
- 131 Йорданов И. Печатите от стратегията в Преслав (971-1088). София, 1993.
- 132 Jordanov I. Corpus of the Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. I: The Byzantine Seals with Geographical Names. Sofia, 2003.
- 133 Oikonomidès N. L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire byzantin au XIe siècle (1025–1118) // Travaux et Mémoires. Paris, 1976. Vol. 6.
- 134 Κυριακίδης Σ. Π. Βυζαντιναὶ Μελέται. Τ. II: Ἀπὸ τὴν ἱστορίαν τῶν τειχῶν τῆς Θεσσαλονίκης. Θεσσαλονίκης, 1934.
- 135 Laurent V. Le thème byzantin de Serbie au XIe siècle // Revue des études byzantines. Paris, 1957. Vol. 15.
- 136 Шандровская В. С. Неизвестный правитель фемы Сервия // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2009. Вып. 39.
- 137 Грот К. Я. Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове. СПб., 1880.
- 138 Tafrali O. Thessalonique au quatorzième siècle. Thessaloniki, 1993.
- 139 Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. Kazhdan. New York, Oxford, 1991.
- 140 Karl T. R., Knight. R. W. Trends in high frequency Climate variability in the Twentieth Century // Nature. 1995. № 177.
- 141 Васильевский В. Г. Советы и рассказы византийского боярина XI века. СПб., 1881.
- 142 Oikonomides N. The Donation of Castles in the Last Quarter of the 11th Century // Polychronion. Festschrift Franz Dölger / Ed. P. Wirth. Heidelberg, 1966.
- 143 Αβραμέα Α. Ρ. Η βυζαντινή Θεσσαλία μέχρι το 1204. Αθήναι, 1974.
- 144 Koder J., Hild F. Hellas und Thessalia // Tabula Imperii Byzantini. Bd. 1. Wien, 1976.
- 145 Вальденберг В. Е. Ταξίαρχος // Византийский временник. М., 1926. Т. XXIV.
- 146 Cheynet J.-Cl. Note sur l'axiarque et le taxiarque // Revue des études byzantines. Paris, 1986. Vol. 44.

- 147 Гильфердинг А. Ф. История сербов и болгар // Собрание сочинений А. Ф. Гильфердинга. Т. I. 1868.
- 148 Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки. II: К истории 976–986 гг. (из ал-Мекина и Иоанна Геометра) // Труды академика В. Г. Васильевского. Т. II. Вып. 1. СПб., 1909.
- 149 Литаврин Г. Г. Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. // Византийский временник. М., 1956. Т. XI.
- 150 Stephenson P. Byzantium's Balkan Frontier. A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204. Cambridge, 2002.
- 151 Holmes C. Basil II and the Governance of Empire (976–1025). Oxford, 2005.
- 152 Шандровская В. С. Изображения святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике // Византия и Ближний Восток. Сб. науч. трудов памяти А. В. Банк. СПб., 1994.
- 153 Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.
- 154 Κωνσταντόπουλος Κ. Βυζαντιακά μολυβδόβουλλα. Αθήναι, 1930.
- 155 Lemerle P. «Roga» et rente d'Etat aux Xe – XIe siècles // Revue des études byzantines. Paris, 1967. Vol. 25.
- 156 Мохов А. С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами (1046–1053 гг.). // Известия Уральского государственного университета. [Сер.] Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2005. № 10 (39). С. 15-26.
- 157 Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides, E. McGeer. Washington, 1991–2001. Vol. I-IV.
- 158 Мохов А. С. Доместики схол Запада второй половины X – начала XII в. по данным сфрагистики // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2008. Вып. 38.
- 159 Микроструктуры византийской военно-административной (фемной) системы X–XI вв. в современной историографии // Проблема континуитета в византийской и поствизантийской истории: Тез. докл. XIII Междунар. науч. Сюзюмовских чтений (Екатеринбург, 18-20 ноября 2010 г.). Екатеринбург, 2010.
- 160 Fenster E. Laudes Constantinopolitanae // Miscellanea Byzantine monacensia. Bd. 9. München, 1968.
- 161 Поляковская М. А. Византия, византийцы, византилисты. Екатеринбург, 2003.
- 162 Литаврин Г. Г. Одиннадцатое столетие – «золотой век» византийской бюрократии // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992.

- 163 Weiss G. Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos // *Miscellanea Byzantina monacensia*. Bd. 1. München, 1973.
- 164 Haldon J. F. *Byzantium in the seventh century: the transformation of a culture*. Cambridge, 1993.
- 165 Semenov A. Über Ursprung und Bedeutung des Amtes der Logotheten in Byzanz // *Byzantinische Zeitschrift*. 1910. Bd. XIX.
- 166 Stein E. *Studien zur Geschichte des Byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus*. Stuttgart, 1919.
- 167 Seeck O. *Comites* // *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung / Hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1900. HBd. VII.
- 168 Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin*. Vol. II: *L'Administration centrale*. Paris, 1981.
- 169 Bréhier L. *Les institutions de l'empire byzantin*. Paris, 1949.
- 170 Dölger F. *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts*. Leipzig, Berlin, 1927.
- 171 Constantini Porphyrogeniti *De Ceremoniis aulae byzantinae* / Rec I. Reiske. Bonnae, 1829. Vol. I-II.
- 172 Haldon J.F. *Theory and Practice in Tenth-Century Military Administration*. Chapters II, 44 and 45 of the *Book of Ceremonies* // *Travaux et mémoire*. Paris, 2000. Vol. 13.
- 173 Janin R. *Constantinople byzantine*. Paris, 1950.
- 174 Hild F., Hellenkemper H. *Kilikien und Isaurien* // *Tabula Imperii byzantini*. Bd. 5. Teil. 1. Wien, 1990.
- 175 Howard-Johnston J. D. *Crown Lands and the Defense of Imperial Authority in the Tenth and Eleventh Centuries* // *Byzantinische Forschungen*. 1995. Bd. 21.
- 176 Kaplan M. *Les hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle*. Paris, 1992.
- 177 Κόλιας Γ. *Περὶ ἀπλήκτου* // *Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν*. Αθήναι, 1941. Τ. 17.
- 178 Степаненко В. П. Из истории византийской провинциальной администрации XI в. // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2008. Вып. 38.
- 179 Βρανούση Ή., Νυσταζοπούλου-Πελεκίδου Μ. *Βυζαντινὰ ἐγγραφα τῆς μονῆς Πάτμου*. Αθήναι, 1980. Τ. 1.
- 180 Острогорски Г. *История на Византийската държава*. София, 1996.
- 181 Oikonomidès N. *Les premiers mentions des thèmes dans le chronique de Théophane* // *Зборник радова Византолошког института*. Београд, 1975. Кн. XVI.
- 182 *Chronicon Paschale* / Rec. L. Dindorfius. Bonnae, 1832. Vol. I.

- 183 Jones A. H. M. The prosopography of the later Roman Empire / Ed. by J. R. Martin-dale. Cambridge, 1992. Vol. III.
- 184 Seeck O. Discussor // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissen-schaft. Neue Bearbeitung / Hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1905. Bd. V. HBd. 2.
- 185 Oehler J. Annona militaris // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertums-wissenschaft. Neue Bearbeitung / Hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1893. Bd. I. HBd. 2.
- 186 Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. T. I. Part. 1.
- 187 Mansi G. D. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Vol. XI–XIII. Florentiae, 1766; Vol. XVI. Venetii, 1771.
- 188 Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе при Казанской ду-ховной академии. 3-е изд. Казань, 1908–1909. Т. VI–VII.
- 189 Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. I.
- 190 Encyclopaedia of Islam / Ed. B. Lewis. Leiden, London, 1986. Vol. III.
- 191 Winkelmann F. Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. Faktoren und Tendenzen ihrer Entwicklung. Berlin, 1985.
- 192 Ringrose K. M. The perfect servant: eunuchs and the social construction of gender in Byzantium. Chicago, 2003.
- 193 Iosephi Genesii regum libri quattuor / Rec. A. Lesmüller-Werner, I. Thurn. Berlin, 1978.
- 194 Лебедев А. П. История разделения Церквей в IX, X и XI веках. М., 1900.
- 195 Laurent V. Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. Paris, 1952.
- 196 Jordanov I., Zhekova Z. Catalogue of Medieval Seals at the Regional historical Mu-seum of Shumen. Shumen, 2007.
- 197 Ševčenko I. Poems on the Deaths of Leo VI and Constantine VII in the Madrid Ma-nuscript of Scylitzes // Dumbarton Oaks Papers. 1969–1970. Vol. 23-24.
- 198 Théodore Daphnopatès. Correspondance / Éd. et trad. par J. Darrouzès, L. G. Weste-rink. Paris, 1978.
- 199 Сюзюмов М. Я. Об историческом труде Феодора Дафнопата // Византийское обозрение. Юрьев, 1916. Вып. 2.
- 200 Markopoulos A. Joseph Bringas: Prosopographical problems and ideological trends // Symmeikta. Athens, 1981. Vol. 4.
- 201 Каждан А. П. Хроника Симеона Логофета // Византийский временник. М., 1959. Т. XV.

- 202 Brokkaar W. G. Basil Lacapenus // *Studia byzantina et neohellenica Neerlandica*. Amsterdam, 1972. Vol. III.
- 203 Schlumberger G. *Sigillographie de l'Empire byzantin*. Paris, 1884.
- 204 *Jus Graecoromanum* / Ed. I. Zepos, P. Zepos. Athens, 1931. Vol. IV.
- 205 Zacos G. *Byzantine Lead Seals* / Ed. by J. Nesbitt. Berne, 1984. T. II.
- 206 Wassiliou A.-K., Seibt W. *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 2. Teil: Zentral- und Provinzialverwaltung*. Wien, 2004.
- 207 Скабаланович Н. А. *Византийское государство и церковь в XI в.: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина*. 2-е изд. СПб., 2004. Кн. 1.
- 208 Schreiner P. *Die byzantinischen Kleinchroniken*. Wien, 1975–1977. T. I-II.
- 209 Cheynet J.-Cl. *Sceaux byzantins des Musées d'Antioche et de Tarse* // *Travaux et mémoires*. Paris, 1994. Vol. 12.
- 210 Delehaye H. *Vita St. Lazari auctore Gregorio monacho* // *Acta Sanctorum*. Novembris. Brussels, 1910. T. III.
- 211 Лихачев Н. П. *Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. Приложение I*. СПб., 1911.
- 212 Seibt W. *Die Darstellung der Theotokos auf byzantinischen Bleisiegeln, besonders im 11. Jahrhundert* // *Studies in byzantine sigillography*. Washington, 1987. Vol. 1.
- 213 Markopoulos A. *Quelques remarques sur la famille des Génésioi aux IX – X siècles* // *Зборник радова Византолошког института*. Београд, 1986. Кн. XXIV–XXV.
- 214 *Patrologiae cursus completus. Series graeca* / Rec. J.-P. Migne. Vol. CXIX.
- 215 Grumel V. *Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. I: Les actes de patriarches. Fasc. II–III: Les Regestes de 715 a 1206*. Paris, 1989.
- 216 Laurent V. *Réponses canoniques inédites du patriarcat byzantin* // *Echos d'Orient*. Paris, 1934. T. XXXIII.
- 217 Seibt N., Seibt W. *Siegel der Sammlung Orghidan – eine Nachlese zur Edition V. Laurents* // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Wien, 2003. Bd. 53.
- 218 Michaelis Pselli *Scripta minora magnam partem adhuc inedita* / Ed. E. Kurtz, F. Drexl. Milan, 1936. T. I.
- 219 Любарский Я. Н. *Михаил Пселл: личность и творчество. К истории византийского предгуманизма*. М., 1978.
- 220 Мохов А. С. *Византийская армия в правление Романа IV Диогена (1068–1071 гг.)* // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
- 221 *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* / Erst. E. Trapp. Bd. X. Wien, 1990.

- 222 Grumel V. Titulature de métropolités byzantins. I. Les métropolités syncelles // *Études byzantines*. Bucarest, 1945. T. III.
- 223 Gautier P. Monodies inédites de Michel Psellos // *Revue des études byzantines*. Paris, 1978. T. 36.
- 224 Polemis D. I. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. London, 1968.
- 225 Stavrakos Chr. Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des numismatischen Museums Athen. Wiesbaden, 2000.
- 226 Sceaux byzantin de la collection Henri Seyrig. Catalogue raisonné J.-Cl. Cheynet, C. Morrison, W. Seibt. Paris, 1991.
- 227 Поляковская М. А. Византийская чиновная лестница в эпоху Палеологов // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.
- 228 Simon D. Byzantinische Provinzialjustiz // *Byzantinische Zeitschrift*. 1986. Bd. 79.
- 229 Сюзюмов М. Я. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии // *Византийские очерки*. М., 1961.
- 230 The Cambridge history of the Byzantine Empire c. 500–1492 / Ed. by J. Shepard. Cambridge University Press, 2008.
- 231 Guiland R. Titres et fonction de l'empire byzantin. London: Variorum reprints, 1976.
- 232 Lauxtermann M. Byzantine Poetry and the Paradox of Basil II's Reign // *Byzantium in the year 1000* / Ed. by P. Magdalino. Leiden, Boston, 2003.
- 233 Cheynet J.-Cl. Basil II and Asia Minor // *Byzantium in the year 1000* / Ed. by P. Magdalino. Leiden, Boston, 2003.
- 234 McGeer E. The Land Legislation of the Macedonian Emperors. Toronto, 2000.
- 235 McGeer E. Tradition and Reality in the Taktika of Nikephoros Ouranos // *Dumbarton Oaks Papers*. 1991. Vol. 45.
- 236 Laurent V. Le Corpus de sceaux de l'Empire byzantin. Vol. V: L'Église. Part. 1: L'Église de Constantinople. Paris, 1963.
- 237 Seeck O. Cursus publicus // *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung / Hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1901. Bd. IV. HBd. 2.
- 238 Kolb A. Transport und Nachrichtentransfer im Römischen Reich. Berlin, 2000.
- 239 Demandt A. Die Spätantike: römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565 n. Chr. München, 1989.
- 240 Kelly Ch. Ruling the later Roman Empire. Cambridge, 2004.
- 241 Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284–602. A social, economic and administrative survey. London, 1964. Vol. 1-3.

- 242 Avramea A. Land Communications: Organization, Changes, Itineraries, Road Maps // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. A. E. Laiou. Washington, 2002.
- 243 Clauss M. Der magister officiorum in der Spätantike (4.–6. Jahrhundert): das Amt und sein Einfluss auf die kaiserliche Politik. München, 1980.
- 244 Seeck O. Agentes in rebus // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / Hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1893. Bd. I. HbD. 1.
- 245 Collart P. Les milliaires de la Via Egnatia // Bulletin de correspondance hellénique. 1976. Vol. 100.
- 246 Anderson J. G. C. The Road-System of Eastern Asia Minor with the Evidence of Byzantine Campaigns // Journal of Hellenic Studies. 1897. Vol. 17.
- 247 Miller D. A. The Logothete of the Drome in the Middle Byzantine Period // Byzantion. 1966–1967. T. XXXVI.
- 248 Hendy M. Studies in the Byzantine monetary economy c. 300–1450. Cambridge, 1985.
- 249 Oxyrhynchus Papyri / Ed., transl. and notes by B. P. Grenfell, A. S. Hunt. London, 1898.
- 250 Koutava-Delivoria B. Les Ὀξέα et les fonctionnaires nommés τῶν Ὀξέων: les sceaux et les étoffes pourpres de soie après le 9 siècle // Byzantinische Zeitschrift. 1989. Bd. 82.
- 251 Guiland R. Chartulaire et Grand Chartulaire // Guiland R. Titres et fonction de l'Empire byzantin. London: Variorum reprints, 1976. XVIII.
- 252 Nesbitt J. The seals of the Saronites family // Siegel und Siegler. Akten des 8. Internationalen Symposions für Byzantinische Sigillographie / Hrsg. Cl. Ludwig. Frankfurt am Main, 2005.
- 253 Κολτσίδα-Μακρή Ι. Βυζαντινά μολυβδόβουλλα συλλογής Ορφανίδη-Νικολαΐδη Νομισματικού Μουσείου Αθηνών. Αθηνά, 1996.
- 254 Duyé N. Un haut fonctionnaire byzantin du XIe siècle, Basile Malesès // Revue des études byzantines. Paris, 1972. T. XXX.
- 255 Nesbitt J. Overstruck Seals in the Dumbarton Oaks Collection: Reused or Counters-tamped? // Studies in Byzantine Sigillography. 1990. Vol. 2.
- 256 Seibt W., Zarnitz M.-L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk, Wien, 1997.
- 257 Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. II: Seals with Family Names, Sofia, 2006.
- 258 Шандровская В. С., Мохов А. С. Изображения святого Прокопия на эрмитажных печатях // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2006. Вып. 37.

- 259 Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии (XI–XII вв.). М., 1974.
- 260 Jenkins R. J. H. The Byzantine Empire on the Eve of the Crusades. London, 1953.
- 261 Сюзюмов М. Я. Некоторые проблемы истории Византии // Вопросы истории. 1959. № 3.
- 262 Сюзюмов М. Я. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории // Византийский временник. М., 1968. Т. 29.
- 263 Каждан А. П. Деревня и город в Византии XI–XII вв. // Actes du XIIe Congrès international des Études byzantines. Beograd, 1963. Vol. 1.
- 264 Каждан А. П. О социальной природе византийского самодержавия // Народы Азии и Африки. 1966. № 6.
- 265 Ahrweiler H. Recherche sur la société byzantine du XI siècle: nouvelle hiérarchie et nouvelle solidarité // Travaux et mémoires. 1976. Т. 6.
- 266 Курбатов Г. Л. История Византии. Историография. Л., 1975.
- 267 Каждан А. П. Центростремительные и центробежные силы в византийском мире (1071–1261 гг.) // Actes du XVe Congrès international des Études byzantines. Athènes, 1976. Т. I.
- 268 Cheynet J.-Cl. Pouvoir et contestations a Byzance (963–1210). Paris, 1990.
- 269 Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley, 1971.
- 270 Степаненко В. П. Византийские моливдовулы как источник по истории византийской фемной администрации XI в. // Документ. Архив. История. Современность. Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 11-12 октября 2007 г.). Екатеринбург, 2007.
- 271 Мохов А. С. Командный состав византийской армии в XI в. правление Романа III Аргира (1028–1034) // Античная древность и средние века, Екатеринбург, 2008. Вып. 31.
- 272 Cheynet J.-Cl. Dévaluation des dignités et dévaluation monétaire dans la seconde moitié du XIe siècle // Byzantion. 1983. Т. 53.
- 273 Крсмановић Б. Успон војног племства у Византији XI века. Београд, 2001.
- 274 Shepard J. Sciliztes on Armenia in the 1040s, and the Role de Catacalon Cecaumenos // Revue des Études Arméniennes. 1975–1976. Vol. 11.
- 275 Арутюнова-Фиданян В. А. Фема Васпуракан // Византийский временник. 1977. Т. 38.
- 276 Василевски Т. България и Византия IX–XII век. София, 1997.

- 277 Йорданов И. Печати на византийски сановници от арменски произход, намерени в България // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2000. Вып. 31.
- 278 Степаненко В. П. Еще раз о грузинском посольстве в Ани в 1045 г. (К генеалогии грузинских и армянских Багратидов и Арцрунидов Васпуракана) // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
- 279 Seibt W. Miscellen zur historischen Geographie von Armenien und Georgien in byzantinischer Zeit // *Handes Amsorya*. 1976. Т. 90.
- 280 Бартикян Р. М. О феме Иверия // Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР. Ереван, 1974. № 12.
- 281 Noyé Ch., Martin J.-M. Les Villes de l'Italie byzantine (IXe – XIe siècles) // *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin*. Paris, 1991. Vol. 2.
- 282 Бибигов М. В. *Byzantinorossica*: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004.
- 283 Юзбашян К. Н. Завещание Евстафия Воилы и вопросы фемной администрации «Иверии» // Византийский временник. 1974. Т. 36.
- 284 Бартикян Р. М. Критические заметки к завещанию Евстафия Воилы (1059) // Бартикян Р. М. *Studia armeno-byzantina*. Т. 1. Ереван, 2002.
- 285 Seibt W. «Armenika temata» als Terminus technicus der Byzantinischen Verwaltungsgeschichte des 11. Jahrhunderts // *Byzantium and its neighbors from the mid 9th till the 12th centuries. Papers read at the byzantinological symposium (Bechyne, 1990)*. Prague, 1993.
- 286 Мохов А. С. Военная политика императоров-Пафлагонцев (1034–1042) // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2005. Вып. 36.
- 287 Michele Psello. *Imperatori di Bisanzio (Cronografia)* / Introd. di D. Del Corno, testo critico a cura di S. Impellizzeri, comm. di U. Criscuolo, trad. di S. Ronchey. Fondazione Lorenzo Valla, 1984. Vol. I-II.
- 288 Stănescu E. Les réformes d'Isaac Comnène // *Revue des études Sud-Est européennes*. 1966. Vol. 4.
- 289 Димитров Хр. Българо-унгарски отношения през средновековието. София, 1998.
- 290 Μιχαήλ Ψελλοῦ Ἐπιτάφιοι λόγοι εἰς τοὺς πατριάρχας Μιχαήλ Κηρουλλάριον, Κωνσταντῖνον Λειχούδην καὶ Ἰωάννην Ξιφιλῖνον // Σάθας Κ.Ν. Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη. Τ. 4. Paris, 1874.
- 291 Βάρζος Κ. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Θεσσαλονίκη, 1984. Τ. 1.
- 292 Kameron St. *Emperors and Aristocrats in Byzantium (976–1081)*. Ann Arbor, 1983.
- 293 Belke Kl. *Paphlagonien und Honōrias* // *Tabula imperii byzantini*. Wien, 1996. Bd. 9.

- 294 Cheynet J.-Cl. *L'iconographie des sceaux des Comnènes // Siegel und Siegler. Akten des 8. Internationalen Symposions für Byzantinische Sigillographie. Frankfurt am Main, 2005.*
- 295 Шандровская В.С. Исаак Комнин – правитель Иверии // Историко-филологический журнал. Ереван, 1983. № 4 (103).
- 296 Shepard J. Isaac Comnenus' Coronation Day // *Byzantinoslavica*. 1977. Т. 38.
- 297 Lemerle P. *Cinq études sur le XIe siècle byzantin*. Paris, 1977.
- 298 Seibt W. *Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie*. Wien, 1976.
- 299 Васильевский В. Г. Византия и печенеги (1048–1094) // Труды академика В. Г. Васильевского. Т. 1. СПб., 1908.
- 300 Diaconu P. *Les Petchénègues au Bas-Danube*. Bucarest, 1970.
- 301 Maksimović L., Popović M. Les sceaux byzantins de la région danubienne en Serbie // *Studies in Byzantine Sigillography*. 1990. Vol. 2.
- 302 Jordanov I. The byzantine administration in Dobrouja (10th – 12th) according to sphragistic data // *Dobroudja*. 1995. Nr. 12.
- 303 Michael Psellus *Oratoria minora* / Ed. A.R. Littlewood. Leipzig, 1985.
- 304 Мохов А. С. Византийская фамилия Спондилов в XI–XIII вв. // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2011. Вып. 40.
- 305 Мохов А. С. Императорская канцелярия в правление Василия II (976–1025) // *Кондаковские чтения III. Человек и эпоха: Античность – Византия – Древняя Русь. Материалы междунар. науч. конф. (Белгород, 8-9 октября 2010 г.)*. Белгород, 2010.
- 306 Суворов Н. С. Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. М., 1902.
- 307 Tinnefeld F. Michael I. Kerullarios, Patriarch von Konstantinopel (1043–1058). *Kritische Überlegungen zu einer Biographie // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1989. Bd. 39.
- 308 Cheynet J.-Cl., Vannier J.-F. *Études prosopographiques*. Paris, 1986.
- 309 Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
- 310 Papoulia B. Blute und Untergang von Byzanz' eine dialektische Beziehung // *Revue des études sud-est européennes*. 1971. Т. IX.
- 311 Арутюнова В. А. К вопросу об «ἀνδροποι» в «Типике» Григория Пакуриана // *Византийский временник*. М., 1969. Т. 29.
- 312 Арутюнова-Фиданян В. А. К истории падения Ани (о личности «царского раба» в «Истории» Михаила Атталиата) // *Вестник общественных наук АН Армянской ССР*. Ереван, 1967. № 9.

- 313 Бибииков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1980.
- 314 Janin R. Les francs au service des byzantins // *Echos d'Orient*. Paris, 1930. T. XXIX.
- 315 Charanis P. Cultural Diversity and the Breakdown of Byzantine Power in Asia Minor // *Dumbarton Oaks Papers*. 1975. Vol. 29.
- 316 Anonimi Barensis Chronicon / Ed. G. Cioffari G., R.L. Tateo // *Antiche cronache di Terra di Bari*. Bari, 1991. Vol. 2.
- 317 Falkenhausen V. von. Untersuchung über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jahrhundert. Wiesbaden, 1967.
- 318 Степаненко В. П., Мохов А. С. Балканский этап карьеры Василя, сына Апухапа // *Византийский временник*. М., 2008. Т. 67(92).
- 319 Oikonomides N. A Collection of dated byzantine lead seals. Washington, 1986.
- 320 Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 1. Teil: Kaiserhof. Wien, 1978.
- 321 Laurent V. La chronologie des gouverneurs d'Antioche sous la seconde domination byzantine // *Mélanges de l'Université Saint-Joseph*. Beirut, 1962. T. 38.
- 322 Мохов А. С. Командный состав византийской армии в правление Константина X Дуки (1059-1067 гг.) // *Византийское государство в IV–XV вв. Центр и периферия*. Тез. докл. XV Всерос. науч. сессии византинистов (Барнаул, 29 мая – 02 июня 1998 г.). Барнаул, 1998.
- 323 Cahen Cl. La première pénétration turque en Asie Mineure (second moitié du XIe siècle) // *Byzantion*. Bruxelles, 1946–1948. T. XVIII.
- 324 Canard M. La campagne arménienne du sultan Saldjuqide Alp Arslan et la prise d'Ani en 1064 // *Revue des études arméniennes*. Paris, 1965. T. 2.
- 325 Cheynet J.-Cl. Mantzikert: un désastre militaire ? // *Byzantion*. 1980. T. 50.
- 326 Степаненко В. П. К датировке серебряной монеты (печати?) Никифора Воганиата // *Мир православия*. Сборник статей в честь 70-летия В. В. Кучмы. Волгоград, 2007.
- 327 Cheynet J.-Cl. Toparque et topotèrètès a la fin du XIe siècle // *Revue des Études byzantines*. 1984. Vol. 42.
- 328 Степаненко В. П. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071–1176). Свердловск, 1988.
- 329 Мохов А. С., Степаненко В. П. Провинциальная администрация Византийской империи в середине XI – начале XII в.: военно-административный аспект // *IMAGINES MUNDI: альманах исследований по всеобщей истории XVI–XX вв. № 7*. Сер.: Интеллектуальная история. Вып. 4. Екатеринбург, 2010.

- 330 Schreiner P. Zur Bezeichnung “megas” und “megas basileus” in der byzantinischen Kaisertitulatur // *Byzantina*. 1971. T. 3.
- 331 Treu K. Byzantinische Kaiser in den Schreibernotizen griechischer Handschriften // *Byzantinische Zeitschrift*. 1972. Bd. 65.
- 332 Rösch G. *ONOMA BASILEIAS*. Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978.
- 333 Zakythinos D. Byzance et les peuples de l’Europe du sud-est: La synthèse byzantine // *Actes du I Congrès international des Études balkaniques et sud-est européens*. Sofia, 1969. T. 3.
- 334 Ahrweiler H. *L’idéologie politique de l’Empire byzantin*. Paris, 1975.
- 335 Ронин В. К. Византия в системе ранневизантийских представлений раннекарolingских писателей // *Византийский временник*. М., 1986. Т. 47.
- 336 Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра I до смерти Николая I. М., 2002.
- 337 Geertz C. Center, Kings and Charisma: Reflections on the Symbolic of Power // *Rites of Power, Symbolism, Ritual and Politics since the Middle Ages* / Ed. S. Wilentz. Philadelphia, 1985.
- 338 Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
- 339 Treitinger O. Die oströmische Kaiser– und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Vom oströmischen Staats– und Reichsgedanken. Zweite unveränderte Auflage. Darmstadt, 1956.
- 340 Pseudo-Kodinos. *Traité des offices* / Introd., texte et trad. par J. Verpeaux. Paris, 1976.
- 341 Dieten J. L. van. Politische Ideologie und Niedergang im Byzanz der Palaiologen // *Zeitschrift für Historische Forschungen*. 1979. Bd. 6. HBd. 1.
- 342 Elias N. *The Court Society*. Oxford, 1983.
- 343 Поляковская М. А. Мир поздневизантийской бюрократии // *Известия Уральского государственного университета*. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2010. № 3 (79).
- 344 Grabar A. Pseudo-Codinos et les cérémonies de la cour byzantine au XIVe siècle // *Art et société à Byzance sous les Paléologues*. Actes du colloque organisé par l’Association Internationale des études byzantines à Venise (Septembre 1968). Venise, 1971.
- 345 Cannadine D. Introduction: The Divine Rites of Kings // *Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies*. Cambridge, 1987.

- 346 Круглый стол «Харизма королевской власти» // Средние века. М., 1995. Вып. 58.
- 347 Hunger H. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz; Wien; Köln, 1965.
- 348 Kantorowicz E. H. The King's two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1957.
- 349 Хачатурян Н. А. Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006.
- 350 Dvornik F. Early Christian and Byzantine Political Philosophy: Origins and Background. Washington, 1966. Vol. 2.
- 351 Runciman S. The Byzantine Theocracy. Cambridge; L; N.-Y.; Melburn, 1977.
- 352 Angelov D. Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330. Cambridge, 2006.
- 353 Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wiener byzantinische Studien. Bd.I. Wien, 1964.
- 354 Утченко С. Д. Две шкалы римской системы ценностей // Вестник древней истории. М., 1972. № 4.
- 355 Чекалова А. А. К вопросу о теории монархии в IV в. // Византийские очерки. М., 1991.
- 356 Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991.
- 357 Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий, под ред. С. И. Соболевского. М., 1958. Т. II.
- 358 Новогреческо-русский словарь / Сост. А. А. Иоаннидис, под ред. А. А. Белецкого. М., 1961.
- 359 Поляковская М. А. Поздневизантийская придворная элита в зеркале церемониала // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2008. Вып. 38.
- 360 Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins à l'époque Paléologue. Uppsala, 1994.
- 361 Беляев Д. Ф. Byzantina II. Ежедневные и воскресные приёмы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX–X в. СПб., 1893.
- 362 Поляковская М. А. Эволюция парадного обеда византийских императоров (X–XIV вв.) // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2000. Вып. 31.
- 363 Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee. Verlag der Frommannschaften Buchhandlung. Jenna, 1938.

- 364 Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов. Три очерка. СПб., 1998.
- 365 Куц Т. В. Роль интеллектуалов в придворном мире поздней Византии // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2009. [Сер.] Гуманитарные науки. № 4 (66). 2009.
- 366 Чекалова А. А., Поляковская М. А. Интеллектуалы и власть в Византии // Византийские очерки. М., 1996.
- 367 Dennis G. T. Imperial Panegyric: Rhetoric and Reality // Byzantine Court Culture from 829 to 1204 / Ed. by H. Maguire. Washington. 1997.
- 368 Démétrius Cydonès. Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956–1960. Vol. I-II.
- 369 Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche. Darmstadt, 1970.
- 370 Alföldi A. Die Ausgestaltung des monarchischen Zeremoniells am römischen Kaiserhof // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung. 1934. Bd. 49.
- 371 Курбатов Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии: IV – первая половина VII в. М., 1984.
- 372 Прокопий Кесарийский. Тайная история // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., статья и комм. А. А. Чекаловой. М., 1998.
- 373 Поляковская М. А. Генуэзцы в византийском церемониальном пространстве XIV века / Византия в контексте мировой культуры. К 100-летию со дня рождения Алисы Владимировны Банк. Материалы конференции // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2008. Т. XLII.
- 374 Laiou A. The Byzantine Aristocracy in the Palaeologan Period: a Story of Arrested Development // Viator. 1973. Vol. 4.
- 375 Weiss G. Joannes Kantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch – in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969.
- 376 Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959.
- 377 Johannes Chortasmenos. Briefe, Gedichte und kleine Schriften / Publ. H. Hunger. Wien, 1969.
- 378 Красавина С. К. Мировоззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки // Византийский Временник. М., 1973. Т. 34.

- 379 *Patrologiae cursus completus. Series graeca* / Rec. J.-P. Migne. Vol. 161.
- 380 Verpeaux J. Contribution a l'étude de l'administration Byzantine // *Byzantinoslavica*. 1955. Vol. 16.
- 381 Ducas. *Istoria turco-bizantina (1341–1462)* / Ed. V. Grecu. Bucarest, 1948.
- 382 Прохоров Г. М. Сочинения Давида Дисипата в древнерусской литературе // Труды Отдела Древнерусской Литературы. М., 1979. Т. 33.
- 383 Matschke K.-P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981.
- 384 Matschke K.-P. The Notaras Family and its Italian Connections // *Dumbarton Oaks Papers*. 1995. Vol. 49.
- 385 Каждан А. П. Об аристократизации византийского общества VIII–XII вв. // Сборник Радова Византологического Института. Београд, 1968. Кн. XI.
- 386 Жаворонков П. И. Состав, социальная структура и мобильность знати в Никейской империи (Предварительные итоги) // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. М., 1991.
- 387 Карпов С. П. Трапезундский ученый Георгий Амирутци // Вопросы истории. М., 1991. № 6.
- 388 Λαϊού Α. Στο Βυζάντιο των Παλαιολόγων: οικονομικά και φαινόμενα. Ανατολή. Αθήνα, 1991.
- 389 Каждан А. П. Византийская культура. СПб., 1997.
- 390 Λαμπρός Σπ. Παλαιολόγεια καὶ Πελοποννησιακά. Αθήνα, 1926. Τ. 2.
- 391 Ševčenko I. Society and Intellectual Life in the XIV Century // *Actes du XIVe congrès international des études byzantines*. Bucarest, 1971.
- 392 Labowsky L. Manuscripts from Bessarion's Library // *Medieval and Renaissance Studies*. 1961. Vol. 5.
- 393 Talbot A.-M. Bluestocking Nuns: Intellectual Life in the Convents of Late Byzantium // *Harvard Ukrainian Studies*. 1983. Т. VII.
- 394 Lampros S. Das Testament des Neilos Damilas // *Byzantinische Zeitschrift*. 1895. Bd. 4.
- 395 Сметанин В. А. Восприятие общественных проблем ортодоксально-православным мыслителем (Иосиф Вриенний) // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1990. Вып. 25.
- 396 Kazhdan A., Constable G. People and Power in Byzantium: An Introduction to Modern Byzantine Studies. Washington, D.C., 1982.

- 397 Kianka F. The Letters of Demetrios Kydones to Empress Helena Kantakouzene Palaiologina // *Dumbarton Oaks Papers*. 1992. Vol. 46.
- 398 Nicol D. The Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus), ca. 1100–1460. A Genealogical and Prosopographical Study. Washington, 1968.
- 399 Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1.
- 400 Schreiner P. Charakteristische Aspekte der byzantinischen Hofkultur. Der Kaiserhof in Konstantinopel. Roma, 2006.
- 401 Patrinelis C. G. An Unknown Discourse of Chrysoloras addressed to Manuel II Palaeologus // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1972. Vol. 13.
- 402 Плифон Георгий Гемист. Речи о реформах / Пер. и предисл. Б. Т. Горянова // *Византийский временник*. М., 1953. Т. 6.
- 403 Λαμπρος Σπ. Παλαιολογία καὶ Πελοποννησιακὰ. Αθήναι, 1923. Τ. 4.
- 404 Beck H.-G. Der byzantinische “Ministerpräsident” // *Byzantinische Zeitschrift*. 1955. Bd. 48.
- 405 Византийский сатирический диалог / Изд. подг. С. В. Поляковой и И. В. Феленковской. М., 1986.
- 406 Poljakovskaja M. A. Freisinn oder Angst? Die moralischen Dominanten zweier Korporationsgruppen der byzantinischen Gesellschaft // *Byzantium: Identity, Image, Influence. Abstracts. XIX International Congress of Byzantine Studies*. Copenhagen, 1996.
- 407 Hartmann G. M. Die Bedeutung des Griechentums für die Entwicklung des italienischen Humanismus / *Probleme der neugriechischen Literatur*. Berlin, 1960. Bd. 2.
- 408 Geanakoplos D. J. Constantinople and the West. Essays on the Late Byzantine (Palaeologan) and Italian Renaissances and the Byzantine and Roman Churches. Wisconsin, 1989.
- 409 Tatakis B. La philosophie byzantine. Paris, 1949.
- 410 Медведев И. П. Греческая культура конца XV – первой половины XVII в. как составная часть европейской культуры // *История Европы*. М., 1993. Т. 3.
- 411 Хартман Г. М. Значение греческой культуры для развития итальянского гуманизма // *Византийский временник*. М., 1959. Т. XV.
- 412 Byzantine Influence on Italian Renaissance // *Dictionary of the Middle Ages*. New York, 1986. Vol. 7.
- 413 Masai Fr. Le problème des influences byzantines sur le platonisme Italien de la Renaissance / *Bulletin de l'Association Guillaume*. Bude, 1953. Т. 12.
- 414 Setton K. V. The Byzantine Background to the Italian Renaissance // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Philadelphia, 1956. Vol. 100. Nr. 1.

- 415 Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997.
- 416 Kianka F. Demetrios Cydones and Thomas Aquinas // *Byzantion*. 1982. Vol. 52.
- 417 Ševčenko I. *Renaissances before the Renaissance. Cultural Revivals of Late Antiquity and the middle Ages*. Stanford, 1984.
- 418 Куц Т. В. Латинофильство в среде византийских интеллектуалов в конце XIV – XV в. // *Восток – Запад: межконфессиональный диалог*. Сб. науч. тр. Севастополь, 2003.
- 419 Harris J. *Greek Émigrés in the West 1400–1520*. Kimberley, 1995.
- 420 Geanakoplos D. J. *Interaction of the «Sibling» Byzantine and Western Cultures in the Middle Ages and Italian Renaissance (330–1600)*. New Haven, London, 1976.
- 421 Beck H.-G. *Reichsidee und national Politik in spätbyzantinischen Staat* // *Byzantinische Zeitschrift*. 1960. Bd. 53. Hf. 1.
- 422 Сюзюмов М. Я. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада // *Византийский временник*. М., 1973. Т. 35.
- 423 Хвостова К. В. Византийская цивилизация // *Вопросы истории*. М., 1995. № 5.
- 424 Куц Т.В. Латиняне в восприятии латинофилов // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2006. Вып. 37.
- 425 Tinnefeld F. *Das Niveau der Abendländischen Wissenschaft aus der Sicht gebildeter Byzantiner im 13. und 14. Jahrhundert* // *Byzantinische Forschungen*. 1979. Vol. 6.
- 426 Kianka F. *Demetrios Kydones and Italy* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1995. Vol. 49.
- 427 Kianka F. *Demetrios Cydones (ca. 1324–ca. 1397): Intellectual and Diplomatic Relations between Byzantium and the West in the Fourteenth Century*. N.Y., 1981.
- 428 Kristeller P. O. *Humanismus und Renaissance. Die antiken und mittelalterlichen Quellen*. München, 1973. Bd. 1.
- 429 *Lexikon des Mittelalters*. München, Zürich, 1977. Bd. II.
- 430 Попова И. Византия – Италия. Аспекты на культурните взаимодействия през XIV–XV век. В. Търново, 2004.
- 431 Соловьев С. В. Мануил Хризолор и гуманистический идеал образованности (конец XIV – первая половина XV века) // *Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII вв*. Иваново, 1995.
- 432 Haynes A. *Manuel Chrysoloras – a Byzantine Scholar* // *History today*. 1977. Vol. 27.
- 433 Thomson I. *Manuel Chrysoloras and the Early Italian Renaissance* // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1966. Vol. 7.
- 434 Wilson N. G. *From Byzantium to Italy. Greek Studies in the Italian Renaissance*. Baltimore, 1992.

- 435 Медведев И. П. Константинополь в сравнении с Римом: взгляд Мануила Хризолора // Византийский временник. М., 2005. Т. 64 (89).
- 436 Μανουήλ Χρυσολοῤῃ. Λόγος πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Μανουήλ Β΄ Παλαιολόγο. Εἰσαγωγὴ καὶ ἔκδοσις Χ. Γ. Πατρινέλι καὶ Δ. Ζ. Σοφianoῦ. Αθήνα, 2001.
- 437 Mergiali-Shas S. A Byzantine Ambassador to the West and his Office during the Fourteenth and Fifteenth Centuries: a Profile // Byzantinische Zeitschrift. 2001. Bd. 94. Hf. 2.
- 438 Куц Т. В. В поисках союзников: три поездки Димитрия Кидониса в Италию // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2004. Вып. 35.
- 439 Weiss R. Iacopo Angeli da Scarperia // Weiss R. Medieval and Humanist Greek: Collected Essays. Padova, 1977.
- 440 Гарэн Е. Проблемы итальянского гуманизма. М., 1986.
- 441 Дойель Л. Завещанное временем: поиски памятников письменности. М., 1979.
- 442 Материалы о приглашении Мануила Хризолора во Флоренцию для преподавания греческого языка // Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII вв. Иваново, 1995.
- 443 Фойгт Г. Возрождение классической древности или первый век гуманизма. М., 1884. Т. 2.
- 444 Graecogermania. Griechische Studien deutschen Humanisten. Die Editionstätigkeit der Griechen in der italienischen Renaissance (1463–1523) / Harflinger D. et alii, Hannover. 1989.
- 445 Ревякина Н. В. Гуманистическое воспитание в Италии XIV–XV вв. Иваново, 1993.
- 446 Klette T. Beiträge Geschichte und Literatur der Italienischen Gelehrtenrenaissance. New York, 1970.
- 447 Baxandall M. Guarino, Pisanello and Chrysoloras // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1965. Vol. 28.
- 448 Cammelli G. I dotti bizantini e le origini dell'Umanesimo, I. Manuele Crisolora. Firenze, 1941.
- 449 Антонио Урчео Кодро. Вступительная речь к курсу лекций по греческому языку // Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII вв. Иваново, 1995.
- 450 Поджо Браччолини. Речь на похоронах Леонардо Бруни // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Саратов, 1984. Ч. 1.
- 451 Ziegler A. W. Die restlichen vier unveröffentlichten Briefe Isidors von Kijev // Orientalia Christiana Periodica. 1952. Bd. 18.

- 452 Гуарино Веронезе флорентийскому гражданину Анджело Корбинелли // Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII вв. Иваново, 1995.
- 453 Guarino Veronese. Epistolaria / Ed. R. Sabbadini. Venezia, 1915. Vol. VIII.
- 454 Из писем Гварино да Верона // Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII вв. Иваново, 1995.
- 455 Irmischer J. Γεώργιος Γ. Πλήθων. Δάσκαλος τῶν Ἑλλήνων καί Δάσκαλος τῆς Δύσης // Βυζαντινὰ Μελέται. 1991. Τ. 3.
- 456 Oehler K. Aristotle in Byzantium // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1964. Vol. 5. Nr. 2.
- 457 Georgios Gemistos Plethon. Politik, Philosophie und Rhetorik im spätbyzantinischen Reich (1355–1452). Stuttgart, 1988.
- 458 Lettres grecques de François Filelfe / Ed. E. Legrand. Paris, 1892.
- 459 Удальцова З. В. Жизнь и деятельность Виссариона Никейского // Византийский временник. М., 1976. Т. 37.
- 460 Loenertz R. Pour la biographie du cardinal Bessarion // Orientalia Christiana Periodica. 1944. Vol. 10.
- 461 Mohler L. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist and Staatsmann, Paderborn, 1942.
- 462 Удальцова З. В. Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии // Византийский временник. М., 1973. Т. 35.
- 463 Labowsky L. Bessarion's Library and the Biblioteca Marciana. Rome, 1979.
- 464 Geanakoplos D. J. Greek Scholars in Venice. Cambridge, Mass., 1960.
- 465 Fuchs F. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Teubner, Leipzig, 1926.
- 466 Тивчев П. Леонтий Махера как историк Кипра // Византийский временник. М., 1973. Т. 60.
- 467 Powell J. Two Letters of Andronicus Callistus to Demetrius Chalcocondyles // Byzantisch-Neugriechische Jahrbucher. 1938. Vol. 15.
- 468 Брагина Л. М. Аргиропуло (из истории философии итальянского Возрождения) // Средние века. М., 1968. Т. 31.
- 469 Кристофоро Ландино. Речь на похоронах Донато Аччайуоли // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.). М., 1985.
- 470 Пшизова С. Н. Флорентийский университет и развитие гуманизма в XIV–XV вв. // Средние века. М., 1993. Т. 56.

- 471 Mohler L. Theodor Gazes. Seine bisher ungedruckten Schriften und Briefe // *Byzantinische Zeitschrift*. 1943 Bd. 42.
- 472 Bernardinello S. La Grammatica di Manuele Caleca // *Actes du XIVe Congrès international des études byzantines*. Bucarest, 1971.
- 473 Kristeller P. O. The Renaissance and Byzantine Learning // Kristeller P. O. *Renaissance Concepts of Man and other Essays*. New York, London, 1972.
- 474 Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М., 1978.
- 475 Nelson R. S. The Italian Appreciation and Appropriation of Illuminated Byzantine Manuscripts, ca. 1200–1450 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1995. Vol. 49.
- 476 Aus Bessarions Gelehrtenkreis: Abhandlungen, Reden, Briefe / Ed. L. Mohler. Paderborn, 1942.
- 477 Дживелегов А. К. Начало итальянского Возрождения. М., 1908.
- 478 Монье Ф. Опыт литературной истории Италии. Кватроченто. СПб., 1904.
- 479 Гуковский М. А. Итальянское Возрождение. Л., 1947. Т. 1.
- 480 Vita viri clarissimi et famosissimi Kyriaci Anconitani by Francesco Scalamonti / Ed. and transl. C. Mitchell, E. W. Bodna. Philadelphia, 1996.
- 481 Grecu V. Kritobulos aus Imbros // *Byzantinoslavica*. Prague, 1957. Vol. 18.
- 482 Levi P. The journeys of Cyriac // *Classical review*. 1980. Vol. 30. Nr. 1.
- 483 Monfasani J. The Byzantine Rhetorical Tradition and the Renaissance // Monfasani J. *Renaissance Eloquence: Studies in the Theory and Practice of Renaissance Rhetoric*. Berkeley, 1983.
- 484 Hunger H. Phänomen Byzanz – aus europäischer Sicht. München, 1984.
- 485 Vogel M., Gardthausen V. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Hildesheim, 1966.
- 486 Сюзюмов М. Я. Возрождение, гуманизм и феодализм // *Античная древность и средние века*. Свердловск, 1979. Вып. 16.
- 487 Бронштейн В. А. Георгий Трапезундский // *Вопросы истории*. М., 1995. № 9.
- 488 The Letters of Manuel II Palaeologus / Ed. G. Dennis. Washington, 1977.
- 489 Ревякина Н. В. Дело жизни Витторино да Фельтре, гуманиста и педагога // *Итальянский гуманист и педагог Витторино да Фельтре в свидетельствах учеников и современников*. М., 2007.
- 490 Кудрявцев О. Ф. От эрудитских собраний к научным сообществам: Итальянские академии XV–XVII вв. // *Средние века*. М., 1985. Вып. 48.

- 491 Konstantinou E. Der Beitrag der byzantinischen Gelehrten zur abendländischen Renaissance der 15. Jahrhundert // *Byzantina*. 1985. T. 13/2.
- 492 Кудрявцев О. Ф. Меценатство как политика и призвание: Козимо Медичи и флорентийская Платоновская академия // *Культура Возрождения и власть*. М., 1999.
- 493 Λαμπρος Σπ. Παλαιολόγεια καὶ Πελοποννησιακὰ. Αθήνα, 1912. T. 1.
- 494 Ζηση Θ. Γενναδιος Β' Σχολαριος: Βιος – Συγγράμματα – Διδασκαλία. Θεσσαλονίκη, 1980.
- 495 Hunger H. Byzantinischen Geisteswelt von Konstantin dem Großen bis zum Fall Konstantinopels. Amsterdam, 1967.
- 496 Beck H.-G. Humanismus und Palamismus // *Actes du XIIe Congrès international des études byzantines*. Belgrade, Ohrid, 1961. Vol. III.
- 497 Артог Ф. Возвращение Одиссея // *Одиссей: человек в истории*. М., 1998.
- 498 Enepekides P. Der Briefwechsel des Maximos Margunios, Bischof von Kythera (1549–1602). Ein Beitrag zur Kirchen und Gelehrten-geschichte der Griechen im 16. Jahrhundert und denen Beziehungen zum Abendland // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1951. Bd. 1.
- 499 Meyendorf J. Society and Culture in the Fourteenth Century: Religious Problems // *Actes du XIVe Congrès international des études byzantines*. Bucarest. 1971.
- 500 Russel N. Palamism and the Circle of Demetrius Cydones / Porphyrogenita. Essays on the History and Literature of Byzantium and Latin East in Honor of Julian Chrysostomides. Ashgate, 2003.
- 501 Ломизе Е. М. Варлаамизм и византийское латиномыслие. Просопографические наблюдения // *Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики*. СПб., 1999.
- 502 Mergiali S. L'Enseignement et les lettrés pendant l'époque des Paléologues (1261–1453). Athena, 1996.
- 503 Ryder J. The Career and Writings of Demetrius Kydones. A Study of Fourteenth-Century Byzantine Politics, Religion and Society. Leiden, Boston, 2010.
- 504 Mercati G. Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleka e Teodoro Meliteniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV // *Studi e testi*. Città del Vaticano, 1931. T. 56.
- 505 Karpozilos A. Thomas Aquinas and the Byzantine East // *Ekklesiastikos Pharos*. 1970. Vol. 52.
- 506 Loenertz R. La société des frères pèlerinant. Étude sur l'Orient Dominicain. Rome, 1937.

- 507 Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453). München, 1897.
- 508 Горянов Б. Т. Религиозно–полемиическая литература по вопросу об отношении к латинянам в Византии XIII–XV вв. // Византийский временник. М., 1956. Т. 8.
- 509 Поляковская М. А. Димитрий Кидонис и Запад (60–е гг. XIV в.) // Античная древность и средние века. Свердловск, 1979. Вып. 16.
- 510 Eszer A. K. Das abenteuerliche Leben des Johannes Laskaris Kalopheros. Forschungen zur Geschichte der Ost-westlichen Beziehungen im XIV Jh. Wiesbaden, 1969.
- 511 Занемонец А. В. Иоанн Евгенк и православное сопротивление Флорентийской унии. СПб., 2008.
- 512 Kazhdan A. Latins and Franks in Byzantium: Perception and Reality from the Eleventh to the Twelfth Century // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / Ed. by A. E. Laiou and R. P. Mottahedeh. Washington, 2001.
- 513 Закржевская О. Г. Концепция патриотизма Никифора Григоры (к вопросу о «греческом патриотизме» XIV в.) // Античная древность и средние века. Свердловск, 1977. Вып. 14.
- 514 Dennis G. T. Defenders of the Christian People: Holy War in Byzantium // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / Ed. by A. E. Laiou, R. P. Mottahedeh. Washington, 2001.
- 515 Медведев И. П. К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи // Византийский временник. М., 1972. Т. 33.
- 516 Oikonomides N. Byzantine diplomacy, A.D. 1204–1453: means and ends // Byzantine Diplomacy / Ed. by J. Shepard, S. Franklin. Hampshire, 1992.
- 517 Васильев А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1912.
- 518 Ditten H. Βάρβαροι, Ἕλληνες und Ῥωμαῖοι bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern / Actes du XIIe Congrès international des études byzantines. Beograd, 1964. Т. 2.
- 519 Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart. 1982. Т. 1. Hbd. 2.
- 520 Ševčenko I. The Decline of Byzantium seen through the Eyes of its Intellectuals // Dumbarton Oaks Papers. 1961. Vol. 15.
- 521 Васильев А. А. История Византийской империи. Т. 1. М., 1999.
- 522 Halecki O. La Pologne et l'Empire Byzantin // Byzantion. 1932. Vol. 7.

- 523 Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453. München, 1965. Bd. 5: 1341–1453.
- 524 Gill J. The Concile of Florence. Cambridge, 1959.
- 525 Leidl A. Die Einheit der Kirchen auf den spätmittelalterlichen Konzilien. Paderborn, 1966.
- 526 Cecconi E. Studi Storici sul concilio di Firenze. Firenze, 1869. Bd. 1.
- 527 Huter F. Niedergang der Mitte, Aufstieg der Randstaaten Europas im Spätmittelalter // *Historia mundi*. Bern, 1958. Bd. VI: Hohes und spätes Mittelalter.
- 528 Mertens D. Europäischer Friede und Türkenkrieg im Spätmittelalter // *Zwischenstaatliche Friedenswahrung in Mittelalter und Früher Neuzeit*. Köln, Wien, 1991.
- 529 Wallach R. Der Abendländische Gemeinschaftsbewusstsein im Mittelalter. Leipzig, Berlin, 1928.
- 530 Angermeier H. Das Reich und der Konziliarismus // *Historische Zeitschrift*. 1961. Bd. 192.
- 531 *Acta Concilii Constanciensis* / Hrsg. von H. Finke. Bd. I-IV. Münster, 1896–1928. Bd. I.
- 532 Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarque de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concile de Florence (1438–1439) / Éd. V. Laurent. Paris, 1971.
- 533 Viller M. La question de l'union des églises entre grecs et latins depuis le concile de Lyon jusque à celui de Florence (1274–1438) // *Revue d'Histoire Ecclésiastique*. 1922. T. 18.
- 534 Jablonowski H. Westrußland zwischen Wilna und Moskau. Leiden, 1955.
- 535 *Conciliorum Oecumenicorum Dekreta* / Hrsg. von J. Wohlmuth. Paderborn, 2000. Bd. 2.
- 536 *Monumenta Conciliorum Generalium saeculi decimi quinti*. Wien, 1859. Bd. II.
- 537 Strika Z. Johannes von Ragusa: Kirchen- und Konzilsbegriff in der Auseinandersetzung mit den Hussiten und Eugen IV. Augsburg, 2000.
- 538 Geanakoplos D. J. Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282. A Study in Byzantine-Latin Relations. Cambridge; Mass., 1959.
- 539 Laiou A. Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1382. Cambridge; Mass., 1972.
- 540 Скржинская Е. Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. // *Византийский временник*. М., 1947. Т. I (XXVI).
- 541 Tinnefeld F. Das Leben des Demetrios Kydones // *Demetrios Kydones. Briefe* / Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1981. T. 1, HBd. 1.

- 542 Ševčenko I. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between the Rich and the Poor» // Зборник Радова Византолошки Институт. Београд, 1960. Vol. 6.
- 543 Glycofrydi-Leontisini A. Demetrius Cudones as a Translator of Latin Texts / Porphyrogenita. Essays on the the History and Literature of Byzantium and Latin East in Honor of Julian Chrysostomides. Ashgate, 2003.
- 544 Beck H.-G. Die «Apologia pro vita sua» des Demetrios Kydones // Ostkirchliche Studien. 1952. Bd. 1.
- 545 Dennis G. T. Demetrios Kydones and Venice // Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco (XIII–XV secolo). Atti del Colloquio Internazionale organizzato nel centenario della nascita di R.-J. Loenertz, Venezia, 1-2 dicembre 2000. Venezia, 2002.
- 546 Loenertz R.-J. Démétrius Cydonès, citoyen de Venise // Echos d'Orient. 1938. Vol. 37.
- 547 Kyrris C. P. John Cantacuzenus and the Genoese 1321–1348 // Miscellanea storica ligure (Fonti e Studi, VIII). Milano, 1963. Vol. 3.
- 548 Ἀλεξίου Μακρεμβολίτου Λόγος ἱστορικός // Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας / Ed. A. Papadopoulos-Kerameus. St.-Peterburg, 1891. Vol. 1.
- 549 Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург, 2011.
- 550 Андреева М. А. О церемонии «прокипсис» // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1927. Т. I.
- 551 Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000.
- 552 Поляковская М. А. Византийская империя XIV в.: «театр власти» // Россия и мир: панорама исторического развития. Сб. науч. ст., посвященных 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2008.
- 553 Poliakovskaya M. A. «Oriental trace» in the late Byzantine ceremonial: Parastasis // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. Sofia, 2011. Vol. III.
- 554 Metin Kunt I. The Rise of the Ottomans // The new Cambridge Medieval History. Vol. VI (1300–1415) / Ed. by M. Jones. Cambridge, 2000.
- 555 Laiou A.E. The Byzantine Empire in the fourteenth century // The new Cambridge Medieval History. Vol. VI (1300–1415) / Ed. by M. Jones. Cambridge, 2000.
- 556 Bryer A. Byzantium: the Roman Orthodox world, 1393-1492 // The new Cambridge Medieval History. Vol. VII (1415–1500) / Ed. by C. Allmand. Cambridge, 1998.
- 557 Necipoglu N. Byzantium between the Ottomans and the Latins. Politics and Society in the Late Empire. N. Y, 2009.

- 558 Nicol D. M. The last centuries of Byzantium, 1261–1453. Cambridge, 1993.
- 559 Manuel II Palaeologus “Funeral Oration on his brother Theodore” / Introd., text, transl. and notes by J. Chrysostomides. Thessalonike, 1985 132.13-20.
- 560 Zachariadou A. The Catalans of Athens and the Beginning of the Turkish Expansion in the Aegean Area // Zachariadou A. Romania and the Turks (c. 1300 – c. 1500). London, 1985.
- 561 Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391-1425). A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Jersey, 1969.
- 562 Page G. Being Byzantine. Greek indentity before the Ottomans. N.Y., 2008.
- 563 Monumenta Peloponnesiaca: documents for the history of the Peloponnese in the 14th and 15th centuries / Ed. by J. Chrysostomides. Camberley, 1995.
- 564 Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973. С. 30.
- 565 Халфин А. Б. Турецкая тема в Эпитафии Мануила II Палеолога// Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2004. Вып. 35.
- 566 Runciman S. Mistra. Byzantine capital of the Peloponnese. London, 1980.
- 567 Грегоровиус Ф. История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). М., 2009.
- 568 Chrysostomides J. Corinth 1394–1397: some new facts // Byzantina. 1975. Vol. 7.
- 569 Васильев А. А. История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998.
- 570 Dennis G. T. Byzantium and the Franks, 1350–1420. London, 1982.
- 571 Chrysostomides J. An unpublished letter of Nerio Acciaiuoli (30 October 1384) // Byzantina. 1975. Vol. 7.
- 572 Dain A. Les stratégistes byzantins // Travaux et mémoires. 1967. Т. II.
- 573 Два византийских военных трактата конца X века / Изд. подг. В. В. Кучма. СПб., 2002.
- 574 Incerti scriptoris byzantini saeculi X. Liber de re militari / Rec. R. Vári. Lipsiae, 1901.
- 575 Мохов А. С. «Хозяин Востока» магистр Никифор Уран // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2011. № 3 (32).
- 576 Foucault J.-A. Douze chapitre inédits de la Tactique de Nicéphore Ouranos // Travaux et mémoires. 1973. Т. V.
- 577 Мохов А. С. Эволюция ведомства императорских имуществ (идика) в Византии X–XI вв. // Древнее Причерноморье. Одесса, 2011. Вып. IX.

578 Guiland R. Fonctions et dignités des eunuques: II. Le Protovestiaire // *Études byzantines*. Bucarest, 1944. T. II.

579 Беляев Д. Ф. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб., 1891–1893. Кн. I-II.

580 Seibt W. Über das Verhältnis von κηνάριος bzw. δομέστικός τῆς τραπέζης zu den anderen Funktionären der βασιλικὴ τραπέζα in mittelbyzantinischer Zeit // *Byzantinische Zeitschrift*. 1979. Bd. 72.

581 Guiland R. Fonctions et dignités des eunuques: III. Le maître d'Hôtel de l'empereur // *Études byzantines*. Bucarest, 1945. T. III.

582 Γερολυμάτου Μ. Βασιλικά κτήματα, Βασιλικά εργοδόσια σχετικά με την τροφοδοσία και τον ανεφοδιασμό του Ιερού Παλατίου (9ος – 11ος αι.) // *Βυζαντινά Σύμμεκτα*. 2005. Τ. 17.

583 Laurent V. Sceaux byzantins inédits // *Echos d'Orient*. Paris, 1933. T. XXXII.

584 Šandrovskaja V.S., Seibt W. Byzantinische Bleisiegel der Staatlichen Eremitage mit Familiennamen. 1. Teil: Sammlung Lichačev. Namen von A bis I. Wien, 2005.

585 The Life of St. Irene Abbess of Crysovalanton // A critical ed., introd., transl. and notes by J. O. Rosenqvist. Uppsala, 1986.

586 Жития византийских святых. СПб., 1995.

587 Никита Стифат. Жизнь и подвижничество иже во святых отца нашего Симеона Нового Богослова, пресвитера и игумена монастыря святого Маманта Ксирокерка // *Церковь и время*. М., 1999. Т. 9-10.

588 Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. М., 2001.

589 Holiness and Masculinity in the Middle Ages / Ed. by P. H. Cullum, K. J. Lewis. Cardiff, 2004.

590 Talbot A.-M. A Comparison of the Monastic Experience of Byzantine Men and Women // *Greek Orthodox Theological Review*. 1985. Vol. 30.

591 Vogt K. "The Woman Monk": A Theme in Byzantine Hagiography // *Greece & Gender* / Ed. by B. Berggreen, N. Marinatos. Bergen, 1995.

592 Patlagean E. L'histoire de la femme déguisée en moine et l'évolution de la sainteté féminine à Byzance // *Studi Medievali*. 1976. Ser. 3. Vol. 17.

593 Galatariotou C. Holy Women and Witches: Aspects of Byzantine Conceptions of Gender // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 1984–1985. Vol. 9.

594 Арнаутова Ю. Е. Женщина в «культуре мужчин»: брак, любовь, телесная красота глазами агиографов X века // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории*. М., 2001. № 1.

- 595 Житие и деяния преподобного Антония Нового // Православный Палестинский сборник. 1907. Вып. 57.
- 596 Житие и деяния преподобного отца нашего Мартиниана // Православный Палестинский сборник. 1907. Вып. 57.
- 597 Rapp C. Figures of Female Sanctity: Byzantine Edifying Manuscripts and Their Audience // *Dumbarton Oaks Papers*. 1996. Vol. 50.
- 598 Лопарев Хр. М. Греческие жития святых VIII–IX вв. Пг., 1914. Ч. 1.
- 599 Арсений (Иващенко А. И.). Житие и подвиги св. Феодоры Солунской. Юрьев, 1899.
- 600 Лопарев Хр. М. Византийские жития святых VIII–IX вв. // Византийский временник. СПб., 1911. Т. 18.
- 601 Harvey S. A. Women in Early Byzantine Hagiography: Reversing the Story // *Women's Strength: historical perspectives on women in Christianity* / Ed. by L. L. Coon, K. J. Haldane and E. W. Sommer. Charlottesville, 1990.
- 602 *Gesta Regum Sclavorum*. Критичко издање и превод / Изд. Др. Кунчер. Београд, 2009. Т. 1.
- 603 Латински извори за българската история. София, 1965. Т. 2.
- 604 Заимов Й. Битольская надпись болгарского самодержца Ивана Владислава, 1015–1016 // Вопросы языкознания. М., 1969. № 6.
- 605 Суров Е. Г. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1942. Т. 28. Вып. 1.
- 606 Романчук А. И. Коллекционеры Голубцовы, или Феномен историка – непрофессионала // Наука. Общество. Человек: Вестник Уральского отделения АН. Екатеринбург, 2011. Вып. 3 (37).
- 607 Государственный архив Свердловской области. Ф. 101, Оп. 1, Д. 107, Л. 68.
- 608 Стржелецкий С. Ф. Путевой дневник // Архив Национального Заповедника «Херсонес Таврический». Д. 460, Л. 39.
- 609 Суров Е. Г. Херсонесские цистерны // Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та. 1948. Вып. 4.
- 610 Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII – середина IX в.) // Византийский временник. 1967. Т. 27.
- 611 Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. Екатеринбург, 2002.
- 612 Блаватский В. Д. Античная полевая археология // Материалы и исследования по археологии СССР. 1967. № 146.
- 613 Суров Е. Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961.

- 614 Суров Е. Г. Раскопки в северо-западном районе городища // Сообщения Херсонесского музея. Севастополь, 1961.
- 615 Ostrogorsky G. Byzantine Cities in Early Middle Ages // *Dumbarton Oaks Papers*. 1959. Vol. 13.
- 616 Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.
- 617 Smedley J. Archaeology and the history of Cherson: A survey of some results and problems // *Арχειον Πόντου*. 1979. Vol. 35.
- 618 Романчук А. И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Екатеринбург, 2003.
- 619 Романчук А. И. Материалы к истории Херсонеса XIV–XV вв. // *Античная древность и средние века*. Свердловск, 1982. Вып. 26.
- 620 Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.) Очерки истории и культуры. Харьков, 2005.
- 621 Николь Д. Крестоносцы. История ордена госпитальеров (1100–1565). М., 2010.
- 622 Демурже А. Рыцари Христа. Военно-монашеские ордены в средние века, XI–XVI вв. СПб., 2008.
- 623 Успенский Ф. И. История Византийской империи. Крушение. М., 2011.
- 624 Balard M. Latins in the Aegean and the Balkans in the fourteenth century // *The new Cambridge Medieval History*. Vol. VI (1300–1415) / Ed. by M. Jones. Cambridge, 2000.
- 625 Pius II. *Commentarii rerum memorabilium quae temporibus suis contigerunt* / Ed. A. van Heck. Città del Vaticano, 1984. Vol. 1-2.
- 626 Пашкин Н. Г. «Антитурецкие» рейхстаги в Германии как реакция Запада на падение Константинополя // *Античная древность и средние века*. 2011. Вып. 40.
- 627 Schwoebel R. *The Shadow of the Crescent: the Renaissance Image oh the Turk*. Nieuwkoop, 1967.
- 628 Setton K. M. *The Papacy and the Levant (1204–1571)*. Philadelphia, 1978. Vol. 2: *The Fifteenth Century*.
- 629 Brandmüller W. Die Reaktion Nikolaus’ V auf den Fall von Konstantinopel // *Römische Quartalschrift*. 1995.
- 630 Pastor L. *Geschichte der Päpste im Zeitalter der Renaissance*. Freiburg, 1925. Bd. 2: *Von der Thronbesteigung Pius’ II bis zum Tode Sixtus IV*.
- 631 Toews J. B. The View of Empire in Aeneas Sylvius Piccolomini (Pope Pius II) // *Traditio: Studies in ancient and medieval History, Thought and Religion*. 1968. Vol. 24.
- 632 Enea Silvio Piccolomini. *Oratio de Constantinopolitana clade et bello contra Turcos* // *Aeneae Sylvii Piccolominei Senensis, ... opera quae extant omnia ... : nunc demum post cor-*

ruptissimas editiones summa diligentia castigata ... : his quoque accessit gnomologia ex omnibus Sylvii operibus collecta, & Index rerum... [Reprint]. Frankfurt an Main, 1967.

633 Pius II. Papa. Epistola ad Mahumetem: Einleitung, kritische Edition, Übersetzung / Hrsg. von R. F. Gleis und M. Köhler. Trier, 2000 Epistola ad Mahumetem).

634 Matschke K.-P. Das Kreuz und der Halbmond: Die Geschichte der Türkenkriege. Düsseldorf, 2006.

635 Kienast D. Auf dem Wege zu Europa. Die Bedeutung des römischen Imperialismus für die Entstehung Europas // Europa – Begriff und Idee: Historische Streiflichter / Hrsg. von H. Hecker. Bonn, 1991.

636 Engels O. Der Reichsgedanke auf dem Konstanzer Konzil // Das Konstanzer Konzil / Hrsg. von R. Bäumer. Darmstadt, 1977.

637 Konzilien, Kirchen- und Reichsreform (1410–1495) / Hrsg. von H. Boockmann und H. Dormeier. Hannover, 2005.

638 Meuthen E. Reiche, Kirchen und Kurie im späteren Mittelalter // Historische Zeitschrift. 1997. Bd. 265.

639 Wallach R. Das Abendländische Gemeinschaftsbewusstsein im Mittelalter. Leipzig, Berlin, 1928.

640 Deutsche Reichstagsakten unter dem Kaiser Friedrich III, 1453–1454. Göttingen, 1969.

641 Μαρκόπουλος Α. Ἰωσήφ Βρίγγας. Προσωπογραφικὰ προβλήματα καὶ ἰδεολογικὰ ρεύματα // Βυζαντινὰ Σύμμεικτα. 1981. Τ. 4.

642 Sieber-Lehmann C. «Teutsche Nation» und Eidgenossenschaft. Der Zusammenhang zwischen Türken- und Burgunderkriegen // Historische Zeitschrift. 1991. Bd. 253.

643 Enea Silvio Piccolomini. Papst Pius II. Ausgewählte Texte aus seinen Schriften / Hrsg. von B. Widmer. Basel, Stuttgart, 1960.

644 Бартикян Р. М., Каждан А. П., Удальцова З. В. Социальная структура восточных границ Византийской империи в IX–XII вв. // Actes du XIVe Congrès International d'Études byzantines. Bucarest, 1975. Vol. 2.

645 Мохов А. С. К вопросу о структуре византийских фем в IX – середине X в. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тез. докл. и сообщ. II Международного византийского семинара (Севастополь, 31.05 – 04.06.2010). Севастополь, 2010. С. 23-25.

646 Theodori Studitae Epistulae / Rec. G. Fatouros. Berlin, New York, 1992.

647 Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.

648 Алексеенко Н. А. Моливдовулы адресантов Херсона // Древности–1996. Харьков, 1997.

- 649 Alekseyenko M. *L'administration byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux*. Paris, 2012.
- 650 Алексеенко Н. А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // *Древности* 1997–1998, Харьков, 1999.
- 651 Алексеенко Н. А. Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2000. Вып. 31.
- 652 Aleksèenko N. Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoignage des sceaux des archives de Cherson // *Studies in Byzantine Sigillography*. 2003. Vol. VIII.
- 653 Алексеенко Н. А. Печати главных логофетов из херсонского архива // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
- 654 Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсона // *Византийский временник*. М., 1991. Т. 52.
- 655 Штир Хр. Письмо из Севастополя в июне 18 дня 1827 г. // *Сын отечества*. СПб., 1827. Ч. 114.
- 656 Булгакова В. И. Печати стратигов Херсона из находки в Сугдее // *Сугдейский сборник*. Киев, Судак, 2004. Вып. I.
- 657 Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1895 г. // *Отчеты Императорской Археологической комиссии за 1895 г*. СПб., 1897.
- 658 Гриневич К. Э. Отчет о херсонесских раскопках 1926 года в связи с раскопками 1907–1910 гг. // *Херсонесский сборник*. Симферополь, 1927. Вып. II.
- 659 Юргевич В. Н. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 году // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса, 1886. Т. XIV.
- 660 Толстой И. И. О византийских печатях херсонской фемы // *Записки Императорского Русского археологического общества*. СПб., 1887. Т. II.
- 661 Вешнякова А. Ф. Свинцовые печати византийского Херсона // *Вестник древней истории*. М., 1939. № 1.
- 662 Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 1995. Вып. 27.
- 663 Анохин В. А. О начале эры Херсонеса Таврического // *Нумизматика и сфрагистика*. Киев, 1963. Т. 1.
- 664 Айбабин А. И. Этническая история раневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- 665 Шаманаев А. В. Письма вице-президента Одесского общества истории и древностей В. Н. Юргевича об исследовании Херсонесского городища в 1884 году // *Историческое наследие Крыма*. Симферополь, 2007. № 19.

- 666 Алексеенко Н. А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь, 2002. Вып. IX.
- 667 Храпунов Н. И. Администрация византийского Херсона в VIII – начале IX вв. // Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск, 2002. Вып. XII.
- 668 Шене Ж.-Кл. Поздний архонт на примере Херсона // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- 669 Успенский Ф. И. Византийская табель о рангах // Известия Русского археологического института в Константинополе. София, 1898. Т. III.
- 670 Oikonomidès N. Le «système» administratif byzantin en Crimée aux IXe – Xe siècles // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- 671 Ферглуа Я. Архонт Далмации // Византийский временник. М., 1954. Т. XII.
- 672 Науменко В. Е. К вопросу о характере хазарского присутствия в Таврике в начале VIII в.: пример Херсона и Боспора // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2005. Вып. 36.
- 673 Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. 3: Период Македонской династии (867–1057 гг.). М., 2002.
- 674 Словарь античности // Пер. с нем В. И. Горбушин, Л. И. Грацианская. М., 1993.
- 675 Алексеенко Н. А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. 1998. Вып. VI.
- 676 Шандровская В. С. Представители византийских родов в Херсонесе (Херсоне) по данным печатей // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1998. Вып. 29.
- 677 Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь, 2006.
- 678 Алексеенко Н. А. Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- 679 Степанова Е. В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.
- 680 Науменко В. Е. Хема Климатов в Таврике // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тез. докл. IV Междунар. Византийского семинара (Севастополь 31.05. – 05.06.2012). Севастополь, 2012.
- 681 Романчук А. И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // Античная древность и средние века. Свердловск, 1972. Вып. 8.

- 682 Алексеенко Н. А. Коммерция и коммерции Херсона в IX–X вв. // Сфрагистика и история культуры. СПб., 2004.
- 683 Шандровская В. С. Таможенная служба в Сугдее VII–X вв // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1995. Вып. 27.
- 684 Тодоров Т., Андонов К. Печати главных логофетов с территории Болгарии и Крыма (К вопросу об истории центрального финансового ведомства Византии в IX–X вв.) // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2011. Вып. 40.
- 685 Алексеенко Н. А., Смычков К. Д. Несколько новых печатей византийского Херсона // Херсонесский сборник. Севастополь, 1999. Вып. X.
- 686 Сорочан С. Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // Византийский временник. 2003. Т. 62.
- 687 Алексеенко Н. А. *Defensor civitatis* и его роль в управленческом аппарате Херсона IX в. // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2005. Вып. 36.
- 688 Соколова И. В. Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // Античная древность и средние века. Свердловск, 1973. Вып. 10.
- 689 Алексеенко Н. А. Новые находки печатей представителей городского самоуправления Херсона // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь, 1996. Вып. V.
- 690 Сорочан С. Б., Смычков К. Д. Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск, М., 2006. Вып. XVI.
- 691 Алексеенко Н. А. Протевоны Херсона в системе городских структур власти в X веке // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.
- 692 Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1978.
- 693 Gay J. *L'Italie méridionale et l'Empire byzantin depuis l'avènement de Basile I jusqu'à la prise de Bari par les Normands (867–1071)*. Vol. I-II. Paris, 1904.
- 694 Мохов А. С. Военная организация византийской фемы Италия во второй половине X – первой половине XI в. // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). Тез. докл. XVII Всерос. науч. сессии византинистов (Москва, 26-27 мая 2004 г.).

Список опубликованных материалов исследований в рамках НИР

1. Издания из списка ВАК, зарубежные издания:

1.1. Мохов А. С. , Куш Т. В., Капсалыкова К. Р. «Византия без границ». XXII Международный конгресс византийских исследований (София) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 2 (102). С. 279-282.

1.2. Мохов А. С. «Страж» или «казначей»? Состав византийской императорской свиты по данным военных трактатов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 2 (102). С. 100-109.

1.3. Пашкин Н. Г. Падение Константинополя и кризис идеологии имперского универсализма на латинском Западе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 2 (102). С. 109-117.

II. Опубликованные статьи и тезисы докладов научных конференций:

2.1. Куш Т. В. Крымская метаморфоза Павла из Милана: опыт биографической реконструкции // Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Бахчисарай (4-8 сентября 2012 г.). Тез. докл. и сообщ. Симферополь, 2012. С. 38-39.

2.2. Мохов А. С. К просопографии византийской Таврики в XI в.: Варда Дука // Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Бахчисарай (4-8 сентября 2012 г.). Тез. докл. и сообщ. Симферополь, 2012. С. 50-51.

2.3. Степаненко В. П. Некоторые вопросы истории Мангула периода Княжества Феодоро // Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Бахчисарай (4-8 сентября 2012 г.). Тез. докл. и сообщ. Симферополь, 2012. С. 59-61.

2.4. Степаненко В. П. К генеалогии Апокапов // II Международный нумизматический симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка». Севастополь (14-19 сентября 2012 г.). Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2012. С. 39-40.

Список конференций, на которых представлены результаты НИР

1. Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Бахчисарай, Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 4-8 сентября 2012 г. Участники: Т. В. Куц, А. С. Мохов, В. П. Степаненко.
2. Международная научная конференция «Монастырская культура как трансконфессиональный феномен», 11-14 сентября 2012, Германский исторический институт в Москве. Участник: Т. В. Куц.
3. II Международный нумизматический симпозиум «ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка». Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 14-19 сентября 2012 г. Участник: В. П. Степаненко.
4. Международная научная конференция «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы», посвященная 185-летию начала археологических раскопок в Херсонесе. Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 30 сентября – 6 октября 2012 г. Участник: А. С. Мохов, А. И. Романчук.